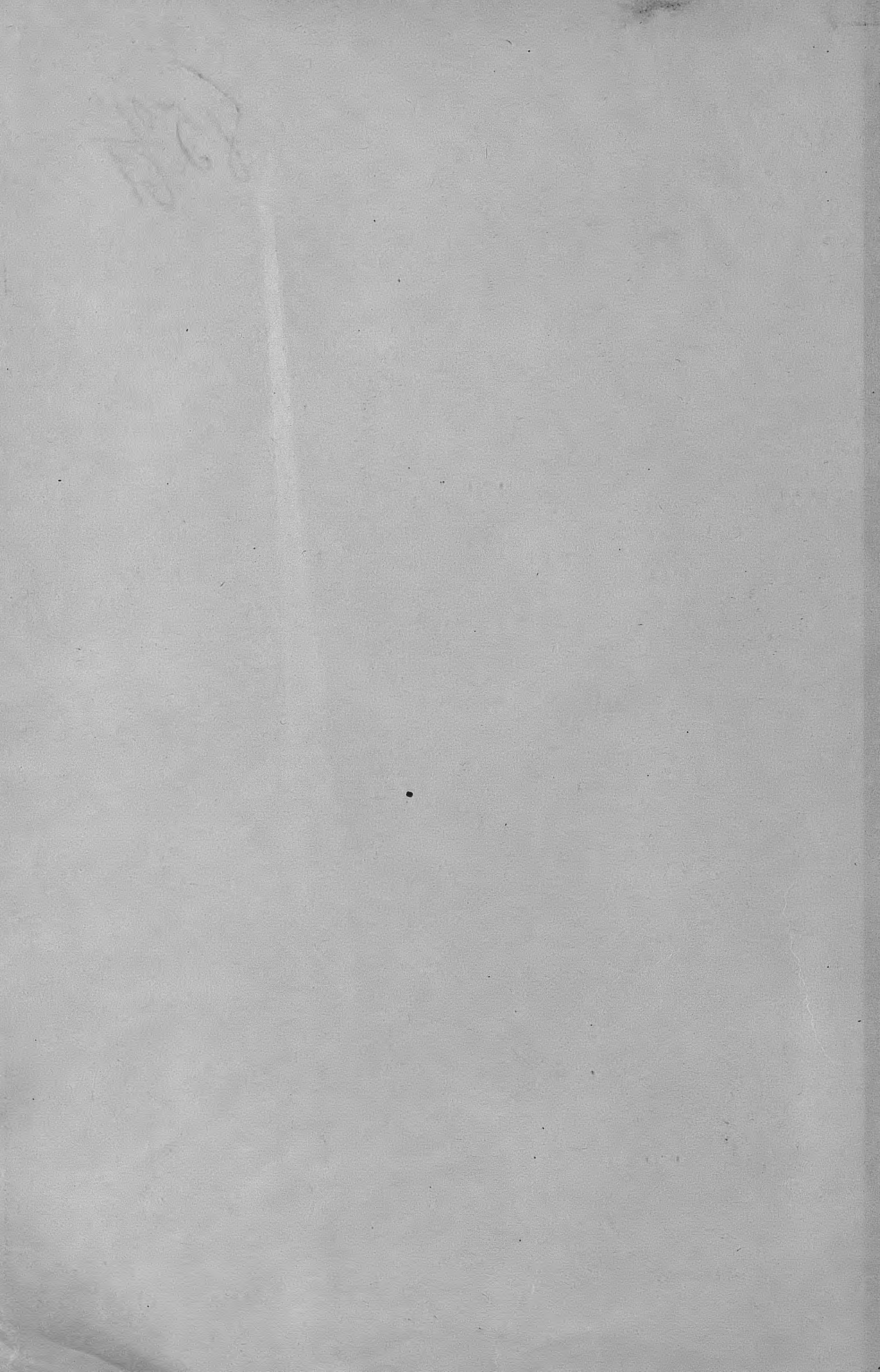
Б 5 01/61



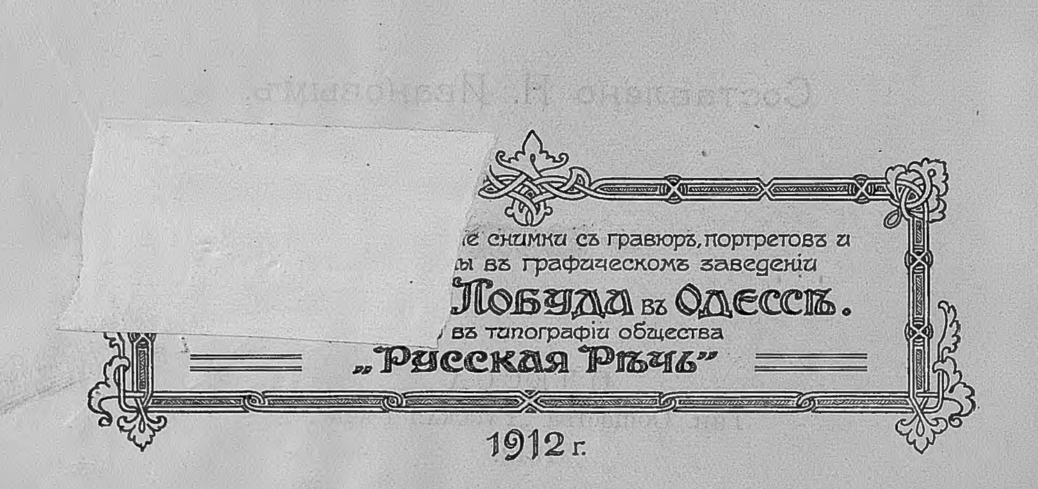
РОДОМЫСЛЪ ДЕВЯТАГО НА ДЕСЯТЬ ВѢКА
1812
1912
ПАРИЖЪ
Въ память
столѣтія
отечественн
войны.
Изданіе Одесскаго Городского Общественнаго Управленія для безплатной раздачи ученикамъ народныхъ училищъ города Одессы.
Составилъ Н. Ивановъ.
Н. Замотинъ.

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812—1814 ГОДОВЪ.

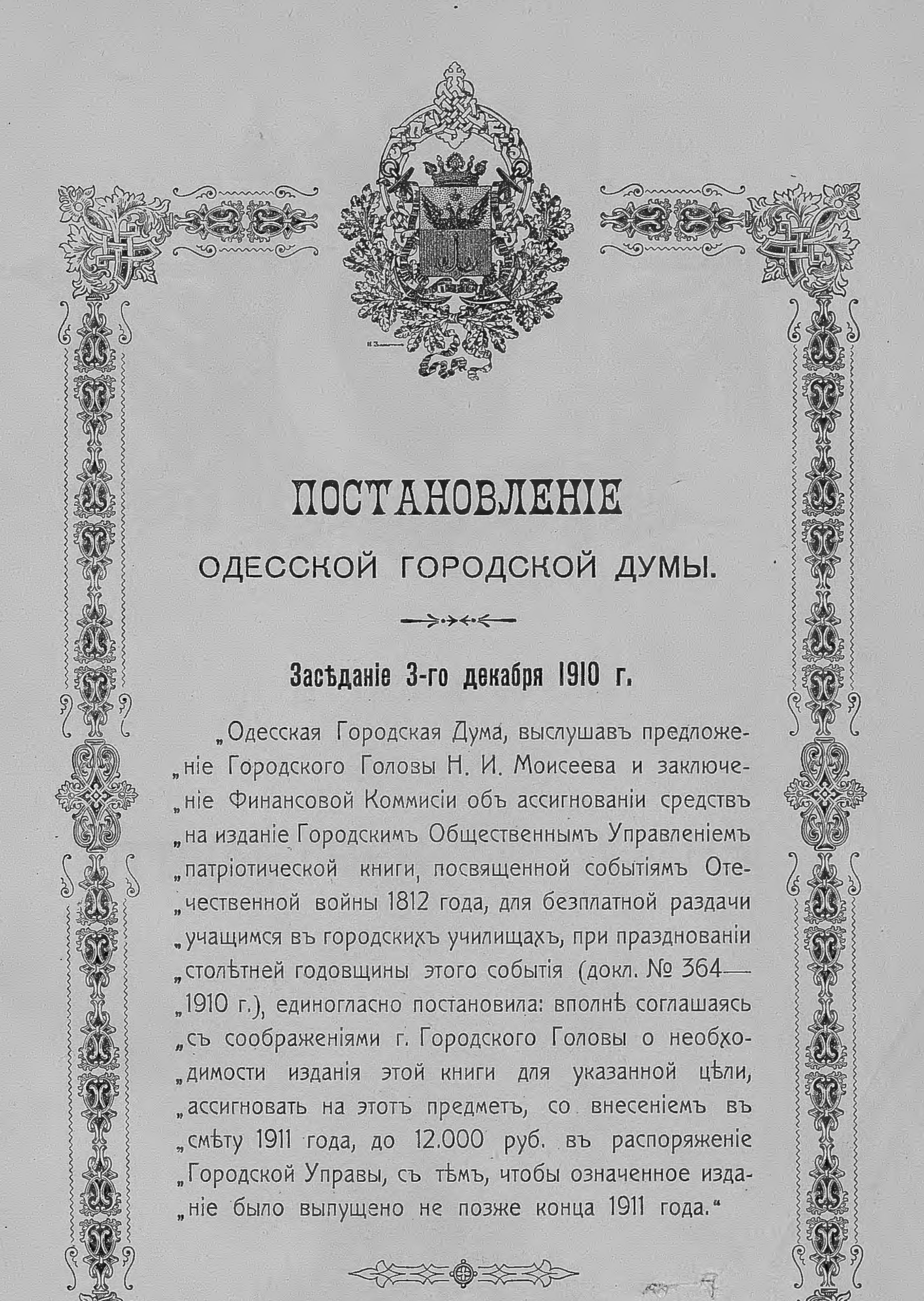
Изданіе Одесскаго Городского Общественнаго Управленія.

Составлено Н. Ивановымъ.

ОДЕССА
Тип. Общества „Русская Рѣчь“.
1912.


...е снимки съ гравюръ, портретовъ и
...ы въ графическомъ заведенiи
...Побуди въ Одессѣ.
...въ типографiи общества
„Русская Рѣчь"

1912 г.



ПОСТАНОВЛЕНІЕ

ОДЕССКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

Засѣданіе 3-го декабря 1910 г.

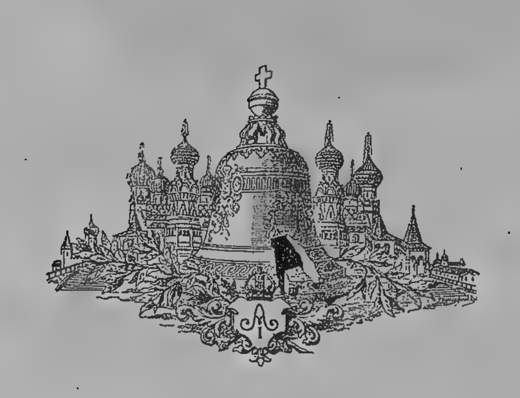
„Одесская Городская Дума, выслушавъ предложе-
„ніе Городского Головы Н. И. Моисеева и заключе-
„ніе Финансовой Коммисіи объ ассигнованіи средствъ
„на изданіе Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ
„патріотической книги, посвященной событіямъ Оте-
„чественной войны 1812 года, для безплатной раздачи
„учащимся въ городскихъ училищахъ, при праздновaніи
„столѣтней годовщины этого событія (докл. № 364—
„1910 г.), единогласно постановила: вполнѣ соглашаясь
„съ соображеніями г. Городского Головы о необхо-
„димости изданія этой книги для указанной цѣли,
„ассигновать на этотъ предметъ, со внесеніемъ въ
„смѣту 1911 года, до 12.000 руб. въ распоряженіе
„Городской Управы, съ тѣмъ, чтобы означенное изда-
„ніе было выпущено не позже конца 1911 года."

ВЪ ПАМЯТЬ

столѣтія

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1812—1814 г.



ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

Государь Императоръ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Чудотворная Смоленская Икона Божіей Матери Одигитріи.

Чтимая всей Россіей, Смоленская икона Божіей Матери, именуемая Одигитріей—„путеводительницей", весьма древняго происхожденія. Святая икона принесена въ Россію изъ Греціи. Существуетъ сказаніе, что этою иконою греческій императоръ Константинъ Порфирородный благословилъ дочь свою Анну, выдавая ее замужъ въ 1046 г. за Черниговскаго князя Всеволода Ярославича.

Такъ какъ эта икона сопровождала царевну Анну въ ея путешествіи изъ Царьграда въ Черниговское княжество, то отсюда и са-

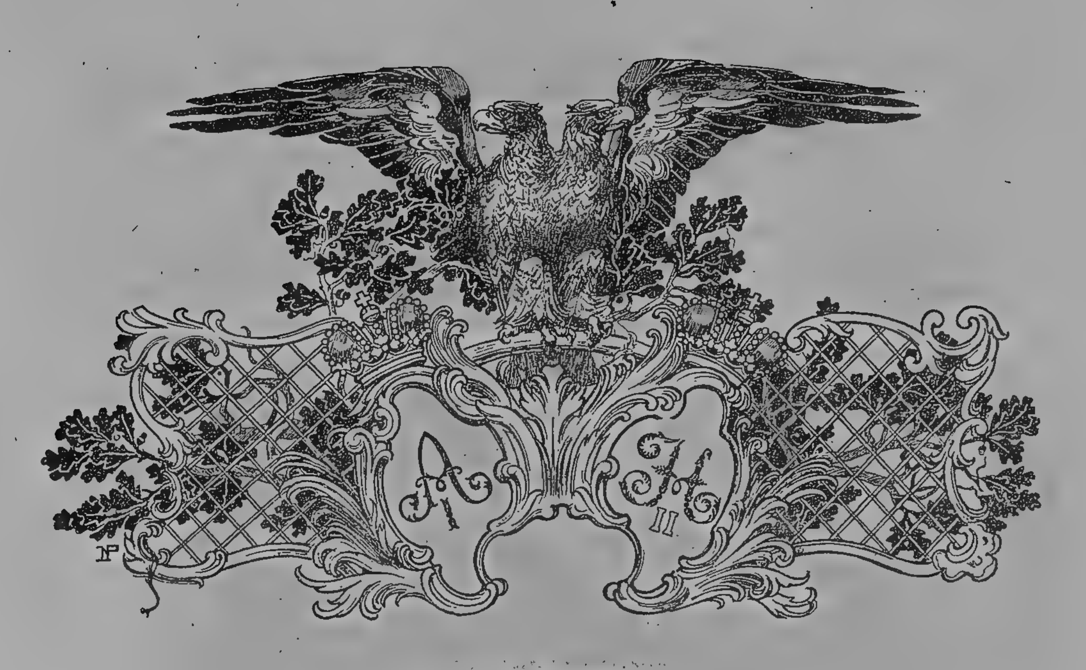
мая икона названа Одигитріей, т. е. „Путеводительницей". По преданію Смоленская—Одигитрія написана евангелистомъ Лукой, который, согласно древнему сказанію, написалъ около 70 иконъ Божіей Матери.

Послѣ смерти черниговскаго князя Всеволода Ярославича сынъ его Владиміръ Мономахъ перенесъ благословеніе своей матери Анны изъ Чернигова въ Смоленскъ и поставилъ икону въ соборномъ храмѣ Успенія Богоматери, заложенномъ имъ же 3-го мая 1101 года.

Съ благодарной памятью о милости Божіей сохранено въ Смоленскѣ преданіе о чудотворномъ спасеніи города отъ нашествія татаръ; въ память этого событія установлено церковное празднованіе предъ святой иконою Богоматери 24-го ноября.

Икона Смоленской—Одигитріи была вывезена изъ города предъ нашествіемъ наполеоновыхъ полчищъ епископомъ Иринеемъ Фальковскимъ и временно находилась сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Ярославлѣ. При отступленіи же войскъ нашей арміи изъ Смоленска принята была въ артиллерійскую роту полковника Глухова 3-й пѣхотной дивизіи также весьма чтимая въ Смоленскѣ древняя копія Богоматери Одигитріи, написанная въ 1602 году и находившаяся въ церкви надъ крѣпостными Днѣпровскими воротами. Сія святыня сопровождала войска въ походахъ и ею же благословляемы были наши арміи предъ Бородинской битвой. Послѣ пораженія наполеоновыхъ корпусовъ подъ Краснымъ, 3-я дивизія, по приказу Свѣтлѣйшаго князя Кутузова, доставила святую икону въ Смоленскъ и 5-го ноября святыня установлена въ храмѣ на прежнемъ мѣстѣ.

Чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи въ Каѳедральномъ соборѣ г. Смоленска.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Въ теченіе трехъ столѣтій, предшествовавшихъ нашему времени, первые годы каждаго столѣтія отмѣчены въ исторіи русскаго народа великими бѣдствіями, которыя происходили во время троекратныхъ нашествій непріятелей на русскую землю.

Въ начальные годы 17-го столѣтія, въ смутное время междуцарствія, Московское государство подверглось нашествію поляковъ и литовцевъ, которые, пользуясь прекращеніемъ царскаго рода Московскихъ государей и смутами, думали овладѣть Русью.

Поляки овладѣли столичнымъ городомъ царства—Москвой, прошли войной и разореніемъ многія области царства и пытались овладѣть величайшей святыней русскаго народа, Свято-Троицкой Сергіевой Лаврой.

Нашествіе ляховъ и литвы грозило Россіи величайшими бѣдствіями: поляки шли на Русь, какъ завоеватели и поработители народа; они думали овладѣть русскими областями, истребить въ нашемъ отечествѣ Православную вѣру, лишить русское царство самобытности и посадить на престолъ московскихъ царей своего королевича Владислава.

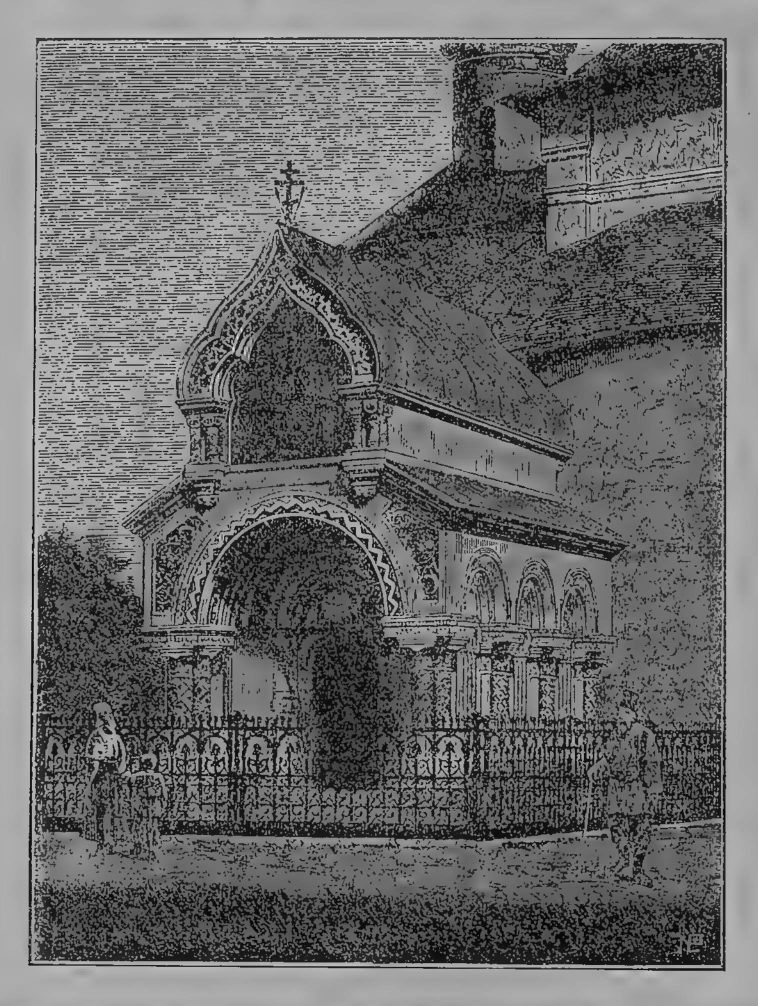
Но для такого дѣла Польша была слаба: на избирательномъ королевскомъ престолѣ Польши сидѣлъ Сигизмундъ III, по отцу шведъ, по матери полякъ. Сигизмундъ загубилъ Польшу, передавъ ее въ руки іезуитовъ: подчиняясь имъ, онъ призналъ самозванца, и вовлекъ свое государство въ вѣковую борьбу съ Московскимъ царствомъ. Поляки безразсудно вмѣшались въ дѣла перваго самозванца, который былъ созданъ іезуитами, имъ удалось поднять великую смуту въ Московскомъ государствѣ, но успѣхъ іезуитской интриги былъ не продолжителенъ. Какъ только русскій народъ сплотился, собралъ ратную силу народныхъ ополченій, польскому насилію былъ положенъ конецъ. Прекратилась и внутренняя смута, раздиравшая отечество въ теченіи семи лѣтъ.

Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти произвели общее славное возстаніе народа. Ревностью пасты-

рей Святой Православной Церкви, умомъ, обходительностью и твердостью вождей достигнуто единомыслие и объединеніе силъ народныхъ на борьбу съ врагами государства.

Никогда народъ не дѣйствовалъ столь единодушно, какъ при изгнаніи поляковъ изъ Москвы. Всѣ желали одного — цѣлости и блага Россіи.

Священной памяти имена мученика Патріарха Гермогена, игумена Тройце-Сергіевой Лавры Архимандрита Діонисія, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и выборнаго нижегородскаго земскаго старосты, Козьмы Захарыча Минина—Сухорукова—прославили русскую



Могила князя Пожарскаго, въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, въ Суздалѣ.

землю и народныя ополченія великимъ подвигомъ освобожденія отечества отъ нашествія ляховъ и литвы.

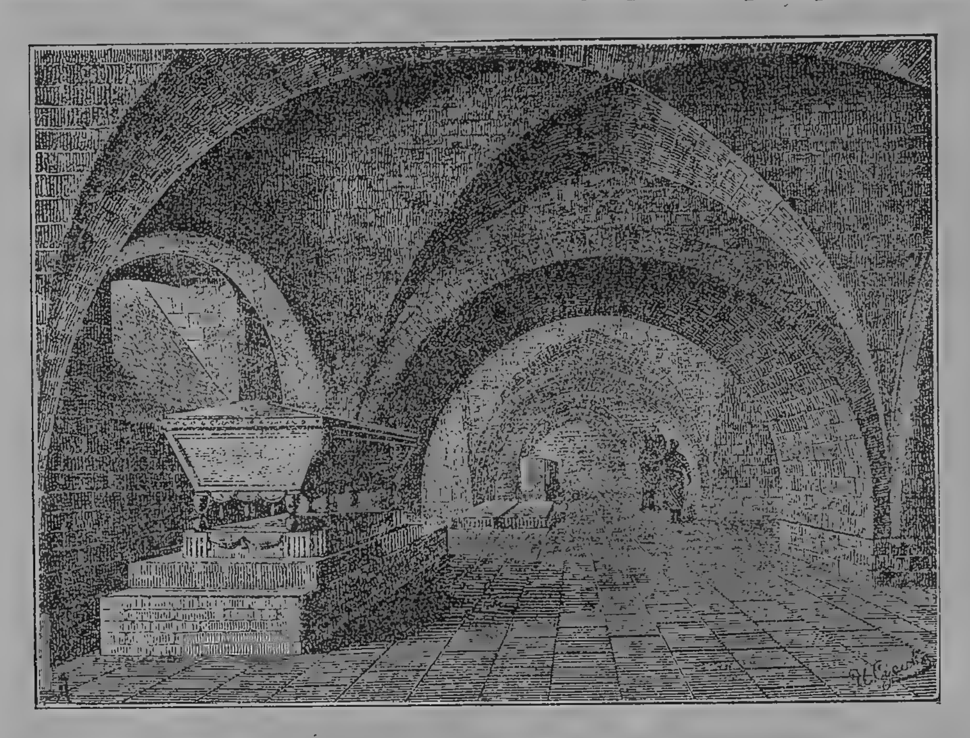
Это достопамятное событіе совершилось въ 1612-мъ году и съ того времени, по уставу Православной Церкви, память освобожденія Москвы отъ поляковъ празднуется 22-го октября крестнымъ ходомъ духовенства всѣхъ московскихъ церквей въ Казанскій соборъ, въ день праздника чудотворной Казанской Иконы Пресвятой Богоматери.

Въ 1912-мъ году вся Россія будетъ праздновать трехсотъ-лѣтнюю годовщину избавленія Москвы отъ поляковъ, и такимъ образомъ, это

празднованіе предшествуетъ празднованію трехсотъ-лѣтія избранія на престолъ Московскаго Царства перваго государя изъ дома бояръ Романовыхъ.

Въ 18-мъ столѣтіи первые его годы отмѣчены нашествіемъ на Россію Шведовъ подъ предводительствомъ короля Карла XII. Московскій царь и государь всея Россіи Петръ Алексѣевичъ велъ со шведами упорную, кровопролитную войну, продолжавшуюся 21 годъ.

Карлъ XII былъ храбрый воинъ, рубака, но не завоеватель: онъ воевалъ всю жизнь, наносилъ пораженія, но ими не пользовался, онъ разорилъ, обнищилъ свое собственное государство и растерялъ владѣ-



Гробница Козьмы Минина въ усыпальницѣ Нижегородскаго собора.

нія Швеціи. Ведя войну съ Петромъ Великимъ, упрямый шведъ думалъ, однако, раздробить единую Русь на удѣльныя княжества.

Шведы вторглись въ предѣлы Россіи, опустошили многія области, но рѣшительный поворотъ побѣднаго одолѣнія непріятеля, избавившій отечество отъ великой опасности, совершился въ 1709 году 27 іюня, когда русскія войска, предводимыя царемъ полководцемъ, Петромъ Великимъ, нанесли полное пораженіе шведской арміи въ преславной баталіи подъ городомъ Полтавой.

Двухсотъ-лѣтіе этой побѣды Россія праздновала въ 1909-мъ году на полѣ Полтавской побѣды церковнымъ и военно-народнымъ торжествомъ, въ присутствіи Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго, Благовѣрнаго Государя Императора Николая Александровича.

Въ первые годы 19-го столѣтія, въ царствованіе императора Александра I, Россія вела тяжелыя, кровопролитныя войны съ Франціей, Турціей, Швеціей и Персіей. Эти войны завершились нашествіемъ на Россію громаднѣйшихъ полчищъ, составленныхъ изъ войскъ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Но мужествомъ русскихъ войскъ, доблестной самоотверженностью русскаго народа и твердостью Императора Александра I нашествіе галловъ (французовъ) и съ ними дванадесяти языковъ (народовъ) отражено, и непріятель изгнанъ изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году.

Въ настоящемъ 1912 году должно происходить празднованіе столѣтія войны 1812 года, которая называется Отечественною войною, потому что русскіе сражались за Отечество. Всѣмъ русскимъ людямъ слѣдуетъ приготовиться къ этому великому народному празднику приведеніемъ на память главнѣйшихъ событій войны и именъ полководцевъ и героевъ, предводившихъ русскими войсками въ сраженіяхъ съ непріятелями.

Съ этой цѣлью Одесскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ издана настоящая книга для безплатной раздачи ученикамъ и ученицамъ городскихъ народныхъ училищъ. Въ ней читатели найдутъ описанія наиболѣе значительныхъ сраженій, очерки военныхъ дѣйствій въ походахъ и въ защитѣ народными ополченіями родной земли, нашей матушки Россіи во время великой борьбы русскаго народа съ соединенными военными силами почти всей Европы, предводимыми геніальнымъ полководцемъ, императоромъ французовъ, Наполеономъ I-мъ.

Обзоръ историческихъ событій на протяженіи трехъ столѣтій убѣждаетъ въ существованіи какихъ-то роковыхъ сцѣпленій обстоятельствъ, отражающихся въ жизни русскаго народа повторяемостью великихъ вражескихъ нашествій, угрожающихъ цѣлости и независимости государства.

Повторяющіяся на протяженіи трехъ вѣковъ непріятельскія вторженія какъ бы знаменуютъ удѣлъ русскаго народа начинать каждое столѣтіе борьбой съ врагами, отстаивая свободу, независимость и единство государственной мощи своего отечества. Судьбы русскаго народа какъ бы напоминаютъ намъ, русскимъ, о необходимости тѣснѣйшаго сплоченія всѣхъ силъ государства для достиженія народнаго единства и несокрушимой твердости народнаго духа въ защитѣ Святой Православной Церкви, священнаго престола нашихъ Самодержцевъ и нашего великаго народнаго достоянія.

Такія знаменательныя явленія исторической жизни русскаго народа побуждаютъ къ изученію событій минувшихъ бѣдствій, въ одолѣніи которыхъ проявились высокія черты геройскаго духа нашихъ славныхъ предковъ.

Исторія Россіи есть лѣтопись мужества и славы русскаго народа, и первый долгъ каждаго русскаго знать исторію государства, знать подвиги и боевую славу предковъ и умѣть достойно чтить имена царей, полководцевъ и ихъ сподвижниковъ, проливавшихъ кровь за свободу, независимость и благоденствіе государства.

Великими подвигами мужества, самоотверженности и преданности Православной Христовой Вѣрѣ, Царю Самодержавному и своему Отечеству питается духъ народный, который является могучимъ средствомъ одолѣнія бѣдствій и испытаній, ниспосылаемыхъ Всеблагимъ Промысломъ.

Православная Церковь есть то духовное начало, которое объединяетъ русскій народъ въ одно великое цѣлое единствомъ мысли о Богѣ, Подателѣ всѣхъ благъ и Хранителѣ нашего достоянія.

Отъ перваго вѣка по основаніи Руси Православная Церковь учила народъ, и была созидательницей его единства и крѣпости духовной.

Православная Церковь воздвигала мужественныя сердца на бранные подвиги съ врагами, насильниками и утѣснителями русскаго народа, и въ тяжкую годину Отечественной войны пастыри Православной

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

Первый Императоръ Всероссійскій.

Церкви являли примѣры высокаго мужества, ободряя сражавшіяся войска упованіемъ на милость Всевышняго.

Россійскіе Государи: Великіе Князья, Цари и Императоры блюли крѣпость Россійской Державы, являясь преводителями войскъ, побѣдоносными вождями въ битвахъ и мудрыми правителями царства, возвеличившими славу и пространство владѣній русскаго народа.

Споспѣшествуемый молитвами и ученіемъ Православной Церкви, предводимый царями-полководцами и правителями, русскій народъ, путемъ многострадальныхъ, трудовыхъ подвиговъ воинскихъ и землеустроительныхъ, создалъ свое отечество, свое собственное имя и свои народные завѣты, которыми святится и держится Русская земля.

Россія создана русскимъ народомъ, и на протяженіи вѣковъ охраняется и устроется Православной Церковью, духомъ народа и любовью къ родинѣ.

Всему этому учитъ насъ исторія, которая является воплощеніемъ жизни народовъ. Отсюда вытекаетъ повелительная необходимость, побуждающая каждаго русскаго знать исторію своего Отечества.

Извѣстный русскій ученый, П. И. Ковалевскій говоритъ: всѣ дѣти должны знать исторію русскаго народа, какъ „Отче Нашъ", а исторію народностей русскаго государства, какъ „Символъ Вѣры".

Такъ говоритъ наука, которая превыше всего ставитъ своей обязанностью просвѣщать людей познаніемъ своей родины и тѣхъ великихъ историческихъ событій, которыя родина переживала.

Когда начинаютъ учить дѣтей, говоритъ тотъ же ученый, то прежде всего должно учить ихъ познавать свою родину, т. е.: изучать природу родной страны, памятники старины, старыя церкви, памятники великимъ людямъ, ихъ жизнь и подвиги, народныя сказанія и народную поэзію, въ которой укладывается красота народной жизни, очищенная отъ суетныхъ треволненій ежедневной сутолоки и заботы о хлѣбѣ насущномъ.

Поучаясь изъ исторіи примѣрами воинской и народной доблести, мы воспринимаемъ уроки мудрости и мужественнаго одолѣнія тяжкихъ испытаній и страданій, которыми сопровождаются бѣдствія войнъ и непріятельскія нашествія, а съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпляемъ въ себѣ твердость духа, которой искупляются страданія жертвъ войны и охраняются свобода, независимость отечества и народное достояніе.

Въ Отечественную войну 1812-го года проявленіе подвиговъ мужества войскъ и примѣры доблестной рѣшимости всѣхъ жителей защищать свое Отечество и истреблять непріятелей, жертвуя жизнью и всѣмъ достояніемъ, приняли размѣры безпримѣрные въ исторіи всего человѣчества. И потому-то Отечественная война 1812 года стала поучительнымъ указаніемъ для всѣхъ народовъ и событіемъ, которому удивлялись долгое время современники во всѣхъ странахъ міра.

Всеобщее восхищеніе подвигами великой борьбы русскаго народа съ нашествіемъ наполеоновыхъ полчищъ укрѣпило въ умахъ людей убѣжденіе въ томъ, что для сохраненія благъ свободной, независимой, самобытной жизни народовъ нѣтъ ничего болѣе важнаго, какъ твердость народнаго характера и пораждаемая ею рѣшимость не подчиняться волѣ завоевателя и сопротивляться насилію до конца, жертвуя всѣмъ для достиженія одной великой цѣли—сохраненія народной независимости.

Для всѣхъ очевидно и ясно, что русскій народъ одолѣлъ наполеоново нашествіе тѣмъ, что не покорился волѣ вторгнувшагося непріятеля и не щадилъ своего достоянія, обрекая оное на истребленіе всяческими способами, лишь бы не досталось врагу.

Но не всѣ понимаютъ то, что въ годину Отечественной войны и въ послѣдующіе два года борьбы съ Наполеономъ русскій народъ явился выразителемъ великихъ нравственныхъ истинъ ученія Христа Спасителя, народомъ страстотерпцемъ, освободившимъ многіе народы отъ тяжкаго ига завоевателя гордаго, безжалостнаго, угнетавшаго и разорившаго почти всѣ государства Европы.

Великая Милость Божія, явленная русскому народу въ годину Отечественной войны 1812 года, умножила силы народа настолько, что ихъ хватило не только для освобожденія Россіи, но и всей Европы.

Памятникъ Императору Петру Великому въ С.-Петербургѣ.

Таково есть истинное значеніе Отечественной войны въ исторической жизни русскаго народа и тѣхъ европейскихъ государствъ, которыя были подняты Русскимъ Царемъ Александромъ Благословеннымъ на борьбу съ Наполеономъ.

Православная Церковь установила праздновать ежегодно избавленіе Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языковъ въ день Великаго праздника Рождества Христова 25-го декабря.

Въ сей день 1812-го года изъ пришедшихъ съ Наполеономъ полчищъ непріятелей, численностью болѣе 600.000 человѣкъ, ни единаго вооруженнаго вражескаго воина на землѣ русской не осталось.

Но императоръ Александръ, истребивъ силою войска и народа русскаго полчища Наполеона и, заставивъ его одного спасаться бѣгствомъ изъ предѣловъ Россіи, не прекратилъ борьбы и преслѣдовалъ утѣснителя всѣхъ народовъ Европы чрезъ Германію до самой Франціи.

Побѣдами русскаго оружія сломлена сила того человѣка, который былъ властелиномъ и поработителемъ всей Европы.

Совершено великое дѣло освобожденія народовъ и возстановлено право ихъ на независимость и самобытность государственной жизни, подъ покровомъ ученія Христа Спасителя, заповѣдавшаго міру любовь между людьми, милосердіе и прекращеніе вражды.

Высокая задача достигнута величайшими трудами, тяжкими потерями и драгоцѣнной кровью сыновъ Россіи. Наше Отечество имѣетъ полное право гордиться подвигами своихъ сыновъ и всемірной славой, окружившей имя императора Александра Павловича, своей твердостью и мудростью даровавшаго народу русскому небывалое торжество.

Въ всемірной исторіи нѣтъ другого такого примѣра, что бы послѣ ужасныхъ разореній, своего отечества, послѣ побѣдоносной трехлѣтней войны, народъ, освободившій всю Европу, удовольствовался бы единственно славой побѣдителя безъ земельныхъ пріобрѣтеній и безъ возмѣщенія расходовъ на войну на счетъ побѣжденнаго.

И, однако, это такъ сдѣлалось на самомъ дѣлѣ. На присоединеніе Герцогства Варшавскаго къ Россіи не должно смотрѣть, какъ на завоеваніе или выгодное земельное пріобрѣтеніе. По мнѣнію многихъ это присоединеніе было дѣломъ пагубнымъ для Россіи, и съ этимъ нельзя не согласиться.

Но въ то же время нельзя не признавать необходимости сохранить польскую славянскую народность отъ поглощенія нѣмцами; чтобъ не случилось съ поляками Герцогства Варшавскаго того, что сталось съ западными славянскими племенами, жившими по Балтійскому морю и въ средне-европейской равнинѣ.

Польша, ближайшая сосѣдка этихъ племенъ, не подала западнымъ славянамъ помощи въ борьбѣ съ нѣмцами, не защитила своихъ родичей отъ жадныхъ завоевателей нѣмецкихъ, и допустила быть тому, что на костяхъ славянъ, на славянской землѣ, разрослось и окрѣпло алчное прусское государство, поглотившее большую часть старой Польши—Познань, Мазовію и балтійское поморье.

Императоръ Александръ не повторилъ историческихъ ошибокъ, которыя не разъ дѣлала Польша, когда была свободнымъ, независимымъ государствомъ и отказывалась поддерживать славянскіе народы въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами, равнодушно взирая на истребленіе славянъ и на захваты нѣмцами славянскихъ земель.

Изъ рукъ императора Александра поляки Герцогства Варшавскаго получили народное областное управленіе, свое собственное войско, свою казну и народное представительство. Александръ далъ полякамъ то, чего не имѣлъ и русскій народъ, чего не имѣли освобожденные отъ наполеонова ига нѣмцы.

Завистливые хулители славы и благотворной дѣятельности императора Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ, нѣмецкіе ученые-историки должны признать, что государь сдержалъ данное Польшѣ слово, и даровалъ полякамъ національное правленіе для того, чтобы заставить ихъ забыть прежнее обращеніе съ ними русскаго правительства, чтобъ прекратить, какъ сказалъ поэтъ Пушкинъ, этотъ

„Споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный
судьбою“...

Такъ облагодѣтельствовалъ русскій государь своихъ новыхъ подданныхъ, не помня зла, которое они причинили русскому народу, участвуя съ наполеоновыми полчищами въ разореніи Россіи.

Если бы императоръ Александръ не настоялъ на присоединеніи Герцогства Варшавскаго къ Россіи, то весь польскій край достался бы нѣмцамъ и прусскія войска стояли бы въ Варшавѣ. Тогда русскаго государя упрекали бы въ томъ, что онъ отдалъ нѣмцамъ славянскій народъ и славянскую землю.

Вѣдь уже одинъ разъ Варшава была прусскимъ городомъ.

Было ли бы лучше, если бы нашъ государь отказался отъ Герцогства Варшавскаго?—Это еще вопросъ не обслѣдованный и не доказанный. Но неоспоримо то, что императоръ Александръ даровалъ полякамъ величайшія благодѣянія по влеченію своего благороднаго, великодушнаго сердца, въ надеждѣ примирить стародавнюю вражду между Польшей и Россіей и упрочить родственный союзъ двухъ славянскихъ народностей, могущій дать счастливое разрѣшеніе славянскаго вопроса.

Въ тотъ моментъ исторической жизни Европы, когда на Вѣнскомъ конгрессѣ устанавливали границы владѣній различныхъ государствъ, императоръ Александръ проявилъ къ полякамъ доброжелательность чрезвычайную, и къ великому счастью русскій народъ не измѣнилъ своему благородству и не явился мстителемъ полякамъ за ихъ участіе въ наполеоновомъ нашествіи на Россію. И тогда, какъ и теперь русскій народъ радъ видѣть въ полякахъ родственныхъ сосѣдей, съ которыми онъ готовъ примириться и жить въ добромъ согласіи.

Славянская Россія и Славянская Польша могутъ протянуть другъ другу руки, забывъ историческую вражду и памятуя лишь о необходимости искренняго взаимнаго уваженія и тѣснаго союза противъ общихъ враговъ всего Славянства. На это призывалъ ихъ великій и самобытный русскій мыслитель-славянофилъ Хомяковъ:

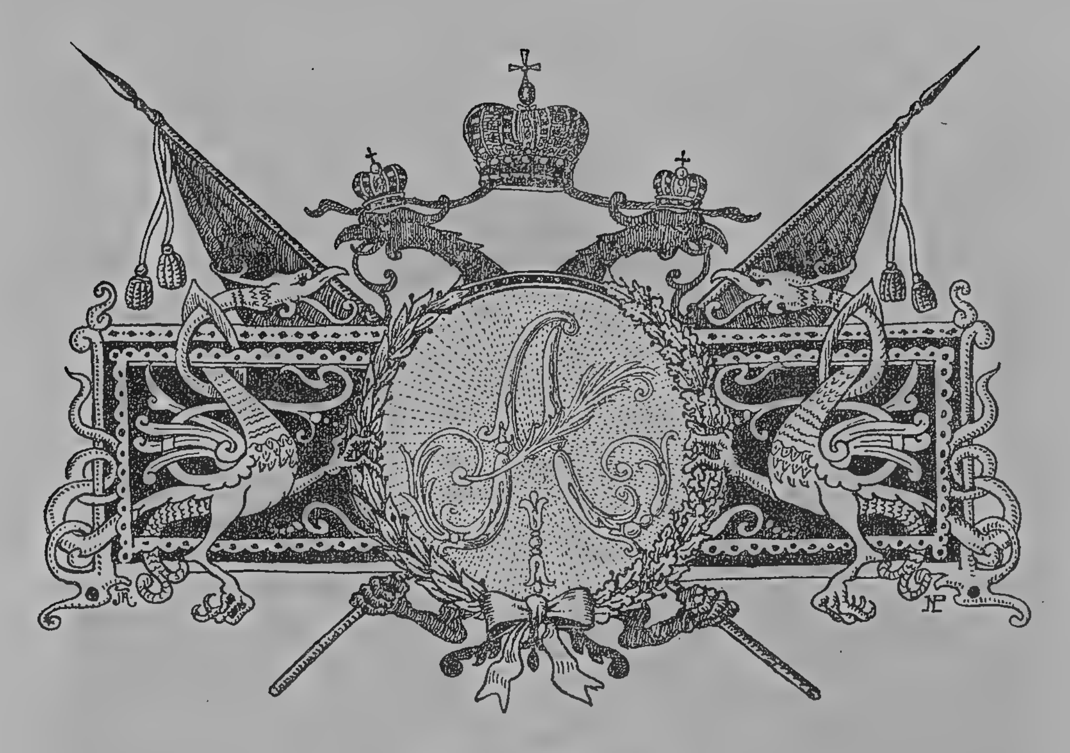
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!
Да будутъ прокляты преданья
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

О такомъ братскомъ примиреніи двухъ родственныхъ народовъ мечталъ и императоръ Александръ, когда присоединялъ Герцогство Варшавское къ Россіи. На этомъ основаніи мы имѣемъ право сказать, что императоръ Александръ воевалъ съ Наполеономъ не ради прибытка. Никто изъ монарховъ Европы не чувствовалъ такъ глубоко и сильно необходимости прекращенія кровопролитій и установленія общаго мира, красоту братскаго союза народовъ, какъ нашъ государь. Онъ былъ проникнутъ вѣрою въ благостныя начала ученія Христа Спасителя и отвергалъ корыстныя побужденія, какъ недостойныя великаго русскаго народа, предводителемъ котораго онъ являлся.

Русскій народъ, чуждый завоевательныхъ стремленій по природѣ и по отсутствію побужденій къ жаднымъ захватамъ, всегда являлся неодолимымъ защитникомъ своей земли и своего достоянія. Историческій завѣтъ русскаго народа можно выразить такъ: добра чужого не желать, но и своего не отдавать.

Будемъ же помнить этотъ завѣтъ; онъ продиктованъ намъ тысячелѣтней исторіей Россіи и заповѣданъ величайшимъ подвигомъ, совершеннымъ русскимъ воинствомъ и народомъ, подъ предводительствомъ императора Александра Павловича, въ Отечественную войну, столѣтіе которой мы удостоены праздновать.

Памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому въ Москвѣ.



ГЛАВА ВТОРАЯ.

Императоръ Александръ Павловичъ до наступленія Отечественной войны.

Императоръ Александръ Павловичъ вступилъ на престолъ 12-го марта 1801 года, въ цвѣтущихъ лѣтахъ молодости, когда ему исполнилось 23 года и три мѣсяца.

Вступленіе его на престолъ было привѣтствовано всеобщей радостью и надеждами, которыя покоились на извѣстныхъ всѣмъ высокихъ качествахъ характера молодого государя, рыцарски вѣжливаго, очаровательно ласковаго, исполненнаго человѣколюбія и доброжелательства ко всему человѣчеству.

Простота жизни, умѣренность въ привычкахъ и высокія душевныя стремленія къ устроенію счастья людей, къ обезпеченію вѣчнаго мира между народами были присущими свойствами его чувствительной и впечатлительной души.

Въ характерѣ императора Александра были черты неуловимыя для современниковъ. Подъ личиною очаровательной ласковости и мягкости, переходящей въ чувствительность, въ немъ постоянно проявлялись: желѣзная воля и несокрушимая настойчивость въ преслѣдованіи своихъ собственныхъ плановъ и цѣлей. Про внука своего Александра императрица Екатерина отозвалась: „этотъ мальчикъ сотканъ изъ противорѣчій“. Овладѣть его волей, подчинить ее чужимъ, постороннимъ вліяніямъ никому не удавалось.

Его даровитая натура, облагороженная утонченнымъ образованіемъ, обнимала умомъ и сердцемъ всѣ самыя высокія задачи государственнаго управленія, и первою заботою молодого государя было желаніе водворить въ государствѣ законность, человѣколюбіе и устранить жестокости стараго времени.

Душѣ молодого государя, открытой всему доброму и прекрасному, на первыхъ же порахъ пришлось столкнуться съ суровой дѣйствительностью и съ безконечными препятствіями, лежавшими въ характерахъ людей, его окружавшихъ, исполненныхъ своекорыстія и неспособности понять и осуществить благія намѣренія государя.

Императору Александру приходилось часто мѣнять министровъ и сановниковъ, которымъ онъ ввѣрялъ высокіе посты государственнаго управленія, но никто изъ нихъ не могъ разсчитывать подчинить себѣ волю государя. Государь не побоялся ввѣрить поляку Чарторыйскому постъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, но не допустилъ этого врага Россіи провести планъ возстановленія Польши въ томъ объемѣ, который государь признавалъ не отвѣчающимъ интересамъ Россіи.

Министры государя были простыми исполнителями воли монарха, который всегда былъ глубокимъ мыслителемъ, обдумывавшимъ каждый свой шагъ, взвѣшивавшимъ каждое слово.

Не смотря на многія противодѣйствія со стороны государственныхъ сановниковъ и самого общества, непонимавшаго значенія благодѣтельныхъ начинаній государя, императоръ Александръ единственно своей твердостью и настойчивостью осуществилъ въ короткое время многія облегченія въ жизни своихъ подданныхъ и направилъ государственныя установленія на путь исправленія и улучшенія законовъ.

Переустройство государственнаго управленія, созданіе установленій правильно и закономѣрно дѣйствующихъ и упорядоченіе дѣлъ финансовыхъ занимали преимущественно вниманіе государя въ первые годы царствованія. Но судьба не дала Александру времени исполнить благія предначертанія его державной воли. Его вниманіе скоро было отвлечено дѣлами внѣшнихъ отношеній Россіи къ иностраннымъ государствамъ.

На пятомъ году царствованія Александра Россія была вовлечена въ войну съ Франціей. И съ этого времени, въ теченіи десяти лѣтъ (1805—1815 г.), императоръ Александръ вынужденъ былъ вести почти непрерывныя войны.

Французская революція возбудила громадное одушевленіе французскаго народа и дала необычайно стремительныя силы движенію, направленному къ завоеваніямъ. Революція угрожала всѣмъ европейскимъ народамъ разрушеніемъ ихъ исторически сложившейся государственности и порабощеніемъ власти правителей Франціи.

Поколебать государственный, монархическій строй Россіи французская революція, конечно, не могла. Но русскихъ государей, начиная съ Екатерины II, не могли не заботить завоевательныя стремленія Франціи, усилившіяся необычайно съ того времени, когда послѣ цѣлаго ряда ужасныхъ государственныхъ переворотовъ была уничтожена во Франціи королевская власть, а смѣнившая ее республика начала завоеванія, путь къ которымъ указалъ Наполеонъ Бонапарте, геніальный полководецъ и ненасытный властолюбецъ, сдѣлавшійся первымъ консуломъ республики и властителемъ Франціи.

Укротить этого властолюбца, положить предѣлъ его завоеваніямъ, уже весьма сильно угрожавшимъ Россіи,—вотъ что стало мыслью, занимавшей молодого государя Россіи.

Императоръ Александръ желалъ мира и спокойствія въ Европѣ. Проникая въ завоевательные замыслы Наполеона, государь искалъ союзниковъ между европейскими монархами, которымъ Наполеонъ угрожалъ, и на призывъ государя первой откликнулась Англія, которая съ 1803 года уже была въ войнѣ съ Франціей.

Наполеонъ готовилъ высадку войскъ на берега Англіи. Во французскихъ портахъ были сдѣланы огромныя приготовленія для перевозки арміи моремъ черезъ проливъ, отдѣляющій Францію отъ Англіи; было выстроено 2.000 мелкихъ плоскодонныхъ судовъ, вооруженныхъ

Съ портрета Рослена.

Императрица Екатерина II.

5.000 орудій. Собрана была армія въ 120.000 человѣкъ для высадки на берега Англіи.

Эта угроза заставила Англію возбудить противъ Наполеона войну въ Европѣ. Австрія и Россія заключили союзъ съ Англіей. Опасность, угрожавшая сей послѣдней, была отклонена. Наполеонъ увелъ войска въ Австрію и нанесъ союзникамъ пораженія. Русскія войска возвратились въ предѣлы Россіи въ 1805-мъ году.

Въ слѣдующемъ году, такимъ же образомъ, Англіи удалось составить новый союзъ Пруссіи и Россіи. Не выждавъ прибытія русскихъ войскъ, пруссаки открыли военныя дѣйствія и были разбиты Наполеономъ въ двухъ сраженіяхъ. Тяжесть войны опять легла на русскія войска; послѣдовали кровопролитныя сраженія между русскими и французами.

Наполеонъ принудилъ Пруссію подписать унизительный мирный договоръ. Русскій императоръ былъ оставленъ союзникомъ и, желая прекратить кровопролитіе, воспользовался нѣсколько разъ дѣланными въ теченіе войны предложеніями заключить миръ. Государь разрѣшилъ главнокомандующему нашей арміей Бенигсену предложить французамъ перемиріе. 13-го іюня состоялось свиданіе императора Александра съ Наполеономъ въ Тильзитѣ на плоту, среди рѣки Нѣмана, а 25 числа подписанъ миръ, по которому къ Россіи отошла Бѣлостокская область.

Наполеонъ подвергъ Пруссію тяжелымъ униженіямъ. Изъ польскихъ земель, отошедшихъ къ Пруссіи по раздѣламъ, было образовано польское государство—Герцогство Варшавское, отданное Наполеономъ въ владѣніе королю Саксонскому. Но въ сущности французы распоряжались въ герцогствѣ, какъ въ завоеванной странѣ.

Образованіе герцогства Варшавскаго, раскрыло императору Александру планъ Наполеона относительно Польши. Впрочемъ и гораздо раньше этого времени между Наполеономъ еще въ то время, когда онъ былъ консуломъ и польскими выходцами, проживавшими во Франціи, установились отношенія, не оставлявшія никакого сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ, сдѣлавшійся императоромъ французовъ, питаетъ намѣреніе возстановить Польшу.

Со времени же Тильзитскаго мира польскій вопросъ становится самымъ важнымъ пунктомъ разногласія въ политическихъ отношеніяхъ между Россіей и Франціей.

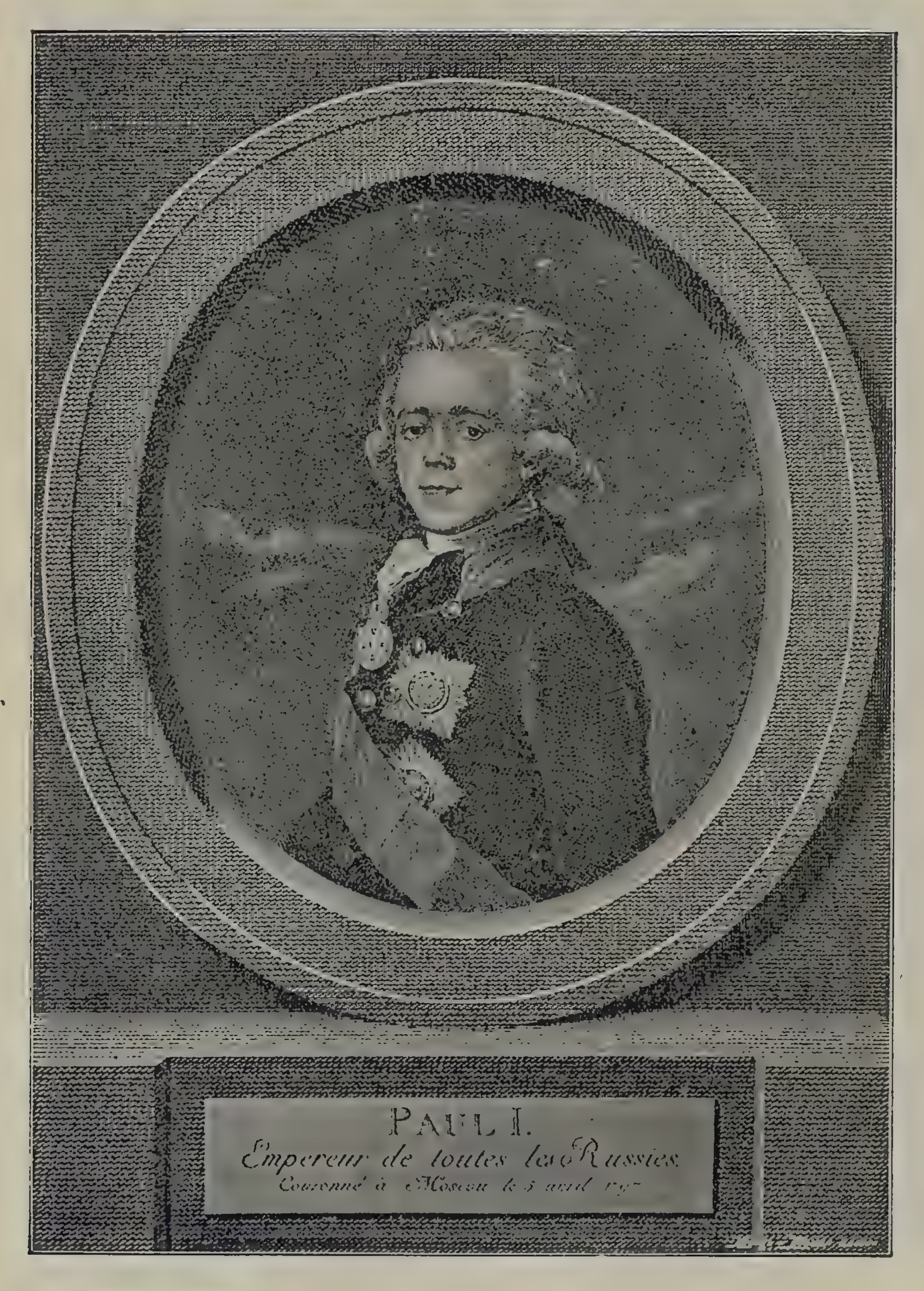
Нѣмецкій историкъ Гервинусъ говоритъ, что „главнымъ образомъ намѣренія Наполеона относительно Польши впослѣдствіи воспламенили вражду и войну между двумя императорами".

Отсюда слѣдуетъ, что нельзя признать правильными мнѣнія одного изъ русскихъ историковъ, утверждающаго, что „нашествіе Наполеона на Россію было вызвано прежде всего постояннымъ и вооруженнымъ вмѣшательствомъ Александра во франко-германскія столкновенія — вмѣшательствомъ, которое отнюдь не требовалось русскими интересами".

Не такъ смотрѣли на польскій вопросъ императоръ Александръ и государственный канцлеръ графъ Румянцевъ. Сей послѣдній сказалъ послу Наполеона Коленкуру: „я вамъ объявляю, г. посолъ, мы пожертвуемъ послѣднимъ человѣкомъ, мы продадимъ послѣднія наши рубашки, а не согласимся на возстановленіе Польши".

Въ первое время послѣ Тильзитскаго мира императоръ Александръ удовлетворился словеснымъ обѣщаніемъ Наполеона о томъ, что Польша не будетъ возстановлена, и нашъ государь нашелъ возможнымъ приступить къ союзу съ Наполеономъ съ цѣлью предложить Англіи посредничество въ примиреніи съ Франціей. Но предложеніе было отвергнуто и наступилъ разрывъ между Россіей и Англіей, вызвавшій впослѣдствіи войну Россіи съ Швеціей въ 1808 году.

Перерывъ враждебныхъ отношеній между Франціей и Россіей продолжался весьма не долго. Миръ нуженъ былъ Россіи; это ясно сознавалъ Александръ, и при подписаніи договора у него сорвались слова: „По крайней мѣрѣ я выиграю время".



Съ гравюры Клауберга.

Императоръ Павелъ I.

По заключеніи мира Александръ сказалъ королю и королевѣ прусскимъ: „Потерпите, мы свое воротимъ. Онъ сломитъ себѣ шею. Не смотря на всѣ мои демонстраціи и наружныя дѣйствія, въ душѣ я—вашъ другъ и надѣюсь доказать вамъ это на дѣлѣ“.

Если таковы были чувства Александра къ Наполеону въ первое время послѣ заключенія мира, то вскорѣ нерасположеніе только усилилось, когда обнаружилось, что Наполеонъ не желаетъ исполнять словесныя обѣщанія, данныя Александру въ Тильзитѣ.

Наполеонъ въ этомъ отношеніи не стѣснялся: онъ привыкъ командовать государями Европы, но Александръ былъ не изъ такихъ людей, чтобы прощать обиды. Для блага отечества Александръ не поколебался принести въ жертву долгу и Россіи свои личныя чувства и привязанность къ прусскому королю. Примиреніемъ съ Наполеономъ онъ обезопасилъ отечество отъ непріятельскаго вторженія и пріобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ для Имперіи существенныя выгоды.

Но то, что было ясно для государя, не могло быть понято одинаково всѣми современниками. Въ обществѣ Тильзитскій миръ былъ встрѣченъ съ тягостнымъ впечатлѣніемъ великаго униженія, понесеннаго Россіей.

Среди русскаго народа дружба Александра съ Наполеономъ возбуждала разнообразные толки. Въ народѣ укрѣпилась мысль, что Наполеонъ—антихристъ, что ему помогаетъ нечистая сила. Когда народъ узналъ, что Александръ помирился съ Бонапартомъ и видѣлся съ нимъ,—среди мужиковъ стали говорить: „Какъ же это нашъ батюшка, православный царь, могъ рѣшиться сойтись съ этимъ нехристемъ? Вѣдь это страшный грѣхъ!“.

На это послѣдовало такое объясненіе: „Развѣ ты не знаешь, что они встрѣтились на рѣкѣ? Нашъ батюшка именно съ тѣмъ и повелѣлъ приготовить плотъ, чтобы сперва окрестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя, царскія очи“.

Народная мысль не допускала, чтобы русскій царь могъ быть униженъ и побѣжденъ какимъ то проходимцемъ и безбожникомъ, какимъ представляли себѣ русскіе люди Наполеона.

Но этотъ взглядъ на непобѣдимую силу народа былъ вполнѣ понятенъ только не многимъ и въ числѣ этихъ немногихъ былъ императоръ Александръ.

Сердцемъ онъ чувствовалъ непоколебимое мужество своихъ воиновъ и подданныхъ и ихъ беззавѣтную преданность Православной вѣрѣ, царю и отечеству, и эта убѣжденность поддерживала въ немъ рѣшимость продолжать борьбу съ Наполеономъ.

Тотчасъ послѣ заключенія Тильзитскаго мира Александръ предпринялъ рядъ мѣръ преобразованія высшихъ государственныхъ установленій и усиленія военныхъ силъ государства.

Но время между первою и второю борьбою съ Наполеономъ не было для Россіи временемъ мира. Россія воевала съ Турціею и Швеціею. Турецкая война тянулась очень долго съ 1806 по 1811 годъ.

Борьба была кровопролитная; невозможно было послать на театръ войны большихъ силъ, но тѣмъ не менѣе военные подвиги русской арміи были блистательны. Русскія войска появились въ Сербіи и были встрѣчены какъ братья-освободители сербскаго народа.

Война съ Швеціей окончилась завоеваніемъ Финляндіи; это пріобрѣтеніе было весьма важно и закончило тысячелѣтній споръ Россіи съ Швеціей за пріобрѣтеніе морской границы по Балтійскому морю. Изъ союза съ Наполеономъ Александръ умѣлъ извлечь знатныя выгоды для Россіи

Съ гравюры Клауберга.

Императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ 1809 году Австрія бросилась, очертя голову, въ войну съ Наполеономъ, не имѣя союзниковъ, и была жестоко разбита. Александръ не совѣтовалъ австрійцамъ воевать, его не послушались. Онъ понималъ, что борьба съ Наполеономъ въ центрѣ Европы, одинъ на одинъ—безнадежна по причинѣ разрозненности интересовъ государствъ, взаимнаго недовѣрія и соперничества.

Одинъ Александръ понималъ, что Европа, сама по себѣ не имѣетъ силъ, могущихъ положить преграды властолюбію Наполеона. Но русскій императоръ не опасался вызвать противъ себя неудовольствіе властелина всей Европы: участвуя въ войнѣ 1809 года съ Австріей, какъ союзникъ Наполеона, Александръ далъ повелѣніе не вступать

Съ портрета Лампи.

Великій Князь Александръ Павловичъ въ юности.

въ сраженія съ австрійцами. Война со стороны Россіи велась только для формы.

Послѣ австрійской войны неудовольствія Наполеона противъ политики Александра усилились и отношенія пошли быстро къ развязкѣ. Наполеонъ открыто готовился къ войнѣ и уже въ 1810 году публично произнесъ слѣдующія слова: „Черезъ пять лѣтъ я буду владыкою міра; остается только Россія, но я раздавлю ее“.

И вотъ какъ исполнилось дерзкое пророчество необузданнаго властолюбца: ровно черезъ пять лѣтъ онъ сталъ развѣнчаннымъ императоромъ острова Эльбы. Императоръ Александръ усилилъ приготовленія къ войнѣ. Заложены двѣ крѣпости, силы арміи пополнены и умно-

Съ гровюры Тардье.

Императоръ Александръ I.

жены, но, не смотря на всѣ старанія Александра, несоразмѣрность силъ осталась велика и казалась подавляющею. Однако, это обстоятельство

не побудило Александра склониться предъ волею завоевателя всей Европы. Политика Россіи была исполнена твердости и достоинства.

Наполеонъ получилъ отъ Александра чувствительный ударъ для самолюбія: въ просьбѣ руки сестры императора Александра, Великой Княжны Анны Павловны, Наполеонъ получилъ отказъ. Отказъ страшно его взбѣсилъ, и этотъ „дурно воспитанный", по выраженію Талейрана, человѣкъ совершенно вышелъ изъ себя и прямо ломилъ на разрывъ.

По спорнымъ дипломатическимъ вопросамъ: о герцогствѣ Варшавскомъ, о Молдавіи и Валахіи, о контрибуціяхъ въ Пруссіи, о захватѣ Наполеономъ владѣній родственника русскаго государя герцога Ольденбургскаго, о русскомъ таможенномъ тарифѣ, о морской торговлѣ съ нейтральными государствами, Александръ не могъ добиться исполненія справедливыхъ требованій Россіи. Наполеонъ былъ неуступчивъ. Тогда императоръ Александръ приказалъ русскому послу въ Парижѣ вручить министру Наполеона формальный протестъ противъ нарушенія правъ герцога Ольденбургскаго. Для Наполеона причина для разрыва съ Россіей была вполнѣ достаточная.

Послѣ предъявленія этого протеста Наполеонъ счелъ себя оскорбленнымъ и назвалъ протестъ нарушеніемъ дружбы. Онъ усматривалъ также недоброжелательство со стороны императора Александра въ томъ, что безъ вѣдома Наполеона въ Россіи былъ введенъ новый таможенный тарифъ. Александръ отвѣчалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ предварять кого бы то ни было о распоряженіяхъ, касающихся внутренняго управленія Россіи.

Прекращеніе морской торговли съ Англіей отозвалось самымъ вреднымъ образомъ на положеніи русской торговли; курсъ русскихъ ассигнацій упалъ, торговля несла огромныя потери. Русскій государь не могъ допустить разоренія своей имперіи въ угоду Наполеону.

Но не слѣдуетъ думать, что для императора Александра были одинаково важны всѣ пункты разногласій по спорнымъ дипломатическимъ вопросамъ; главнѣйшее значеніе имѣли: вопросъ польскій и самостоятельность русскаго таможеннаго тарифа и русской торговли.

Не поступаясь достоинствомъ императорскаго дома, политическими и экономическими интересами имперіи, не могъ императоръ Александръ предотвратить нашествіе Наполеона на Россію.

Обѣ стороны открыто стали готовиться къ войнѣ, а въ августѣ 1811 года Наполеонъ, на пріемѣ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, разыгралъ съ русскимъ посломъ, княземъ Куракинымъ сцену, показавшую всѣмъ, что въ его умѣ рѣшено воевать съ Россіей.

Императоръ Александръ приказалъ заключить мирный и союзный договоръ съ Англіей; Швеція также приступила къ союзу съ Россіей. Александръ былъ озабоченъ окончаніемъ войны съ Турціей, которую велъ Кутузовъ.

Недовольный ходомъ мирныхъ переговоровъ, Александръ послалъ на смѣну Кутузову новаго главнокомандующаго, адмирала Чичагова, но послѣдній пріѣхалъ къ арміи тогда, когда Кутузовъ, разбивъ турецкую армію и взявъ въ плѣнъ большую ея часть, заключилъ миръ въ Бухарестѣ въ маѣ 1812 г. Россія пріобрѣла Бессарабію съ границами по р.р. Пруту и Дунаю.

Со времени заключенія Тильзитскаго мира въ Россіи всѣмъ казалось, что Александръ былъ увлеченъ обаяніемъ личности геніальнаго полководца и раздѣлялъ его фантастическіе планы раздѣла міра между двумя великими монархіями. Наполеонъ говорилъ Александру о раздѣлѣ Турціи, при чемъ оставлялъ себѣ право владѣть Константинополемъ, разсказывалъ свой планъ похода въ Индію.

Съ гравюры Тюрнера.

Императрица Елизавета Алексѣевна

Но нѣтъ никакого основанія предполагать, что Александръ сочувствовалъ этимъ планамъ и былъ увлеченъ личностью Наполеона. Чистая возвышенная натура Александра, стремившаяся къ всему доброму и прекрасному, не могла подчиниться вліянію властолюбца дерзкаго, коварнаго и уже достаточно рѣзко во многихъ случаяхъ обнаружившаго способность къ безчеловѣчнымъ поступкамъ и къ угнетенію народовъ.

Хотя Александръ и заключилъ миръ и союзъ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, но это не значитъ, что русскій императоръ подчинился обаянію генія своего противника. Такъ думали въ Россіи, но на самомъ дѣлѣ увлеченія не было.

Наполеонъ очень скоро понялъ, что въ лицѣ Императора Александра встрѣтилъ противника, не уступавшаго ему въ способностяхъ вести политику.

Въ 1805 году, наканунѣ Аустерлицкаго сраженія, Наполеонъ надменно сказалъ князю Долгорукову: „Россіи надобно слѣдовать совсѣмъ другой политикѣ и помышлять о своихъ собственныхъ выгодахъ", а въ 1809 году, послѣ разгрома австрійской арміи подъ Ваграмомъ, императоръ Александръ, преслѣдуя цѣли русской политики, разстроилъ планы Наполеона, который намѣренъ былъ присоединить къ Герцогству Варшавскому всю австрійскую Галицію и возстановить Польшу: но исполнить это не могъ.

Изъ союза съ Наполеономъ Александръ извлекъ все, что можно было взять. Пріобрѣтенія, сдѣланныя императоромъ Александромъ въ то время, когда Россія была союзницей Франціи, имѣли громадное значеніе во всей дальнѣйшей политической дѣятельности Александра. Завоеваніе Финляндіи и Бессарабіи почти наканунѣ величайшей борьбы съ Наполеономъ, располагавшимъ силами всей Европы, показываетъ удивительную предусмотрительность Александра и недальновидность Наполеона, который допустилъ русскаго государя разбить и обезвредить двухъ естественныхъ союзниковъ Франціи въ борьбѣ съ Россіей. Наше положеніе въ войнѣ 1812 года было бы гораздо болѣе опасно, если бы Турція и Швеція не были бы ослаблены войнами, и, примкнувъ къ Наполеону, угрожали бы Россіи съ обоихъ фланговъ.

Пріобрѣтя двѣ области, упрочившія сѣверную и южную границы имперіи, Россія защитила Пруссію, приготовляя въ ней союзника въ будущей великой борьбѣ. Къ этой борьбѣ и сталъ готовиться нашъ государь, вѣрно прозрѣвая ея значеніе.

Съ боязнью и отчаяніемъ смотрѣли на участь Россіи люди, сочувствовавшіе намъ. Прусскіе военные, бѣжавшіе изъ своего отечества, говорили императору Александру, что собранная противъ Наполеона армія слишкомъ мала.

„Какъ, вы считаете триста тысячъ русскихъ за ничто?"—отвѣчалъ государь. Думали, что у насъ не хватитъ пороху и совѣтовали попросить пороху у англичанъ. „Нѣтъ, у насъ довольно",—отвѣчалъ государь. Сравнивая силы Россіи съ силами, которыми располагалъ Наполеонъ, нельзя было не поражаться несоразмѣрностью: Наполеонъ повелѣвалъ 70 милліонами подданныхъ въ Европѣ; а въ это время (1812 г.) въ Россіи считалось жителей 41 милліонъ, безъ Финляндіи, Бессарабіи и Закавказскаго края.

У Наполеона въ Европѣ было 1.187.000 солдатъ, изъ нихъ онъ направилъ въ Россію 610.000 человѣкъ,—у насъ на всей западной границѣ отъ Днѣпра до Нѣмана не было полныхъ 300.000 челов., и не смотря на это Александръ не отступилъ отъ своего рѣшенія вести борьбу безъ мира, до истощенія всѣхъ средствъ, отступая въ глубь страны.

Онъ готовъ былъ пожертвовать своей царской короной, — но не уступить. Онъ представлялъ себя, въ случаѣ пораженій армій, лишившимся обѣихъ столицъ, лишеннымъ войскъ, но все-таки, продолжающимъ борьбу въ лѣсахъ за Волгой, среди вѣрнаго народа. И, вмѣстѣ съ такою готовностью, въ душѣ его поселилась надежда на успѣхъ.

За возстаніемъ русскаго народа, за пораженіемъ и изгнаніемъ Наполеона онъ уже видѣлъ возстаніе народовъ Европы, сверженіе

Съ портрета, писаннаго Вуалемъ.

Императоръ Александръ въ 1802 году.

тирана. Онъ видѣлъ и сознавалъ это яснѣе всѣхъ и раньше всѣхъ. Онъ нашелъ слова, которыя отозвались въ сердцѣ каждаго русскаго:

—„Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.

— „Положено однажды и твердо, что какой бы ни былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, но прежде испить всю чашу бѣдствія, нежели поноснымъ миромъ предать Россію порабощенію.

— „Если судьбою и Промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отращу себѣ бороду по поясъ и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества“. „Наполеонъ или я, я или онъ, — но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ меня“.

Торжественный обѣтъ Александра не вступать ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, пока хоть одинъ человѣкъ непріятельской арміи будетъ находиться въ предѣлахъ Россіи, нашелъ благородный откликъ въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей. Народъ одушевленъ былъ словами Царя, отвѣчавшими чувствамъ всѣхъ подданныхъ.

Но въ то время, какъ въ Россіи назрѣвала отчаянная рѣшимость дать отпоръ врагу, въ Европѣ никто не вѣрилъ этой рѣшимости Царя и народа. Наполеонъ былъ убѣжденъ, что одно побѣдное сраженіе заставитъ Россію подчиниться. Одинъ нѣмецкій патріотъ, удостоившійся лично разговаривать съ императоромъ Александромъ, находясь послѣ этого разговора въ Англіи, высказалъ такую несообразность: „я всего ожидаю отъ малодушной слабости Александра. Послѣ перваго потеряннаго сраженія онъ уступитъ всѣ земли по Двину и Днѣпръ; послѣ второго—Петербургъ и Москву и удовольствуется Казанью и Астраханью“. Этотъ патріотъ—генералъ Гнейзенау—мѣрилъ Россію нѣмецкимъ аршиномъ. Оказалось, что ошиблись всѣ: и наши враги французы и друзья—пруссаки. Мужественная твердость государя, войска и народа русскаго создали небывалую побѣду надъ несмѣтными полчищами, предводимыми геніальнымъ полководцемъ.

Медаль въ память войны 1812 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Наполеонъ Бонапарте, Императоръ французовъ.

Наполеонъ не былъ природнымъ французомъ. Онъ—италіанецъ, уроженецъ острова Корсики, сынъ корсиканскаго дворянина, по роду занятій—адвоката, родился въ Аяччіо 15 августа 1769 г., вскорѣ послѣ того, какъ островъ былъ купленъ французами у Генуэзской республики.

Когда Наполеонъ 10-лѣтнимъ мальчикомъ былъ принятъ въ французскую королевскую военную школу въ Бріеннѣ, онъ едва зналъ французскій языкъ. Въ училищѣ онъ былъ далеко не изъ первыхъ, но очень трудолюбивъ, обнаружилъ силу воли и замѣчательную память.

Въ 1785 году онъ началъ военную службу поручикомъ артиллеріи, много читалъ, пробовалъ писать трактаты на политическія темы и началъ заниматься дѣятельно политикой, сначала на родинѣ, а потомъ и во Франціи. Въ это время началась у французовъ революція, и Наполеонъ, видя однажды безчинство буйной черни въ королевскомъ дворцѣ, сказалъ: „если бы у меня была пушка, я уложилъ бы на мѣстѣ сотни четыре этой сволочи, а остальные бѣжали бы“.

Въ концѣ 1793 г. произошло возмущеніе въ г. Тулонѣ. Городъ и военный флотъ предались англичанамъ. Наполеонъ былъ посланъ республиканскимъ правительствомъ, въ чинѣ капитана артиллеріи, для подавленія возстанія, и дѣйствовалъ такъ удачно, что городъ сдался. Побѣдитель былъ произведенъ въ генералы. Его военныя способности замѣчены. Правительство оказывало ему большое вниманіе, а онъ, желая выслужиться, примкнулъ къ революціи. Тогда во Франціи государственные перевороты и мятежи были очень часты; французы рѣзались между собой и политическія партіи истребляли одна другую съ безпримѣрною жестокостью.

Убійства, казни и массовыя истребленія противниковъ были не рѣдкостью. Въ междоусобной борьбѣ жертвъ не считали.

Когда казнили короля и учредили республику въ 1793 г., жестокости и безчеловѣчіе превзошли всякую мѣру: 300.000 отчаянныхъ душегубовъ—головорѣзовъ держали въ ужасѣ все государство.

Телѣги, нагруженныя жертвами, тянулись по улицамъ Парижа на мѣсто казни, чиновники-революціонеры, посланные верховнымъ комитетомъ въ департаменты, доводили жестокость до размѣровъ и въ столицѣ невиданныхъ. Ножъ смертоносной машины — гильотины, посредствомъ которой казнили людей, подымался и опускался слиш-

комъ медленно для кровавой работы. Длинные ряды плѣнныхъ разстрѣливали на улицахъ и площадяхъ картечью; переполненныя людьми барки топили въ рѣкахъ. Въ одинъ разъ утопили въ рѣкѣ Луарѣ 20.000 человѣкъ. По рѣкамъ, у большихъ городовъ стаи воронъ и хищныхъ птицъ питались трупами людей. Ни возрастъ, ни полъ не находили пощады. Сотнями надо считать число юношей и молодыхъ дѣвушекъ, убитыхъ этимъ достойнымъ проклятія республиканскимъ правительствомъ. Грудныхъ младенцевъ, оторванныхъ отъ матерей, перекладывали съ пики на пику".

Было высказано мнѣніе, что для Франціи достаточно 5 милліоновъ жителей, а всего-то было 25 милліоновъ; значитъ находили 20 милліоновъ лишнихъ головъ, безъ которыхъ можно обойтись. Республиканцы въ шесть мѣсяцевъ совершили больше казней, чѣмъ всѣ прежніе правители Франціи въ шесть столѣтій.

Въ это время Наполеонъ служилъ республиканскому правительству своими совѣтами и, принадлежалъ къ партіи, производившей страшныя злодѣянія; онъ высказывался иногда презрительно о властяхъ, несумѣвшихъ смирить „этой сволочи".

Можно повѣрить, что Наполеонъ совершенно искренно ненавидѣлъ анархію: когда ему досталась власть, онъ очень скоро усмирилъ анархистовъ, но, примкнувъ временно къ якобинцамъ—республиканцамъ, Наполеонъ, по своему двуличію, не считалъ нужнымъ выразить протестъ противъ ужасовъ революціи: онъ съ ними мирился и у якобинцевъ былъ на счету, въ числѣ „добрыхъ патріотовъ", какъ тогда называли республиканцевъ—головорѣзовъ.

Нельзя винить характеръ французовъ за эти ужасы. Громадное большинство населенія съ проклятіями подчинялось дикому господству злодѣевъ, захватившихъ государственную власть. 300.000 республиканцевъ (якобинцевъ) три года неистовствовали надъ 25 милліоннымъ народомъ; но наконецъ, въ Парижѣ низвергли правительство убійцъ и грабителей, ихъ преслѣдовали и избивали, какъ дикихъ звѣрей.

„Было бы несправедливо и исторически невѣрно прикрашивать и смягчать ужасы французской революціи. Факты говорятъ сами за себя. Нужно подавить въ себѣ всѣ истинныя человѣчныя чувства, чтобы отрицать жестокость и возмутительное варварство, которыми запятнала себя французская революція".

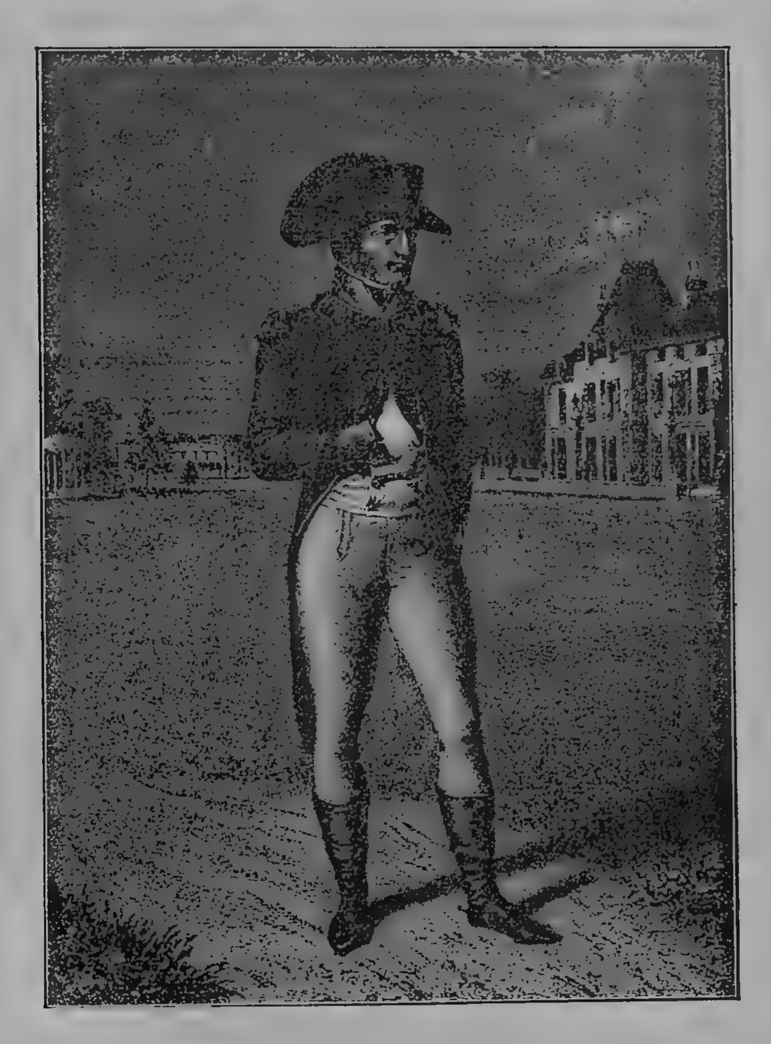
Когда установилось новое, умѣренное правительство, Наполеонъ очень скоро примкнулъ къ нему: онъ ненавидѣлъ чернь и, какъ сказано раньше, выражался, что охотно разстрѣлялъ бы ее. Но стрѣлять по дикой озвѣрѣлой черни онъ уклонялся; за то, когда въ Парижѣ случилось возстаніе средняго класса людей и приверженцевъ короля, и правительство Директоріи обратилось къ генералу Бонапарте, то онъ перестрѣлялъ этихъ людей изъ пушекъ и подавилъ мятежъ противъ правительства.

Политическая карьера генерала Бонапарте была сдѣлана. Онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміею въ Италію, гдѣ шла война съ австрійцами. Въ этой войнѣ развернулся военный геній Наполеона: австрійцы жестоко побиты, а Италія дочиста ограблена Наполеономъ, его генералами и французскими чиновниками, слѣдовавшими за арміей для управленія завоеванными государствами.

Наполеонъ велъ войну грабежемъ: на деньги, собираемыя съ итальянцевъ, онъ содержалъ армію, обогащалъ тѣхъ, кого хотѣлъ привлечь на свою сторону и посылалъ въ Парижъ громадныя суммы денегъ правительству.

Францiя просто ошалѣла отъ восторга: Наполеонъ показалъ французамъ, что гораздо выгоднѣе воевать и при этомъ грабить чужiе народы, чѣмъ истреблять другъ друга въ междоусобiяхъ. На этомъ пунктѣ состоялось примиренiе революцiи съ Наполеономъ; они сошлись: Наполеонъ низвергалъ престолы законныхъ государей, а революцiонеры при этомъ обогащались.

Весь Парижъ ринулся тогда въ Италiю. Всѣ прославляли человѣка, который каждый мѣсяцъ присылалъ ящики съ картинами, статуями, книгами и рукописями, и всѣхъ бывшихъ около него обогащалъ грабежемъ. Но правительству республики казалось, что слѣдуетъ грабить итальянцевъ еще больше.



Съ портрета Изабе.

Наполеонъ Бонапарте — первый консулъ.

Францiя признала, что у нея есть великiй генiальный человѣкъ, а этотъ человѣкъ увѣрилъ себя въ томъ, что ему все удастся, если только не стѣсняться съ совѣстью.

Своимъ острымъ умомъ Наполеонъ понялъ, что Францiя утомлена ужасами революцiи, что государство нуждается въ спокойствiи

и охраненіи порядка твердой властью и онъ оченъ скоро достигъ этой власти послѣ безумнаго похода въ Египетъ, гдѣ погибъ французскій флотъ, а армія сдалась и по условіямъ капитуляціи была перевезена во Францію на английскихъ корабляхъ.

Другого человѣка эта ужасная неудача погубила бы во мнѣніи народа, Наполеона же это пораженіе вознесло на высоту величія: когда онъ возвратился изъ Египта во Францію, народъ кричалъ ему: „будьте нашимъ королемъ".

Но Наполеонъ, совершивъ еще одинъ государственный переворотъ, въ короли не вышелъ, а сдѣлался первымъ консуломъ французской республики и Франція покорилась волѣ человѣка, который хорошо понялъ характеръ народа и потребности времени.

Наполеонъ водворилъ полицейскій порядокъ, прекратилъ въ государствѣ анархію, устроилъ суды и финансы, возстановилъ общественную безопасность и законы, и нашелъ, что во Франціи слишкомъ много газетъ. Онъ уничтожилъ 60 и оставилъ только 13, а находилъ, что было бы довольно и четырехъ.

Своимъ проницательнымъ умомъ Наполеонъ понялъ, что французами можно управлять твердою рукою, при помощи театральнаго фанфаронства, громкихъ словъ и побѣдъ надъ сосѣдними государствами. Наполеонъ несомнѣнно обладалъ выдающимися способностями государственнаго человѣка, но пріемы его въ дѣлахъ государственнаго управленія часто были въ высшей степени безнравственны и сказать правду—безчестны.

Его военный геній былъ дѣйствительно великъ и силою этого генія онъ исторгъ у сосѣдей Франціи множество побѣдъ, покрывшихъ славой знамена французской арміи, а эта слава упрочила его положеніе, какъ правителя государства.

Французамъ нужна была военная слава и Наполеонъ началъ войны въ Италіи и Германіи, громко провозглашая, что французы несутъ въ складкахъ своихъ знаменъ свободу народамъ, а эта свобода заключалась въ томъ, что Наполеонъ низлагалъ государей, отбиралъ земельныя владѣнія, присоединялъ къ Франціи, вербовалъ въ свою армію солдатъ, грабилъ жителей, вымогалъ насиліемъ громадныя контрибуціи (поборы) съ мирнаго населенія и повсюду насаждалъ республики, а своихъ генераловъ и офицеровъ обогащалъ изъ добычи; позволялъ имъ грабить непріятельскіе города и населеніе завоеванныхъ государствъ.

Сначала въ 1800 году была такимъ образомъ завоевана Италія, въ тоже время пострадала и южная Германія.

Карта Европы была передѣлана Наполеономъ; многія владѣнія германскихъ князей и герцоговъ были такъ перетасованы и перекроены, что нельзя было знать, кому что принадлежитъ.

Германскія владѣтельныя особы унижались предъ первымъ консуломъ, выпрашивая у него владѣнія на правомъ берегу Рейна взамѣнъ земель, отошедшихъ къ Франціи.

Низость, жадность и своекорыстіе нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, ихъ постыдное поведеніе, подкупы французскихъ министровъ и генераловъ, лесть, раздоры, интриги дошли до омерзѣнія. Государственный строй Германіи былъ разрушенъ и нѣмцы играли жалкую роль бараньяго стада, отданнаго на жертву французскимъ волкамъ.

Наполеонъ не могъ не чувствовать презрѣнія къ этимъ жалкимъ людямъ, совершенно лишеннымъ патріотизма. Онъ и вообще то былъ склоненъ презирать людей, подчиняясь прихотямъ своей грубой, жестокой натуры, но безчестная низость нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей,

ползавшихъ предъ нимъ на брюхѣ, укрѣпила его въ мысляхъ о неизмѣримомъ превосходствѣ его личности.

Въ 1802 году Наполеонъ изъ временного сталъ пожизненнымъ консуломъ французской республики, съ правомъ назначить себѣ преемника. Это былъ предпослѣдній шагъ къ монархіи.

Затѣмъ послѣдовала война съ Англіей, — надобно же было прибавить новой побѣдной славы орламъ пожизненнаго консула. Французы заняли Ганноверъ—владѣніе англійскаго короля; Германія не

Наполеонъ I—Императоръ.

сопротивлялась. Въ тоже время французская армія заняла Неаполь. Теперь уже можно было сдѣлать послѣдній шагъ къ установленію монархіи во Франціи: 18 мая 1804 года сенатъ провозгласилъ Наполеона Бонапарте потомственнымъ императоромъ французовъ.

Римскій папа, ограбленный французскими войсками, съ помощью польскихъ легіоновъ, былъ вызванъ въ Парижъ для коронованія но-

ваго императора. Коронованіе совершилось очень торжественно, но когда папа хотѣлъ возложить корону на голову императора, Наполеонъ грубо вырвалъ ее изъ рукъ папы и возложилъ на себя самъ. Этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ „дурно воспитанъ."

Какъ только Наполеонъ принялъ императорскій титулъ, всѣ основанныя имъ республики превратились въ королевства и вице-королевства. Родственники императора стали королями, старшіе генералы—маршалами, герцогами, князьями, младшіе—графами, баронами и т. д. За то всѣ остальные французы изъ гражданъ превратились въ подданныхъ.

Пышность двора Наполеона соотвѣтствовала важности императорскаго титула, и все было учреждено такъ, чтобы напоминать всему міру и прежде всего Франціи о временахъ Карла Великаго: Карлъ, завоевалъ Лонгобардію, принялъ титулъ короля франкскаго и лонгобардскаго,—и Наполеонъ короновался вторично въ Миланѣ якобы желѣзною короною Карла Великаго. Это было очень театрально и стоило большихъ денегъ, но за все заплатили итальянцы.

Сынъ бѣднаго корсиканскаго адвоката вообразилъ, что, надѣвъ на себя корону императора Карла Великаго, получилъ право проливать кровь людей безъ мѣры и счета для основанія всемірной монархіи, властелиномъ которой ему хотѣлось быть. Одерживая легкія побѣды надъ разрозненными итальянцами и нѣмцами, Наполеонъ привыкъ вѣрить въ людскую глупость. Онъ серьезно былъ убѣжденъ, что никто на свѣтѣ не можетъ сравняться съ нимъ умомъ и талантами государственной мудрости. Лесть и низкопоклонство сдѣлали изъ него самоувѣреннаго, надменнаго фанфарона. Его талантливость размѣнялась на вредныя прихоти и на театральную обстановку непомѣрно кичливаго властолюбца. Никто въ Европѣ не вѣрилъ Наполеону: его считали обманщикомъ.

Внутри Франціи императоръ Наполеонъ являлся властнымъ государемъ, сокрушившимъ революціонную анархію, водворившимъ законность и безопасность жизни общества. Но внѣ Франціи онъ былъ продолжателемъ кровавой воинствующей революціи, стремившейся къ завоеваніямъ, къ разрушенію престоловъ государей, къ грабежу и разоренію иноплеменныхъ государствъ.

Готовясь къ принятію императорскаго титула и къ коронованію, Наполеонъ не постыдился совершить самое гнусное преступленіе—убійство герцога Энгіенскаго, родственника французскаго королевскаго дома. По приказанію Наполеона герцогъ былъ схваченъ французскимъ военнымъ отрядомъ на нѣмецкой территоріи герцогства Баденскаго, привезенъ въ Парижъ, судимъ за соучастіе въ заговорѣ, къ которому причастенъ не былъ и разстрѣлянъ во рву Венсенскаго замка.

Противъ этого убійства раболѣпная Германія и Пруссія не протестовали и промолчали это возмутительное преступленіе. Протестъ выразили: императоръ Александръ и Шведскій король Густавъ III. Разлагавшійся строй нѣмецкаго государства былъ лишенъ всякаго чувства національной чести, и при такомъ смиреніи со стороны нѣмцевъ, наиболѣе затронутыхъ злодѣйской расправой, Наполеонъ въ своей наглости дошелъ до того, что свалилъ дѣло на англійскихъ министровъ и пословъ при нѣмецкихъ дворахъ.

Въ мартѣ 1804 года совершилось это злодѣйство, а 18-го мая того же года Наполеонъ провозглашенъ императоромъ французовъ.

Когда Наполеонъ сдѣлался императоромъ французовъ, онъ сталъ грабить чужія государства широкой рукой. Брату своему Іосифу На-

полеонъ далъ такія наставленія: „Ты никогда не удержишься общественнымъ мнѣніемъ и потому стрѣляй немилосердно въ лаццарони (чернь города Неаполя): только страхомъ можешь ты внушить итальянскому народу полезное уваженіе къ себѣ.—Наложи на страну контрибуцію въ 30 милліоновъ,—твой способъ дѣйствій слишкомъ не рѣшителенъ, а между тѣмъ солдаты и генералы должны жить въ изобиліи. Ласковымъ обращеніемъ не покоряются народы: я наложилъ на Вѣну 100 милліоновъ и нашли это разумнымъ".

Послѣ того, какъ Наполеонъ побилъ пруссаковъ, онъ взялъ съ нихъ контрибуціями 33 милліона, но потомъ одумался, что мало взялъ и приказалъ составить новый счетъ. „Если можно, писалъ онъ, возвысите требованіе до 200 милліоновъ, тѣмъ лучше; если нельзя 200, то покончите на 154 милліонахъ".

Нельзя отвергать, что въ государственной дѣятельности Наполеона были и нѣкоторыя хорошія стороны. Онъ далъ французамъ сводъ законовъ—Code Napoleon, который остался памятникомъ его правленія, онъ возстановилъ во Франціи католическую религію и обезпечилъ положеніе духовенства договоромъ съ папою Піемъ VII.

Вопросами религіозными Наполеонъ интересовался лишь въ той мѣрѣ, какая относилась къ политикѣ укрѣпленія его власти. Отъ духовенства, какъ и отъ всѣхъ подданныхъ, онъ требовалъ прежде всего повиновенія и поклоненія своей особѣ; всѣ остальные вопросы духовной жизни общества онъ называлъ идеологіей (бреднями) и цинически говорилъ, что людей надо приманивать и подчинять игрушками. Для мыслей о Божескихъ законахъ вѣчной правды у Наполеона не хватало времени, да къ тому же онъ былъ воспитанъ въ такое время, когда законы разума были поставлены превыше ученія Христа Спасителя.

Нѣмецкіе ученые и историки наполеоновой эпохи находятъ, что Наполеонъ ввелъ много полезныхъ законовъ въ жизнь раздробленнаго германскаго государства. Дѣйствительно, можетъ быть, это было полезно Германіи, что Наполеонъ сильно уменьшилъ число владѣтельныхъ князей и герцоговъ Германіи, потому что ихъ было очень много, но по правдѣ и не въ обиду нѣмцамъ слѣдуетъ сказать, что въ наполеоново время Германія пережила чужеземное иго, пожалуй, въ болѣе тяжелой мѣрѣ, чѣмъ Россія во времена владычества татаръ.

Наполеонъ грабилъ нѣмцевъ не меньше, чѣмъ грабили Россію татары, но сіи послѣдніе не брали русскихъ въ свои войска, какъ дѣлалъ это императоръ французовъ. Нѣмцамъ приходилось отдавать плоть и кровь народа для завоеваній, производимыхъ жестокимъ утѣснителемъ всей Европы.

Татарскіе ханы предоставили московскимъ князьямъ право взимать съ народа ордынскіе дани и выходы, а Наполеонъ выколачивалъ налоги и подати посредствомъ французскихъ чиновниковъ и выколачивалъ столь усердно, что сами нѣмцы удивлялись терпѣнію народа и его способности выносить страшные поборы, взыскиваемые насильственнымъ путемъ.

Послѣ войнъ 1805 и 1806 годовъ, въ которыхъ Россія участвовала, какъ союзница Австріи и Пруссіи, и особенно послѣ войны 1809 года, Наполеонъ обрушился на Германію, и растопталъ ея государственное устройство. Австрія была вытѣснена изъ Германской Имперіи. Пруссія унижена отнятіемъ земель, и съ той и съ другой Наполеонъ взыскалъ громадныя контрибуціи деньгами. Изъ остальныхъ германскихъ государствъ былъ образованъ Рейнскій союзъ, нахо-

дившійся въ полномъ подчиненіи Наполеону; многія нѣмецкія области прямо присоединены къ Франціи.

Для болѣе прочнаго прикрѣпленія своихъ нѣмецкихъ союзниковъ къ Франціи, Наполеонъ, какъ покровитель Рейнскаго союза, приказалъ схватить, судить и разстрѣлять нюренбергскаго книгопродавца Іоанна Пальма за продажу брошюры „Германія въ униженіи“.

Въ это время Наполеонъ проявилъ чрезвычайное самовластіе и ежедневно попиралъ ногами божественныя и человѣческія права.

Съ 1810 года Наполеонъ началъ приготовленія къ войнѣ съ Россіей и по этому поводу опять страшно грабилъ нѣмцевъ. Денежные расходы на приготовленія къ походу были очень велики и Наполеонъ придумалъ средство обогатиться, выдавая за деньги разрѣшенія торговать англійскими и колоніальными товарами.

Эти товары прямо покупались за личный счетъ императора и продавались по опредѣленной цѣнѣ съ огромнымъ барышемъ. Наконецъ Наполеонъ прибѣгъ къ средству прямо безчестному: онъ приказалъ напечатать фальшивыя русскія ассигнаціи и приказалъ уплачивать ими за съѣстные припасы, заготовляемые для арміи въ Россіи.

Наполеонъ образовалъ громадную армію для похода въ Россію и собственно говоря, не нуждался въ помощи Австріи и Пруссіи. Эта помощь ему была предложена нашими бывшими союзниками, за которыхъ Россія такъ недавно проливала кровь. Пруссія и Австрія примкнули къ Наполеону добровольно и обязались выставить по одному корпусу войскъ силою въ 20.000 и 30.000 челов., а въ договорахъ о союзѣ было обѣщано имъ пріобрѣтеніе вознагражденія изъ „новыхъ владѣній“! Наши недавніе друзья дѣлили съ Наполеономъ шкуру русскаго медвѣдя, не убивши звѣря. Стоило ли послѣ этого ихъ освобождать отъ наполеонова ига?

Поляки герцогства Варшавскаго бросились на колѣни предъ Наполеономъ и лизали его руки. Они сулили Наполеону помощь войсками и припасами. Дѣйствительно поляки собрали 85.000 солдатъ, но когда пожелали показать ихъ на смотру министру Наполеона, то оказалось, что набранное войско сидитъ безъ сапогъ и вывести его на смотръ нельзя.

Наполеонъ не довѣрялъ воодушевленію и хвастовству поляковъ, онъ не желалъ быть Донъ-Кихотомъ Польши, однако, приказалъ подогрѣвать горячность поляковъ, не давая никакихъ обѣщаній о возстановленіи польскаго королевства, да это было и неудобно для Наполеона, только что вступившаго въ союзъ съ Австріей и Пруссіей.

Императоръ Александръ имѣлъ въ Польшѣ свою партію, группировавшуюся около фамиліи Чарторыйскихъ, у Наполеона была своя партія Понятовскихъ и др. Поляки раздѣлились: согласія не было. Крику, шуму, рѣчей, интригъ было много, но серьезнаго воодушевленія не было, да откуда ему взяться, когда поляки узнали, что Наполеонъ на неоднократныя просьбы о провозглашеніи независимости Польши давалъ уклончивые, коварные отвѣты, а стоявшія въ Польшѣ французскія войска грабили и буйствовали, какъ въ непріятельской землѣ.

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, Наполеонъ просто обманывалъ людей легковѣрныхъ или запугивалъ трусливыхъ. У него была манера развивать широкіе фантастическіе планы. Таковъ напримѣръ планъ изгнанія турокъ изъ Европы и планъ похода въ Индію. Выслушивая эти планы, близкіе къ Наполеону люди, даже его министры, думали, что Наполеонъ близокъ къ сумасшествію. Но императоръ Александръ проникъ въ эту черту характера Наполеона и когда Чарторый-

скій сказалъ, что ходятъ слухи о болѣзни Наполеона, о возможности сумасшествія, Александръ сказалъ: „Никогда Наполеонъ не сойдетъ

Съ картины Делароша.

Наполеонъ I.

съ-ума. Среди самыхъ сильныхъ волненій у него голова всегда спокойна и холодна. Страстныя выходки его—большей частью обдуманы.

Онъ ничего не дѣлаетъ, не разсчитавши заранѣе. У Наполеона всѣ средства хороши, лишь бы вели къ цѣли".

Наполеонъ шелъ на Россію, какъ завоеватель и разрушитель Россійской Имперіи. Принимая въ Вильнѣ депутацію поляковъ, Наполеонъ прямо имъ сказалъ, что они должны поднять возстаніе противъ русскаго императора не только въ западныхъ губерніяхъ, населенныхъ русскимъ народомъ, но и въ исконныхъ русскихъ областяхъ: въ Витебскѣ, Могилевѣ, на Волыни, въ Подоліи и Украйнѣ. Онъ разжигалъ пламя бунта, подстрекая поляковъ къ возстанію.

Наполеонъ думалъ поднять крестьянъ на бунтъ противъ дворянъ—помѣщиковъ, онъ намѣревался повторить въ Россіи Пугачевщину и разсчитывалъ возбудить въ народѣ измѣну законному самодержавному государю.

Поляки увѣрили Наполеона, что все это легко сдѣлать въ Россіи. Наполеонъ называлъ мятежъ противъ законнаго государя святымъ дѣломъ, а отторженіе областей древняго достоянія Россійской Державы—законнымъ правомъ иноземнаго завоевателя.

Какую участь для Россіи прозрѣвалъ онъ въ своемъ умѣ?—сказать трудно. Безъ сомнѣнія онъ разсчитывалъ на блестящія побѣды, на разгромъ русскихъ армій, на занятіе древней русской столицы и на заключеніе мира въ Москвѣ. Возможно предполагать, что Наполеонъ думалъ о возстановленіи Польши въ предѣлахъ ея владѣній до раздѣловъ. Наполеону нуженъ былъ союзникъ на Востокѣ Европы, какъ императору Александру нуженъ былъ союзъ съ Пруссіей противъ Франціи.

Но у Наполеона кромѣ того, роились въ головѣ сумасбродные планы основанія всемірной монархіи, въ родѣ имперіи Александра Македонскаго. Наполеонъ думалъ о завоеваніи Турціи и Индіи. Это не былъ бредъ помѣшаннаго человѣка. Въ одной изъ вновь изданныхъ брошюръ объ Отечественной войнѣ („Столѣтіе Отечественной войны 1812 г." В. В. Назаревскій—Москва 1911 г.) приводится слѣдующее: „Есть свидѣтельство одного современника, что Наполеонъ думалъ, по заключеніи мира въ Москвѣ, провозгласить себя здѣсь императоромъ всего Запада, главой европейской федераціи и защитникомъ христіанской религіи на Востокѣ, и для предстоящей церемоніи взялъ изъ Парижа все свое императорское облаченіе, которое погибло во время похода".

При извѣстной наклонности Наполеона къ театральности и фанфаронству, можно думать, что если бы ему въ войну 1812 года не измѣнило военное счастье, онъ продѣлалъ бы въ Москвѣ какую-нибудь необыкновенно пышную, трескучую церемонію, оскорбительную для русскаго императора и для всего русскаго народа.

Совершенно напрасно многіе историки упрекали Наполеона въ томъ, что его военный планъ похода на Россію былъ безуменъ. Особенность военнаго генія Наполеона заключилась въ томъ, что планы самыхъ огромныхъ предпріятій онъ составлялъ, обдумывая строго математически всѣ могущія встрѣтиться препятствія и соразмѣрялъ съ ними свои средства. Наполеонъ взвѣсилъ все: онъ зналъ до послѣднихъ мелочей численный составъ нашихъ армій, число возможможныхъ подкрѣпленій, принялъ въ соображеніи огромныя разстоянія, трудность прокормить людей и лошадей, принялъ въ разсчетъ, что въ эту кампанію онъ будетъ каждый день тратить гораздо больше людей, чѣмъ въ другіе походы и отъ храбрости враговъ и отъ трудностей всякаго рода.

Имѣя 600.000 человѣкъ, казалось вполнѣ вѣроятнымъ дойти до Москвы по крайней мѣрѣ съ 200.000 человѣкъ, и на пути воспользоваться однимъ изъ тысячи случаевъ разбить малочисленныя русскія арміи. Онъ много разъ пересчитывалъ и повѣрялъ свои цифры: все выходило вѣрно. „Съ такими средствами мы пожремъ всѣ препятствія“!—восклицалъ онъ...

Особенность военнаго генія Наполеона заключалась въ томъ, что онъ никогда не составлялъ письменныхъ плановъ. Они во всѣхъ подробностяхъ держались въ его удивительной головѣ, и это можно объяснить только его замѣчательной памятью.

„Когда я составляю планъ кампаніи“, сказалъ онъ однажды, „нѣтъ человѣка болѣе боязливаго, чѣмъ я. Я преувеличиваю возмож-

Іоахимъ Мюратъ, король Неаполетанскій,

зять Наполеона.

ную опасность, воображаю себѣ всяческія бѣдствія, нахожусь въ самомъ тягостномъ волненіи, хотя и сохраняю спокойный видъ“.

Хотя это его подлинныя выраженія, но довольно трудно повѣрить, что онъ предвидѣлъ „всяческія бѣдствія“, обрушившіяся на его арміи при отступленіи изъ Россіи въ 1812-мъ году.

И однако, его арміи разбились о русскую грудь, и онъ самъ едва спасъ свою жизнь и судьбу!

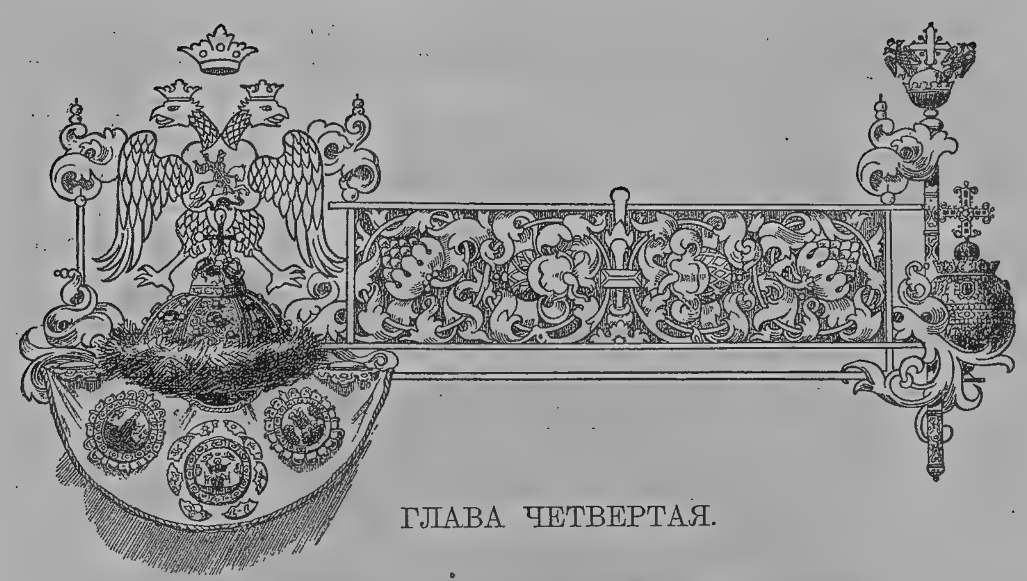
И всѣ эта страшная небывалая гибель громадной арміи произошла потому, что геніальный полководецъ не проникъ въ тайны весьма сложнаго характера императора Александра и не оцѣнилъ въ этомъ характерѣ черты величавой твердости духа, нравственныхъ совершенствъ и благородства возвышеннаго и безпримѣрнаго.

Не принялъ въ соображеніе Наполеонъ и той великой мощи русскаго народа, которая выразилась рѣшимостью жечь все добро, уничтожать имущество, чтобъ оно не досталось врагу, не облегчило ему трудностей похода и—защищаться до послѣдней капли крови, истребляя врага безпощадно всѣми средствами. Наполеонъ не ожидалъ, что война въ Россіи будетъ войной народной, хотя примѣръ такой войны онъ уже испыталъ въ Испаніи.

Но этотъ урокъ для Наполеона пропалъ даромъ. Его холодный умъ не уносился въ область религіознаго духа и нравственныхъ идеаловъ народовъ. По его мнѣнію, это были бредни, къ которымъ онъ относился съ презрѣніемъ.

За такую односторонность сужденій о природѣ человѣка Наполеонъ поплатился жестоко: онъ, который прошелъ войной и грабежемъ всю Европу вдоль и поперекъ, расшибся о несокрушимую твердость духа Царя и народа русскаго.

Ордена, оружіе и шляпа Наполеона.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Приготовленія къ войнѣ 1812 года.

Предъ наступленіемъ Отечественной войны Наполеонъ располагалъ всѣми силами Западной Европы. Французской имперіи принадлежала государственная власть надъ Бельгіей, Голландіей, Швейцаріей, верхней Италіей и нѣмецкими провинціями по берегу Сѣвернаго моря.

На престолѣ Неаполитанскаго королевства сидѣлъ Іоахимъ Мюратъ, зять Наполеона; въ Германіи, въ числѣ государствъ Рейнскаго союза, было образовано Вестфальское королевство, отданное брату Наполеона, Іерониму. Всѣ германскія государства Рейнскаго союза были въ союзѣ съ Франціею. Иллирія и Далмація были подвластны Франціи, въ Герцогствѣ Варшавскомъ французы распоряжались, какъ въ завоеванномъ владѣніи.

Въ Испаніи на королевскомъ тронѣ сидѣлъ братъ Наполеона Іосифъ. Союзные договоры съ Пруссіей и Австріей были заключены. Захотѣлось Наполеону привлечь къ союзу и Турцію, да неудалось.

Кутузовъ разбилъ турокъ, заманилъ ихъ на лѣвый берегъ Дуная и подъ Журжевымъ, окружилъ и взялъ въ плѣнъ всю армію. Султанъ вынужденъ былъ заключить миръ въ Букарестѣ 16 мая 1812 г.

Наполеонъ, узнавъ о побѣдѣ Кутузова надъ турками, былъ страшно взбѣшенъ: „Какъ понять этихъ собакъ, этихъ негодяевъ турокъ, допустившихъ побить себя такимъ образомъ; кто могъ предвидѣть это?"

Когда Наполеонъ предложилъ султану заключить союзъ противъ Россіи, у Турціи осталось только 15.000 войска. Союзъ съ Турціей оказался невозможнымъ.

Съ 1811 года Наполеонъ спѣшилъ приготовленіями къ походу въ Россію. Войска стягивались со всѣхъ сторонъ и сосредоточивались въ Германіи, откуда двигались черезъ Пруссію къ русской границѣ.

Наполеонъ взялъ съ собой слишкомъ много артиллеріи и лошади подъ орудіями были плохи. Когда армія вступила въ Пруссію, то взамѣнъ больныхъ и палыхъ лошадей брали силой новыхъ у жителей, выдавая безденежныя росписки, которыя засчитывались въ уплату

контрибуціи, наложенной на Пруссію. Тоже самое продѣлывали французскіе начальники, забирая безденежно у жителей провіантъ для людей и фуражъ для лошадей.

Походъ производился быстро и столпленіе войскъ на дорогахъ было такъ велико, что телѣги отставали на цѣлые переходы; тогда войскамъ провіанта не раздавали и каждый полкъ былъ принужденъ повсюду разсылать отряды для отбиранія припасовъ у жителей.

Нѣмцамъ долго былъ памятенъ этотъ походъ наполеоновой арміи. Французскіе генералы распоряжались самоуправно. Генералы Наполеона не стѣснялись сажать подъ арестъ нѣмецкихъ чиновниковъ. Гдѣ командовалъ французъ, тамъ никакая справедливость, никакой законъ не защищали нѣмцевъ.

Саксонскій король, какъ владѣтель Герцогства Варшавскаго, долженъ былъ сдѣлать заготовленія для польской арміи, и получилъ отъ Наполеона въ видѣ пособія русскія фальшивыя ассигнаціи на шесть милліоновъ талеровъ. Но при первой попыткѣ пустить въ оборотъ, ассигнаціи были признаны фальшивыми.

Жиды не отказывались ихъ брать, но принимали съ большимъ учетомъ. Французскіе интенданты пускали въ ходъ русскія фальшивыя ассигнаціи при всякой расплатѣ. Когда Наполеонъ былъ въ Москвѣ, приказано было выдавать войскамъ жалованье этими ассигнаціями. Наполеонъ какъ-будто бы предчувствовалъ, что ему не удастся поживиться въ Россіи контрибуціями и придумалъ средство сорвать съ Россіи контрибуцію фальшивыми бумажными деньгами.

Пруссія въ особенности пострадала при прохожденіи войскъ Наполеона: она должна была кормить проходящія войска и давать имъ провіантъ на 19 дней. Кромѣ того Пруссія должна была поставить въ счетъ контрибуціи: 44.000 быковъ, 15.000 лошадей, 3.600 телѣгъ съ упряжью, полное устройство лазаретовъ на 20.000 человѣкъ и огромное количество муки, пщеницы, овса, сѣна, соломы, риса, водки и пр. и пр.

Такъ отплачивали французы нѣмцамъ за ихъ покорность и за соблюденіе спокойствія, „которое должно быть первымъ долгомъ гражданина“, какъ объ этомъ объявилъ губернаторъ Берлина наканунѣ вступленія въ столицу Пруссіи побѣдоносной французской арміи.

Не смотря на всѣ трудности содержанія и передвиженія такой громадной арміи, Наполеонъ обнаружилъ удивительную силу ума, памяти и распорядительности. Онъ диктовалъ на память, сколько солдатъ и какихъ офицеровъ нужно послать въ прусскія крѣпости, какъ и гдѣ размѣстить ихъ, какъ наблюдать за всѣмъ, что дѣлается въ Пруссіи.

Наполеонъ помнилъ всѣ цифры, помнилъ, гдѣ нужно построить мосты и укрѣпленія, гдѣ у пруссаковъ лежатъ ружья и военные запасы; перечисляетъ онъ сколько у Пруссіи войскъ и приказываетъ наблюдать, чтобы число ихъ не было увеличено. Онъ приказалъ соорудить огромныя мастерскія въ прусскихъ крѣпостяхъ, ближайшихъ къ русской границѣ, тамъ мастеровые французы додѣлывали то, чего не успѣли приготовить во Франціи.

Всѣ находили, что распоряженія Наполеона превосходны, но предчувствіе угнетало многихъ. Лица близкія къ Наполеону, увѣряли, что, когда онъ отправлялся въ прежніе походы, они не предчувствовали ничего кромѣ побѣдъ, а при началѣ этого похода имѣли смутныя опасенія, не ожидая ничего хорошаго для славы.

Князь Понятовскій, уроженецъ Польши, лучше всѣхъ французскихъ генераловъ знавшій страну, говорилъ, что не должно предпринимать похода внутрь Россіи.

Отношенія Наполеона къ полякамъ имѣли большое значеніе въ ходѣ приготовленій къ этой войнѣ. По Тильзитскому миру, въ 1807 г. Наполеонъ отнялъ у Пруссіи часть польскихъ областей и образовалъ изъ нихъ Герцогство Варшавское, которое отдалъ въ управленіе

Графъ Аракчеевъ.

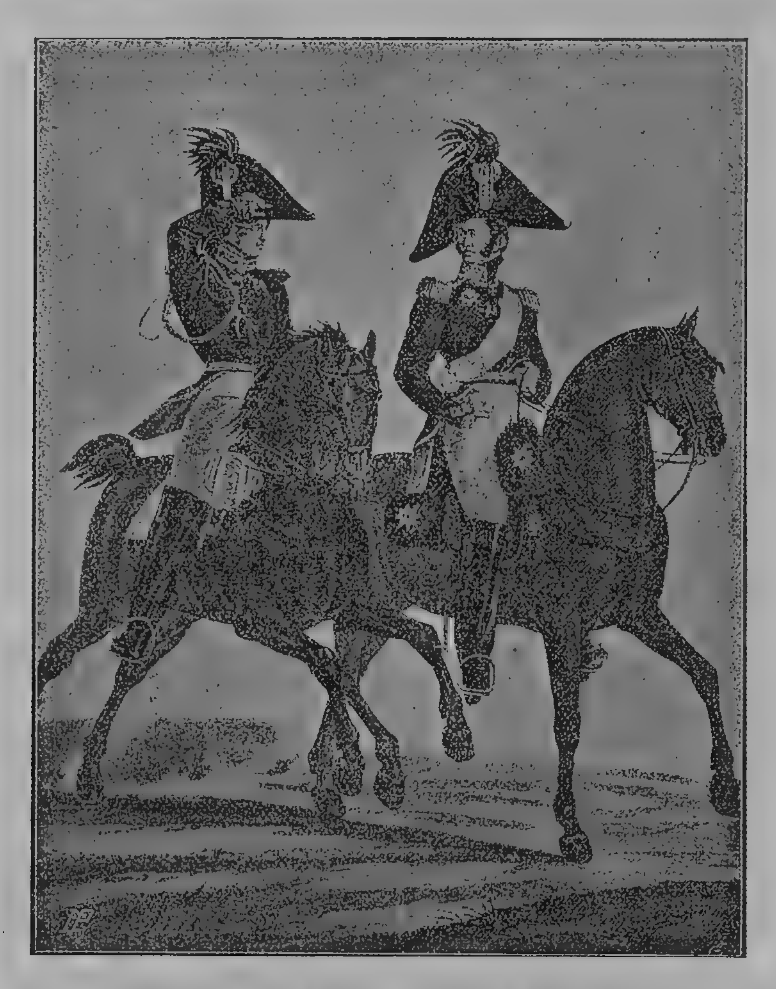
союзнику своему, королю Саксонскому. Но въ сущности въ герцогствѣ всѣмъ распоряжались французскіе чиновники и генералы.

Вестфальскіе солдаты съ своимъ командиромъ грубымъ Вандаммомъ, буйствовали въ Польшѣ, какъ въ непріятельской землѣ. Всѣ кассы опустѣли, повсюду былъ недостатокъ продовольствія и французскіе мародеры жгли, грабили и рѣзали.

Замыслы Наполеона относительно возстановленія Польши были коварны и могли обольстить только легковѣрныхъ поляковъ.

Они думали, что Наполеонъ, идя въ походъ на Россію, провозгласитъ возстановленіе Польши въ древнихъ предѣлахъ до раздѣловъ, но Наполеонъ былъ связанъ союзомъ съ Австріей, которой онъ обѣщалъ спокойное обладаніе польскими провинціями.

Впрочемъ, при всѣмъ извѣстномъ коварствѣ характера Наполеона, можно полагать, что обязательства, данныя имъ Австріи и Пруссіи онъ не постѣснился бы нарушить, если бы военное счастье



Формы русскихъ войскъ: Генералъ и адъютантъ.

въ походѣ на Россію повернулось въ его сторону. Сохраненіе добраго согласія съ Австріей и Пруссіей было нужно Наполеону до извѣстной поры, послѣ чего не было бы больше надобности щадить эти союзныя державы.

Поляки вѣрили въ наполеоново счастье и думали получить изъ его рукъ Польшу отъ Балтійскаго моря до Чернаго, какъ они въ своихъ мечтаніяхъ выражаются:—„отъ моря до моря".

Но Наполеонъ, по обыкновенію, слукавилъ: онъ не объявилъ возстановленіе Польши, а сказалъ полякамъ въ Вильнѣ: „Пусть Литва, Самогитія, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынь, Украйна, Подолія

проникнутся тѣмъ духомъ, который вижу я въ Великой Польшѣ, и провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ святость вашего дѣла“.

Другими словами, Наполеонъ предлагалъ полякамъ взбунтовать противъ Русскаго Царя области и города, населенные русскимъ народомъ, и когда, значитъ, эти области возстанутъ, тогда поляки могутъ ихъ получить изъ рукъ Наполеона, какъ даръ за содѣйствіе въ войнѣ съ Россіей.

Какъ ни легкомысленны поляки вообще, но и они поняли, что Наполеонъ ихъ надуваетъ, предлагая неисполнимую задачу. Поляки шумѣли на собраніяхъ (сеймикахъ), шляхтичи закручивали усы, брянцали саблями, звенѣли огромными шпорами, набрали много солдатъ, но ни одѣть ихъ, ни вооружить не смогли: денегъ не давали, хотя

Штабъ и оберъ-офицеры пѣхоты.

кричали, что жертвуютъ на „ойчизну“ все достояніе. Да у поляковъ и не было денегъ.

Польша всегда была страной безденежной. Благодаря мотовству и разгульной жизни польскихъ пановъ и шляхтичей, всѣ деньги скоплялись въ рукахъ жидовъ, а жиды не были такими дураками, чтобы давать полякамъ деньги на безнадежное дѣло—возстаніе народа противъ Россіи.

Нечего говорить о томъ, что русскій народъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ остался вѣренъ Русскому Царю. Нигдѣ не было народныхъ возстаній противъ русской власти, а напротивъ того,

вездѣ, гдѣ было можно, народъ втихомолку истреблялъ французовъ, какъ грабителей и не давалъ имъ продовольствія.

Бунтовали паны да полупанки—шляхта, но и между ними общаго воодушевленія не было. Заработали только одни жиды на поставкахъ провіанта и фуража французскимъ интендантскимъ чиновникамъ.

Въ арміи Наполеона, двинутой въ походъ, заключалась только половина тѣхъ воинскихъ силъ, которыми онъ располагалъ. По общему счету въ арміяхъ Наполеона въ началѣ 1812 года, во всѣхъ его владѣніяхъ и занятыхъ его войсками государствахъ было:

Русскіе гренадеры.

Французскихъ войскъ	850.000
Итальянскихъ „	50.000
Польскихъ „	60.000
Баварскихъ „	40.000
Саксонскихъ „	30.000
Войскъ Рейнскаго союза	23.000
Вестфальскихъ „	30.000
Виртембергскихъ „	15.000
Баденскихъ „	9.000
Прусскій корпусъ	20.000

Австрійскій	„	30.000
Неаполитанская армія		30.000
	Всего	1.187.000

Такимъ образомъ, во всѣхъ арміяхъ Наполеона находилось 337.000 челов. иностранцевъ. Но въ войскахъ, двинутыхъ противъ Россіи, число иностранцевъ было равно половинѣ арміи.

Для похода въ Россію Наполеонъ имѣлъ:

Пѣхоты	603 батал.
Конницы	526 эскадр.

Русскій драгунъ.

Въ томъ числѣ войскъ, составленныхъ изъ французовъ:

Пѣхоты	286 батал.
Конницы	259 эскадр.

Но и въ этихъ войскахъ, считавшихся чисто французскими, было много иностранцевъ, завербованныхъ на службу Франціи.

Число войскъ, какъ вторгнувшихся съ Наполеономъ въ Россію, такъ и вступившихъ въ продолженіе войны, французскіе военные историки исчисляютъ въ 610.000 строевыхъ, въ томъ числѣ конницы было около 100.000. Въ арміи насчитывалось 187.000 лошадей и 1.372 полевыхъ орудій.

Къ означенному числу строевыхъ слѣдуетъ прибавить разныхъ чиновниковъ, полковыхъ маркитантовъ (лавочниковъ), денщиковъ, ремесленниковъ и нестроевыхъ и тогда, значитъ, вся привалившая съ Наполеономъ сила доходила до 700.000 чел. Кромѣ строевыхъ лошадей кавалеріи и артиллеріи, подъ обозами насчитывалось до 200.000 лошадей и воловъ.

Разноплеменность въ арміи Наполеона была поразительна, и нужно удивляться искусству командующихъ генераловъ и офицеровъ и ихъ умѣнью управиться съ такой разноязычной арміей. Были въ арміи Наполеона: голландцы, швейцарцы, испанцы, португальцы, поляки, кроаты, иллирійцы, итальянцы, сардинцы, неаполитанцы и нѣмцы изъ всѣхъ государствъ Германіи. Въ австрійской арміи привыкли къ разноголосицѣ; въ этой арміи всѣхъ сплачиваетъ нѣмецкая команда, но тамъ дѣло заведено издавна и упрочилось временемъ.

Въ арміяхъ Наполеона стародавняго порядка не было: все было заведено императоромъ французовъ вновь, и тѣмъ не менѣе разноплеменная армія была превосходно обучена и дралась храбро; она имѣла отличный составъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ изъ старослужащихъ нижнихъ чиновъ, природныхъ французовъ.

Наполеонъ не жалѣлъ денегъ на содержаніе арміи, давалъ щедрыя награды; производства, повышенія, отличія шли быстро. Наполеонъ часто говорилъ, что армія хочетъ жить хорошо и онъ давалъ арміи то, чего она желала. За все это, конечно, расплачивались побѣжденныя государства. Одна Франція не вынесла бы тѣхъ чрезвычайныхъ денежныхъ расходовъ, которые требовались на содержаніе громадныхъ армій и на безпрестанныя войны.

Иностранныя войска наполеоновой арміи были растасованы по разнымъ корпусамъ и дивизіямъ съ весьма тонкимъ разсчетомъ, чтобы при войскахъ менѣе надежныхъ перевѣсъ былъ въ числѣ французовъ. Командованіе, конечно, предоставлялось французскимъ офицерамъ, генераламъ и маршаламъ. Въ числѣ корпусныхъ командировъ были: полякъ, кн. Понятовскій, у котораго были исключительно польскія войска и французъ генералъ Ренье, командовавшій саксонцами.

Прусскій вспомогательный корпусъ былъ отданъ подъ команду французскому маршалу Макдональду. Австрійскимъ корпусомъ командовалъ нѣмецъ кн. Шварценбергъ.

Вся наполеонова сила вступила въ предѣлы Россіи не сразу. Въ первыя три недѣли перешли границу Россіи около 400.000 чел., остальные подходили постепенно, направляясь въ разные пункты обширнаго театра войны.

Приготовленія Россіи къ войнѣ были начаты заблаговременно. Императоръ Александръ, рѣшилъ вести войну оборонительную, предоставилъ Наполеону сдѣлать вызовъ къ войнѣ и не прекращалъ переговоровъ съ нимъ, предупреждая, что отъ войны не уклонится.

Въ письмѣ, написанномъ 13 марта 1811 г., государь высказалъ Наполеону: „Повторяю, что если начнется война, то лишь потому, что ваше величество желали ея, и, употребивъ всѣ мои усилія, чтобъ предотвратить ее, я сумѣю сражаться и дорого продамъ свое существованіе“.

Россія сблизилась со Швеціей и 24 марта 1812 года былъ заключенъ союзный съ нею трактатъ. Черезъ три мѣсяца былъ подписанъ и союзный договоръ съ Англіей.

Императору Александру было желательно привлечь и Турцію къ союзу съ Россіей. Въ этомъ смыслѣ даны были приказанія Кутузову, чтобы при заключеніи мира принудилъ Турцію вступить въ союзъ съ

Россіей. Но Турція къ союзу съ нами не пожелала приступить и государь былъ недоволенъ Кутузовымъ. На мѣсто его былъ посланъ въ Дунайскую армію адмиралъ Чичаговъ, „человѣкъ съ головой“, какъ писалъ о немъ императоръ Александръ.

Чичагову даны были указанія: „Коварное поведеніе Австріи, соединившейся съ Франціей, заставляетъ Россію употребить всѣ способы, находящіеся у нея въ рукахъ для опроверженія вредныхъ замысловъ сихъ двухъ державъ“.

Выражалось намѣреніе поднять сербовъ, босняковъ, черногорцевъ, далматинцевъ, хорватовъ, подкрѣпить ихъ нашими войсками, составить изъ нихъ ополченіе и громить Австрію съ юга, обѣщая славянамъ независимость, возстановленіе славянскаго царства и пр.

Но когда выяснилось, что Австрія даетъ Наполеону только 30.000 войска и участвуетъ въ войнѣ, можно сказать, подневольно, то Александръ отмѣнилъ свои намѣренія и приказалъ Дунайской арміи слѣдовать на театръ войны въ Россіи.

Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III „долженъ былъ, какъ онъ писалъ императору Александру, пожертвовать влеченіями своего сердца и заключить союзный договоръ съ Франціей“.

Въ виду ожидавшейся войны съ Франціей, русскія войска были раздѣлены на три арміи. Первая силою въ 127.000 чел., подъ начальствомъ генерала Барклай-де-Толли была расположена отъ границы до Вильны; вторая въ числѣ: 48.000 чел., подъ начальствомъ кн. Багратіона, стояла около города Волковиска и третья, генерала Тормасова, въ числѣ 43.000, находилась на Волыни, около города Луцка.

Во всѣхъ трехъ арміяхъ у насъ было 349 баталіоновъ пѣхоты, 316 эскадроновъ конницы, 83 роты артиллеріи и 36 полковъ казаковъ, всего 218.000 челов. Дунайская армія адмирала Чичагова, прибывшая на театръ войны въ концѣ сентября, состояла изъ 50 баталіоновъ пѣхоты, 56 эскадроновъ конницы и 11 казачьихъ полковъ, къ этой арміи присоединилась впослѣдствіи часть войскъ 3-й арміи генерала Тормасова.

Въ противоположность войскамъ Наполеона, наша армія отличалась однородностью состава и крѣпкой сплоченностью кровнаго народнаго родства. Отсюда происходилъ могучій духъ нашихъ войскъ и непреоборимая стойкость въ бояхъ съ противникомъ, обладавшимъ значительнымъ численнымъ перевѣсомъ. Не смотря на то, что наша армія въ 1812 году состояла въ большой мѣрѣ изъ молодыхъ солдатъ, не бывавшихъ въ походахъ и сраженіяхъ, боевое обученіе арміи было прекрасное и дисциплина поддерживалась образцово.

При однородности состава нашей арміи всѣ отъ мала до велика были одушевлены желаніемъ отстоять честь отечества. Офицерскій составъ арміи почти весь происходилъ изъ дворянскаго сословія, которое отличалось высокимъ пониманіемъ долга воинской чести, патріотизмомъ и страстнымъ желаніемъ поддержать боевую славу, пріобрѣтенную побѣдами въ вѣкъ Петра Великаго и Екатерины II.

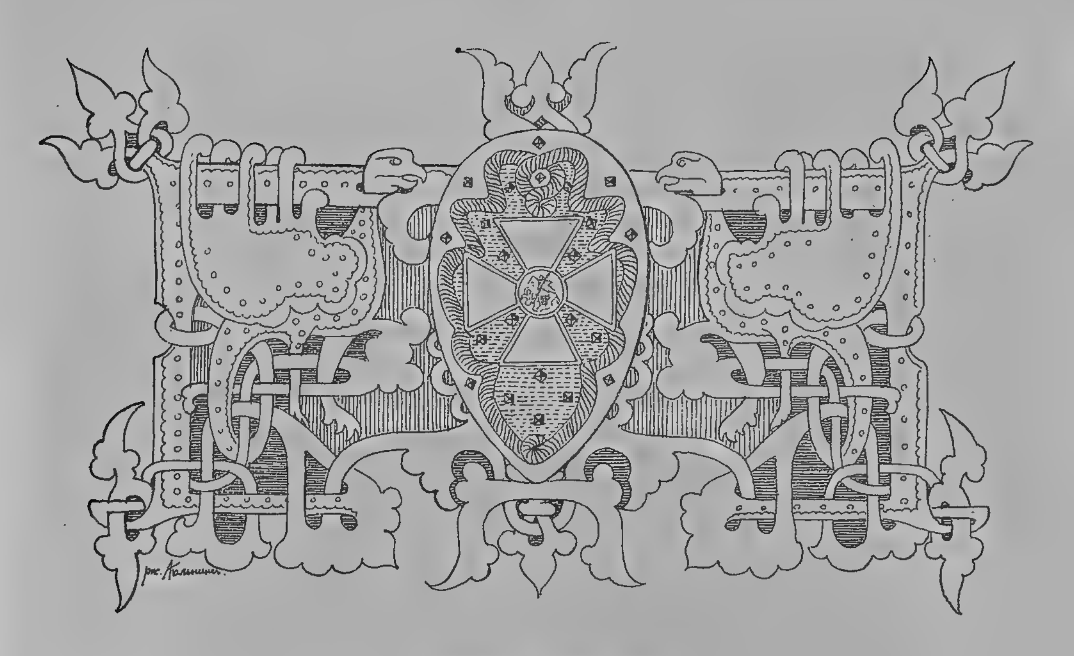
Единство вѣры, единство крови, народнаго духа и языка создали въ русской арміи силу непоколебимую. Вся армія, какъ одинъ человѣкъ, была преисполнена преданности царю и отечеству. Войска горѣли желаніемъ вступить съ дерзкимъ врагомъ въ кровавый бой и защитить родину отъ непріятеля.

Изъ этого обзора силъ обоихъ противниковъ слѣдуетъ заключить, что при открытіи войны Наполеонъ имѣлъ почти тройной перевѣсъ въ числѣ людей и такое же преимущество въ числѣ артиллерійскихъ орудій.

Очень любопытно сужденіе о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ одного изъ бывшихъ маршаловъ Франціи, Бернадота, который былъ въ то время наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Онъ сказалъ нашему посланнику: „Я прошу императора не давать генеральныхъ сраженій, отступать, длить войну—вотъ лучшій способъ дѣйствія противъ французской арміи. Особенно употребляйте казаковъ, они даютъ вамъ большое преимущество предъ французской арміей, которая не имѣетъ ничего подобнаго. Пусть казаки имѣютъ въ виду великую задачу—искать случая проникнуть въ главную квартиру и схватить, если возможно, самого императора Наполеона. Пусть казаки забираютъ все у французской арміи: французскіе солдаты дерутся хорошо, но теряютъ духъ при лишеніяхъ, не берите плѣнныхъ, исключая офицеровъ“.

Совѣты этого опытнаго боевого генерала показываютъ, что онъ хорошо понималъ задачи войны и положеніе нашей арміи, но такого же образа дѣйствій держался и императоръ Александръ, который рѣшилъ, что война будетъ оборонительная.

Трофей войны 1812 г., серебряный орелъ польскаго штандарта.



ГЛАВА ПЯТАЯ.

Наступленіе Наполеона противъ 1-й русской арміи и занятіе Витебска.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1812 года уже обозначилось движеніе французскихъ войскъ въ направленіи къ нашимъ границамъ, и потому императоръ Александръ рѣшилъ отбыть изъ Петербурга къ мѣстамъ расположенія армій.

9-го апрѣля, въ два часа по полудни, государь, отслушавъ молебствіе въ Казанскомъ соборѣ, сопровождаемый молитвами и благословеніями собравшагося во множествѣ народа, выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Вильну, куда и прибылъ 14-го числа, въ день вербнаго воскресенія.

Пребывая въ Вильнѣ, государь дѣлалъ смотры войскамъ и оказывалъ большія милости знатнымъ польскимъ панамъ. Виленскіе поляки принимали награды, отличія и придворныя званія, а въ тоже время мечтали о возстановленіи Польши, объ измѣнѣ и возстаніи.

Наполеонъ, узнавъ о прибытіи государя въ Вильну, выѣхалъ изъ Парижа чрезъ Дрезденъ и Познань къ своей арміи. 10-го іюня Наполеонъ издалъ приказъ по арміямъ, въ которомъ, по обыкновенію, было много напыщенныхъ, трескучихъ словъ и, между прочимъ, такія выраженія: „Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Внесемъ войну въ ея предѣлы. Вторая польская война, точно какъ и первая, прославитъ оружіе французское".

11-го іюня Наполеонъ пріѣхалъ на границу и, надѣвъ на себя шинель и шапку польскаго уланскаго полковника, осмотрѣлъ берега рѣки Нѣмана около г. Ковно и назначилъ мѣста для постройки мостовъ. Триста польскихъ уланъ съ криками „виватъ" бросились въ рѣку и переплыли на коняхъ.

Сохранился разсказъ одного очевидца—участника войны о нѣкоторыхъ происшествіяхъ, случившихся во время переправы арміи черезъ Нѣманъ. Французскій офицеръ кирасирскаго полка разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

„Печальныя мысли не тревожили насъ тогда; полные силъ и надеждъ, гордые принадлежностью къ великой націи, гордые мундиромъ, мы мечтали о славѣ, о побѣдахъ, о движеніи по службѣ, и когда надъ громаднымъ бивакомъ нашимъ поднялось ликующее солнце, мы стремились скорѣе перейти эту пограничную рѣку. Наконецъ раздались звуки трубъ и нашъ кавалерійскій корпусъ пришелъ въ движеніе. Во главѣ дивизіи тронулся нашъ 2-й кирасирскій полкъ и вдругъ внезапно разразилась гроза; мы не успѣли отстегнуть плащи и укрыться ими, какъ были облиты дождемъ, какого я еще никогда не испытывалъ. Когда 2-й эскадронъ полка былъ на мосту, грянулъ громъ такой сильный, что люди мгновенно, какъ по командѣ, наклонили головы къ шеямъ коней; ничего подобнаго такому грому я не слышалъ въ моей жизни. Когда 6-й эскадронъ былъ на мосту, молнія ударила въ понтонъ и явившіеся откуда-то небольшіе камешки ударили по кирасамъ. Лошадь знаменщика съ испуга бросилась въ рѣку и вплавь направилась къ берегу; изъ воды торчала голова несчастнаго всадника и древко штандарта, притороченнаго къ сѣдлу". Авторъ воспоминаній называетъ этотъ случай дурнымъ предзнаменованіемъ.

Но мрачныя предзнаменованія не смущали гордаго завоевателя, пресыщеннаго побѣдами. Подобно молодымъ офицерамъ своей арміи Наполеонъ мечталъ о славѣ, о побѣдахъ:

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ все, и все стерегъ
Очами чудными своими.

* *
*

И мимо проходила рать,
Все грозно боевыя лица,
И неизбѣжная Десница
Клала на нихъ свою печать.

* *
*

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались.

* *
*

Несмѣтно было ихъ число,
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва ль десятое число
Клеймо минуло роковое.

„Проѣзжая черезъ Ковно". Тютчевъ.

Императоръ Александръ получилъ въ Вильнѣ извѣстіе о переправѣ французовъ 12-го числа, находясь на балѣ у ген. Бенигсена, и на другой день былъ объявленъ войскамъ Высочайшій приказъ:

„Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковно, открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь свидѣтеля и защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать Вождямъ, Полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ

долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ".

Жителямъ столицы былъ объявленъ рескриптъ государя, данный на имя главнокомандующаго въ Петербургѣ кн. Салтыкова: „Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной, принудило Насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ моемъ".

Наполеонъ двинулъ противъ 1-й арміи Барклая-де-Толли 300.000 чел. и противъ 2-й арміи кн. Багратіона 80.000 чел. подъ командой

М. Б. Барклай-де-Толли,
Главнокомандующій 1-й арміей.

брата, короля Іеронима. Боковой корпусъ Макдональда 30.000 челов. былъ направленъ изъ Пруссіи въ Курляндію въ охватъ нашей 1-й арміи, а другой такой же корпусъ австрійскихъ войскъ, подъ командой кн. Шварценберга, посланъ изъ герцогства Варшавскаго на Волынь противъ 3-й нашей арміи генерала Тормасова.

Наша 1-я армія силой въ 127.000 имѣла главную квартиру въ Вильнѣ, а принадлежавшій къ составу ея казачій корпусъ атамана Платова былъ выдвинутъ въ Гродно.

Вторая армія кн. Багратіона силою въ 48.000 была расположена у Волковиска.

Наполеонъ рѣшилъ прорвать центръ нашихъ армій и затѣмъ разбить кн. Багратіона, не допустивъ его соединиться съ Барклаемъ. Для этого изъ состава своей главной арміи выдѣлилъ еще корпусъ Даву силою въ 45.000 и двинулъ его во флангъ и тылъ Багратіону.

Отдавъ это приказаніе, Наполеонъ сказалъ: „теперь Барклай-де-Толли и Багратіонъ никогда больше не увидятся". Хвастливая самоувѣренность Наполеона не оправдалась.

При главнокомандующемъ 1-ю арміею Барклай-де-Толли, который въ тоже время былъ и военнымъ министромъ, состояло много нѣмцевъ—пруссаковъ, бѣжавшихъ изъ отечества въ Россію, чтобы учить нашихъ генераловъ воевать съ Наполеономъ. Между этими вояками, неумѣвшими защитить свое отечество, былъ пруссакъ Фуль, который считался очень свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ штабнымъ генераломъ и даже столь умнымъ, что ему поручено было учить нашихъ полководцевъ, сподвижниковъ Суворова: кн. Багратіона, Милорадовича, Платова, и составлять планы войны.

Фуль сочинилъ планъ по всѣмъ правиламъ военной науки стратегіи, и по этому плану предполагалось: въ случаѣ наступленія Наполеона противъ нашей 1-й арміи въ превосходныхъ силахъ, эта армія должна отходить въ укрѣпленный по плану того же Фуля лагерь при г. Дриссѣ на рѣкѣ Западной Двинѣ, а 2-я армія и стоявшій у Гродно казачій корпусъ атамана Платова, должны дѣйствовать во флангъ и въ тылъ непріятелю.

Барклай-де-Толли этому плану не сочувствовалъ, но подчинился рѣшенію императора Александра.

Къ счастью государь во время отказался отъ исполненія этого плана въ силу того, что, Наполеонъ двинулъ одновременно, противъ обѣихъ нашихъ армій силы, весьма превосходящія численный составъ русскихъ войскъ.

Князь Багратіонъ собирался дѣйствовать согласно съ планомъ Фуля, но въ самомъ началѣ движенія получилъ приказаніе императора Александра идти на соединеніе съ 1-й арміей и избѣгать рѣшительныхъ сраженій съ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Пришлось князю Багратіону спѣшить отступленіемъ и сдѣлать быстрый походъ.

Разсмотримъ сначала движенія 1-й арміи Барклай-де-Толли. Двинутыя Наполеономъ силы превышали болѣе чѣмъ вдвое силу арміи Барклая. Французы наступали сначала быстро, энергично, но безпорядочно.

Нашимъ приходилось отходить предъ превосходными силами непріятеля свѣжаго, неистомленнаго. Изъ этого положенія наши арміи вышли съ великой честью: ни одна рота, ни одинъ баталіонъ не были отрѣзаны, только небольшая часть обоза 6-го корпуса была отхвачена непріятелемъ. Войска выдерживали упорные арьергардные бои, не теряя плѣнныхъ.

Первая значительная стычка произошла въ отступающемъ отрядѣ генерала Кульнева, который командовалъ арьергардомъ 1-го корпуса гр. Витгенштейна. При мѣстечкѣ Девелтовѣ 16-го іюня генералъ Кульневъ выдержалъ бой до вечера съ превосходными силами маршала Удино и отступилъ тогда только, когда 1-й корпусъ переправился черезъ рѣку.

По началу уже видно было, что соединеніе двухъ нашихъ армій можетъ состояться гораздо позже, чѣмъ предполагали. Командиры корпусовъ 1-й арміи, отступая предъ превосходными силами, весьма удачно соединили войска въ пунктѣ, назначенномъ главнокомандую-

щимъ, но препятствія встрѣченныя 2-й арміи были велики: кн. Багратіону пришлось отступать кружнымъ путемъ.

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вильны 14 іюня въ г. Дриссу; первая армія отступила туда же; Наполеонъ пріѣхалъ въ Вильну вслѣдъ за своими передовыми войсками 16-го числа и прежде всего занялся учрежденіемъ внутренняго управленія въ литовскихъ губерніяхъ.

Наполеонъ объявилъ освобожденіе польскихъ крѣпостныхъ крестьянъ, но безъ надѣла землей. Панамъ это не понравилось. Сельское населеніе западныхъ губерній, занятыхъ французами, осталось спокойнымъ; волновались и хвастались только паны да шляхта, но скоро и

А. П. Ермоловъ.
Начальникъ штаба 1-й арміи.

они убѣдились, что война крѣпко бьетъ по карману. Поляки были обижены тѣмъ, что на высшія должности по управленію краемъ были назначены французы и различные иностранцы, полякамъ же давали только второстепенныя должности.

Интендантскіе чиновники французской арміи набирались изъ особаго класса людей, отличавшихся безнравственностью, возросшихъ среди ужасовъ революціи и привыкшихъ при многолѣтнихъ войнахъ республиканскихъ генераловъ и самого Наполеона истощать всѣ средства побѣжденныхъ народовъ, грабить ихъ для личной наживы и обогащенія.

Безпорядокъ въ управленіи занятыми французами литовскими и бѣлорусскими губерніями былъ страшный. Помѣщикамъ полякамъ твердили о будущемъ величіи Польши, а требовали поставокъ провіанта, скота, лошадей, подводъ и пр. Денегъ имъ не платили, часто брали силой и поступали, какъ въ непріятельской землѣ. Набирали рекрутъ и волонтеровъ для формированія войскъ; это былъ сбродъ негодныхъ людей, безъ пользы истощавшій край, занятый французами.

Наполеонъ остался съ гвардіей въ Вильнѣ 17 дней. Тутъ-то онъ убѣдился въ томъ, что дальнѣйшій походъ будетъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями.

Двинувъ сразу огромныя силы, Наполеонъ разсчитывалъ захватить наши арміи врасплохъ и разбить покрайней мѣрѣ одну изъ армій около границы. Онъ не выждалъ подвоза продовольственныхъ припасовъ, отправленныхъ изъ Данцига, транспорты отстали и войска начали нуждаться въ хлѣбѣ и фуражѣ. Западныя губерніи были истощены долговременнымъ пребываніемъ нашихъ войскъ, да къ тому же истекшій годъ былъ неурожайный.

Участникъ похода, воспоминанія котораго мы уже приводили, говоритъ, что отъ самой границы до Вильны конница не получила ни сѣна, ни овса, кормили травой. Въ Вильнѣ нашли большой складъ овса, приготовленный для русской конницы, но складъ этотъ былъ подожженъ; овесъ пропитался дымомъ и лошади его не ѣли. Удивительно, говоритъ французъ, то отвращеніе, которое лошадь питаетъ къ дыму и вообще къ горѣлому".

„На бивакахъ арміи подъ Вильной было такъ тѣсно и скучено, что не хватало дровъ для разведенія огня. Между тѣмъ погода испортилась, подулъ холодный вѣтеръ съ дождемъ и мокрымъ снѣгомъ. Лошади страдали и падали тысячами. „Дознано, пишетъ французъ, что эта роковая ночь стоила французской арміи жизни 10.000 лошадей. Эта ночь, вообще стоила намъ цѣлаго сраженія. Но, что такое потеря въ людяхъ! Лошади стоили денегъ, а людей можно легко получить новымъ приказомъ о наборѣ".

Пришлось Наполеону оставить въ Вильнѣ 100 орудій, 300 зарядныхъ ящиковъ и множество обозныхъ фуръ. Оказалось до 1.500 безлошадныхъ кавалеристовъ. Уже въ Вильнѣ войска начали грабить у жителей съѣстные припасы и фуражъ для лошадей; командиры насчитывали до 30.000 человѣкъ, разсѣявшихся по окрестностямъ города для мародерства. Таково было разстройство главной французской арміи, совершившееся, можно сказать, въ первую недѣлю похода, на глазахъ Наполеона.

При самомъ вступленіи арміи Наполеона въ предѣлы Россіи обнаружился полнѣйшій безпорядокъ въ интендантской части французской арміи. Войска голодали, изнурялись, привыкали къ распущенности и мародерству. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ сердился, дѣлалъ рѣзкіе выговоры начальникамъ, напримѣръ наслѣдному принцу виртембергскому, но не устранилъ безпорядка. Войска притѣсняли и грабили жителей. Офицеръ виртембергской артиллерійской бригады въ своемъ замѣчательно правдивомъ дневникѣ пишетъ: „армія, нуждаясь, по причинѣ своей многочисленности и быстроты маршей, съ первыхъ же дней похода во всемъ насущномъ, была вынуждена къ болѣе тяжелымъ для войскъ поборамъ (реквизиціямъ)".

„Начиная съ третьяго марша въ предѣлахъ Россіи, съ 15-го іюня начались роковыя для насъ фуражировки и поборы, озлоблявшіе противъ насъ населеніе освобождаемой нами Литвы и въ корнѣ подрывавшіе въ войскахъ дисциплину, что и послужило главнымъ основа-

ніемъ уничтоженія великой арміи. Каждое утро съ биваковъ въ разныя стороны отправлялись толпы и цѣлые отряды фуражировъ, возвращавшихся съ разныхъ сторонъ на слѣдующій по переходѣ бивакъ".

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что первоначальные марши французскихъ корпусовъ были стремительны. Наполеонъ искалъ случая разбить русскіе корпуса около Ковны или у Вильны, но отступленіе нашихъ армій разстроило планы Наполеона. Войска его дѣлали уси-

Переправа французской арміи черезъ р. Нѣманъ.

ленные переходы по дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, часто въ распутицу и все болѣе и болѣе разстраивались. Артиллеристъ-виртембержецъ говоритъ: „нужда въ хлѣбѣ была такъ велика, что за небольшой хлѣбъ платили талеръ (90 коп.) и солдаты вымѣнивали у услужливыхъ евреевъ хлѣбъ на деньги и на все, что было можно, даже на шкуры порціоннаго скота".

„Огромную услугу оказывали французамъ евреи, пишетъ тотъ же участникъ похода, не убѣгавшіе подобно прочему населенію въ лѣса, а остававшіеся дома и, ради наживы, не брезгавшіе исполненіемъ всякихъ порученій. Благодаря знанію ими нашего (нѣмецкаго) языка, они отлично служили намъ проводниками, но неохотно исполняли порученія, связанныя съ опасностью (тайныя развѣдки). Возвращеніе на бивакъ нашихъ фуражировъ, верхомъ на захваченныхъ крестьянскихъ лошадяхъ, до верха нагруженныхъ предметами всякаго рода, обыкновенно сопровождалось евреями, служившими проводниками и указателями (короче факторами)".

Это свидѣтельство очевидца драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что превосходно очерчиваетъ низкую, предательскую роль евреевъ во время войны: они являлись указателями чужого добра, которымъ грабители пользовались; при чемъ эти же евреи являлись и скупщиками цѣнныхъ предметовъ, награбленныхъ мародерами.

„Къ сожалѣнію, говоритъ артиллеристъ, за Смоленскомъ мы уже лишились этого полезнаго содѣйствія евреевъ".

Побуждаемые Наполеономъ французскіе генералы рвались въ бой, а наши отступали, сжигали за собой запасы продовольствія въ

Французскіе мародеры, продающіе евреямъ награбленныя вещи.
Изъ альбома Фаберъ-дю-Фора.

селахъ, и зачастую французская конница съ остервенѣніемъ бросалась въ атаку на нашу кавалерію, чтобы упредить сожженіе тѣхъ запасовъ, которые наша армія должна была оставить.

Первая русская армія отступала на Дриссу, гдѣ былъ укрѣпленный лагерь. Императоръ Александръ прибылъ туда 28 іюня. Лагерь былъ построенъ по плану прусскаго генерала Фуля, примыкалъ къ рѣкѣ, которая протекаетъ въ тылу войскъ, былъ тѣсенъ и лежалъ въ сторонѣ отъ пути отступленія на Смоленскъ—пунктъ соединенія армій. Государю было доложено объ опасности расположенія арміи въ лагерѣ для принятія сраженія. Лагерь могъ быть обойденъ непріятелемъ и армія была бы отрѣзана отъ внутреннихъ губерній. Государь согласился съ этими доводами и армія продолжала отступать къ Полоцку и Витебску, по правому берегу р. Зап. Двины. Армія Наполеона шла по лѣвому берегу. При отступленіи 1-й арміи былъ выдѣленъ цѣлый корпусъ войскъ для преграждѣнія непріятелю пути наступленія на Петербургъ. Корпусомъ этимъ командовалъ графъ Витгенштейнъ. 1-я

армія, и безъ того уступавшая силамъ, противъ нея направленнымъ, уменьшилась на 25.000 человѣкъ.

Во время отступленія 1-й арміи отъ Полоцка къ Витебску пришлось выдержать трехдневные упорные бои при мѣстечкѣ Островнѣ, въ 17 верстахъ отъ губернскаго города Витебска. Русскія войска подъ командой сначала графа Остермана-Толстаго, а потомъ генерала Коновницына и графа Палена, дрались геройски противъ большихъ силъ непріятеля. Въ первый день боя 13-го іюля, когда непріятель напиралъ весьма сильно, начальники спрашивали у Остермана, что дѣлать? Генералъ отвѣчалъ: „стоять и умирать". Точно также и на другой день, когда командовалъ генералъ Коновницынъ, въ бою при Кукувачинѣ, онъ отдалъ приказаніе: „умирать, а не пускать непріятеля". Эти слова приведены въ жизнеописаніяхъ храбрыхъ вождей русской арміи.

Русскій кирасиръ.

Войска генерала Коновницына снялись съ позиціи тогда, когда приказано было отступить. Наполеонъ прибылъ на поле сраженія подъ конецъ дѣла.

Трехдневныя сраженія подъ Витебскомъ даны были вслѣдствіе того, что въ этомъ пунктѣ назначено было соединеніе нашихъ армій, но отъ кн. Багратіона прибылъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что 2-я армія не можетъ пробиться къ Витебску, и тогда Барклай-де-Толли

отступилъ къ Смоленску. О пребыванiи Наполеона въ Витебскѣ сохранились интересныя подробности: „На разсвѣтѣ 16 iюля начали вступать въ Витебскъ французскiе полки и выстроились по сторонамъ улицъ. Наполеонъ остановился по дорогѣ противъ Лукишекъ, въ верстѣ отъ города. Сойдя съ лошади, онъ сѣлъ при большой дорогѣ и, спустивъ ноги въ канаву, смотрѣлъ на проходившiя мимо него войска.

Ровно въ 7 ч. утра Наполеонъ въѣхалъ въ городъ среди своихъ маршаловъ и генераловъ: онъ ѣхалъ шагомъ на буланой лошади между двумя рядами войскъ, привѣтствовавшихъ его громогласными кликами. Проѣхавъ за Смоленскую заставу, Наполеонъ, проскакавъ по Петербургской дорогѣ версты три и, осмотрѣвъ мѣстность, возвратился въ отведенный ему домъ. Войдя въ комнату, онъ отстегнулъ свою шпагу, бросилъ ее на столъ, покрытый развернутыми картами Россiи и сказалъ: „Я здѣсь остановлюсь, познакомлюсь съ мѣстностью, соединю корпуса моей армiи, дамъ ей отдохнуть и устрою Польшу. Военныя дѣйствiя кампанiи 1812 г. окончены; будущiй годъ окончитъ остальное".

Затѣмъ, помѣстившись въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ, Наполеонъ ежедневно ѣздилъ верхомъ по городу и за городъ, почти всегда въ 7 ч. по полудни. Ознакомившись съ городомъ, онъ принялъ мѣры къ временному его укрѣпленiю на случай атаки. На Двинѣ построены были три моста; лѣсъ, желѣзо, канаты и другiе матерiалы для этой постройки французы забирали, гдѣ находили. Для устройства передъ дворцомъ площади было сломано нѣсколько деревянныхъ домовъ и стѣны строившейся каменной Преображенской церкви; на этой площадкѣ въ 6 ч. утра ежедневно бывалъ разводъ.

Большая часть жителей оставила городъ, только евреи остались всѣ. Разсказываютъ, что евреи одинаково привѣтствовали какъ французовъ, такъ впослѣдствiи и русскiя войска: „хвала Богу, что наши пришли"—такъ говорили они тѣмъ и другимъ.

Если послѣ занятiя Витебска у Наполеона и явилось мимолетное намѣренiе остановить наступленiе армiй и занять зимнiя квартиры, то это намѣренiе скоро исчезло. На собранномъ военномъ совѣтѣ онъ заявилъ маршаламъ, что намѣренъ двинуть армiю къ Москвѣ: „Для чего останавливаться здѣсь на восемь мѣсяцевъ, когда въ 20 дней мы можемъ достигнуть цѣли? Не для овладѣнiя ничтожнымъ Витебскомъ пришелъ я въ Россiю. Разгромимъ русскихъ и черезъ мѣсяцъ будемъ въ Москвѣ."

Въ Витебскѣ Наполеонъ узналъ о манифестѣ императора Александра и понялъ, что скоро забушуетъ народная война. Воззванiя встревожили и удивили Наполеона. Онъ приказывалъ нѣсколько разъ прочитывать ему переводъ манифеста.

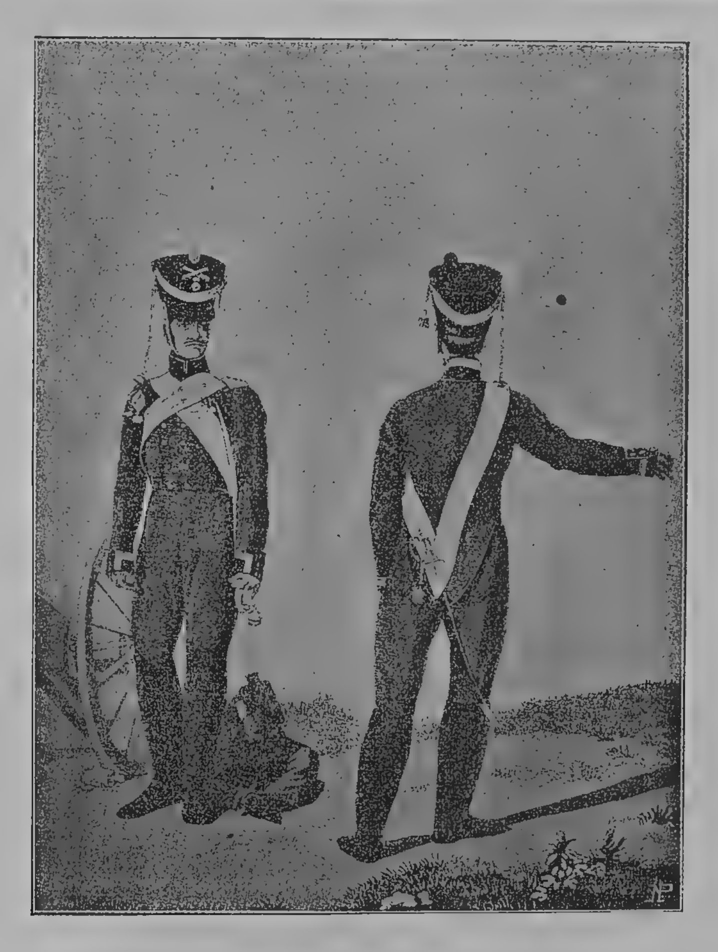
Двухнедѣльная остановка въ Витебскѣ не поправила положенiе армiи, а еще болѣе обнаружила разстройство. Армiя голодала и число мародеровъ и отсталыхъ увеличивалось. Солдаты отдѣлялись отъ полковъ и не возвращались подъ знамена; не зная языка, они бродили на удачу. Падежъ лошадей увеличился. Отъ лишенiй и безпорядковъ боевой духъ армiи началъ падать. Зарождалось сомнѣнiе въ благополучномъ окончанiи похода.

Участникъ войны, офицеръ 25-й Виртембергской дивизiи, въ своемъ походномъ дневникѣ говоритъ:

„Движенiе главной армiи по дурнымъ проселечнымъ дорогамъ и гатямъ лѣваго берега Двины черезъ болотистые лѣса было весьма трудно. Колонны путались, оспаривали дороги другъ у друга, сталкивались съ обозами; никакого порядка въ распредѣленiи колоннъ для движенiя не было. Въ войскахъ распространились болѣзни—повальная

дезинтерія косила людей; она находила себѣ жертвы даже между чинами главной квартиры“.

„Когда мы (виртембергская дивизія) очутились въ хвостѣ главныхъ силъ Наполеона, вся дорога на каждомъ шагу, была усѣяна отсталыми, больными, умирающими жертвами. Бродившія здѣсь толпы отсталыхъ видимо не желали подвергаться новымъ испытаніямъ и готовились здѣсь остаться и жить грабежомъ; по всему пути тянулись цѣлые транспорты мѣстныхъ повозокъ и гурты скота, конвоируемые солдатами, и все это разнообразное и безпорядочное движеніе скорѣе напоминало переселеніе народовъ, чѣмъ побѣдоносное шествіе



Русскіе артиллеристы.

первой въ Европѣ арміи, предводительствуемой величайшимъ полководцемъ своего вѣка“.

24 іюля маршалъ Ней сдѣлалъ смотръ своему корпусу. Оказалось, что пѣхота, не сдѣлавшая въ кампанію ни одного выстрѣла, уменьшилась на половину; прислугу въ артиллеріи пришлось пополнять людьми изъ пѣхоты, а 152 нѣмецкія лошади замѣнить 280 русскими крестьянскими лошадьми.

Остановка арміи въ окрестностяхъ Витебска дала возможность собрать отсталыхъ людей, но лошади, не получая сухого фуража, гибли. Тяжелые, породистые нѣмецкіе кони не привыкли къ подножному

корму и падали тысячами, а всадники, спасая свою жизнь и амуницію, вынуждены были ловить бродившихъ во множествѣ въ лѣсахъ русскихъ крестьянскихъ лошадей, и какъ плачевно выглядывали рослые кирасиры и карабинеры верхомъ на этихъ маленькихъ лошадяхъ, доставая ногами до земли.

Не смотря на все, говоритъ виртембергскій артиллеристъ, благодаря неоставлявшимъ насъ евреямъ, войска имѣли въ нихъ безцѣнныхъ факторовъ, помощью которыхъ восполняли разнообразныя нужды и даже жизненныя удобства. Съ переходомъ въ Смоленскую губернію французамъ предстояло проститься съ послѣдними жидами, населяющими Бѣлоруссію, съ послѣднею возможностью имѣть проводниковъ, факторовъ, лазутчиковъ. Переступивъ за Днѣпръ, французы нашли пустыню: жители бѣжали въ лѣса, строили себѣ шалаши и только по ночамъ выходили на уборку хлѣба. Въ занятыхъ французами уѣздахъ Витебской губерніи главный начальникъ Бѣлоруссіи, Шарпантье объявилъ повелѣніе Наполеона о томъ, что жители обязаны присягнуть ему и присоединиться къ польскому правительству, образовавшемуся въ Вильнѣ и въ Варшавѣ. Французы пробовали устроить мѣстное правительство изъ помѣщиковъ и чиновниковъ, но тѣ и другіе уклонялись отъ должностей и большей частью выѣзжали вслѣдъ за арміей. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ грабили мародеры; къ нимъ мѣстами присоединялись крестьяне. Въ уѣздахъ начались грабежи, пожары и убійства. Разоренія, производимыя фуражирами, ожесточили крестьянъ: они стали убѣгать въ лѣса и истреблять фуражировъ и мародеровъ. Наполеоновы чиновники ничего не могли предпринять для поддержанія въ краѣ порядка и спокойствія.

Трофей войны 1812 г., знамя 5-го итальянскаго линейнаго полка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Наступленіе противъ 2-й русской арміи отъ границы до Смоленска.

Вторая армія, кн. Багратіона отступала кружнымъ путемъ; ей приходилось дѣлать тяжелые переходы, и, что называется, нести непріятеля на своихъ плечахъ. Противъ кн. Багратіона шли двѣ французскія арміи: одна слѣдовала по пятамъ, а другая — наперерѣзъ дороги.

По началу случилось такъ, что казачьи полки атамана Платова, стоявшіе у Гродно, были отрѣзаны отъ 1-й арміи, въ такомъ же положеніи оказался и 4.000 отрядъ ген. Дорохова. Платовъ и Дороховъ быстро отступили и пристроились къ 2-й арміи кн. Багратіона, который поручилъ атаману Платову командованіе арьергардомъ арміи.

Противъ кн. Багратіона шла слѣдомъ армія короля Вестфальскаго Іеронима, полководца неопытнаго и неспособнаго. Онъ задержался безъ надобности въ Гродно нѣсколько дней и далъ возможность кн. Багратіону отступить далеко. Наполеонъ сдѣлалъ выговоръ своему брату и приказалъ настойчиво преслѣдовать русскихъ.

Атаманъ Платовъ шелъ въ арьергардѣ 2-й арміи и былъ уже въ то время военачальникомъ съ громкимъ боевымъ именемъ. Былъ онъ и въ войнѣ 1807 года съ французами и всегда впереди арміи „укрощалъ гордость непріятеля и безъ счета бралъ въ плѣнъ ихъ дерзкихъ штабъ и оберъ-офицеровъ“. Какъ предводитель конницы Платовъ былъ достойный представитель славнаго войска Донского. Въ Отечественную войну Платову былъ 61 годъ, но вихрь-атаманъ не утратилъ ни тѣлесной, ни душевной бодрости.

Вторженіе непріятеля вызвало величайшее одушевленіе во всей нашей арміи, а у донскихъ казаковъ это чувство выражалось сильнѣйшимъ желаніемъ наказать врага, осмѣлившагося ступить на русскую землю.

Платовъ отдалъ приказъ, чтобы казаки, лишившіеся лошадей, бились пѣшіе, легко раненые не отдалялись и каждый бился бы до

изнеможенія силъ. „Мы должны“, писалъ онъ, „при самомъ началѣ показать врагамъ, что помышляемъ не о жизни, но о чести и славѣ Россіи“.

И Платовъ показалъ исконнымъ врагамъ русскаго народа — полякамъ, что значитъ имѣть дѣло съ донскими казаками.

Начальникъ польской кавалерійской дивизіи въ арміи короля Іеронима продѣлалъ съ своими уланами театральную сцену. Онъ выстроилъ подъ Нѣманомъ дивизію покоемъ, приказалъ уланамъ взять по горсти земли и заставилъ ихъ поклясться, что они кровью своею возвратятъ отторгнутыя Россіею по раздѣламъ польскія области.

Поляки рвались въ бой; тѣ полки, которымъ пришлось идти въ хвостѣ авангардной колонны, жаловались на предпочтеніе, выказанное начальникомъ бригадѣ ген. Турно, шедшей въ головѣ.

26-го іюня Платовъ получилъ отъ кн. Багратіона приказаніе удерживать мѣстечко Миръ. У Платова въ этомъ мѣстечкѣ было только $5^1/_2$ полковъ. Онъ оставилъ въ мѣстечкѣ одинъ полкъ Сысоева, а съ остальными сталъ въ пяти верстахъ отъ Мира.

Сысоеву приказано было одной сотней поспѣшно уходить, а двумъ сотнямъ устроить засаду по обѣ стороны дороги, а когда поляки втянутся въ мѣшокъ (вентеръ — рыболовная снасть, по выраженію Платова), ударить на врага всѣмъ одновременно.

Поляки попались въ ловушку: утромъ 3-й уланскій полкъ Суминскаго атаковалъ передовую казачью заставу и съ жаромъ преслѣдовалъ ее къ Миру. Жиды мѣстечка увѣрили поляковъ, что казаковъ мало, всѣ ушли въ страхѣ, спасаясь изъ мѣстечка. Суминскій съ однимъ эскадрономъ прослѣдовалъ черезъ Миръ и столкнулся съ полкомъ Сысоева; отступать полякамъ не хотѣлось, подошли къ нимъ еще два эскадрона, но тутъ обстановка боя сразу измѣнилась. Внезапно появились на флангахъ поляковъ казачьи сотни, а съ фронта надвинулся отрядъ Платова. Окруженные со всѣхъ сторонъ поляки бросились въ бѣгство, имъ пришлось пробиваться. Казаки жарко преслѣдовали.

Командиръ польской бригады Турно двинулся на помощь своему разбитому авангарду, но казаки рѣшительно атаковали свѣжіе польскіе эскадроны. Произошла горячая сшибка и поляки были опрокинуты. Отступленіе ихъ было черезъ плотину за рѣчку. Не многіе попали на плотину; большая часть прижата къ болоту; много лошадей завязло, а всадники перебиты или взяты въ плѣнъ.

Въ бригадѣ Турно было 1.300 коней, а потеряно убитыхъ 8 офицеровъ и 300 нижн. чин. Въ плѣнъ попали 6 офиц. и 250 нижн. ч.

Платовъ доносилъ Багратіону: „вентеръ много способствовалъ, отъ того и началъ пошелъ. Перестрѣлки съ непріятелемъ не вели, а бросились дружно въ дротики“. У насъ было потери 25 казаковъ убитыхъ и раненыхъ.

Проведя ночь за рѣчкой Ушей, поляки получили приказаніе овладѣть мѣстечкомъ Миръ. Начальникъ дивизіи Рожнецкій съ своими полками началъ наступать, горя желаніемъ отомстить за пораженіе.

Платовъ получилъ значительное подкрѣпленіе; къ нему подошли: полкъ Иловайскаго и отрядъ ген.-ад. Васильчикова, состоявшій изъ Кіевскаго драгунскаго, Ахтырскаго гусарскаго, Литовскаго уланскаго и 5 егерскаго пѣхотнаго полковъ, да кромѣ того Платовъ притянулъ казачій отрядъ Кутейникова.

Платовъ рѣшился повторить маневръ, увѣнчавшійся такимъ успѣхомъ наканунѣ. Большую часть казаковъ онъ поставилъ скрытно

по лѣвую сторону дороги за селомъ Симаковымъ. Полки ген. Васильчикова стали далеко позади этого села, а для дѣйствія съ правой стороны дороги ожидался отрядъ Кутейникова.

Поляки въ составѣ двухъ бригадъ Турно и Дзѣвановскаго подошли къ мѣстечку Миръ и заняли его. Отъ мѣстнаго ксендза они получили извѣстіе о томъ, что казаки стоятъ въ засадѣ и получили большое подкрѣпленіе.

Рожнецкій горячился и не хотѣлъ никому уступить честь боя; въ полдень онъ выступилъ изъ мѣстечка, не кормя лошадей и, пройдя

Съ гравюры Вандермини.

Князь П. И. Багратіонъ.

Главнокомандующій 2-й арміей.

деревню Симаково, встрѣтилъ около двухъ сотенъ казаковъ, которые сейчасъ же скрылись.

Рожнецкій остановилъ дивизію и приказалъ сдѣлать развѣдку, которая обнаружила мѣсто нахожденія казачьяго отряда Платова.

Послѣ этого Рожнецкій, выставивъ заставы, приказалъ своимъ спѣшиться, размундштучить коней, кормить ихъ и варить пищу людямъ.

Едва только это приказаніе было исполнено въ бригадѣ Турно, какъ съ трехъ сторонъ появилась наша конница, а противъ высланнаго впередъ 7-го уланскаго полка нашими былъ открытъ пушечный огонь изъ отряда ген. Васильчикова.

Рожнецкій посадилъ дивизію на коней и остался на мѣстѣ. Онъ послалъ адъютанта за подкрѣпленіемъ, которое должно было къ нему подойти.

Между тѣмъ Платовъ, высмотрѣвъ силы противника, двинулъ своихъ казаковъ. Вся равнина быстро наполнилась казаками, которые неслись въ атаку. Передовой 7 польскій уланскій полкъ былъ атакованъ ахтырскими гусарами, дѣйствовавшими съ конной батареей и въ разстройствѣ отступилъ за лѣсъ. Атаку велъ маіоръ Давыдовъ, впослѣдствіи лихой партизанъ.

На равнинѣ завязался упорный кавалерійскій бой. Атаки слѣдовали одна за другой. Въ девятомъ часу вечера подоспѣлъ къ мѣсту боя Кутейниковъ и бросился на лѣвое крыло поляковъ; казаки были встрѣчены контръ-атакой эскадроновъ бригады Дзѣвановскаго, но столкновеніе для нихъ не удачно: польскіе эскадроны смяты и повернули тылъ. Платовъ съ своей стороны усилилъ натискъ.

Густая пыль окутывала сражающихся. Клики и гиканье казаковъ заглушали команду польскихъ офицеровъ и звуки трубъ. Польскіе уланы въ дикомъ безпорядкѣ понеслись къ Миру. Всѣ попытки польскихъ офицеровъ остановить и устроить разбитые эскадроны были безуспѣшны. Какъ только удавалось имъ остановить и повернуть какую-либо часть всадниковъ, казаки начинали охватывать. Раздавался крикъ „насъ отрѣзываютъ“ и все снова продолжало нестись къ Миру.

Только подъ самымъ мѣстечкомъ преслѣдованіе остановилось въ виду появленія бригады Тышкевича и огнемъ находившейся при немъ конной полубатареи. Наступившая ночь прекратила бой.

У поляковъ было потери отъ 500 до 600 чел.; въ плѣнъ взято 12 офицеровъ и 163 нижн. чина.

Донесеніе Платова кратко: онъ поздравляетъ Багратіона съ „рѣдкой побѣдой“ надъ кавалеріей; „уронъ не великъ“. Рожнецкій сознается, что онъ еще не видѣлъ такого кавалерійскаго дѣла.

Дѣйствія атамана Платова въ этомъ бою превосходны. Между польскими начальниками не было согласія и взаимной поддержки.

29-го іюня Платовъ оставался подъ Миромъ, а потомъ сталъ отступать и 1-го іюля дошелъ до мѣстечка Романова.

Со стороны французовъ повелъ наступленіе командиръ кавалерійскаго корпуса генералъ Латуръ-Мобуръ. Съ нимъ въ авангардѣ шли большія силы конницы. Тѣмъ не менѣе атаманъ Платовъ ухитрился еще разъ побить поляковъ у мѣстечка Романова.

Дѣло было 2-го іюля. Польскій конно-егерскій полкъ подъ командою полковника Пшепендовскаго выдвинулся впередъ и получилъ приказаніе овладѣть нашимъ обозомъ, прикрываемымъ казаками отряда Карпова. Поляки напирали и завязали перестрѣлку. Платовъ, получивъ донесеніе Карпова, поставилъ въ засаду за кустарникомъ четыре полка.

Пшепендовскій, подойдя къ рѣкѣ Морочѣ, обнаружилъ сильный отрядъ казаковъ и послалъ адъютанта къ ген. Латуръ-Мобуру съ словеснымъ донесеніемъ о томъ, что передъ с. Романовымъ стоитъ 5.000 казаковъ и просилъ указанія, слѣдуетъ-ли начинать дѣло? Офицеръ доложилъ, что стоитъ 500 казаковъ. Не подозрѣвая ошибки,

Латуръ-Мобуръ рѣзко отвѣтилъ, что онъ удивляется, какъ командиръ полка осмѣливается дѣлать подобные вопросы.

Пшепендовскій завязалъ дѣло, но, замѣтивъ большія силы, рѣшился начать отступленіе. Въ это время вернулся офицеръ, ѣздившій къ корпусному командиру за приказаніемъ. Выслушавъ отвѣтъ, Пшепендовскій отмѣнилъ сдѣланныя распоряженія объ отступленіи, усилилъ цѣпь и развернулъ полкъ правѣе дороги.

Платовъ. удостовѣрившись въ слабости противника по причинѣ его нерѣшительности, послалъ своихъ казаковъ въ атаку. Пшепендовскій встрѣтилъ нападающихъ огнемъ изъ карабиновъ и контръ-атакой передового эскадрона. Передовая сотня казаковъ была отражена, но вслѣдъ за тѣмъ эскадронъ былъ охваченъ съ боковъ; тоже самое

Графъ М. И. Платовъ.

Атаманъ Войска Донского.

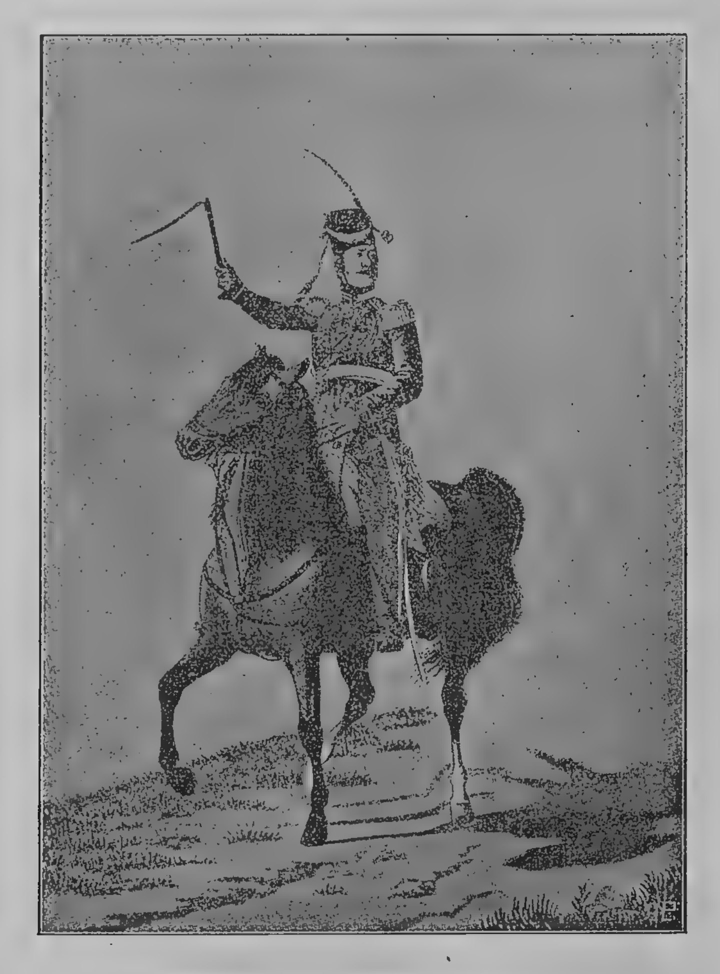
произошло съ другими эскадронами. Прорванные и разъединенные эскадроны польскихъ конныхъ егерей были опрокинуты и окутанные густыми облаками пыли, въ полномъ безпорядкѣ, отдѣльными кучками понеслись назадъ. Казаки преслѣдовали ихъ десять верстъ и остановились тогда только, когда смяли подошедшій на поддержку эскадронъ польскихъ уланъ. Не желая нарваться на болѣе сильный отрядъ, казаки прекратили преслѣдованіе и вернулись на позицію. За ними быстро подошелъ къ Романову Латуръ-Мобуръ со всей своей кавалеріей, но ему уже была готова встрѣча: русская пѣхота встрѣтила не-

пріятеля огнемъ, а батареи, стоявшія за рѣкой, открыли палбу и начали наносить чувствительныя потери; сильные казачьи отряды угрожали непріятелю.

Постоявъ нѣкоторое время подъ огнемъ, Латуръ-Мобуръ отступилъ. Поляки понесли тяжкія потери; все поле было усѣяно тѣлами. Въ плѣнъ взято 17 офиц. и 350 нижн. чиновъ.

Въ этихъ блестящихъ бояхъ атаманъ Платовъ выказалъ себя выдающимся кавалерійскимъ генераломъ, а его лихіе казаки явились опасными соперниками регулярной конницы наполеоновой арміи. Трехдневные кавалерійскіе бои съ большими потерями отбили у поляковъ охоту схватываться съ донскими казаками.

Наступленіе французскихъ войскъ по Гродненской губерніи со-



Штабъ-офицеръ Войска Донского.

провождалось, какъ вездѣ, грабежами и разореніемъ жителей. Даже высшіе начальники не могли остановить жестокости солдатъ.

Въ Новогрудкѣ король вестфальскій Іеронимъ, братъ Наполеона былъ свидѣтелемъ, какъ войска его разбивали погреба, брали вино и другія вещи и наносили побои жителямъ. Да и самъ король велъ себя непристойно: въ одномъ мѣстечкѣ онъ съ своими офицерами занимался тѣмъ, что билъ стекла въ окнахъ бутылками и рубилъ саблей молодыя деревья въ саду. Наполеонъ отнялъ у брата коман-

дованіе арміей, преслѣдовавшей Багратіона. Іеронимъ уѣхалъ въ свое королевство.

Полагая возможнымъ пробиться къ Могилеву, чтобы идти на соединеніе съ 1-й арміей, кн. Багратіонъ далъ приказаніе генералу Раевскому атаковать находившіяся предъ нимъ войска, разсчитывая, что ихъ не болѣе 6.000 чел. Раевскій, имѣя около 15.000 чел., повелъ атаку, но наткнулся на весь корпусъ маршала Даву силой до 28.000 чел. Разыгрался кровопролитный бой у деревни Салтановки. Нашимъ пришлось идти въ атаку по узкой плотинѣ черезъ болото. Раевскій съ двумя сыновьями, изъ которыхъ младшему было шестнадцать лѣтъ, ген.-адъют. Васильчиковъ и всѣ офицеры корпуснаго штаба стали впереди Смоленскаго полка и повели полкъ по плотинѣ безъ выстрѣла.

Русскій уланъ.

Французская батарея въ 8 орудій обстрѣливала плотину. Наши перешли плотину, ворвались въ деревню Салтановку, но должны были возвратиться. Когда выяснилось, что у французовъ несравненно больше силъ, чѣмъ у Раевскаго, кн. Багратіонъ приказалъ отступить. Французы бросились на наши отступающія орудія, но „находили смерть на штыкахъ". Бой былъ очень упорный, у нашихъ было потерь до 2.000 человѣкъ. Задержавъ этимъ боемъ наступленіе маршала Даву, кн. Багратіонъ успѣлъ переправить свою армію черезъ Днѣпръ

въ Быховѣ, и благополучно прибылъ въ Смоленскъ 22-го іюля, гдѣ и состоялось такъ долго жданное соединеніе двухъ нашихъ армій.

При отступленіи 2-й арміи отъ границы до Смоленска атаманъ Платовъ съ своими донскими полками оказалъ огромныя услуги, охраняя обозы и оберегая армію своей бдительностью.

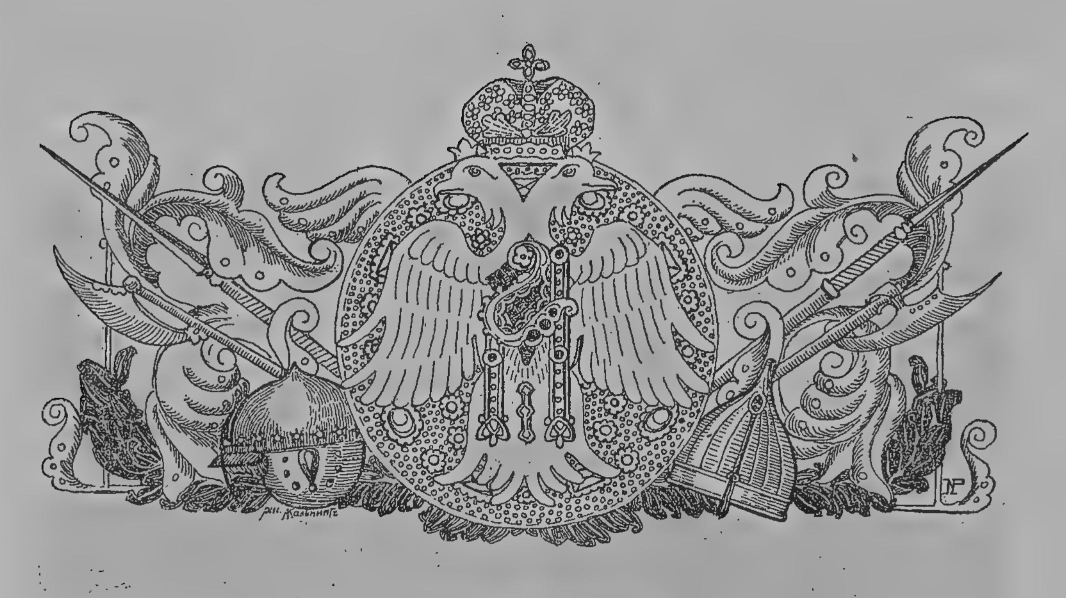
Отступленіе 2-й арміи было настоящимъ геройскимъ подвигомъ. Въ теченіе пяти недѣль, отбиваясь отъ двухъ насѣдавшихъ противниковъ, армія кн. Багратіона прошла 750 верстъ. Не рѣдко приходилось дѣлать переходы по 40 верстъ въ день. Армія растягивалась иногда на 50 верстъ и не смотря на это не теряла ни обозовъ, ни раненыхъ, которые при ней слѣдовали. Кн. Багратіонъ доносилъ государю, что быстротѣ маршей по песчанымъ и болотистымъ мѣстамъ „удивился бы и великій Суворовъ".

Не смотря на отступленіе, духъ арміи сохранился превосходно: люди рвались въ бой. И когда армія расположилась лагеремъ подъ Смоленскомъ, въ полкахъ гремѣла музыка и удалыя пѣсни свидѣтельствовали о бодрости солдатъ.

Вступивъ въ исконныя русскія области французы проявили безчеловѣчное варварство по отношенію къ русскому народу. Вотъ что описано въ одномъ донесеніи атамана Платова главнокомандующему: „Необыкновенный образъ войны, употребляемый французами приличенъ однимъ только варварамъ. Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщичьи дома, бьютъ жителей, насильничаютъ женъ ихъ и дочерей, съ священническимъ саномъ поступаютъ не милосердно, истязаютъ и выпытываютъ у нихъ денегъ, но и самыя святыя православныя церкви не избѣгаютъ неистовства французовъ, святые сосуды и утварь разграбливаются".

Образованные европейцы показали себя въ этой войнѣ звѣроподобными дикарями, и послѣ того еще жаловались на жестокое обращеніе русскихъ съ грабителями и насильниками.

Трофей войны 1812 года,
серебряный орелъ 10-го польскаго пѣхотнаго полка.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъѣздъ императора Александра изъ арміи. Пребываніе государя въ Смоленскѣ и въ Москвѣ.

Находясь въ Полоцкѣ, императоръ Александръ рѣшилъ оставить первую армію и отправиться въ Москву. Государственный секретарь А. С. Шишковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что ему, Балашову и Аракчееву удалось убѣдить государя въ необходимости предпринять поѣздку въ Москву.

Предъ отъѣздомъ поручено было государемъ Шишкову написать манифестъ о всеобщемъ ополченіи и воззваніе къ первопрестольной столицѣ. Эти весьма важные государственные акты были подписаны государемъ въ Полоцкѣ. Съ того момента борьба съ Наполеономъ получила значеніе священной народной войны.

Государь прибылъ въ Смоленскъ 9 іюля въ 11 час. утра и былъ встрѣченъ народомъ съ неописуемымъ воодушевленіемъ. Немедленно по пріѣздѣ государь принялъ представителей дворянства, находившихся въ городѣ. Дворяне просили разрѣшенія вооружить до 20.000 человѣкъ въ подкрѣпленіе арміи и войскъ, находившихся въ губерніи; просили оружія и ручались, что не позже трехъ дней люди будутъ собраны и снабжены провіантомъ на мѣсяцъ.

Объявивъ дворянству о манифестѣ, изданномъ въ Полоцкѣ, государь повелѣлъ собирать людей, умѣющихъ ѣздить верхомъ и образовать изъ лѣсничихъ и дворовыхъ людей конные казачьи отряды, а изъ прочихъ составить дружины и распредѣлить для обученія въ резервные баталіоны.

Въ Смоленскѣ государь получилъ извѣстіе о подтвержденіи турецкимъ султаномъ мирнаго договора, заключеннаго Кутузовымъ въ Бухарестѣ. Это радостное извѣстіе государь повелѣлъ сейчасъ же объявить народу, что и было исполнено городскимъ головой Смоленска. Толпившійся передъ домомъ народъ принялъ извѣстіе о заключеніи „славнаго мира" съ величайшимъ одушевленіемъ.

Изъ Смоленска государь направился прямо въ Москву, посѣтивъ проѣздомъ Дорогобужъ, Вязьму, Гжатскъ и Можайскъ. Вездѣ народъ

встрѣчалъ и провожалъ государя съ необыкновеннымъ одушевленіемъ.

На послѣднюю станцію передъ Москвой въ деревню Перхушково государь прибылъ 11-го іюля; здѣсь ожидалъ государя московскій

Съ портрета Крюгера.

Императоръ Александръ I.

главнокомандующій, графъ Ростопчинъ. Въ Москвѣ народъ повалилъ на Поклонную гору и готовился выпрячь лошадей изъ коляски государевой и везти ее до Кремля. Государь остановился въ Перхуш-

ковѣ для ночлега и около 12 ч. ночи прослѣдовалъ въ Москву, уклоняясь отъ торжественной встрѣчи народомъ.

„Манифестъ о всенародномъ ополченіи, возвѣщенный народу съ высоты святынь Московскаго Кремля, произвелъ во всей Россіи необыкновенное воодушевленіе. „Появленіе императора Александра въ

Съ гравюры Меку.

Великая княгиня Екатерина Павловна,

сестра императора Александра.

Москвѣ произвело всеобщее воспламененіе чувствъ и сердецъ, разлившееся по окрестностямъ столицы и по всему пространству Россіи".

Государь остановился въ Кремлѣ. Съ восходомъ солнца Кремль наполнился народомъ, ожидавшимъ видѣть своего царя, котораго съ нимъ еще болѣе среднила опасность, угрожавшая отечеству.

Александръ, выйдя въ 9 час. утра на Красное крыльцо, остановился видимо растроганный представившимся зрѣлищемъ. Государь поклонился народу и вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ слились привѣтственные клики многотысячной толпы. Но рядомъ съ обычнымъ ура слышались и другіе возгласы: „Веди насъ, куда хочешь, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ".

Началось шествіе къ Успенскому собору, замедлявшееся народомъ, который не могъ наглядѣться на государя. На каждой ступени Краснаго крыльца сотни торопливыхъ рукъ со всѣхъ сторонъ хватались за ноги государя, за полы мундира, ихъ цѣловали и орошали слезами. Быстрый приливъ народа тѣснилъ государя все болѣе; окружающія лица порывались раздвигать ряды.

Императоръ, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „Не троньте, не троньте ихъ, я пройду". Одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, купецъ или мѣщанинъ, подошелъ къ нему и сказалъ: „Не унывай! Видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же по всей Россіи? Всѣ умремъ за тебя".

Онъ передалъ словами то, что было у всѣхъ на сердцѣ. Находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты, пишетъ очевидецъ этого народнаго торжества, „принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы, довести императора отъ Краснаго крыльца до собора".

„Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ громогласное ура почти заглушило звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбылись изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время".

При вступленіи государя въ храмъ пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Августина (викарія престарѣлаго митрополита Платона), запѣли: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его". Епископъ привѣтствовалъ Александра рѣчью. Онъ выразилъ необычайное увлеченіе, съ которымъ Москва встрѣчала государя въ это грозное время: „Оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, благостью тмы, сказалъ Августинъ. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою. Онъ Гласомъ твоимъ повелитъ бури, и станетъ въ тишину и умолкнутъ волны потопныя. — Съ нами Богъ! разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ"!

Въ состоявшемся въ Слободскомъ дворцѣ 15-го іюля собраніи дворянства и купечества Москва выразила императору твердую рѣшимость спасти Россію пожертвованіями денегъ и людей. „Пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу", писалъ государь графу Салтыкову. „Въ Смоленскѣ дворянство мнѣ предложило 20.000 чел., къ чему уже тотчасъ приступлено. Въ Москвѣ одна сія губернія даетъ мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80.000, кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до 3-хъ милліоновъ, купечество же слишкомъ до 10 милліоновъ. Однимъ словомъ, нельзя не быть тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющей всѣхъ и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ".

„Дѣйствительно государь имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ своимъ пріѣздомъ въ Москву. Въ ней изъ военачальника онъ сталъ предводителемъ народа и почувствовалъ силы народа. За боль-

шимъ обѣденнымъ столомъ, который былъ 15-го іюля во дворцѣ, Александръ нѣсколько разъ повторялъ: „этого дня я никогда не забуду“.

Пребываніе въ Москвѣ убѣдило государя въ томъ, что готовность всѣхъ сословій и состояній русскаго народа жертвовать всѣмъ на защиту государства превышала мѣру потребности въ людяхъ, собираемыхъ въ народныя ополченія. Въ виду этого черезъ три дня послѣ собранія въ Слободскомъ дворцѣ, манифестомъ 18 іюля повелѣно было производить сборъ ополченій только въ 17 губерніяхъ.

Въ тоже время государемъ отданы были личныя повелѣнія генераламъ: Милорадовичу, князю Лобанову—Ростовскому и графу Толстому о сформированіи запасныхъ войскъ, а начальнику Тульскаго оружейнаго завода Воронову приказано усилить выдѣлку ружей и

Августинъ, Архіепископъ Московскій.

привлечь къ этому дѣлу всѣхъ частныхъ мастеровъ. Инженеру полковнику Мишо дано государемъ порученіе отправиться на берега Волги и строить тамъ лагерь для прикрытія Нижняго Новгорода и Казани и для помѣщенія въ этомъ лагерѣ 100.000 ополченія изъ низовыхъ губерній. Всѣ вообще распоряженія, сдѣланныя государемъ въ Москвѣ, показываютъ твердую рѣшимость императора Александра вести войну даже въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ имперіи. Предвидѣть ходъ военныхъ операцій въ то время еще было невозможно; надлежало позаботиться объ оборонѣ самаго обширнаго района военныхъ дѣйствій, и государь не оставилъ безъ вниманія всѣ возможныя случайности.

Кутузову, только что возвратившемуся изъ Турціи, повелѣно было распорядиться обороной Петербурга и формировать въ Нарвѣ резервный корпусъ въ 10.000 человѣкъ.

Въ Москвѣ государь окончательно рѣшилъ направить Дунайскую армію на театръ военныхъ дѣйствій и соотвѣтствующія приказанія были посланы Чичагову. Въ письмѣ Государя къ адмиралу заключаются знаменательныя слова: „Покончивъ съ Наполеономъ, мы сейчасъ же возвратимся назадъ, но тогда уже для того, чтобы создать славянскую имперію“. Такъ думалъ государь, находясь въ Москвѣ, но не то вышло впослѣдствіи.

Пробывъ въ Москвѣ 8 дней, государь выѣхалъ въ Петербургъ въ ночь съ 18-го на 19-е іюля, и, прощаясь, сказалъ графу Ростопчину, просившему приказаній и наставленій: Я даю вамъ полную власть дѣйствовать, какъ сочтете нужнымъ. Какъ можно предвидѣть въ настоящее время, что можетъ случиться? Я полагаюсь на васъ“. „Онъ оставилъ меня полновластнымъ распорядителемъ, пишетъ Ростопчинъ въ „своихъ запискахъ“.

Послѣ отъѣзда государя въ Петербургъ Москва стала переживать тревожное время: изъ арміи начали приходить извѣстія о сраженіяхъ подъ Витебскомъ, а потомъ и подъ Смоленскомъ, который называли ключомъ Москвы. Настроеніе общества было весьма угнетенное, но въ народѣ не замѣчалось унынія. Когда начался наборъ ратниковъ ополченія и рекрутовъ въ армію, бабы по деревнямъ подняли обычный вой, а мужчины не роптали и говорили между собой и на сходкахъ, что „во время такой опасности слѣдовало бы брать всѣхъ мужиковъ въ солдаты“.

Въ перепискѣ М. Я. Волковой съ В. Н. Ланской встрѣчается такое замѣчаніе, написанное въ Москвѣ 5 августа 1812 г.:

„Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что не достало бы журналовъ, если бы описывать всѣ доказательства преданности Отечеству и Государю, о которыхъ безпрестанно слышимъ и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ и даже въ разныхъ губерніяхъ“.

Изъ собранія медалей въ память войны 1812 г., принадлежащаго Одесской городской публичной библіотекѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Битвы подъ Смоленскомъ.

Послѣ занятія города Витебска Наполеонъ пріостановилъ наступленіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ наступила передышка. Наполеоновы корпуса расположились довольно растянуто на квартирахъ, а наши арміи стянулись къ Смоленску. Кн. Багратіонъ, опередивъ свою армію, 21 іюля прибылъ въ Смоленскъ, явился къ Барклаю-деТолли, хотя послѣдній былъ моложе по службѣ, и поставилъ себя въ распоряженіе главнокомандующаго 1-й арміей и военнаго министра, каковыя должности были соединены въ лицѣ Барклая-де-Толли.

По мысли государя единоличнаго главнаго командованія обѣими арміями установлено не было. Инструкціями государя предписано было обоимъ главнокомандующимъ дѣйствовать въ полномъ согласіи, единодушно. Понимая необходимость единоначалія, кн. Багратіонъ ни минуты не задумался подчиниться Барклаю, такъ какъ дѣло шло не о старшинствѣ, а о спасеніи Отечества.

По соединеніи нашихъ армій онѣ представляли силу въ 120.000 челов., и къ нимъ спѣшили подкрѣпленія изъ внутреннихъ губерній. Въ арміи Наполеона, размѣщенной на пространствѣ отъ Орши до Витебска, было подъ ружьемъ 185.000 чел. и кромѣ того въ близкомъ разстояніи находились два корпуса: Итальянскій, вице-короля Евгенія и Вестфальскій маршала Жюно; въ этихъ корпусахъ находилось подъ ружьемъ 50.000. Такимъ образомъ, стянутыя къ Смоленску силы Наполеона превышали почти вдвое силу нашей арміи.

Видя растянутое положеніе французскихъ корпусовъ, Барклай-де-Толли задумалъ наступленіе, чтобы прорвать линію расположенія французскихъ войскъ въ одномъ пунктѣ. Для этого обѣ арміи передвинулись впередъ къ Руднѣ, а для защиты подхода къ Смоленску выдвинута была къ г. Красному пришедшая изъ внутреннихъ губер-

ній, 27-я пѣхотная дивизія генерала Невѣровскаго, поступившая въ армію кн. Багратіона. Изъ 6 полковъ дивизіи было только два старыхъ, а четыре, сформированные во время войны, въ огнѣ не находились.

Наступательное движеніе русскихъ войскъ вывело Наполеона изъ бездѣйствія; онъ быстро разослалъ приказанія о сосредоточеніи своихъ корпусовъ и 31 іюля выѣхалъ изъ Витебска, а 1-го августа началась переправа его корпусовъ черезъ Днѣпръ у Расасны. Наполеону была занята квартира въ домѣ жида, но, найдя въ комнатахъ нечистоту, онъ приказалъ разбить походный шатеръ изъ полосатой шелковой матеріи бѣлаго и зеленаго цвѣта. Шатеръ поставили въ бору надъ Днѣпромъ, здѣсь Наполеонъ обѣдалъ съ маршаломъ Даву и вечеромъ ходилъ по лѣсу одинъ, задумчивый. Изъ Расасны Наполеонъ взялъ себѣ въ проводники жида.

Наполеонъ, направивъ всѣ свои силы къ Смоленску и въ желаніи захватить этотъ городъ, отрядилъ въ авангардъ короля неаполитанскаго Мюрата съ 15.000 конницы и одной дивизіей пѣхоты. Мюратъ двигался ускоренными переходами на г. Красный.

Въ полдень 2-го августа казаки донесли Невѣровскому, что „французы валомъ валятъ", сильныя массы непріятельской кавалеріи наступали къ г. Красному. Оставивъ въ городѣ одинъ баталіонъ, Невѣровскій выстроилъ войска за оврагомъ кареями въ двѣ линіи, а батарею неосторожно поставилъ на лѣвомъ своемъ крылѣ подъ прикрытіемъ Харьковскаго драгунскаго полка. Два орудія были отправлены назадъ къ переправѣ черезъ рѣчку.

Едва только наши построились, какъ французы атаковали городъ и выбили изъ него егерей, овладѣвъ при этомъ двумя орудіями.

Мюратъ съ 15.000 конницы и одной дивизіей пѣхоты сталъ обходить нашихъ. Харьковскіе драгуны пошли въ атаку, но были опрокинуты, французы захватили пять пушекъ, остальныя ушли къ Смоленску. Казаки также были атакованы и отступили. Невѣровскій остался безъ кавалеріи и артиллеріи съ одною пѣхотою.

Невѣровскій построилъ баталіоны въ каре и сказалъ войскамъ: „Ребята! помните чему васъ учили, поступайте такъ и никакая кавалерія не побѣдитъ васъ: не торопитесь въ пальбѣ, стрѣляйте мѣтко во фронтъ непріятеля, третья шеренга передавай ружья безъ суеты и никто не смѣй начинать безъ моей команды".

Приказаніе было исполнено съ точностью. Непріятель, съ двухъ сторонъ мчавшійся за драгунами и казаками, подпущенъ на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Неподвижные, какъ-будто окаменѣлые каре, не внимая происходившему вокругъ нихъ бурному смятенію, стояли безмолвно, стройно, какъ стѣна. Загремѣло начальническое: „Тревога!" Барабаны подхватили, батальный прицѣльный огонь покатился частой дробью и въ мигъ французскіе всадники и лошади устлали землю. Эскадроны атакующихъ повернули назадъ и ускакали съ большой потерею. Громогласное ура раздалось въ рядахъ нашей храброй пѣхоты.

Отбивъ нападеніе, Невѣровскій началъ отступать. Непріятель удвоилъ атаки съ фланговъ и тыла. Нашъ отрядъ, заслоняясь деревьями, которыми обсажена дорога, отбивался удачно. Французы находились такъ близко, что могли переговариваться съ нашими солдатами и вызывать ихъ положить оружіе, но получали единодушный отвѣтъ: „Умремъ, а не сдадимся". На пятой верстѣ отступленія былъ самый большой натискъ, но деревья и рвы препятствовали французамъ врѣзаться въ каре.

Съ карт. П. Гесса.

Подвигъ генерала Невѣровскаго подъ Краснымъ 2-го августа 1812 г.

Мюратъ безпрестанно вводилъ свѣжія войска въ дѣло и всѣ онѣ были отбиты. Наши безъ различія полковъ смѣшались, наконецъ, въ одну массу и отстрѣливаясь, отражая атаки, отошли еще семь верстъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ прекращались березы и рвы на дорогѣ, обнесенная плетнемъ деревня едва не разстроила отступленіе. Непріятель захватилъ тылъ колонны и шелъ вмѣстѣ съ нею.

Невѣровскій приблизился наконецъ къ рѣкѣ и когда былъ за версту отъ нея, то изъ двухъ орудій, посланныхъ назадъ, наши открыли огонь. Непріятель вообразилъ, что къ нашимъ подошло сильное подкрѣпленіе; французы очистили тылъ и наши благополучно переправились черезъ рѣку. Мюратъ уже не атаковалъ, а только бросилъ за рѣку нѣсколько ядеръ. Давъ вздохнуть войскамъ, Невѣровскій отошелъ ночью до оврага въ шести верстахъ отъ Смоленска.

Такъ кончился достославный бой, въ которомъ 6.000 пѣхоты безъ артиллеріи и конницы отразили, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, на пространствѣ двѣнадцати верстъ болѣе сорока атакъ 15.000 кавалеріи, подкрѣпленной пѣхотною дивизіей.

Потеря въ нашемъ геройскомъ отрядѣ не превышала 800 челов. плѣнными и 1.500 убитыми и раненными; непріятельская же, по самому свойству битвы, была несравненно значительнѣе.

Сраженіе подъ Краснымъ доказало величайшее мужество русской пѣхоты и способность проникнуться въ минуты опасности твердою волею начальника, и повиновеніемъ его приказаніямъ.

Сраженіе подъ Краснымъ задержало на два дня наступленіе французовъ къ Смоленску и дало возможность кн. Багратіону занять Смоленскъ корпусомъ войскъ подъ начальствомъ генерала Раевскаго. Едва только Раевскій вступилъ въ городъ съ 16.000 челов., какъ появились предъ городомъ колонны наступающихъ французовъ. Раевскій рѣшилъ защищать городъ.

Надъ многострадальнымъ городомъ Смоленскомъ собиралась грозная туча. Древній Смоленскъ, отразившій нашествіе татаръ въ 1239 году геройскимъ подвигомъ блаженнаго Меркурія, котораго народъ поминаетъ именемъ „страстотерпца смоленскаго“,—городъ, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ завоевателей литовскихъ и польскихъ, обреченъ былъ новому бѣдствію, когда къ старымъ его стѣнамъ, построеннымъ Борисомъ Годуновымъ въ 1600 году, подошли арміи Наполеона.

Древняя часть города Смоленска была обнесена во времена Бориса Годунова высокою каменною оградою съ 30 башнями на протяженіи 7 верстъ, но эта ограда во многихъ мѣстахъ обрушилась отъ ветхости. Городъ расширился, образовались предмѣстья, такъ что оборона была весьма растянута и затруднительна.

Наполеонъ ночевалъ подъ Смоленскомъ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ и 4-го августа съ зарей выѣхалъ къ авангарду, гдѣ завязалась перестрѣлка. Онъ приказалъ маршалу Нею атаковать позицію русскихъ, разсчитывая, что въ городѣ стоитъ одна только дивизія генерала Невѣровскаго. Французы, перейдя оврагъ, тремя колоннами двинулись на Королевскій бастіонъ, занятый дивизіей Паскевича.

Наши встрѣтили непріятеля изъ за насыпи передъ рвами сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Непріятель остановился. Орловскій, Ладожскій и Нижегородскій полки по приказу Паскевича ударили въ штыки и непріятельскіе трупы устлали все пространство до оврага. Паскевичъ ударилъ отбой, полки вернулись на свои мѣста.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ французы поставили сначала свои батареи, обстрѣляли позицію, потомъ пошли въ атаку. Наши встрѣ-

Сраженіе подъ Смоленскомъ 5-го августа 1812 г.

Картина П. Гесса, даръ императора Николая I-го дворянству Смоленской губерніи.

тили ихъ картечью, потомъ послѣдовало ура, и ударомъ въ штыки французы были опрокинуты.

Въ 9 ч. утра кн. Багратіонъ прислалъ генералу Раевскому записку: „Другъ мой, я не иду, а бѣгу, желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникъ“!

Наполеонъ, увидя неудачу приступа, поставилъ сильныя батареи и билъ по городу. Жители Смоленска бросились на поле битвы хватали на руки раненныхъ и уносили въ городъ. Скоро показались наши войска обѣихъ армій. Съ высокой горы праваго берега имъ видно было все поле сраженія. Пройдя болѣе 30 верстъ, солдаты не шли, а рвались къ мѣсту боя. Наполеонъ, увидя наши арміи, не сомнѣвался въ близости большого сраженія и воскликнулъ: „наконецъ, русскіе въ моихъ рукахъ“.

Раевскій получилъ подкрѣпленія: сначала прислали дивизію кирасиръ, которые ему вовсе не были нужны. Онъ приказалъ имъ остаться за Днѣпромъ. Въ седьмомъ часу вечера подошла 2-я гренадерская дивизія; въ городъ ввели 4 полка; затѣмъ стали подходить прочія войска. Французы не дѣлали атакъ и поддерживали сраженіе ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Пріѣхали оба главнокомандующіе и многіе генералы; всѣ поздравляли Раевскаго и Паскевича. Князь Багратіонъ сказалъ: „вотъ благополучнѣйшая минута всего военнаго поприща моего“! „Чтобы оцѣнить мое положеніе“, говоритъ въ своихъ запискахъ генер. Раевскій, надобно было перенесть безпокойство, мучившее меня сутки. Я сражался съ твердымъ намѣреніемъ погибнуть на семъ посту спасенія чести“.

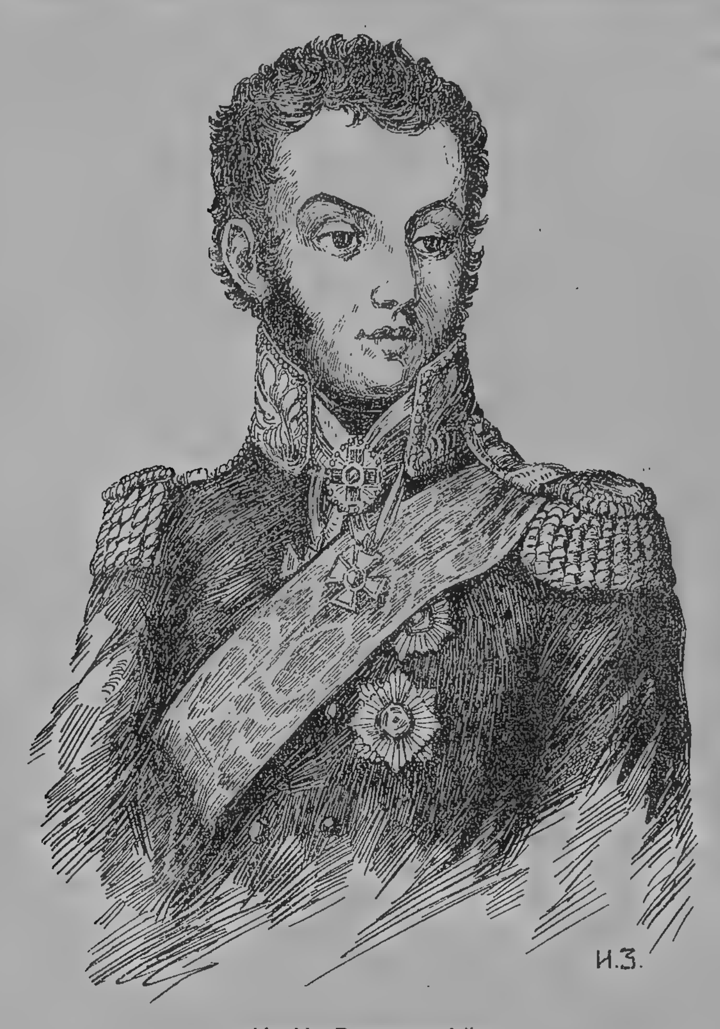
Наполеонъ прекратилъ атаки, когда увидѣлъ подходившія русскія арміи. Онъ ожидалъ на другой день генеральнаго сраженія и стягивалъ корпуса къ Смоленску. Нашъ главнокомандующій рѣшилъ не давать сраженія. Перевѣсъ силъ Наполеона былъ очень великъ. Приказано было смѣнить ночью сражавшіяся въ Смоленскѣ войска корпусомъ ген. Дохтурова, а второй арміи отступать по Московской дорогѣ. Ген. Дохтуровъ только что оправился отъ болѣзни и чувствовалъ большую слабость.

Когда главнокомандующій спросилъ его, въ силахъ ли онъ командовать обороной Смоленска? Дохтуровъ отвѣчалъ: „Лучше умереть на полѣ, нежели на кровати“.

Въ 8 час. утра началась перестрѣлка и цѣпи французскихъ стрѣлковъ стали наступать на предмѣстья. Атаки французовъ были отбиты. Непріятель отошелъ и огонь почти прекратился. Наполеонъ видимо ждалъ, что русскіе выйдутъ изъ города въ поле. Но вскорѣ ему дали знать, что русская армія отступаетъ; онъ поѣхалъ на лѣвый флангъ къ Шеину—острогу и, увидѣвъ своими глазами движеніе колоннъ кн. Багратіона, приказалъ искать брода, чтобы двинуть кавалерію за рѣку. Брода не нашли, хотя онъ и былъ около села Прудищева. Послѣ этого Наполеонъ приказалъ атаковать городъ. Въ 4 часа вечера три корпуса двинулись и атаковали предмѣстья. Закипѣлъ жестокій бой: два часа войска наши удерживали предмѣстья, но, наконецъ, по приказанію Дохтурова, отошли за годуновскія стѣны, расположили на нихъ стрѣлковъ и артиллерію. Многолюдство арміи дало Наполеону возможность атаковать вдругъ всѣ части города, но при упорномъ сопротивленіи нашей пѣхоты французы несли ужасныя потери. Главный натискъ ихъ былъ обращенъ на Молоховскія ворота, сюда шелъ маршалъ Даву. Съ нашей стороны тутъ стоялъ Коновницынъ; возлѣ него былъ Дохтуровъ. Огонь былъ такъ силенъ, что въ нашей батареѣ пришлось четыре раза перемѣнять орудія. Прислуга при орудіяхъ и лошади

въ короткое время были истребляемы. Ген. Коновницынъ былъ раненъ пулей въ руку, но не позволялъ сдѣлать себѣ даже перевязки.

Главнокомандующій прислалъ еще 4-ю дивизію принца Виртембергскаго на подкрѣпленіе. Это было кстати, ибо наши сильно пострадали отъ огня артилеріи. Дохтуровъ приказалъ сдѣлать вылазку изъ Молоховскихъ воротъ; какъ только 4-й егерскій полкъ вышелъ за крѣпостныя ворота, онъ былъ встрѣченъ такимъ жестокимъ огнемъ, что поколебался. Принцъ Виртембергскій бросился съ лошади, чтобы стать передъ полкомъ, а въ это время нѣсколько храбрыхъ егерей побѣжали



Н. Н. Раевскій.

впередъ и увлекли за собой полкъ. Люди устроились и открыли жестокій огонь по колоннамъ французовъ, тѣ—остановились, прекратили атаку.

На лѣвомъ крылѣ распоряжались ген. Невѣровскій и графъ Кутайсовъ. Тутъ велъ атаку польскій корпусъ Понятовскаго. Неоднократно поляки храбро кидались къ стѣнамъ съ крикомъ „Да здравствуетъ отчизна", но пронизанные пулями или штыками падали у годуновскихъ стѣнъ. Начальникъ ихъ генералъ Грабовскій заколотъ штыкомъ гренадера Тобольскаго полка. Штурмъ поляковъ былъ отраженъ. По-

ставленныя на правомъ берегу Днѣпра наши батареи нанесли польскимъ войскамъ большой уронъ.

Наполеонъ, видя безполезность атакъ, приказалъ подвезти артилерію на близкую дистанцію. 150 орудій стали обстрѣливать городъ и произвели пожары. Войска наши стояли непоколебимо. Но что дѣлалось, въ городѣ, того и представить себѣ невозможно: „улицы наполнены ранеными, вопли старцевъ, стоны женъ, дѣтей, народъ, падающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками,... Пылали колокольни и церкви, но всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня продолжалось. Въ сумерки вынесли за городъ изъ Благовѣщенской церкви чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Икону приняла на попеченіе 3-я дивизія ген. Коновницына и хранила святыню во все время похода. Пожаръ страшно усилился, съ трудомъ отстояли мостъ на Днѣпрѣ. Канонада продолжалась до 11 часовъ ночи.

Генералъ Дохтуровъ удержалъ за собою городъ, а французы—предмѣстья. Въ бояхъ подъ Смоленскомъ непріятель потерялъ до 12.000 чел., выбывшихъ изъ строя. Уронъ въ нашихъ войскахъ—4.000 убитыми и ранеными. Оборона Смоленска дѣлаетъ великую честь войскамъ генераловъ Раевскаго и Дохтурова. Въ день 5-го августа у Дохтурова было 30.000 человѣкъ, а Наполеонъ ввелъ въ дѣло, въ боевыя линіи 72.000. Не смотря на успѣхъ геройской обороны Смоленска, нашъ главнокомандующій приказалъ оставить городъ, чтобы не подвергнуть первую армію обходу. Армія Багратіона отступила по московской дорогѣ раньше, а въ часъ ночи съ 5 на 6-е августа Дохтуровъ, получивъ приказаніе, очистилъ городъ, перешелъ на правый берегъ Днѣпра и уничтожилъ мосты.

Съ разсвѣтомъ 6-го августа французы вступили въ городъ и немедленно переправились въ бродъ на правый берегъ, чтобы овладѣть петербургскимъ предмѣстьемъ. Выйдя изъ города въ поле, французы были встрѣчены нашимъ арьергардомъ подъ командой ген. Коновницына и отброшены до укрѣпленій у самой рѣки.

Французы поставили на лѣвомъ берегу сильныя батареи и открыли по нашимъ войскамъ жестокій огонь; съ нашей стороны также дѣйствовала многочисленная артиллерія. Французы удержались въ петербургскомъ предмѣстьи; ночь прекратила сраженіе и наши войска отошли послѣ боя по проселочнымъ дорогамъ.

7-го августа корпусъ маршала Нея, перейдя рѣку по наведеннымъ мостамъ, началъ выступать изъ петербургскаго предмѣстья и двинулся вслѣдъ за нашимъ арьергардомъ барона Корфа къ деревнѣ Гедеоново, гдѣ и завязалось дѣло; наши войска отступили, а въ это время подошли другіе французскіе корпуса и Наполеонъ направилъ Нея и Даву по проселочной дорогѣ на Валутину гору, около которой появились наши войска, раньше вышедшія изъ Смоленска.

Генералъ Тучковъ 3-й сталъ у Валутиной горы, чтобы заслонить дорогу, по которой 1-я армія должна была прослѣдовать, чтобы выйдти на московскую дорогу. Тучковъ 3-й принялъ отважное рѣшеніе задержать французовъ; подъ командой его были только два пѣхотныхъ полка и батарея; два другихъ гренадерскихъ полка далъ ему вподмогу его родной братъ, корпусный командиръ Тучковъ 1-й, уже вышедшій на московскую дорогу.

Тучковъ 3-й около 10 ч. утра былъ атакованъ большими силами: на него двинулись три дивизіи маршала Нея и одна дивизія изъ корпуса Даву, а конница Мюрата стала обходить слѣва. Тучковъ, чувствуя важность своего поста и зная, что отъ удержанія позиціи

Съ рисунка А. Адама.

Смоленскъ 6-го августа 1812 г., послѣ занятія города французами.

зависитъ безопасность движенія 1-й арміи, храбро отбивался въ теченіе 5-ти часовъ, но въ три часа по полудни отступилъ за рѣку Страгаль, къ деревнѣ Лубино, гдѣ къ нему присоединились подкрѣпленія, направленныя Ермоловымъ и самимъ Барклаемъ-де-Толли, прибывшимъ на поле сраженія. Подошедшій 1-й кавааллерійскій корпусъ подъ командой Орлова-Денисова сталъ на лѣвомъ флангѣ, отбилъ атаки Мюрата и смялъ его кавалерію. Ней ввелъ въ бой свѣжія войска. Тучковъ 3-й, ставъ во главѣ гренадерскаго Екатеринославскаго полка, повелъ полкъ въ штыки. При этой схваткѣ храбрый Тучковъ получилъ штыковыя раны и захваченъ въ плѣнъ. Наши удержали позицію. Всѣ войска и обозы 1-й арміи благополучно прослѣдовали на московскую дорогу, прикрытую отрядомъ Тучкова 3-го. Ночью бой прекратился. Въ этомъ геройскомъ дѣлѣ у насъ сражалось около 15.000 чел., а французы ввели въ дѣло до 35.000, но не могли сломить мужество пѣхоты храбраго Тучкова 3-го и кавалеріи Орлова-Денисова. У насъ было потерь до 5.000 челов., у французовъ гораздо больше.

Англійскій историкъ Отечественной войны, Гутчинсонъ говоритъ, что сраженіе подъ Лубинымъ было прекраснымъ примѣромъ дѣйствій отступающаго русскаго арьергарда, вполнѣ исполнившаго отвѣтственный долгъ и свою героическую задачу.

Французы жестоко поступали съ жителями губерніи и помѣщиками, которые защищались вооруженною рукою отъ мародеровъ.

Смоленскій помѣщикъ, полковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, рѣшился, при вторженіи французовъ, остаться въ своей деревнѣ, чтобъ защитить ее отъ хищныхъ враговъ, и успѣлъ истребить великое число разбойниковъ. Между тѣмъ злодѣи донесли на него, и онъ былъ взятъ французами подъ стражу. При допросахъ предъ судомъ онъ отвѣчалъ съ геройской твердостью: „я русскій подданный и исполнялъ долгъ свой; мы всѣ обязаны сражаться съ врагомъ, который нарушилъ наше спокойствіе и дерзнулъ напасть на законнаго нашего государя. Сожалѣю, что оковы препятствуютъ мнѣ отмстить врагамъ".

Изливъ свои чувства передъ судомъ, Энгельгардтъ хладнокровно ожидалъ своей участи. Въ темницѣ Энгельгардтъ написалъ духовное завѣщаніе. Выслушавъ смертный приговоръ, произнесенный судомъ, Энгельгардтъ объявилъ французамъ, что они ошибаются, надѣясь поработить Россію. При исполненіи казни разстрѣляніемъ мужественный Энгельгардтъ не позволилъ, чтобъ ему завязали глаза платкомъ, сорвалъ его и встрѣтилъ смерть безтрепетнымъ героемъ.

Сами враги были тронуты такимъ геройствомъ и сожалѣли о его смерти.

Такой же участи подвергся по приговору суда и другой смоленскій помѣщикъ Шубинъ, геройски защищавшій свое достояніе отъ грабителей.

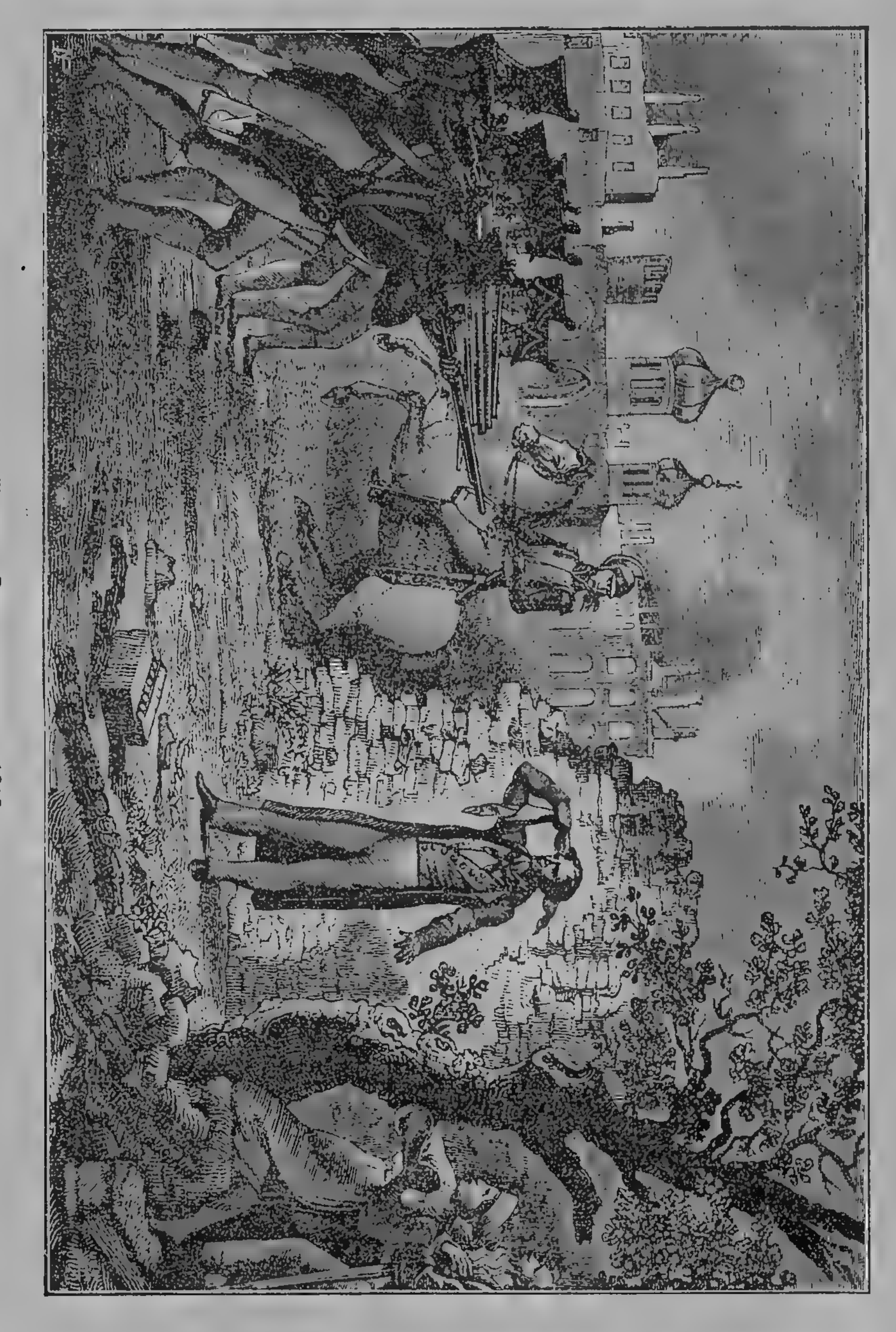
Въ Смоленскѣ, на мѣстѣ кончины Энгельгардта, у крѣпостной стѣны поставленъ скромный памятникъ.

Отъ западной границы до Смоленска русскія арміи прошли походомъ 700 верстъ въ непрестанныхъ бояхъ и стычкахъ съ непріятелемъ. Во всѣхъ бояхъ и стычкахъ войска оказывали величайшее мужество: ни въ одномъ сраженіи у русскихъ не было сколько-нибудь значительныхъ потерь плѣнными, что бывало всегда съ западными европейскими арміями, когда имъ приходилось отступать предъ войсками Наполеона.

Съ карт. П. Гесса.

Сраженіе при с. Лубинѣ 7-го августа 1812 г.

Арміи разбитыхъ нѣмцевъ приходили въ совершенное разстройство, разбѣгались, сдавались въ плѣнъ. Отступленіе русскихъ до самой Москвы продолжалось тысячу верстъ предъ превосходнымъ непріятелемъ, и наши арміи остались цѣлыми, теряя только убитыхъ и ране-



Подвигъ Энгельгардта въ 1812 г.

ныхъ въ битвахъ, это фактъ — достовѣрный, не отвергаемый ни однимъ военнымъ историкомъ.

Послѣ Смоленска наши войска шли назадъ только для того, чтобы выбрать поле сраженія для кроваваго разсчета съ врагомъ. Отступленіе теперь, послѣ пройденныхъ 700 верстъ, не только не становится

безпорядочнымъ, но принимаетъ еще болѣе правильный, медленный, размѣренный ходъ; французамъ не удается гнать нашу армію: она идетъ спокойно, давая отпоръ на каждомъ шагу.

Вотъ по широкой дорогѣ тянется авангардъ непріятеля, съ ранняго утра онъ идетъ за нашимъ арьергадомъ. Затѣмъ, на выбранной позиціи наступающій непріятельскій авангардъ встрѣченъ выстрѣлами

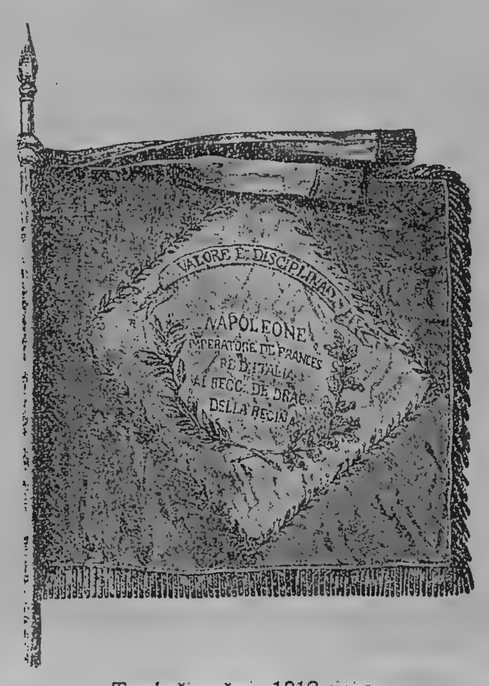
Памятникъ войны 1812 г. въ Смоленскѣ.

нашей конной артиллеріи; многочисленная конница прикрываетъ артиллерію на позиціи. Подходитъ непріятельская пѣхота, идетъ впередъ, посылаетъ части въ охватъ нашихъ фланговъ. Тогда наша артиллерія быстро снимается, отходитъ назадъ и непріятель въ нѣкоторомъ разстояніи дальше находитъ на дорогѣ приготовленную вторую встрѣчу

съ конной артиллеріей. Конница и казаки даютъ вѣсть о каждомъ обходѣ, если таковой намѣчается. За нѣсколько часовъ до ночи сильный русскій арьергардъ останавливается на выбранной позиціи и удерживаетъ ее крѣпко, и этимъ указываетъ непріятелю, что на сегодня дальше отступленія не будетъ. И въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы атаковать, надобно привести значительный отрядъ войскъ, а для этого требуется нѣсколько часовъ, а тутъ наступаетъ ночь. Утромъ непріятель не находитъ никого на позиціи, и опять тянется по большой московской дорогѣ до новой встрѣчи съ русской конной артиллеріей. Это отступленіе разрушало непріятельскій авангардъ и производило на непріятеля подавляющее впечатлѣніе неуловимости русской арміи. Лучшій полководецъ изъ маршаловъ Наполеона Даву обращалъ особенное вниманіе Наполеона на этотъ неслыханный способъ отступленія.

Потери французской арміи въ походѣ и послѣ сраженій подъ Витебскомъ и Смоленскомъ были очень велики. Участникъ войны, офицеръ 25 виртембергской дивизіи, говоритъ, что по прибытіи въ Гжатскъ, 20 августа, 25 дивизія была переформирована: изъ 14 баталіоновъ, бывшихъ при началѣ похода, составили всего три баталіона. Два португальскихъ полка изъ корпуса маршала Нея едва насчитывали въ своихъ рядахъ четвертую часть людей, перешедшихъ Нѣманъ. Впослѣдствіи же эти полки, подъ Бородинымъ, были почти уничтожены, и если немногіе люди увидѣли Москву, то едвали кто-нибудь изъ нихъ увидалъ свою далекую родину".

Французская армія таяла при наступленіи,—русская закалялась и укрѣплялась мощнымъ духомъ при отступленіи.



Трофей войны 1812 года,
штандартъ итальянскаго драгунскаго полка королевы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Бородинская битва

26-го августа 1812 года.

Послѣ возвращенія императора Александра въ Петербургъ однимъ изъ первыхъ распоряженій государя было обсужденіе вопроса о необходимости назначить главнокомандующаго надъ всѣми арміями.

Необходимость эта становилась тѣмъ болѣе очевидною, что государю было извѣстно о разномысліи, возникшемъ между Барклаемъ и княземъ Багратіономъ послѣ соединенія армій подъ Смоленскомъ.

Вѣроятно государю было извѣстно также о неудовольствіи войскъ на постоянное отступленіе, заведшее непріятеля въ глубь Россіи, и хотя это отступленіе вполнѣ соотвѣтствовало разумному плану войны, усвоенному Барклаемъ-де-Толли, но въ арміи смотрѣли на это иначе и объясняли тѣмъ, что во главѣ войскъ стоитъ нѣмецъ, съ легкимъ сердцемъ уступающій Наполеону русскую землю и не дающій сраженія, котораго жаждала армія, чтобы положить предѣлъ успѣхамъ непріятеля.

Въ высшемъ обществѣ столицы также было много недовольныхъ тѣмъ, что лучшій изъ русскихъ полководцевъ, увѣнчанный славою суворовскихъ побѣдъ и своей собственной, — полководецъ, нанесшій пораженія Турціи въ 1811 году, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ остается въ тѣни, въ забвеніи, и не призванъ къ командованію войсками, а высокое преимущество главнаго командованія русскими войсками отдано нѣмцу.

Чувство народной гордости было оскорблено. Общій голосъ указывалъ на необходимость назначенія главнокомандующимъ Кутузова, который жилъ въ Петербургѣ и былъ избранъ дворянствомъ начальникомъ народнаго ополченія Петербургской губерніи.

Рѣшеніе вопроса о назначеніи новаго главнокомандующаго государь предоставилъ чрезвычайному комитету, составленному изъ графа Салтыкова, генерала Вязмитинова, графа Аракчеева, генералъ-адъютанта Балашова, князя Лопухина и графа Кочубея.

Въ засѣданіи 5-го августа всѣ члены комитета единогласно постановили: ввѣрить начальство надъ всѣми арміями Кутузову, предоставить ему одному власть, опредѣленную положеніемъ о большой дѣйствующей арміи и предписать начальникамъ губернскихъ ополченій доносить ему объ успѣхахъ вооруженій.

Императоръ Александръ утвердилъ мнѣніе комитета, и, призвавъ къ себѣ Кутузова въ Каменноостровскій дворецъ, 8-го августа объявилъ ему о возведеніи въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго и о назначеніи главнокомандующимъ всѣми арміями и ополченіями.

Государь уполномочилъ Кутузова дѣйствовать по его собственному усмотрѣнію. Одно строжайше запрещалъ ему Александръ—вступать въ переговоры съ Наполеономъ и, кромѣ того, приказалъ еще, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми жителями, которые по отношенію къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ.

На этотъ разъ гласъ народный дѣйствительно оказался гласомъ Божіимъ. Ни въ одномъ изъ назначеній на высшія государственныя должности лицъ, приближенныхъ къ государю, Александръ не былъ такъ счастливъ, какъ въ назначеніи Кутузова, котораго въ кругу высшаго общества называли екатериновцемъ.

Назначеніе Кутузова было встрѣчено съ восторгомъ всей Россіей. Александръ одержалъ побѣду надъ своимъ нерасположеніемъ къ Кутузову, и этимъ однимъ даровалъ великую побѣду себѣ и Россіи. Даже порицатели Кутузова сознавали, что никто не могъ бы замѣнить его въ то время, когда Наполеонъ неудержимо двигался къ самому сердцу Россіи.

Характеристикой вновь избраннаго полководца могутъ служить слова его, сказанныя въ тѣсномъ родственномъ кругу передъ отъѣздомъ въ армію: „Я бы ничего такъ не желалъ какъ обмануть Наполеона“.

Въ самыхъ серьезныхъ сочиненіяхъ о войнѣ 1812 г. приводятся эти слова Кутузова. Передъ отъѣздомъ въ армію, одинъ изъ его родственниковъ нескромно спросилъ Кутузова: „Неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона?—Кутузовъ отвѣтилъ: „Нѣтъ! А обмануть надѣюсь“. Почти тоже самое сказалъ Кутузовъ во время Тарутинской стоянки: „Разбить меня можетъ Наполеонъ, а обмануть—никогда“. Суворовъ, подъ начальствомъ котораго Кутузовъ пріобрѣлъ извѣстность и заслужилъ расположеніе императрицы Екатерины, говаривалъ, о немъ: „уменъ, очень уменъ, его и Рибасъ не обманетъ“.

Въ такомъ же смыслѣ отзывается о немъ англійскій генералъ Вильсонъ, находившійся при нашей арміи: „Утонченно образованный, вѣжливый, хитрый какъ грекъ, смѣтливый отъ природы, какъ азіатецъ и просвѣщенный какъ европеецъ, онъ болѣе былъ склоненъ разсчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи, чѣмъ отъ военной отваги“.

Англійскій генералъ не любилъ Кутузова за то, что тотъ, не стѣсняясь, открыто выражалъ свое нерасположеніе къ Англіи. Извѣстно выраженіе Кутузова, что „было бы лучше для Европы, если бы этотъ проклятый островъ провалился“.

Вильсонъ жаловался Александру на медленность дѣйствій Кутузова, не понимая того, что способъ веденія войны, избранный Кутузовымъ, былъ наилучшимъ и оправдался уничтоженіемъ всѣхъ полчищъ Наполеона.

Отказывая умнѣйшему Кутузову въ военныхъ талантахъ, Вильсонъ обнаружилъ свою собственную недальновидность и непониманіе

военныхъ операцій, которыя приведены Кутузовымъ къ тому неожиданному для всей Европы результату, что геніальнѣйшій полководецъ, предводившій лучшей арміей того времени, расшибся о противопоставленныя ему Кутузовымъ и русской арміей препятствія.

Графъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Съ гравюры Гопвуда.

Прощаясь съ государемъ, Кутузовъ увѣрилъ его, что онъ скорѣе ляжетъ костьми, чѣмъ допустить непріятеля къ Москвѣ. Это обѣща-

ніе впослѣдствіи отозвалось Кутузову неудовольствіемъ государя. Когда Наполеонъ узналъ о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ, то назвалъ послѣдняго — „старая сѣверная лисица“. „Постараюсь доказать великому полководцу, что онъ правъ“, замѣтилъ Кутузовъ, когда ему сдѣлался извѣстнымъ этотъ отзывъ.

Кутузовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ армію 11-го августа, въ воскресенье. Народъ толпился по улицамъ и провожалъ полководца пожеланіями счастливаго пути и восклицаніями: „Спаси насъ! Побей супостата“.

На первой станціи въ Ижорѣ Кутузовъ встрѣтилъ курьера изъ арміи. Имѣя разрѣшеніе распечатывать привозимыя оттуда бумаги, онъ узналъ о занятіи французами Смоленска. „Ключъ къ Москвѣ взятъ!“—съ горечью воскликнулъ старый полководецъ.

Дальнѣйшій переѣздъ его къ арміи имѣлъ видъ непрерывнаго торжественнаго шествія; жители городовъ и селеній стекались на дорогу, по которой онъ долженъ былъ проѣхать, многіе, привѣтствуя его, становились на колѣни. Врядъ-ли кто, отправляясь на поле брани, былъ сопровождаемъ болѣе усердными благословеніями.

Послѣ сраженій подъ Смоленскомъ наша армія отступала, ведя повременамъ упорные арьергардные бои съ непріятелемъ. 17-го августа въ Гжатскѣ присоединился къ арміи вновь сформированный генераломъ Милорадовичемъ корпусъ войскъ изъ 14.446 челов. пѣхоты и 993 челов. кавалеріи. Барклай-де-Толли, получивъ значительное подкрѣпленіе, рѣшилъ не уклоняться болѣе отъ сраженія и выбралъ позицію для битвы при Царевомъ-Займищѣ, но приготовленія къ сраженію были пріостановлены прибытіемъ къ арміи кн. Кутузова. Войска встрѣтили новаго главнокомандующаго съ восторгомъ; солдаты говорили: „пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“.

Осмотрѣвъ армію, Кутузовъ сказалъ почетному караулу ободряющія слова: „какъ можно отступать съ такими молодцами!“ При восклицаніяхъ войска объѣхалъ Кутузовъ армію и во время этого объѣзда на ясномъ небѣ взвился орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ: куда онъ, туда и орелъ, Кутузовъ снялъ свою бѣлую кавалергардскую фуражку, привѣтствовалъ царя пернатыхъ—вѣстника успѣховъ, и провозгласилъ: ура, тысячекратно повторенное войсками. Пріѣздъ Кутузова въ армію, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась армія, послѣ долгаго мучительнаго отступленія, воскресилъ надежды на побѣды. Духъ арміи обновился сознаніемъ самоотверженной рѣшимости побѣдить врага, или пасть со славою на полѣ битвы.

Сдавъ главное командованіе Кутузову, скромный, самоотверженный Барклай-де-Толли, пренебрегъ мелочными разсчетами самолюбія и, какъ ревностный слуга отечества, остался командующимъ 1-й арміей, явивъ этимъ высшій примѣръ воинской доблести.

Кутузовъ, осмотрѣвъ позицію при Царевомъ-Займищѣ, нашелъ ее открытою съ обоихъ фланговъ, но высказалъ намѣреніе безотлагательно дать генеральное сраженіе войскамъ Наполеона.

Россійская армія отступила 21-го августа къ Колоцкому монастырю, а 22-го заняла избранную Кутузовымъ для боя позицію при селѣ Бородинѣ. Генералъ Коновницынъ, командуя арьергардомъ изъ 25 баталіоновъ и 98 эскадроновъ, остановился у деревни Гридневой.

Избранная позиція находилась между двумя дорогами, ведущими изъ Смоленска въ Москву. Предъ фронтомъ позиціи, протекаетъ рѣка Колоча, впадающая въ рѣку Москву. Рѣка Колоча течетъ въ крутыхъ берегахъ по глубокому оврагу. Въ центрѣ позиціи чрезъ село Бородино проходитъ новая смоленская дорога. Правый флангъ арміи

сталъ правѣе селенія Горки, здѣсь построили земляныя укрѣпленія для артиллеріи, мѣстность была почти неприступная для непріятеля. Въ центрѣ противъ села Бородина построили на высотѣ большую курганную батарею генерала Раевскаго на 18 орудій; дальше, на высотѣ у деревни Семеновской построили три небольшія земляныя укрѣпленія и назвали ихъ Багратіоновы флеши, а на лѣвомъ флангѣ, у с. Шевардина насыпали сомкнутое укрѣпленіе, большой редутъ, но онъ не былъ оконченъ. Недалеко отъ Шевардина, за лѣсомъ проходитъ старая Смоленская дорога черезъ деревню Утицу.

Позиція эта имѣла протяженіе по изгибамъ не болѣе пяти верстъ; берега Колочи поросли мелкимъ кустарникомъ, а возвышенности пра-

Петръ Петровичъ Коновницынъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена.

ваго берега безлѣсны. Поле сраженія было открытое, пересѣченное ручьями Стонецъ и Семеновскимъ, впадающими въ Колочу.

Въ русской арміи было подъ ружьемъ 120.000 челов. въ томъ числѣ 7.000 казаковъ, 10.000 ополченія смоленскаго, московскаго и 640 орудій.

Незначительное протяженіе позиціи по фронту очень примѣчательно. Если бы воиновъ всей нашей арміи поставить линіями по

фронту позиціи плечомъ къ плечу, то, считая по два фута на человѣка, войска стали бы стѣной въ четырнадцать рядовъ въ глубину. Но такъ какъ главная атакованная Наполеономъ часть позиціи простиралась отъ курганной батареи Раевскаго до Семеновскихъ высотъ всего на разстояніи 1.000 сажень, то густота размѣщенія войскъ была въ этомъ мѣстѣ еще большая. Такъ тѣсно и сжато стояли русскіе корпуса вдоль фронта позиціи. По истинѣ это была стѣна живыхъ людей, рвавшихся въ бой для защиты родной земли.

Но такая же густота расположенія войскъ была и на сторонѣ французовъ. Офицеръ 2-го кирасирскаго полка въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ:

„Поле сраженія было слишкомъ тѣсно для огромнаго количества стянутыхъ на немъ войскъ; пришлось располагать войска глубокимъ строемъ въ нѣсколькихъ линіяхъ. Вотъ почему снаряды, перелетавшіе первую линію, поражали вторую, а нѣкоторые поражали нѣсколько линій. Побоище было ужасающее“...

23-го августа послѣ полудня нашъ арьергардъ былъ атакованъ Мюратомъ у деревни Гриднево; генералъ Коновницынъ удерживалъ позицію до ночи и отступилъ къ Колоцкому монастырю. На другой день, 24 августа непріятель сталъ угрожать обходомъ и арьергардъ отошелъ на главную Бородинскую позицію, а непріятель былъ встрѣченъ огнемъ изъ Шевардинскаго редута. Наполеонъ приказалъ овладѣть редутомъ. Завязался упорный бой, редутъ три раза переходилъ изъ рукъ въ руки и въ сумерки кн. Багратіонъ, подведя 2-ю гренадерскую дивизію, вырвалъ редутъ у французовъ; 61-й линейный ихъ полкъ былъ почти весь истребленъ. Въ кровопролитномъ сраженіи у Шевардинскаго редута приняла серьезное участіе наша кавалерія корпуса графа Сиверса. Полки поперемѣнно атаковали непріятельскую пѣхоту дивизіи Фріана и не разъ врубались въ каре. Кирасиры Малороссійскаго и Глуховскаго полковъ сильно помяли 111-й пѣхотный французскій полкъ, отбили 4 пушки, изъ коихъ двѣ захватили и сдали по начальству.

По причинѣ отдаленности редута отъ главной позиціи нельзя было его удержать, тѣмъ болѣе, что французы стали угрожать обходомъ. Кутузовъ приказалъ ночью отступить изъ редута. Войска отошли на главную позицію и французы заняли редутъ.

Бой у Шевардинскаго редута, окончившійся отступленіемъ нашихъ войскъ, разстроилъ планъ расположенія русской арміи на полѣ сраженія. Теперь стало яснымъ, что Наполеонъ сосредоточилъ главныя силы противъ нашего лѣваго крыла и готовитъ намъ ударъ съ этой стороны.

Кутузовъ перевелъ изъ резерва къ деревнѣ Утицѣ корпусъ генерала Тучкова І-го и 7.000 ратниковъ московскаго ополченія. Приказано было расположить этотъ корпусъ скрытно за большимъ курганомъ, но генералъ Бенигсенъ ошибочно поставилъ войска на самый курганъ. Ночью по огнямъ поляки узнали, что передъ ними стоятъ войска, которыхъ они не ожидали встрѣтить въ этомъ мѣстѣ.

Слѣдующій день 25-го августа обѣ стороны приготовлялись къ бою. Наполеонъ стянулъ всѣ свои войска противъ нашего лѣваго фланга и если бы хотѣлъ принудить Кутузова отступить, то могъ бы этого достигнуть, угрожая обходомъ по старой Смоленской дорогѣ. Но этимъ Наполеонъ не достигъ бы своей цѣли и русская армія осталась бы опять невредимою; между тѣмъ, какъ онъ желалъ и надѣялся ее истребить превосходствомъ своихъ силъ и однимъ рѣшительнымъ ударомъ окончить войну.

Поэтому онъ предпочелъ атаковать главными силами центръ и лѣвое крыло русской арміи, а наше правое крыло наблюдать кавалеріей. И дѣйствительно, противъ двухъ пѣхотныхъ корпусовъ Милорадовича почти не было войскъ, и въ день боя Кутузовъ подкрѣплялъ этими корпусами сражавшіяся войска, какъ резервомъ арміи.

О числѣ войскъ Наполеона показанія весьма различны—французскіе военные писатели уменьшаютъ число войскъ до 130.000 чел., но по документамъ, отбитымъ у непріятеля во время бѣгства, видно, что сила наполеоновой арміи, при Бородино состояла изъ 185.000 челов. подъ ружьемъ и до 1.000 орудій артиллеріи. Кутузовъ полагалъ, что у Наполеона было 170.000 челов.

Въ полдень 25-го числа Кутузовъ, чтобъ приготовить воиновъ къ великой битвѣ, приказалъ носить по всей арміи чудотворную икону Богоматери Одигитріи, взятую изъ Смоленска.

Съ благоговѣніемъ, преклонивъ колѣни, русскіе воины возсылали горячія молитвы Пресвятой Богородицѣ и испрашивали благословенія своему оружію, поднятому для спасенія отечества. Посѣдѣвшій въ бояхъ полководецъ сопровождалъ икону и, объѣзжая ряды, напоминалъ войскамъ, чего отъ нихъ ожидаютъ государь и Россія, — и никогда рвеніе къ бою въ такой многочисленной арміи не было единодушнѣе и пламеннѣе.

На позиціяхъ нашихъ войскъ ночь прошла тихо и спокойно:

И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

„Бородино“. Лермонтовъ.

У непріятеля всю ночь шло ликованіе: рокотъ барабановъ, рѣзкіе звуки трубъ, музыка, пѣсни и крики несвязные (привѣтный кличъ войска Наполеону) слышались у французовъ.

Передъ зарею 26-го августа, когда свѣтъ еще боролся со тьмою, Кутузовъ, не предупредивъ никого въ своей главной квартирѣ, сѣлъ верхомъ на лошадь и поѣхалъ на батарею за деревней Горками. Остановясь на возвышеніи, онъ обозрѣвалъ при свѣтѣ догоравшихъ бивачныхъ огней, бранное поле и армію, становившуюся въ ружье. Вскорѣ собрались вокругъ него адъютанты, офицеры его штаба и нѣсколько генераловъ, начальствовавшихъ войсками, стоявшими близъ Горокъ. Кутузовъ сошелъ съ лошади и сѣлъ на косогорѣ. Отсюда, ясно видя поле битвы и движенія непріятелей, распоряжался онъ дѣйствіями своихъ войскъ.

Наполеонъ въ два часа ночи прибылъ на Шевардинскія высоты. Говорятъ, что онъ провелъ ночь безъ сна, и не разъ спрашивалъ, не отступаютъ-ли русскіе? Въ 5 час. 30 мин. утра взошло солнце; Наполеонъ вышелъ изъ походного шатра и, увидя выходящее изъ тумана свѣтило, воскликнулъ: „Это солнце Аустерлица!“.

Стоявшимъ въ строю войскамъ читали приказъ Наполеона, въ которомъ было сказано, что только побѣда можетъ дать арміи изобиліе продовольствія и хорошія зимнія квартиры.

Въ 6 час. утра грянулъ первый выстрѣлъ съ французской батареи у Шевардина. Французскія колонны двинулись одновременно на всѣ назначенные имъ пункты атаки.

Наиболѣе важными пунктами позиціи русской арміи были: курганная батарея Раевскаго, находившаяся почти противъ села Бородина, Семеновскія высоты, гдѣ были такъ называемыя Багратіоновы флеши и курганъ за деревней Утицей. Сообразно этому, при описаніи сраженія будемъ держаться порядка дѣйствія войскъ въ этихъ трехъ пунктахъ въ различные часы дня.

Корпусъ вице-короля Евгенія Богарне, чтобъ достигнуть курганной батареи Раевскаго, долженъ былъ прежде всего овладѣть селомъ Бородинымъ. Село было занято лейбъ-гвардіи егерскимъ полкомъ. Французы двинули цѣлую дивизію.

Оборона была храбрая: больше часу егеря удерживали село, но принуждены были отойти за рѣку Колочу, французы перешли рѣку по мосту, но, встрѣченные на нашемъ берегу гвардейскимъ и двумя армейскими егерскими полками, были отбиты и отступили за рѣку въ село Бородино. Наши сожгли мостъ и непріятель не покушался болѣе переправляться въ этомъ мѣстѣ.

Маршалъ Даву, предшествуемый огнемъ 120 орудій, пошелъ на Семеновскія высоты, но двѣ его дивизіи, по выходѣ изъ лѣса, были встрѣчены жестокимъ огнемъ русскихъ батарей, и должны были перестраиваться подъ картечными выстрѣлами. Войска эти понесли ужасную потерю и два раза были прогоняемы обратно въ лѣсъ. Два дивизіонныхъ генерала были убиты; маршалъ Даву контуженъ.

На оконечности нашего лѣваго фланга поляки, подъ командой кн. Понятовскаго, начали наступать противъ войскъ ген. Тучкова 1-го и овладѣли деревней Утицей.

Въ 7 час. утра маршалъ Ней вывелъ свои дивизіи и вмѣстѣ съ Даву возобновилъ наступленіе на Семеновскія высоты. Французы ворвались въ одну изъ флешей, но дивизіи графа Воронцова и ген. Невѣровскаго ударили въ штыки и прогнали непріятеля. Кавалерія 4-го корпуса гр. Сиверса преслѣдовала французскую пѣхоту до лѣса.

Кн. Багратіонъ подкрѣпилъ сражавшихся 3-й дивизіей Коновницына, а Кутузовъ приказалъ полковнику Толю перевесть съ праваго фланга на лѣвый 2-й корпусъ ген. Багговута и послалъ Багратіону изъ резерва двѣ бригады пѣхоты и 36 орудій гвардейской артиллеріи.

Въ 9 час. утра Даву и Ней предприняли третье нападеніе на Семеновскія укрѣпленія. Генералъ Дюфуръ овладѣлъ было всѣми тремя флешами и даже ворвался въ деревню Семеновскую. Но гренадеры ген. Бороздина ударили въ штыки, а ген. Коновницынъ выбилъ французовъ изъ Семеновской. Непріятель отступилъ, но сейчасъ же возобновилъ приступъ свѣжими войсками, присоединивъ къ атакѣ пѣхотой и кавалерійскій натискъ. Флеши перешли въ руки французовъ, но не долго: дивизія ген. Коновницына штыковымъ боемъ опрокинула непріятельскія войска.

Тогда маршалъ Ней, получивъ отъ Наполеона приказаніе ввести въ бой свѣжій корпусъ войскъ маршала Жюно, направилъ этотъ корпусъ въ промежутокъ между войсками кн. Багратіона и ген. Тучкова 1-го. Если бы прорывъ французовъ въ этомъ мѣстѣ удался, то Семеновскія укрѣпленія могли-бы быть взяты съ тыла. Но къ этому моменту сюда подошелъ 2-й корпусъ ген. Багговута. Наши полки 4-й дивизіи принца Евгенія Виртембергскаго ударили въ штыки, опрокинули вестфальскую пѣхоту, а кирасиры кн. Голицына преслѣдовали

ее до лѣса. Непріятель нѣсколько разъ пробовалъ возобновлять нападенія, но успѣха не имѣлъ. Такимъ образомъ и эта пятая атака французовъ на Семеновскія укрѣпленія была отражена.

Д. С. Дохтуровъ.

Кн. Понятовскій, поставилъ батарею въ 40 орудій и повелъ атаку на курганъ за деревней Утицей; наши отошли. Тогда Тучковъ 1-й и начальникъ дивизіи гренадеръ, графъ Строгановъ атаковали поляковъ спереди, а графъ Олсуфьевъ съ двумя полками зашелъ въ тылъ. Поляки сбиты съ кургана и отступили на дальній выстрѣлъ. Храбрый Тучковъ смертельно раненъ и сдалъ команду Олсуфьеву.

Въ центрѣ позиціи нашей у с. Бородина въ это время кипѣлъ жестокій бой. Войска вице-короля Евгенія, перейдя рѣку Колочу по мостамъ, наведеннымъ французами, явились прямо предъ курганной батареей. Дивизія генерала Паскевича больше часу удерживала ихъ, но уступила превосходству силъ: генералъ Бонами съ линейнымъ полкомъ ворвался въ укрѣпленіе. Въ это время проѣзжали около кургана генералы Ермоловъ и графъ Кутайсовъ. Видя, что непріятель готовъ прорвать центръ арміи, генералъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ поставилъ двѣ конныя батареи полковника Никитина и приказалъ бить по французамъ, проникшимъ на курганную батарею, а самъ сталъ во главѣ баталіона Уфимскаго полка, развернулъ баталіонъ фронтомъ и повелъ на курганную батарею. Сохранился разсказъ о томъ, что Ермоловъ имѣлъ въ карманѣ георгіевскія ленты со знаками отличія; онъ бросалъ ленты впередъ, а солдаты бѣгомъ подхватывали ихъ.

А. П. Ермоловъ.

Къ Уфимскому баталіону пристроились отступившіе полки дивизіи Васильчикова, а Паскевичъ зашелъ французамъ въ тылъ. Совокупнымъ ударомъ этихъ войскъ курганная батарея была взята нашими; французы переколоты штыками, а командовавшій полкомъ генералъ Бонами, покрытый ранами, взятъ въ плѣнъ. Драгуны наши по приказанію Барклая-де-Толли преслѣдовали отступившихъ. Здѣсь французы понесли страшное пораженіе: вся площадка передъ укрѣпленіемъ

была покрыта ихъ трупами. Въ этомъ бою ген. Ермоловъ раненъ картечью въ шею. Къ общему величайшему сожалѣнію тутъ погибъ смертью героя молодой, талантливый генералъ графъ Кутайсовъ. Тѣло его не найдено, о смерти его узнали только по окровавленному сѣдлу его коня. Кутузовъ былъ очень огорченъ смертью Кутайсова, который былъ начальникомъ артиллеріи арміи.

Вице-король отвелъ войска за оврагъ и открылъ ужасный огонь по укрѣпленію. Дивизія ген. Паскевича такъ сильно пострадала, что ее смѣнили 24-й дивизіей ген. Лихачова. Въ свою очередь и наши батареи у деревни Горки били во флангъ и вкось по войскамъ вице-короля, нанося имъ огромныя потери.

Битва продолжалась уже около шести часовъ. Непріятель сдѣлалъ невѣроятныя усилія, но не успѣлъ выиграть ни одного шага земли отъ нашихъ позицій. Французы собрали болѣе 400 орудій противъ нашего лѣваго фланга и ихъ сильныя колонны опять появились на равнинѣ передъ Семеновскими высотами. Съ нашей стороны подвели резервы и 300 орудій громили французовъ.

Битва при деревнѣ Семеновской опять возобновилась. 700 орудій на пространствѣ не болѣе одной квадратной версты обстрѣливали равнину во всѣхъ направленіяхъ. Французскія колонны ринулись въ шестой разъ на Семеновскія высоты. Поражаемые картечью полки французовъ смыкали ряды и съ бѣшенствомъ бросились на наши укрѣпленія. Кн. Багратіонъ, видя, что непріятель выигрываетъ мѣсто, повелъ своихъ въ штыки:

Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!...
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

„Бородино“. Лермонтовъ.

Вся линія полковъ нашего лѣваго крыла двинулась впередъ скорымъ шагомъ и ударила въ штыки. Натискъ былъ ужасенъ, ни одна изъ противныхъ сторонъ не хотѣла уступить побѣды; воспослѣдовала ужасная сѣча, въ которой съ той и другой стороны проявлены чудеса сверхъестественной храбрости. Пѣхота, кавалерія и артиллеристы обѣихъ сторонъ перемѣшались и представляли одну сплошную массу сражавшихся. Хотя непріятель былъ въ превосходномъ числѣ, но наши храбро держались до тѣхъ поръ, пока случайно приключившіяся несчастія не перемѣнили положенія дѣлъ. Многіе наши начальники были убиты или ранены. Кн. Багратіонъ смертельно раненъ въ бедро осколкомъ гранаты; начальникъ его штаба ген. Сенъ-При, гр. Воронцовъ, принцъ Карлъ Мекленбургскій, Невѣровскій и др. также

ранены. Войска, не управляемыя начальниками, пришли въ разстройство и начали отступать за Семеновскій оврагъ. Моментъ сраженія былъ очень напряженный, но къ счастью генералъ Коновницынъ, отражавшій атаку своей 3-й дивизіей, принялъ отъ Багратіона командованіе надъ войсками, отвелъ артиллерію и пѣхоту за Семеновскій оврагъ, занялъ высоты и, съ неимовѣрной скоростью поставивъ сильныя батареи, удержалъ напоръ французовъ.

Графъ М. С. Воронцовъ.

Наполеонъ былъ утомленъ сопротивленіемъ русскихъ: шестичасовой упорный бой истощилъ его терпѣніе. Король неаполитанскій Мюратъ получилъ приказаніе бросить конницу на Семеновскія высоты, чтобы довершить успѣхъ, достигнутый на этотъ разъ пѣхотой съ ве-

личайшими потерями. Три кавалерійскихъ корпуса развернулись и цѣлая туча всадниковъ понеслась на нашу позицію за Семеновскимъ оврагомъ, охвативъ съ обѣихъ сторонъ выстроившіяся линіи нашей пѣхоты. Заблаговременно изъ резерва Кутузовъ двинулъ на лѣвое крыло гвардейскіе полки: Измайловскій, Финляндскій и Литовскій, нынѣ Московскій; эти полки построились въ баталіонныя каре и отразили атаку французскихъ кирасиръ ружейнымъ огнемъ. Латники и конно-гренадеры подскакивали къ кареямъ и падали поражаемые пулями. На тѣсномъ пространствѣ поля, обстрѣливаемаго во всѣхъ направленіяхъ, носились ураганомъ полки конницы.

Наши кирасирскіе полки бросались на встрѣчу французамъ и рубились съ ними. Три раза возобновлялъ Мюратъ атаки свѣжими полками своей конницы, и ни одна изъ атакъ не имѣла успѣха. Ни въ одно изъ нашихъ каре французамъ не удалось врубиться, а между тѣмъ ихъ конница несла страшныя потери отъ огня нашей пѣхоты и артиллеріи.

Французскіе эскадроны заскакивали даже до стоявшихъ въ резервѣ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго. Командовавшій этими полками, баронъ Розенъ встрѣчалъ атаки кавалеріи наступленіемъ въ штыки. Полки съ барабаннымъ боемъ шли противъ латниковъ и тѣ не отваживались врубиться въ нашу гвардію. Пораженіе французской конницы довершили наши кирасирскіе полки: Его Величества, Ея Величества, Екатеринославскій, Астраханскій и Орденскій. Они ходили въ атаку; и, прогнавъ конницу, не разъ врѣзывались въ непріятельскую пѣхоту.

Въ одну изъ такихъ атакъ король Мюратъ подвергался опасности и укрылся въ каре вюртембергскаго пѣхотнаго полка.

Наши генералы Дохтуровъ и Коновницынъ находились въ кареяхъ гвардейскихъ полковъ. Генералъ Дохтуровъ написалъ въ донесеніи Кутузову: „Измайловскій и Литовскій (нынѣ Московскій) полки оказали достойную русскихъ храбрость. Необыкновеннымъ своимъ мужествомъ они удержали стремленіе непріятелей и поражали повсюду ихъ штыками“.

Налеты французской кавалеріи на наши позиціи были изумительно отважны. Наполеоновы маршалы посылали конницу въ атаку на батареи впереди своей пѣхоты. Такъ было на Семеновскихъ высотахъ и на Курганной батареѣ Раевскаго. Но въ общемъ атаки конницы успѣха не имѣли: русская пѣхота стояло неустрашимо.

По ходу сраженія въ различныхъ пунктахъ и по окончательному результату битвы видно, что атаками конницы на наши позиціи Наполеонъ не пріобрѣлъ никакого успѣха. Онъ думалъ потрясти мужество нашей пѣхоты стремительными ударами конницы, но не достигнувъ этого, страшно разстроилъ свою кавалерію, что и было замѣчено нашими войсками на другой же день послѣ Бородинской битвы.

Незадолго до начатія атаки, въ которой былъ раненъ Багратіонъ, фельдмаршалъ Кутузовъ, находившійся подлѣ батареи у села Горки, выѣхалъ на пригорокъ, осыпаемый непріятельскими гранатами. Тщетно уговаривали его спуститься съ пригорка, и когда никакія убѣжденія не дѣйствовали, адъютанты взяли лошадь Кутузова за узду и вывели изъ подъ выстрѣловъ. Здѣсь Кутузовъ отдалъ приказанія: 4-му корпусу подойти къ центру, а генералу Уварову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и Платову съ казаками атаковать лѣвое крыло французовъ.

Конница гр. Уварова перешла р. Колочу въ бродъ и атаковала кавалерійскую дивизію ген. Орнано, который поспѣшно отступилъ за ручей Войну, а пѣхотная дивизія Дельзона едва успѣла свернуться

Съ картины П. Гесса.

Битва Бородинская 26-го августа 1812 года.

въ каре. Вице-король Евгеній прискакалъ къ своему лѣвому крылу и успѣлъ укрыться въ каре 84-го полка. Графъ Уваровъ сдѣлалъ нѣсколько атакъ противъ французовъ, но, не видя себя довольно сильнымъ, отошелъ. Казаки Платова заскакали въ тылъ наполеоновой арміи и надѣлали тревогу въ обозахъ.

Атака гр. Уварова имѣла большое значеніе: Наполеонъ помчался къ лѣвому флангу и слѣдилъ около часа за атаками гр. Уварова.

Посылку молодой гвардіи для атаки на курганную батарею Раевскаго Наполеонъ отмѣнилъ: онъ понялъ, что слишкомъ затянулся и не захотѣлъ рисковать послѣднимъ резервомъ арміи.—На всемъ полѣ Бородинской битвы временно наступила какъ бы передышка: „можно было свободнѣе вздохнуть“.

Былъ третій часъ по полудни, когда Наполеонъ вернулся къ Шевардину. Французы обратили теперь все вниманіе на нашу курганную батарею Раевскаго и развили по ней страшную канонаду. Гранаты лопались въ воздухѣ безпрерывно, ядра бороздили землю. Наша артиллерія отвѣчала, но теряла прислугу лошадей и ящики; приходилось вывозить орудія парою лошадей. Къ орудіямъ ставили пѣхоту и ополченцевъ. Всѣ начальники были впереди: Барклай-де-Толли, Остерманъ, Милорадовичъ становились на самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Замѣтивъ, что Барклай стоитъ подъ ядрами, Милорадовичъ сказалъ:—„Барклай хочетъ меня удивить“, выѣхалъ еще дальше подъ перекрестные выстрѣлы и велѣлъ подать себѣ завтракъ. Остерманъ былъ контуженъ; два начальника дивизій его корпуса, братья Бахметьевы, ранены, одному изъ нихъ оторвало ногу.

Наполеонъ приказалъ пустить конницу на курганную батарею Раевскаго, а съ другой стороны атаковать пѣхотой. Генералъ Коленкуръ съ кавалерійскимъ корпусомъ повелъ атаку; его кирасиры и уланы прорвались въ наши линіи, повернули налѣво и доскакали до кургана съ тыла:

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

„Бородино,“ Лермонтовъ.

Встрѣченная убійственнымъ огнемъ нашей пѣхоты и артиллеріи на самомъ близкомъ разстояніи, конница Коленкура отхлынула и была преслѣдуема Сумскимъ и Маріупольскимъ гусарскими, Иркутскимъ и Сибирскимъ драгунскими полками. Храбрый генералъ Коленкуръ, проникшій въ курганную батарею съ своими латниками, былъ убитъ, а его кирасиры полегли въ множествѣ передъ курганомъ.

„Табуны лошадей безъ всадниковъ, разметавъ гривы, ржали, бѣгали посреди мертвыхъ и раненыхъ; по всему полю были разбросаны подбитыя орудія и зарядныя ящики.“

Между тѣмъ, съ другой стороны подошли къ кургану полки трехъ дивизій вице-короля. Наша 24-я дивизія ген. Лихачева, ослабленная страшными потерями не могла отразить непріятеля. Израненый Лихачевъ бросился на враговъ съ горстью своихъ героевъ и былъ взятъ въ плѣнъ.

Вице-король Евгеній съ двумя полками ворвался на батарею съ тыла и овладѣлъ ею. Но этотъ успѣхъ не имѣлъ рѣшающаго значе-

нія: корпусъ ген. Остермана-Толстого, построенный за Горецкимъ оврагомъ, представлялъ грозный фронтъ, на который французы направили теперь цѣлый корпусъ конницы. Тутъ необходимо было съ нашей стороны приготовить отпоръ. Барклай-де-Толли послалъ за полками кавалергардскимъ и конногвардейскимъ; изъ всей русской

Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ.
Съ картины В. В. Верещагина.

кавалеріи они одни еще не были введены въ дѣло. Генералу Шевичу приказано было идти впередъ; наши отборные гвардейцы двинулись съ радостными кликами ура. Барклай-де-Толли лично велъ конницу. Онъ ѣхалъ впереди нашихъ полковъ въ генеральскомъ мундирѣ и вывелъ полки на поле битвы.

Къ нашимъ латникамъ присоединились остатки конницы 2-го корпуса. Одна атака слѣдовала за другой и, наконецъ, поле битвы осталось за нами: французская конница отступила, было уже около пяти часовъ вечера.

Генералъ Милорадовичъ поставилъ за оврагомъ на высотахъ сильныя батареи, которыя били картечью по французамъ, занявшимъ курганъ; французская пѣхота укрывалась во рву батареи. Атаки въ этомъ пунктѣ прекратились.

На крайней оконечности лѣваго крыла нашей арміи кн. Понятовскій возобновилъ нападеніе на курганъ передъ деревней Утицей. Ослабленныя потерями, войска ген. Багговута отошли къ лѣвому крылу арміи и построились на высотѣ, лежащей при вершинѣ Семеновскаго ручья, и въ этомъ мѣстѣ бой ограничился канонадой.

Наполеонъ выставилъ по всему бородинскому полю сильныя батареи; онъ взялъ изъ резерва гвардейскую артиллерію, но, устрашенный ужаснымъ урономъ, приказалъ удержаться отъ всякихъ нападеній. Страшный пушечный огонь продолжался до наступленія темноты. Обѣ арміи равно изнуренныя и утомленныя ужаснымъ кровопролитіемъ, повидимому, не имѣли намѣренія возобновить бой, и только около девяти часовъ вечера французы сдѣлали попытку выйти изъ деревни Семеновской, но были прогнаны лейбъ-гвардіи финляндскимъ полкомъ.

Вечерѣло, когда Наполеонъ прибылъ къ Семеновскимъ высотамъ. Французы, хотя овладѣли Багратіоновыми флешами и курганной батареей Раевскаго, но успѣхъ этотъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ понесенными ими потерями. Русская армія, хотя и ослабленная, но стройными рядами и грозной артиллеріей занимала высоты за Горецкимъ и Семеновскимъ оврагами. Казалось, что Наполеонъ могъ рѣшить побѣду, введя въ дѣло свою гвардію, т. е. до 30.000 свѣжаго войска, но, не взирая на убѣжденія маршаловъ, онъ отказался отъ дальнѣйшихъ покушеній, и въ эту минуту какъ будто потерялъ ту рѣшительность, которая сдѣлала его побѣдителемъ всей Европы. Но нужно принять въ разсужденіе, что гвардія составляла послѣднее не разстроенное боемъ войско Наполеона, да къ тому же онъ не могъ знать, сохранили ли русскіе свои резервы или нѣтъ.

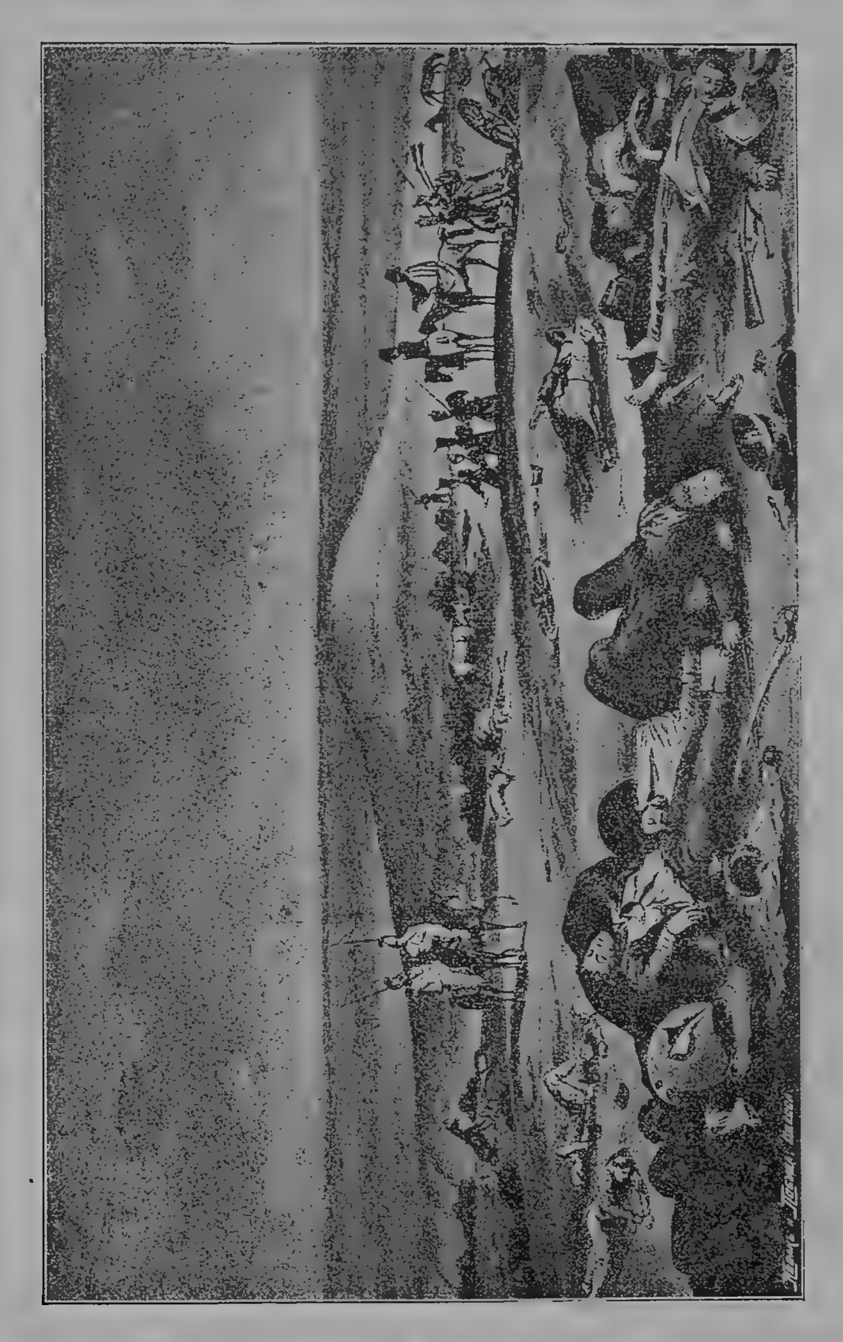
Ночь прекратила битву. Французы возвратились на свои первоначальныя позиціи, которыя занимали передъ боемъ; только ихъ передовые посты остались на Семеновскихъ высотахъ. Курганную батарею Раевскаго французы оставили. Русская армія отступила лѣвымъ крыломъ на 400 сажень за линію первоначальной позиціи. Всю ночь казаки тревожили французовъ и распространили смятеніе въ тылу арміи.

Кутузовъ предполагалъ на другой день возобновить сраженіе и не одинъ онъ такъ думалъ: генералъ Дохтуровъ, принявшій командованіе надъ 2-й арміей послѣ раны кн. Багратіона, говоритъ: „потерявши множество убитыми, въ семь часовъ вечера непріятель сталъ отступать, что я видѣлъ своими глазами, а потому и полагалъ сраженіе нами совершенно выиграннымъ“. Генералъ Ермоловъ, бывшій начальникомъ штаба у Барклая-де-Толли, въ своихъ запискахъ отмѣтилъ, что „французская армія расшиблась о русскую армію“.

Получивъ донесенія корпусныхъ командировъ о потеряхъ въ арміяхъ и, переговоривъ съ генераломъ Дохтуровымъ, въ 11 ч. ночи фельдмаршалъ далъ приказаніе отступить къ Можайску. Отступленіе было необходимо по причинѣ огромной убыли въ людяхъ и для сближенія съ подкрѣпленіями.

Наполеонъ думалъ, что русскіе возобновятъ сраженіе на другой день и стянулъ свои корпуса на первоначальныя позиціи. Французы начали наступать 27-го числа только около 2-хъ часовъ по полудни.

Въ великой Бородинской битвѣ русскія войска выказали безпримѣрное мужество, твердость и презрѣніе къ смерти. Онѣ горѣли лич-



Поле Бородинской битвы послѣ сраженія.
Съ рисунка Фаберъ-Дюфора.

ной ненавистью къ непріятелю. Взятые въ плѣнъ солдаты отказывались говорить съ французскими переводчиками, или произносили ругательства. Поведеніе всѣхъ начальниковъ отъ высшихъ до низшихъ было высоко геройское. Въ самомъ пылу атакъ французовъ генералы были

впереди и лично предводили войсками, указывая примѣръ геройскихъ доблестей. Посреди отбивающейся нашей пѣхоты 2-й арміи генералъ Дохтуровъ, сидя на барабанѣ, отдавалъ приказанія.

Хладнокровіе ни на минуту не измѣнило Кутузову: молча слѣдилъ онъ за ходомъ битвы, внимательно выслушивая привозимыя донесенія и неторопливо отдавалъ повелѣнія. Куда ни направлялъ свои удары Наполеонъ, всюду своевременно подходили наши подкрѣпленія. Не было нигдѣ ни суеты, ни замѣшательства. Обаяніе Наполеонова военнаго генія и всемірная слава императора французовъ нисколько не поколебали увѣренности Кутузова въ непобѣдимости русскаго войска.

Оба командовавшіе арміями, кн. Багратіонъ и Барклай-де-Толли явили себя достославными помощниками мудраго вождя: смертельно раненый Багратіонъ, истекающій кровью, не уступилъ французамъ поля битвы и, удаляясь, видѣлъ русскія знамена на твердыняхъ, которыя защищалъ.

Барклай-де-Толли, терзаемый незаслуженными порицаніями, искалъ смерти, появляясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и ободряя полки. Подъ нимъ убито и ранено пять лошадей, а изъ его адъютантовъ и свиты немногіе уцѣлѣли. Геройство Барклая въ Бородинской битвѣ примирило съ нимъ армію. Войска, неотвѣчавшія на его привѣтствія до сраженія, отвѣчали громкимъ ура на его слова къ нимъ обращенныя во время боя. Подъ генераломъ Дохтуровымъ одна лошадь была убита, а другая ранена.

Бородинская битва была одной изъ кровопролитнѣйшихъ въ исторіи. Это была битва, какой не было ни раньше, ни послѣ: на тѣсномъ пространствѣ боролись другъ съ другомъ двѣ арміи во сто слишкомъ тысячъ каждая, буквально такъ, какъ борются два человѣка, которые бросились бы другъ на друга съ ножами въ рукахъ.

„Еще не было такой битвы не на жизнь, а на смерть, гдѣ частныя сшибки производились массами, которыя въ прежнія и еще недавнія времена почитались страшными арміями, гдѣ на тѣсномъ пространствѣ гремѣли безпрерывно 1500 орудій, дралось отчаянно до 300.000 человѣкъ; гдѣ умирающіе дорѣзывали враговъ оружіемъ, добивали кулакомъ, догрызали зубами умирающихъ подлѣ нихъ непріятелей, гдѣ лопались отъ непрерывной стрѣльбы орудія и взрывались зарядные ящики“.

„На полѣ битвы воздухъ былъ—дымъ и огонь. Рукопашный бой и натиски конницы считались отдыхомъ, во время котораго прекращался адскій огонь многочисленныхъ артиллерійскихъ батарей непріятеля“.

Отъ ужаснаго пушечнаго огня страдали одинаково обѣ стороны, потому что арміи были расположены весьма скучено. Какъ скоро резервы были введены въ дѣло, обѣ боевыя линіи и непріятельская и наша не выходили изъ подъ выстрѣловъ артиллеріи. Этимъ и объясняется страшный уронъ обѣихъ сторонъ.

Въ теченіе 15 часового боя, съ обѣихъ сторонъ было убито и ранено больше ста тысячъ человѣкъ.

Русская армія потеряла почти половину своего состава, но оставшаяся въ живыхъ половина сохранила свой высокій неугасимый душевный жаръ въ той же степени, какъ и передъ боемъ, и готова была тотчасъ опять вступить въ бой. Да этого никогда не бывало!

Это чудо духовнаго, несокрушимаго мужества проявилось внѣ всякаго сомнѣнія въ рѣшимости Кутузова возобновить сраженіе на другой день. Величайшій полководецъ новаго времени былъ побѣж-

день подъ Бородинымъ доблестнымъ духомъ русской ратной силы, которую онъ и далѣе не могъ сломить: во время отступленія отъ Бородинскаго поля до Москвы армія шла точно также, какъ и до сраженія, останавливая непріятеля на каждомъ шагу. Разбитыя арміи такъ не отступаютъ. Тутъ уже не храбрость, а нѣчто высшее, чѣмъ храбрость.

Послѣ Бородинской битвы, Наполеонъ пережилъ скверную ночь: невѣря, чтобы столь кровопролитный бой не доставилъ ему большихъ трофеевъ, онъ нѣсколько разъ приказывалъ пересчитывать отбитыя орудія и плѣнныхъ. А тутъ еще казаки пробрались въ тылъ его арміи и произвели тревогу, такъ что гвардія стала въ ружье и построилась около императорскаго походнаго шатра.

Наполеонъ спѣшилъ диктовать извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи и, какъ обыкновенно поступалъ въ такихъ случаяхъ, представилъ битву въ искаженномъ видѣ, громоздя ложь на ложь съ цѣлью обмануть раболѣпную Европу и одурманить Францію извѣстіемъ о побѣдѣ, которая явилась предшественницей его пораженія.

Состояніе французской арміи послѣ сраженія было самое удрученное; войска терпѣли недостатокъ въ пищѣ. За нѣсколько дней до битвы людей не отпускали отъ знаменъ для добыванія продовольствія. По собственному сознанію французовъ армія ихъ была „поражена оцѣпѣненіемъ“.

Страшное впечатлѣніе, разсказываетъ виртембергскій офицеръ, представляло по окончаніи боя поле Бородинской битвы при полномъ почти отсутствіи санитарной службы и дѣятельности. Всѣ селенія и жилыя помѣщенія вблизи Московской дороги были биткомъ набиты ранеными обѣихъ сторонъ въ самомъ безпомощномъ положеніи. Кругомъ шли пожары. Раненые, которымъ удалось спастись отъ огня, ползали тысячами у большой дороги, ища средствъ продолжать свое жалкое существованіе.

При отступленіи отъ Бородино къ Можайску нашими было замѣчено, что нѣкоторыя кавалерійскія колонны французовъ, не оправившись послѣ побоища, составлены были изъ сборныхъ войскъ, т. е., что въ одномъ и томъ же фронтѣ гусаръ стоялъ возлѣ улана, кирасиръ подлѣ коннаго егеря. Когда объ этомъ доложили фельдмаршалу Кутузову, онъ сказалъ: „Каково мы ихъ потрясли вчера“.

Еще до Бородинской битвы французская конница была сильно изнурена: лошади вслѣдствіе плохого корма и постояннаго движенія находились въ жалкомъ положеніи. Однажды начальникъ всей кавалеріи Мюратъ сдѣлалъ выговоръ генералу Нансути за непроизводство атаки. Генералъ отвѣчалъ: „люди могутъ идти безъ хлѣба, но лошади безъ овса не въ состояніи; ихъ не поддерживаетъ любовь къ отечеству“. Послѣ Бородинской битвы у Наполеона сохранилась въ лучшемъ порядкѣ только гвардейская кавалерія; армейская же конница была страшно разстроена.

Французы называютъ Бородинское сраженіе битвой генераловъ, и дѣйствительно, по числу убитыхъ и раненыхъ старшихъ военачальниковъ эта битва безпримѣрна; у насъ убиты: графъ Кутайсовъ и младшій изъ семьи Тучковыхъ, Александръ. Смертельно ранены: корпусный командиръ Тучковъ 1-й и князь Багратіонъ. Рана его, казавшаяся вначалѣ не опасною, день отъ дня становилась хуже и вскорѣ лишила Россію одного изъ лучшихъ генераловъ. Князь Багратіонъ скончался 12-го сентября въ помѣстьѣ Симѣ во Владимирской губерніи. Въ числѣ раненыхъ генераловъ были: князь Голицынъ, князь Горчаковъ, принцъ Карлъ Мекленбургскій, графъ Воронцовъ, Василь-

чиковъ, Невѣровскій, графъ Сентъ-При, Кретовъ, Баронъ Крейцъ, два Бахметьевы, Ермоловъ, графъ Ивеличъ, Лихачевъ и др.

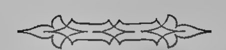
У французовъ убито девять и ранено тридцать генераловъ. Число плѣнныхъ совершенно незначительно въ сравненіи съ числомъ сражавшихся: не болѣе тысячи человѣкъ съ каждой стороны, а военныхъ трофеевъ совсѣмъ мало: нашими отбито у французовъ 10 пушекъ, а непріятель овладѣлъ 13-ю нашими орудіями.

Потери нѣкоторыхъ нашихъ частей войскъ были огромны. Сводная гренадерская дивизія графа Воронцова и 26-я генерала Паскевича были почти уничтожены. Когда графъ Толь подъѣхалъ къ небольшой кучкѣ людей и спросилъ: какой полкъ?—Ему отвѣчали: „это вся дивизія". Многими полками—кучками командовали младшіе оберъ-офицеры.

Наполеонъ долженъ былъ признать непобѣдимость русскаго войска. Въ запискахъ, продиктованныхъ на островѣ св. Елены, онъ выразился: „Подъ Бородинымъ русскій солдатъ стяжалъ право быть непобѣдимымъ".

И такъ, что же такое Бородинская битва: побѣда или пораженіе?

Ни то, ни другое: это—смертельная рана, которую нанесла русская армія наполеоновымъ полчищамъ и предуготовила своимъ мужествомъ въ битвѣ величайшее торжество русскаго оружія въ борьбѣ за честь, достоинство и независимость Отечества.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сожженная Москва.

Извѣстіе о Бородинской битвѣ получено было императоромъ Александромъ 30-го августа, въ день тезоименитства государя. Кутузовъ писалъ, что „непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами“. Кутузовъ присовокупилъ, что, „ночевавъ на полѣ сраженія, онъ, въ виду громадныхъ потерь, понесенныхъ арміею, отступилъ за Можайскъ“.

Императоръ даровалъ Кутузову чинъ фельдмаршала, Барклай-де-Толли получилъ Георгія 2-й степени, 14 генераловъ получили тотъ же орденъ 3-й степени. Смертельно раненый кн. Багратіонъ награжденъ 50.000 руб. Донесеніе Кутузова было прочитано въ Невскомъ монастырѣ въ присутствіи ихъ величествъ передъ благодарственнымъ молебномъ.

Въ Петербургѣ наступили минуты томительнаго ожиданія. Кутузовъ, отступая шагъ за шагомъ, выдерживалъ упорныя арьергардныя сраженія и привелъ армію къ Москвѣ.

31 августа русская армія расположилась бивуаками въ двухъ верстахъ отъ Москвы на Поклонной горѣ, у Драгомиловской заставы. 1-го сентября вечеромъ въ деревнѣ Филяхъ Кутузовъ собралъ военный совѣтъ. Здѣсь рѣшалась участь первопрестольной столицы. Генералъ Бенигсенъ предложилъ идти на встрѣчу непріятелю и дать сраженіе. Осторожный Барклай-де-Толли доказалъ невыгоды избранной Бенигсеномъ позиціи и первый подалъ голосъ въ пользу отступленія безъ боя. Другіе генералы находили нужнымъ отступать, прикрывая дорогу на Петербургъ.

Генералъ Раевскій, пріѣхавшій на совѣщаніе къ концу, сказалъ:

„Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она“.

— „Слѣдовательно, болѣе всего должно беречь войска. Мое мнѣніе: оставить Москву безъ сраженія, но я говорю, какъ солдатъ. Князю Михаилу Илларіоновичу представлено судить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи произведетъ извѣстіе о взятіи Москвы“.

Для Россіи является величайшимъ счастьемъ то, что ни одно изъ предложеній о сраженіи подъ Москвой не было принято Кутузовымъ. Умнѣйшій, опытный полководецъ рѣшилъ, что спасеніе Россіи заключается въ сохраненіи арміи, которая уменьшилась до 60.000 воиновъ.

Дать сраженіе Наполеону съ этими силами подъ стѣнами Москвы значило бы рисковать потерей всей арміи: при отступленіи чрезъ многолюдный и весьма тревожно настроенный городъ армія могла совершенно разстроиться. Въ случаѣ пораженія Москва обратилась бы въ могилу русской арміи.

И Кутузовъ, послѣ продолжительныхъ преній, заключилъ совѣщаніе словами: „Я чувствую, что мнѣ придется поплатиться за все, но я жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать".

Этимъ мудрымъ рѣшеніемъ маститый вождь русской арміи спасъ отечество. И современники и благодарное потомство благословляютъ имя и славную память дѣдушки Кутузова. Онъ своимъ проницательнымъ умомъ заблаговременно обдумалъ во всѣхъ подробностяхъ планъ отступленія черезъ Москву съ цѣлью прикрыть плодородныя южныя губерніи и запасы, накопленные для арміи въ Тулѣ и Калугѣ. Если бы Кутузовъ отступилъ мимо Москвы, южнѣе города, по окольнымъ дорогамъ, онъ привлекъ бы на себя всю армію Наполеона, который могъ и отрѣзать наши войска отъ сообщеній съ южными губерніями.

Удивительно, что Наполеонъ, имѣя численное превосходство силъ, не перешелъ раньше Кутузова на дороги, ведущія изъ Калуги и Тулы въ Москву: онъ могъ бы это сдѣлать сейчасъ же послѣ Бородинской битвы, направившись изъ Можайска на Подольскъ; но вмѣсто того, онъ шелъ по пятамъ Кутузова и неудержимо стремился къ Москвѣ, которая по истинѣ должна быть названа могилой его славы и арміи.

Наполеонъ, геніальнѣйшій полководецъ, попался въ сѣти, разставленныя мудрымъ Кутузовымъ: страстно желая овладѣть Москвой, Наполеонъ упустилъ русскую армію и тѣмъ погубилъ свою собственную.

Кутузовъ разсудилъ иначе. Онъ объявилъ: „поелику потеря Москвы не есть еще потеря Россіи, то онъ и считаетъ первымъ долгомъ своимъ сберечь армію и сблизиться съ подкрѣпленіемъ, ею ожидаемымъ; что, уступая непріятелю столицу, чрезъ то самое онъ разставляетъ ему сѣть, въ коей гибель его содѣлается неизбѣжною, и что въ слѣдствіе сего онъ намѣренъ, пройдя чрезъ Москву, отступать по Рязанской дорогѣ".

Военный совѣтъ продолжался долго. Наконецъ, во мракѣ вечера отворились двери избы, занятой фельдмаршаломъ и одинъ за другимъ начали выходить оттуда генералы. Рѣшеніе совѣта огласилось и произвело страшное огорченіе. Фельдмаршалъ остался одинъ.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по избѣ, когда вошелъ къ нему офицеръ, полковникъ Шнейдеръ, находившійся при немъ 20 лѣтъ безотлучно. Пользуясь правомъ свободнаго съ нимъ разговора, онъ старался разсѣять Кутузова и заводилъ рѣчь о разныхъ предметахъ. Слова его оставались безъ отвѣта. „Гдѣ же мы остановимся; спросилъ онъ наконецъ. Будто пробужденный этимъ вопросомъ, фельдмаршалъ подошелъ къ столу, сильно ударилъ объ него и сказалъ съ жаромъ: Это мое дѣло; но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо".

Послѣ этого Кутузовъ успокоился и сталъ отдавать приказанія. Всю ночь фельдмаршалъ былъ чрезвычайно печаленъ и нѣсколько разъ плакалъ.

Какова, однако, была сила ума и воли у этого дивнаго человѣка: какъ полководецъ онъ рѣшилъ отдать врагамъ Москву; какъ человѣкъ—

Военный совѣтъ въ Филяхъ 1-го сентября 1812 г.

Съ картины Кившенко.

онъ рыдалъ о томъ, что долженъ принести эту жертву для спасенія отечества!

2-го сентября, въ три часа по полуночи наша армія снялась съ позиціи при с. Филяхъ и по Драгомиловскому мосту прослѣдовала въ городъ, направляясь къ Коломенской заставѣ, что на Рязанской дорогѣ. Легко вообразить себѣ уныніе жителей Москвы, когда они узнали, что столица будетъ отдана непріятелю. Мрачная тишина царствовала во всемъ городѣ. Во всѣхъ домахъ ставни были заперты и на улицахъ встрѣчались лишь немногія лица, которыя спѣшили бѣжать, унося съ собой все, что было у нихъ болѣе драгоцѣннаго.

Движеніе арміи также имѣло скорѣе видъ похороннаго шествія, чѣмъ военнаго марша. Угрюмый и угнетенный видъ войска достаточно показывалъ, насколько люди были разстроены жестокой необходимостью оставить непріятелю древнюю Москву. Въ рядахъ офицеровъ и солдатъ можно было видѣть многихъ плакавшихъ отъ досады и огорченія. Это описаніе принадлежитъ военному офицеру, оставившему интересныя записки о войнѣ.

Другой очевидецъ прохожденія арміи черезъ Москву разсказываетъ: „проходя черезъ городъ, мы на каждомъ шагу убѣждались, что Москва была почти совсѣмъ пуста: въ домахъ никого и ничего; жители почти всѣ выбрались, а запоздавшіе уходили вмѣстѣ съ нами цѣлыми семьями. Все казенное имущество было вывезено на подводахъ, а обыватели сами спасали все, что могли“.

„Барки съ хлѣбомъ и казеннымъ имуществомъ на Москвѣ-рѣкѣ были сожжены и затоплены. Лавки представляли полный безпорядокъ. Купцы зазывали солдатъ и предлагали, просили брать все, что приглянется. „Пусть наше добро достанется лучше вамъ, чѣмъ французамъ“,—говорили они. Всѣ улицы завалены были различнымъ скарбомъ, черезъ который съ трудомъ могъ пробираться пѣшеходъ“.

Не успѣли всѣ войска выйти изъ города, какъ у Драгомиловской заставы показался король Неаполитанскій Мюратъ съ авангардомъ. Въ улицахъ Москвы могло произойти сраженіе; тогда начальникъ нашего арьергарда, генералъ Милорадовичъ послалъ своего адъютанта къ Мюрату съ заявленіемъ, что если французы сдѣлаютъ нападеніе на наши войска при прохожденіи городомъ, то Милорадовичъ рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности и похоронить себя подъ развалинами города, который онъ немедленно прикажетъ поджечь.

Было заключено перемиріе до 7 часовъ вечера; войска наши съ величайшимъ трудомъ успѣли выйдти и даже всѣ обозы были вывезены.

Армія наша сдѣлала въ этотъ день переходъ въ 15 верстъ по Рязанской дорогѣ. Главная квартира Кутузова расположилась въ с. Панкахъ, арьергардъ сталъ въ шести верстахъ отъ Москвы въ деревнѣ Вязовкѣ.

Французы видимо желали сохранить Москву въ цѣлости, ради хорошихъ теплыхъ квартиръ и изобильнаго продовольствія, о чемъ напоминалъ Наполеонъ въ своемъ приказѣ въ день Бородинской битвы.

Когда въ понедѣльникъ 2-го сентября Наполеонъ пріѣхалъ къ Драгомиловской заставѣ, онъ ожидалъ найти тамъ депутацію съ мольбой о пощадѣ города, но вмѣсто того получилъ донесеніе объ оставленіи Москвы ея жителями. — „Москва опустѣла! Какое невѣроятное событіе. Надобно удостовѣриться въ этомъ. Ступайте и приведите мнѣ бояръ“, сказалъ онъ графу Дарю, отправляя его въ городъ.

Вмѣсто бояръ, которыхъ, конечно, ни гдѣ не оказалось, собрали нѣсколько иностранцевъ; между ними, какъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ кн. А. А. Шаховскій, былъ французъ книгопродавецъ Риссъ.

Онъ находился въ своей лавкѣ, вышелъ на улицу, услышавъ издали трубы и барабаны; его схватили, въ числѣ другихъ представили Наполеону, и вотъ ихъ разговоръ:—„Кто ты?

— Французскій книгопродавецъ.

— А, стало быть, мой подданный?

— Да, но давнишній житель Москвы.

— Гдѣ Ростопчинъ?—

— Выѣхалъ.

— Гдѣ московское городское правительство (magistrat)?

— Также выѣхало.

— Кто же остался въ Москвѣ?

— Никого изъ русскихъ.

— Быть не можетъ!

Риссъ, кажется поклялся въ истинѣ своихъ показаній. Тогда Наполеонъ сказалъ: „молчи",—нахмурилъ брови и, простоялъ довольно долго въ глубокой думѣ; наконецъ, какъ бы рѣшаясь на очень опасное дѣло, вскрикнулъ:—„маршъ впередъ".

Переночевавъ въ предмѣстьи, на постояломъ дворѣ, Наполеонъ утромъ 3-го сентября перенесъ главную квартиру въ Кремль. Прибытіе его сюда было привѣтствовано пушечными выстрѣлами французской артиллеріи, которые были слышны въ нашемъ арьергардѣ и вызвали взрывъ бѣшеннаго негодованія въ войскахъ.

Пожары въ городѣ начались въ Замоскворѣчьи въ день вступленія французской арміи въ Москву и усилились въ ночь съ 3 на 4-е сентября. Потомъ загорѣлось около Биржи; огонь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, охватилъ въ разныхъ мѣстахъ большую часть города. Въ полдень пламя достигло Кремля. Французы расположили на Кремлевской площади большой артиллерійскій паркъ орудій и зарядныхъ ящиковъ. Оставаться въ Кремлѣ было опасно и Наполеонъ былъ вынужденъ искать убѣжища въ загородномъ Петровскомъ дворцѣ. При большой опасности онъ проѣхалъ по пылавшимъ улицамъ города, и оставался въ Петровскомъ до 6 сентября, когда пожаръ началъ стихать. За четыре дня пожаръ истребилъ четыре пятыхъ домовъ города, уцѣлѣла $^1/_5$ часть.

Это было совсѣмъ не похоже на то, на что разсчитывалъ Наполеонъ, стремясь овладѣть Москвой. Онъ не ожидалъ такого „варварскаго" пріема. Когда онъ занималъ, послѣ своихъ побѣдъ, непріятельскія столицы и большіе города, его встрѣчали городскія власти и депутаціи съ ключами городовъ и униженно молили о пощадѣ.

Всѣ правительственныя власти, все чиновническое сословіе оставалось на мѣстахъ при исполненіи обязанностей службы и все это чиновничество готово былъ исполнить по первому слову, съ раболѣпнымъ уничиженіемъ, приказы маршаловъ и повелѣнія императора. Вездѣ дрожали за жизнь, за имущество и покорно гнули спины предъ заносчивымъ, высокомѣрнымъ побѣдителемъ.

Москва была сожжена руками русскихъ. Есть много основаній полагать, что поджоги были подготовлены заблаговременно. Утверждаютъ, что московскій главнокомандующій графъ Ростопчинъ подготовилъ поджоги и они вспыхнули одновременно во многихъ разныхъ мѣстахъ. Ростопчинъ приказалъ вывезти изъ города пожарные инструменты и снялъ всю полицію. Ростопчинъ былъ горячій патріотъ; онъ воодушевилъ своими воззваніями жителей Москвы, но, не имѣя возможности сдѣлать что либо для спасенія города, могъ желать пламенно чтобы Москва не досталась непріятелю въ цѣлости. Онъ сдѣлалъ то, что думали сдѣлать и дѣлали многіе московскіе купцы, фабриканты и

домовладѣльцы, приказавшіе управляющимъ и дворникамъ жечь дома, лавки и фабрики, чтобы не достались врагу.

Каретный рядъ занималъ въ Москвѣ цѣлую улицу. Французскіе генералы и офицеры бросились выбирать для себя экипажи и писали на нихъ свои фамиліи. Хозяева въ тотъ же вечеръ, по общему между собой согласію, зажгли свои лавки, и ни одинъ экипажъ не достался непріятелю.

Задолго до прибытія непріятеля въ Москву купцы, ремесленники, мастеровые, сходясь между собой, судили о предстоящемъ нашествіи и обыкновенно говорили: „лучше все сжечь". Правительство принимало мѣры для уничтоженія огнемъ продовольственныхъ магазиновъ, а народъ спрашивалъ: „не пора ли жечь избы"?

Всѣ тѣ, которые истребляли свое добро, ясно понимали, что именно это и нужно было дѣлать для спасенія родины: французамъ нужны были теплыя квартиры,—дома слѣдуетъ сжечь; нужны продовольственные припасы,—ихъ также слѣдуетъ сжечь, и всѣ жгли, истребляли, припрятывали то, что могло облегчить положеніе врага, попирающаго русскую землю и овладѣвшаго столицей государства.

Говорятъ, что сожженіе Москвы было дѣломъ безполезнымъ, потому что въ оставшихся домахъ было достаточно квартиръ для наполеоновыхъ войскъ. Но не въ однѣхъ квартирахъ была нужда: вмѣстѣ съ домами сгорѣли и большіе запасы продовольствія. Сгорѣла и та добыча, на которую французы разсчитывали. Недаромъ же Наполеонъ выразился, что съ пожаромъ Москвы онъ лишился награды.

Поджиганіе домовъ руками русскихъ, оставшихся въ Москвѣ, нѣкоторые историки не признаютъ заслугой, на томъ основаніи, что поджигавшіе истребляли не свое, а чужое добро. Нѣтъ, это неправильно: жгли имущества, брошенныя на произволъ судьбы, такъ сказать—ничье добро, для того, чтобы оно не досталось врагу, — жгли добычу непріятеля и тѣмъ наносили ему вредъ и лишенія.

„Пожаръ Москвы очень скоро принялъ страшные размѣры. Поднялся вихрь и разносилъ повсюду пламя, искры и горящія головни. Огонь бушевалъ, какъ неукротимая стихія, перебрасываясь съ домовъ на церкви, а съ нихъ на сосѣдніе дома. Буря и огонь срывали кресты съ храмовъ Божіихъ. Растопленные металлы текли по улицамъ, какъ лава. На Москвѣ рѣкѣ горѣли мосты и барки. Москва уподобилась огненному морю, вздымаемому бушующимъ вѣтромъ".

Яркій свѣтъ, разливавшійся въ окна кремлевскаго дворца, прерывалъ сонъ Наполеона. Онъ выходилъ на балконъ смотрѣть на сверкавшія огненныя волны. Пораженный зрѣлищемъ, онъ воскликнулъ: „Москвы нѣтъ больше! Я лишился награды, обѣщанной войскамъ!

— „Русскіе сами зажигаютъ. Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это—скиѳы"! При видѣ московскаго пожара Наполеонъ почувствовалъ себѣ побѣжденнымъ рѣшимостью русскихъ, превзошедшею его собственную рѣшимость.

И посреди пламени ужаснаго пожара совершались непріятелями разбои, душегубства, поруганія церквей. Враги не щадали ни пола, ни возраста, ни невинности, ни святыни. Грабежъ и пожары шли рядомъ. Въ арміи Наполеона исчезло повиновеніе; корысть соединяла солдата съ генераломъ. Пьяные солдаты бѣгали по улицамъ, стрѣляли въ зданія и окна, разбивали дома и лавки, уносили все цѣнное и легкое и разрушали то, чего не могли унести. Они нападали на жителей, терзали, отнимали послѣднее достояніе, снимали даже тѣльные кресты. Разрозненные члены оставшихся въ городѣ семействъ кида-

лись въ пламя для спасенія дѣтей и гибли въ огнѣ. Повсюду раздавались вопли и стенанія.

Разсказы и записки очевидцевъ о положеніи русскихъ, оставшихся въ Москвѣ, передаютъ возмущающія душу картины безчеловѣчія европейскихъ варваровъ, приведенныхъ Наполеономъ въ Россію. Вотъ напримѣръ разсказъ Маслова, напечатанный въ 1817 году:

„Представьте себѣ, что во время разлившагося повсюду пламени, въ нѣсколько часовъ истребившаго великолѣпіе столицы, вы видите свирѣпость злодѣевъ, презиравшихъ все священное; слышите пронзительный вопль дѣтей, отторгнутыхъ отъ грудей материнхъ, матерей, рыдающихъ о потерѣ дѣтей своихъ, супруговъ, разлученныхъ неистовствомъ чудовищъ. Женщины скрывались отъ поруганій и неистовства злодѣевъ между полуобнаженными трупами, валявшимися по открытымъ мѣстамъ. Двѣ дочери почтеннаго гражданина, будучи преслѣдуемы злодѣями, бѣжали отъ нихъ къ берегу Москвы рѣки и, не видя себѣ ни откуда спасенія, бросились одна за другою въ глубину и смертію своею сберегли честь и невинность".

Графъ Ф. В. Ростопчинъ.

Въ перепискѣ М. Я. Волковой приводятся такіе напр. факты:

„У Разумовскихъ умеръ лучшій ихъ управляющій, похоронивъ въ теченіи недѣли жену, трехъ дѣтей и имѣвъ несчастіе видѣть звѣрскіе поступки изверговъ въ отношеніи къ его одиннадцатилѣтней дочери. Насчастная тоже при смерти. Много подобныхъ случаевъ; въ

Голицынской больницѣ, въ церкви, на алтарѣ, нашли мертвую дѣвочку одиннадцати лѣтъ, бывшую жертвой самаго гнуснаго злодѣйства“.

А вотъ еще извлеченіе изъ описаній о положеніи Москвы во время занятія ея французами:

„Старухъ 60 лѣтнихъ и 10 лѣтнихъ дѣвочекъ они таскали безъ разбора. Когда французъ встрѣчалъ на улицѣ женщину, то, остановивъ ее, обыскивалъ. Буде находилъ зашитыя въ сорочкѣ деньги или крестъ серебряный на шеѣ, серьги, кольца на рукахъ, то все исправно обиралъ, или, остановя, раздиралъ сверху до низу платье и рубаху. Шубы, салопы и капоты снимали безъ разбору, ни мало не заботясь о наготѣ несчастныхъ“.

Помимо ужасной жестокости и звѣрскаго неистовства, солдаты придумывали глупыя шутки: наряжались въ священническія облаченія, въ женскіе богатые наряды и въ форменныхъ своихъ головныхъ уборахъ при оружіи расхаживали въ такомъ видѣ по улицамъ города толпами. Наполеоновы солдаты тѣшились такимъ глупѣйшимъ маскарадомъ.

Изъ храмовъ Божіихъ неслись ржаніе коней, крики и проклятія разъяренныхъ грабителей. Благочестивые, украшенные сѣдинами священники, въ облаченіи, съ крестами въ рукахъ, при дверяхъ церквей падали убитые жестокими извергами. По тѣламъ ихъ врывались непріятели въ церкви, срывали святыя иконы, украшенія, священные сосуды и попирали ногами.

Монголы и татары больше чтили храмы Господа Бога, и никогда рука нечестиваго, дикаго азіятца не совершала такихъ оскверненій церквей, какимъ подверглись соборы Москвы отъ рукъ образованныхъ европейцевъ-христіанъ!...

Уничтоженіе Москвы было событіемъ чрезвычайно благопріятнымъ для дальнѣйшаго хода войны. Благодаря этому, Наполеонъ остался безъ средствъ, которыя надѣялся найти въ Москвѣ. Къ тому же, разъ столица уничтожена, никакія боязливыя своекорыстныя понужденія къ примиренію не могли уже имѣть мѣста. Тѣ, которые склонялись на миръ, чтобы сохранить сокровища Москвы, придя въ отчаяніе отъ ихъ потери, уже не могли болѣе помышлять ни о чемъ иномъ, какъ только о мщеніи.

Столь неслыханная жертва, какъ сожженіе столицы, показала народу энергію правительства, готоваго принести всевозможныя жертвы, но не покориться чужеземному игу.

Эта рѣшимость выраженная всѣмъ народомъ, возвышая мужество русскихъ, въ то же время неизбѣжно должна была ослабить мужество непріятеля. Наполеонъ, направляя всѣ усилія для овладѣнія Москвой, разсчитывалъ поразить тѣмъ Россію въ самое сердце, ибо почиталъ уже государство приведеннымъ въ упадокъ взятіемъ древней столицы.

Каково же должно было быть его бѣшенство, когда онъ увидѣлъ, что русскіе не придали своей столицѣ другого значенія, какъ грудѣ камня, съ которой судьба Россіи нисколько не связана и что Россія готовилась къ войнѣ съ наибольшимъ ожесточеніемъ. Съ этой минуты Наполеонъ уже долженъ былъ предчувствовать всѣ тѣ ужасныя пораженія и бѣдствія, которыя ожидали его впереди.

Наполеонъ предвидѣлъ, что месть народа за сожженіе Москвы обрушится на него и онъ до конца дней своихъ не могъ спокойно говорить о пожарѣ Москвы и называлъ русскихъ варварами.

Но эти варвары имѣли высокую душу, и совершили героическій подвигъ, равнаго которому нѣтъ въ исторіи народовъ. Въ московскомъ пожарѣ сгорѣло человѣческое трусливое своекорыстіе и, очистившись

огнемъ всепожирающей стихіи, народная душа вознеслась высоко, какъ бы двигаемая подвигомъ величайшаго самоотверженія.

Москва не преклонилась и не подчинилась Наполеону. На пучки фальшивыхъ ассигнацій, напечатанныхъ въ замкѣ саксонской крѣпости Кенигштейнъ, Наполеонъ ничего не могъ купить въ Москвѣ: она не продалась врагу и только презрѣнная кучка изувѣровъ-раскольниковъ Преображенскаго кладбища поклонилась Наполеону блюдомъ, наполненнымъ золотыми монетами и присягнула врагу.

Французы разстрѣливали лицъ, заподозрѣнныхъ въ поджогахъ,— ничто не помогало; задерживали и арестовывали голодныхъ людей, грабившихъ оставленные дома, — это ожесточило еще болѣе народъ. Оставшіеся въ Москвѣ бездомные, обнищавшіе русскіе люди нападали на одиночныхъ, неосторожныхъ солдатъ наполеоновой арміи, убивали ихъ, трупы бросали въ колодцы, въ пруды.

Французская гвардія разсыпалась по городу грабила и тащила все, что попадалось подъ руки и на глаза. Прежде всего, конечно, набросились на лавки съ винами и съѣстными припасами и опустошили ихъ.

„Французскіе солдаты оборванные, грязные таскали изъ горящихъ лавокъ гостиннаго двора, роняя по дорогѣ и отнимая другъ у друга, ящики съ чаемъ, изюмомъ, мѣшки орѣховъ, кули съ яблоками, боченки съ сахаромъ, медомъ, виномъ и связки ситцевъ, суконъ, холстовъ“.

Сначала французы объѣдались вареньями, сластями и закусками, упивались дорогими винами, но этого хватило не на долго, хлѣба и мяса въ городѣ не было; пришлось французамъ приняться за конину и копать картошку, бураки и морковь на московскихъ огородахъ, но и эти припасы скоро были истреблены.

Французскій офицеръ 2-го кирасирскаго полка разсказываетъ, что сейчасъ же послѣ вступленія въ Москву весь ихъ корпусъ посланъ былъ къ Тверской заставѣ, гдѣ полкъ стоялъ на бивакахъ.

„Мы скоро замѣтили, пишетъ онъ, что наши кони топчатъ картофельное поле, что было для насъ поистинѣ гастрономической находкой. Въ первый разъ отъ Вильны попался намъ картофель“.

Пришлось французамъ попробовать и московскихъ квашеныхъ бураковъ: „эту свеклу обмываютъ, кладутъ въ бочки и наливаютъ сквернымъ уксусомъ изъ сока березы (?)“. Это такъ думалъ французъ, которому не понравился духъ русскихъ квашенныхъ бураковъ, „что не мѣшало, однако, солдатамъ поѣдать ихъ съ жадностью“, говоритъ онъ.

Самъ офицеръ тоже вкусилъ русскаго бурака, но ѣлъ его—печенымъ.

„Кирасиры копали палашами картофель и сдѣлали большой его запасъ“.

„Мы получили приказаніе“, говоритъ кирасиръ, „стать бивакомъ и лишь только наши лошади были стреножены, какъ всѣ наши кирасиры отправились въ Москву и, спустя нѣкоторое время, вернулись обратно, нагруженные всѣмъ, что только можно было найти, въ особенности же по части съѣстнаго. Преобладало шампанское вино, до котораго русскіе, видимо большіе охотники. Привезенныя издалека вина были лучшихъ французскихъ сортовъ, крѣпкія, и они ударили въ головы нашихъ кирасиръ“.

„Весь этотъ день у насъ царила полная распущенность, но вотъ пришла императорская гвардія, разошлась по всему городу, заняла всѣ дома, всѣмъ овладѣла, отодвинула чиновъ арміи и жила въ полномъ довольствѣ, такъ какъ послѣ пожара, поселившись въ развали-

нахъ домовъ, гвардейцы рылись въ подвалахъ, въ которыхъ жители припрятали всякаго рода провизію, вина, ликеры и т. п.".

„Гвардейцы устроили себѣ лавочки и открыли для арміи торговлю, чѣмъ только можно. Подобное поведеніе окончательно вооружило противъ нихъ всю армію, которая въ насмѣшку называла ихъ „московскими купцами" и „московскими жидами".

„То что я говорю, пишетъ офицеръ, могу подтвердить, такъ какъ самъ купилъ себѣ сукна на одномъ подобномъ базарѣ, устроенномъ гвардейскими гренадерами.

Разсказъ этотъ вскрываетъ внутренній разладъ въ наполеоновой арміи и объясняетъ весьма серьезныя причины распада и разрушенія дисциплины въ арміи.

Армія Наполеона страшно бѣдствовала и вымещала свою злобу на московскихъ святыхъ церквахъ, опустошая ихъ и предавая храмы Божіи неслыханнымъ поруганіямъ.

Разоривъ и похитивъ все, находившееся въ домахъ и лавкахъ, европейскіе варвары рыли землю штыками и саблями, разыскивая спрятанныя драгоцѣнности. Оскверняли кладбища, разрывали могилы и отрѣзывали у покойниковъ пальцы, если находили золотыя кольца.

Видъ Москвы въ первые дни послѣ пожара былъ ужасенъ. Наполеонъ возвращался изъ Петровскаго дворца 7-го сентября; день былъ холодный, ненастный. Онъ ѣхалъ мимо костровъ, разложенныхъ его войсками; горѣла мебель, оконныя рамы, двери, образа. На мокрой соломѣ на роскошныхъ креслахъ, диванахъ валялись солдаты и офицеры, грязные, закопченые дымомъ, многіе облитые кровью; у ногъ ихъ лежали матеріи, мѣха, священническія облаченія, церковные сосуды, въ которыхъ они варили лошадиное мясо.

На Тверской улицѣ смрадъ былъ такой, что трудно было дышать. Грабежъ шелъ полнымъ ходомъ, и къ ногамъ лошади Наполеона летѣли изъ оконъ мебель, зеркала, картины. На площадяхъ и улицахъ солдаты продавали или мѣняли добычу. На грудахъ товаровъ, на бочкахъ вина сидѣли образованные европейцы и предлагали обмѣнить или купить награбленную добычу.

Самъ Наполеонъ, и его генералы даже не пытались прекратить грабежъ. Напротивъ того, они поощряли солдатъ своимъ примѣромъ. Войска, стоявшія за заставами, отпускались въ городъ на грабежъ. Части войскъ, первоначально вступившія въ городъ, смѣнялись другими, чтобы и тѣмъ дать возможность пограбить. Одной гвардіи отпускалось продовольствіе, но это, какъ мы видимъ изъ разсказа офицера, не удержало гвардію отъ участія въ грабежѣ.

Въ разграбленіи оставленныхъ жителями домовъ и лавокъ вмѣстѣ съ солдатами наполеоновой арміи участвовали жиды и жидовки. Вотъ что разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ сержантъ гвардіи Бургонь:

„Еврейки и другія женщины, вперемежку съ солдатами арміи, шарили по подваламъ, отыскивая разныя спрятанныя вещи, уцѣлѣвшія отъ пожара. Кромѣ вина и сахару, котораго находили въ изобиліи, онѣ нагружались шалями, кашемирами, великолѣпнѣйшими сибирскими мѣхами, матеріями, затканными серебромъ и золотомъ, а другія тащили серебрянныя блюда и разныя драгоцѣнности. Зачастую жиды съ ихъ женами и дочерьми входили въ сдѣлки съ нашими солдатами, вымѣнивая у нихъ разные предметы, которые другіе солдаты арміи у нихъ тотчасъ же опять отнимали".

Большая часть московскихъ церквей и монастырей стояли обгорѣлыми и разграбленными. Утварь и иконы вынесены на улицы и

сожжены. Нѣкоторыя церкви были обращены въ казармы, другія въ магазины, конюшни, бойни. Во всѣхъ храмахъ престолы были сдвинуты съ мѣстъ и святость храмовъ поругана. Враги гнусно издѣвались надъ облаченіями и образами, обдирали оклады съ иконъ, обезображивали ихъ, рубили, жгли, какъ простыя доски. У Красныхъ воротъ устроена была мишень изъ образовъ для стрѣльбы въ цѣль. Изъ Вознесенской церкви, на Гороховомъ полѣ были похищены мѣдные,

Вступленіе французской арміи въ Москву.

брачные вѣнцы; ихъ надѣвали на медвѣдя и заставляли его плясать.

Оставшіеся при храмахъ священнослужители съ опасностью жизни тушили огонь, защищали церковныя имущества и обличали враговъ въ богомерзкихъ поступкахъ. Одни запечатлѣли свое усердіе къ церкви ранами, другіе скончали жизнь отъ мечей непріятелей.

Одно время Наполеону пришло въ голову укрѣпить Кремль. На кремлевскія стѣны ввезли 30 орудій и для свободнаго обстрѣла при-

казано было сломать нѣсколько строеній внѣ Кремля, „а именно“, сказано въ приказѣ Наполеона, „срыть мечеть“; такъ назвалъ Наполеонъ Покровскій соборъ, (церковь Василія Блаженнаго), дивный памятникъ, русскаго зодчества, храмъ Божій, воздвигнутый Іоанномъ Грознымъ, въ память покоренія Казани,—въ память торжества Христіанства надъ магометанствомъ! По личному приказанію Наполеона была взорвана церковь Іоанна Предтечи близъ Новодѣвичьяго монастыря.

Подобныя распоряженія Наполеонъ дѣлалъ въ порывахъ бѣшенства и тогда онъ думалъ о томъ, чтобы возмутить народъ въ Россіи, противъ Царя и помѣщиковъ; приказывалъ искать въ архивахъ все касающееся пугачевскаго бунта; его секретарь Дарю сочинялъ возмутительныя воззванія противъ нашего правительства. Онъ выражалъ намѣреніе раздробить Россію; приглашалъ Литву, Бѣлоруссію, Подолію и Волынь отторгнуться отъ Россіи, а русскихъ призывалъ соединиться съ нимъ.

Само собою разумѣется, что ежели императоръ французовъ, забравшись въ Москву и видя неминуемую гибель своей арміи, доходилъ до изступленія, то чего же можно было ожидать отъ его войскъ, превратившихся въ Москвѣ въ дикихъ звѣрей, которыхъ не могли насытить ужасы ихъ кровожадной лютости, и сцены страшнаго кощунства и святотатства.

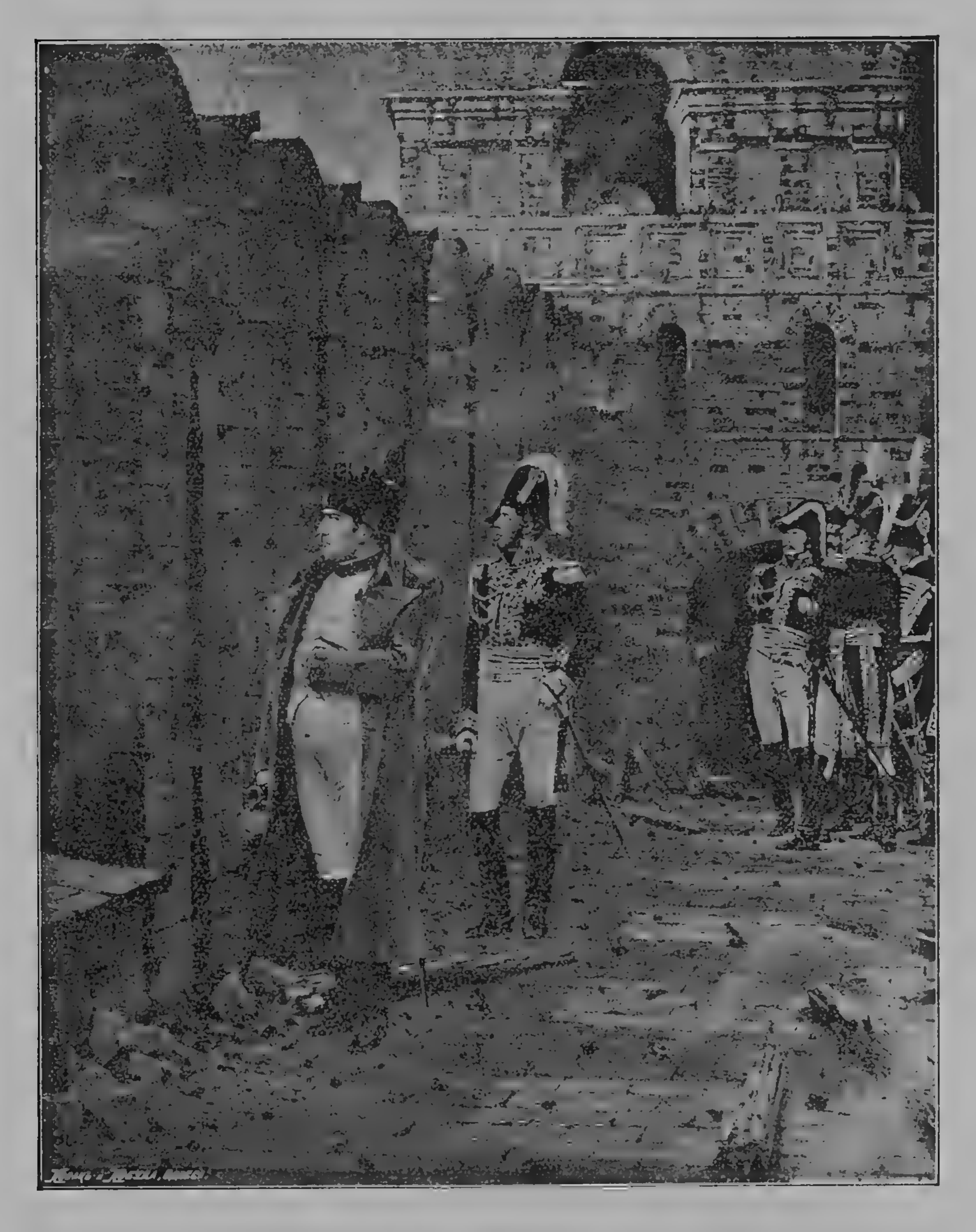
Было бы несправедливо обвинять однихъ французовъ въ жестокости и въ святотатственныхъ ограбленіяхъ святынь русскаго народа. Въ войскахъ Наполеона, вступившихъ въ Москву, было много поляковъ, итальянцевъ, и нѣмцевъ (швабовъ). Въ корпусѣ Даву были нѣсколько нѣмецкихъ баталіоновъ и польскій уланскій полкъ. Въ корпусѣ Нея были виртембергцы. Въ гвардіи былъ польскій легіонъ Вислы, состоявшій изъ 12 баталіоновъ поляковъ. Въ гвардейской кавалеріи были польскіе уланы.

Изъ этого слѣдуетъ, что поступки, позорившіе воинскую честь наполеоновой арміи, падаютъ въ равной мѣрѣ, какъ на долю французовъ, такъ и на нѣмцевъ (швабовъ), итальянцевъ и поляковъ.

Описанія извѣстнаго русскаго писателя-романиста Григорія Данилевскаго, сдѣланныя въ его романѣ „Сожженная Москва“, вполнѣ правдивы и не прикрашены преувеличеніемъ. Г. П. Данилевскому вполнѣ можно довѣрять: онъ въ высшей степени добросовѣстенъ и точенъ въ своихъ превосходныхъ разсказахъ, записанныхъ со словъ очевидцевъ. Вотъ что онъ написалъ:

„Въ Архангельскомъ соборѣ, усыпальницѣ русскихъ царей, было полное расхищеніе церковнаго имущества. Кромѣ кордегардіи (помѣщеніе караула) здѣсь, повидимому, былъ такъ же устроенъ складъ для караульной провизіи, мясная лавка и даже кухня. Снятыя со стѣнъ и положенныя на ящики съ мукой и крупой, иконы служили стульями и скамьями для солдатъ. Въ алтарѣ, у горняго мѣста, виднѣлась койка, прилаженная на снятыхъ боковыхъ дверяхъ: на ея постели, прикрытая лиловою, шелковою ризой, сидѣла, чистя морковь, краснощекая и нарядная полковая стряпуха. Престолъ и жертвенникъ были уставлены кухонной посудой. На паникадилѣ висѣли битые гуси и дичина. На гвоздяхъ, вколоченныхъ въ опустошенный иконостасъ, были развѣшаны и прикрыты пеленой съ престола куски свѣжей говядины. Солдаты у перевернутыхъ ведеръ и кадокъ, куря трубки, играли въ карты. Воздухъ отъ табачнаго дыма и отъ испареній мяса и овощей былъ удушливый“.

Или вотъ еще описаніе: „Подъ горой у Тайницкихъ воротъ въ Кремлѣ былъ устроенъ рядъ пылавшихъ горновъ и печей. Особые пристава бросали въ печные котлы взятые изъ кремлевскихъ собо-



Въ Кремлѣ пожаръ!

Съ картины В. В. Верещагина.

ровъ и окрестныхъ церквей золотые и серебряные сосуды, оклады образовъ, кресты и другія вещи, переливая ихъ въ слитки“.

Эти описанія романиста вполнѣ подтверждаются разсказами очевидца, князя А. А. Шаховского, который былъ въ русскомъ отрядѣ, первымъ вступившемъ въ Москву послѣ ухода французовъ. Вотъ что увидѣлъ князь Шаховской въ Москвѣ:

„Огромная пристройка къ Ивану Великому, оторванная взрывомъ, обрушилась подлѣ него и на его подножія, а онъ сіялъ также величественно, какъ только что воздвигнутый Борисомъ Годуновымъ“.

На другой день князь Шаховской возвратился въ Кремль и пошелъ осмотрѣть слѣдствія взрыва и пожара, „который, истребивъ все дворцовое жилище людей, не прикоснулся храмовъ Божіихъ, хотя старая церковь Спаса на бору была засыпана опламененными выбросками горѣвшаго надъ ней зданія, и внѣшнія двери Благовѣщенскаго собора зауглились. Словомъ, все посвященное Богу не истребилось ничѣмъ, кромѣ прямого святотатства рукъ человѣческихъ, но и онѣ, кажется отшиблись нетлѣнными мощами св. митрополита Іоны“.

„При входѣ моемъ въ Успенскій соборъ я нашелъ въ немъ посланнаго мною монаха (патріаршаго ризничаго); онъ прикрывалъ пеленою тѣло святителя и, указавъ на его обитую серебромъ раку, съ которой только было взодрано четверть аршина верхней личинки, на большой подсвѣчникъ и саблю, лежащіе на землѣ, сказалъ: „вы видите, что все это цѣло, когда въ соборѣ не осталось не только лоскутка серебра, но и латуни“.

„Я нашелъ святыя мощи, выброшенными на помостъ; они также невредимы, какъ въ день его успенія, кромѣ вражеской разруби святительской выи, кажется, этой саблей. Безъ сомнѣнія, чудотворецъ поразилъ ужасомъ безбожниковъ и они не дерзнули ни къ чему прикоснуться. Я точно видѣлъ все мною сказанное: открытыя лицо и руки святого, онѣ были совершенно цѣлы и я съ благоговѣніемъ къ нимъ приложился. Въ продолженіи войны, разспрашивая многихъ плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ наполеоновой гвардіи, я не могъ, однако-жъ, ничего узнать о причинѣ сего единственнаго во всѣхъ соборахъ уцѣлѣнія“.

„Все прочее было ограблено и разрушено: рака святого митрополита Петра не существовала и мы, собравъ обнаженные отъ одежды и самого тѣла останки его, положили на голый престолъ придѣла; гробница надъ бывшими еще подъ спудомъ мощами митрополита Филиппа была совершенно ободрана, крышка сорвана, могила раскопана; я не имѣлъ ни досуга, ни дерзновенія опуститься внизъ, но послѣ узналъ, что съ того времени мощи открылись, согласно предсказаніямъ, слышаннымъ задолго до нашествія Наполеона, отъ митрополита Платона, что мощи святителя Филиппа должны открыться только тогда, какъ враги возьмутъ Москву“.

„Въ Успенскомъ соборѣ, отъ самаго купола до пола, не осталось ни лоскутка металла или ткани. Досчатыя надгробія могилъ московскихъ архипастырей были обнажены, но одна только изъ нихъ изрублена, а именно: патріарха Гермогена, и это заставляетъ меня думать, что въ Успенскомъ храмѣ помѣщались наполеоновы гвардейскіе уланы и что то-же буйство, которое подняло руку убійцъ на служителя Божія, благословившаго возстаніе русской земли противъ ея губителей, черезъ двѣсти лѣтъ, посрамилось неистовствомъ надъ утлыми досками, прикрывающими его могилу“.

Въ „Указателѣ святынь и достопримѣчательностей Московскаго Большого Успенскаго Собора“ приводится извѣстіе о томъ, что „при разграбленіи собора непріятелями въ 1812 году богатая серебрянная рака Святителя Іоны и даже серебрянный подсвѣчникъ при ней оста-

лись неприкосновенными, а св. Чудотворецъ обрѣтенъ послѣ того съ поднятою, какъ бы грозящею рукою. Чудное по истинѣ событіе. Неужели въ самомъ дѣлѣ французы не могли распознать металла раки, когда они и мѣдные листы отдирали со стѣнъ собора и самый крестъ Ивана Великаго показался имъ золотымъ"?. Въ остальной же части храма была мерзость запустѣнія и поруганія, внесенная врагами въ мѣсто святое. Все, что въ теченіе двухъ вѣковъ, послѣ разграбленія, произведеннаго ляхами, собиралось и совмѣщалось въ престольный храмъ: драгоцѣнныя украшенія на образахъ, и на ракахъ св. Угодниковъ, подсвѣчники, паникадила и пр.,—все было похищено врагами. Разграбленный и оскверненный храмъ былъ наполненъ бочками, горнами, станками, кучами угля, щепъ и всякаго мусора. Въ Москвѣ записано преданіе, что „нѣсколько разъ покушались враги коснуться святыни—раки святителя Іоны, но всегда были приводимы въ трепетъ сверхъестественною силою, (Истор. путеводитель по Москвѣ, 1827 г. ч. II).

Относительно мощей Святителя Гермогена говорится, что онѣ найдены лежащими на полу храма въ прежнемъ полномъ нетлѣніи".

Въ большомъ кремлевскомъ Успенскомъ Соборѣ на мѣстѣ древняго паникадила, пожертвованнаго нѣкогда бояриномъ Морозовымъ, висѣли на цѣпи большіе вѣсы, а на царскомъ мѣстѣ сдѣлана мѣломъ надпись, по которой прочтено, что отъ святотатственной добычи изъ священныхъ кремлевскихъ храмовъ выплавлено непріятелемъ 325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота.

Эта запись указываетъ, что святотатственное ограбленіе церковныхъ святынь совершалось систематически, по приказаніямъ высшей военной власти. Чиновникъ Корбелецкій, бывшій въ плѣну и на невольной службѣ у непріятеля, пишетъ въ своемъ показаніи:

„Въ церквахъ, болѣе изобилующихъ богатствомъ, приставить велѣно было для караула жандармовъ, которые долженствовали впускать однихъ только членовъ святотатственной коммисіи, установленной по повелѣнію его (Наполеона), подъ вѣдѣніемъ интенданта и другихъ чиновъ".

Невозможно не отнестись съ осужденіемъ къ генераламъ и начальникамъ наполеоновой арміи за то, что они не внушили солдатамъ уваженія къ христіанскимъ святынямъ и не удержали армію отъ грабежа и святотатственнаго оскверненія московскихъ церквей и соборовъ.

Сравните поведеніе русскихъ войскъ подъ стѣнами Парижа, когда послѣ упорнаго боя пала столица гордаго, славолюбиваго народа. По знаку человѣколюбиваго императора Александра русская армія, понеся тяжкія потери въ бою подъ стѣнами города, вложила мечъ въ ножны и ни единый волосъ не упалъ съ головъ жителей покореннаго города...

Таково-ли было поведеніе полчищъ Наполеона при занятіи Москвы?

Императоръ Александръ получилъ 7-го сентября отъ гр. Ростопчина краткое донесеніе о томъ, что Кутузовъ рѣшился оставить Москву. На другой день 8-го сентября роковая вѣсть подтвердилась донесеніемъ фельдмаршала отъ 4-го сентября. Кутузовъ подробно изложилъ свои доводы о необходимости оставить столицу и сохранить армію, и повторилъ свое историческое выраженіе: „вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Теперь, писалъ онъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы, собравъ свои войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля, и пока армія вашего императорскаго

величества цѣла и движима извѣстною храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества“.

Печальное извѣстіе не поколебало рѣшимости государя продолжать войну и не вступать съ непріятелемъ въ переговоры. Выслушавъ донесеніе прибывшаго изъ арміи полковника Мишо, государь обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Возвратясь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи. Она представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ враги думаютъ это. Но если Божественнымъ провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда-либо моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня“.

Горячимъ, возвышеннымъ слогомъ написано воззваніе, которымъ объявлено было населенію Петербурга о вступленіи Наполеона въ Москву:

„Съ крайнею и сокрушающею сердце всѣхъ и каждаго сына отечества печалію, симъ извѣщается, что непріятель вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій“.

„Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать“.

„Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, Вѣры, свободы и мужества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ враговъ ополченіи, свидѣтельствуютъ явно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, огражденное добрымъ духомъ его сыновъ“.

Съ суровымъ негодованіемъ говорится въ воззваніи о союзникахъ Наполеона, людяхъ разныхъ націй: „служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости“.

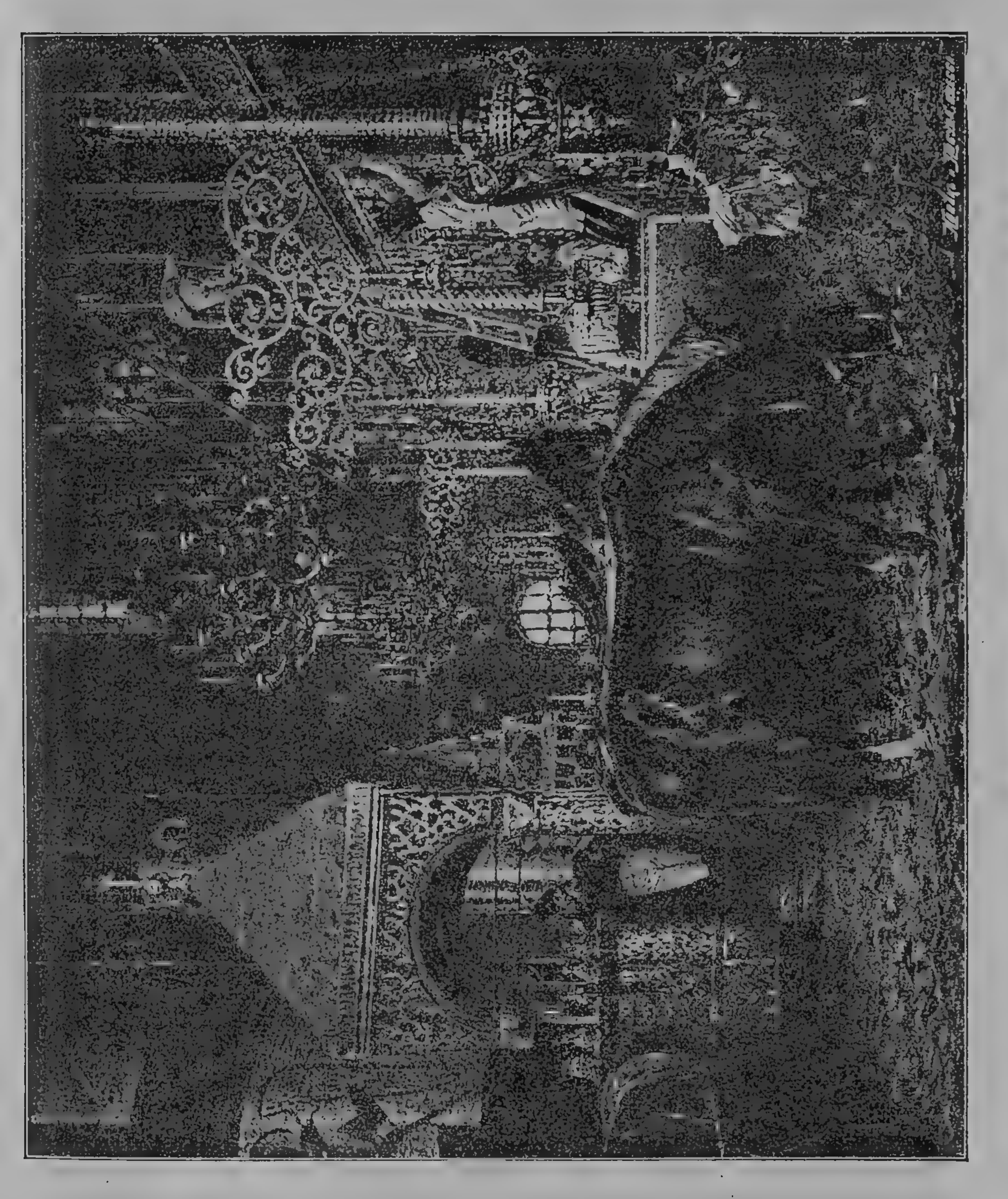
Прозрѣвая будущія побѣды, славу русскаго оружія и великій подвигъ русскаго народа—освободителя всей Европы отъ „исчадія революціи и тирана“,—воззваніе пророчески возвѣщаетъ паденіе Наполеона и освобожденіе народовъ ему подвластныхъ.

Нужно имѣть высокую душу и твердую увѣренность въ торжество своего праваго дѣла, чтобы съ такой ясностью прозрѣвать грядущія событія и начертать картину будущихъ дѣйствій русской государственной политики.

Эти перенесенныя на бумагу сокровенныя мысли императора Александра были приняты народомъ съ величайшимъ одушевленіемъ.

Въ гибели Москвы русскій народъ обрѣлъ высокія силы духа, укрѣпляющія человѣчество въ минуты опасности. Эти же силы духа непреоборимой твердости вливали въ народъ вѣщія слова монарха. Да! Слово Русскаго Царя—сила великая!...

Наполеонъ, въ письмѣ къ государю отъ 8-го сентября изъ Москвы, отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы:



Въ Успенскомъ Соборѣ. Съ картины В. В. Верещагина.

„Красивый, великолѣпный городъ Москва не существуетъ; Ростопчинъ ее сжегъ. 400 зажигателей пойманы на мѣстѣ преступленія, всѣ они объявили, что жгли по приказанію губернатора и полиційместера; ихъ разстрѣляли. Это поступокъ гнусный и безцѣльный“. Дальше, въ томъ же письмѣ, Наполеонъ впадаетъ въ учитель-

скій тонъ, конечно, созершенно неумѣстный, и говоритъ, что такъ какъ русская армія не защищала городъ, то слѣдовало оставить въ немъ правительственныя учрежденія и гражданскую стражу. „Такъ дѣлали въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ“.

Наполеонъ при всемъ своемъ умѣ не могъ сообразить того, что ни Вѣна, ни Берлинъ русскому народу не указъ. Отъ того и война съ Россіей пошла по другому:

„Умомъ Россію не понять,
„Аршиномъ общимъ не измѣрить:
„У ней особенная стать,—
„Въ Россію можно только вѣрить“.

Тютчевъ.

И вотъ, именно такъ было въ Отечественную войну: императоръ Александръ вѣрилъ въ Россію, а народъ вѣрилъ, что государь не заключитъ позорнаго мира.

Письмо Наполеона оставлено государемъ безъ отвѣта.

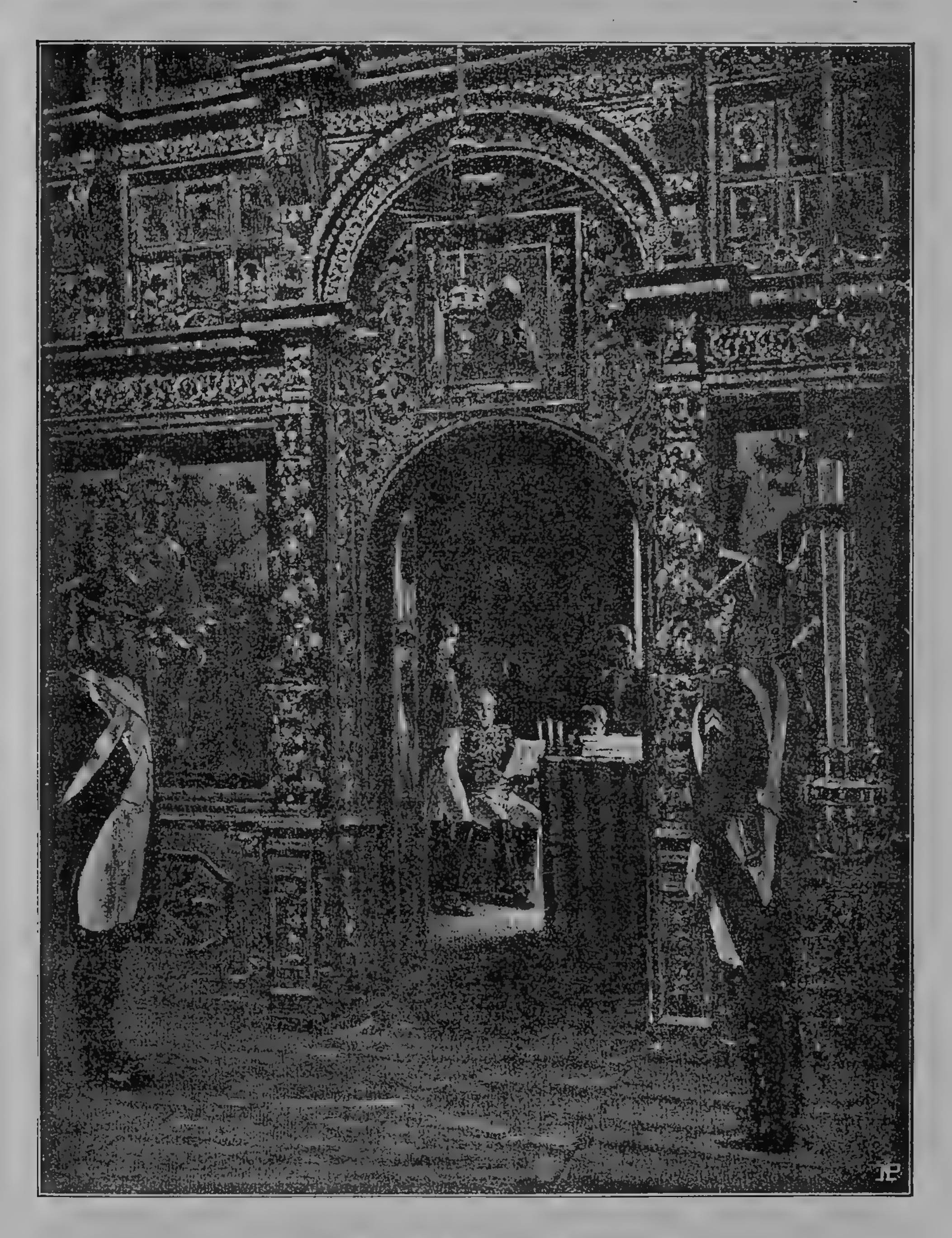
Рѣшимость государя не мириться съ Наполеономъ раздѣлялась не всѣми государственными сановниками, и въ малодушныхъ совѣтахъ недостатка не было. Поборники мира: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ, графъ Аракчеевъ выражали сомнѣніе въ успѣхѣ борьбы съ Наполеономъ. Но государь оставался непреклоннымъ въ принятомъ рѣшеніи, и напоминалъ Кутузову, въ весьма укоризненныхъ выраженіяхъ, что онъ „еще обязанъ отвѣтомъ оскорбленному отечеству за потерю Москвы.“

Кутузовъ, оставаясь, видимо, въ бездѣйствіи, разставлялъ сѣти Наполеону. Онъ всѣми силами старался продлить пребываніе врага среди развалинъ столицы, усыпить его и для достиженія этой цѣли фельдмаршалъ прибѣгалъ къ искусно распускаемымъ слухамъ относительно слабости и бѣдственнаго положенія русской арміи и общаго желанія мира, представляющаго будто бы единственное средство къ спасенію имперіи.

Достигнувъ цѣли своихъ желаній — занятія Москвы, Наполеонъ очень скоро увидѣлъ, что не достигъ конца похода и просто потерялъ голову. Въ первую же ночь пребыванія въ Петровскомъ дворцѣ онъ началъ сочинять планъ похода на Петербургъ, и сталъ диктовать приказанія о выступленіи изъ Москвы. Но едва маршалы узнали объ этихъ намѣреніяхъ, какъ всѣ, за исключеніемъ вице-короля Евгенія, громко заговорили о неудобствахъ новаго похода. Мнѣнія всѣхъ складывались въ пользу окончанія войны и необходимости заключить миръ или отступить къ Смоленску. Наполеонъ долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ своихъ генераловъ, потому что ихъ доводы были основаны на знаніи положенія арміи. Да и самъ онъ понималъ, что его армія уже негодится для наступательнаго похода. Наполеонъ отказался отъ своего плана и сказалъ маршаламъ: „Не думайте, однако же, что русскіе, рѣшившись зажечь Москву, чрезъ нѣсколько дней придутъ просить мира“.

Не получая никакихъ предложеній о мирѣ съ русской стороны, Наполеонъ началъ искать случая завязать переговоры о мирѣ съ императоромъ Александромъ. Случай представился. Въ Москвѣ находился нѣкто Яковлевъ, отставной капитанъ гвардіи. Онъ просилъ у маршала Мортье разрѣшеніе выѣхать изъ Москвы съ больнымъ дядей. Наполеонъ потребовалъ Яковлева къ себѣ и имѣлъ съ нимъ разговоръ, въ которомъ выразилъ намѣреніе возвратиться назадъ и заключить миръ. „Если императоръ Александръ“, сказалъ Наполеонъ,

„желаетъ мира, пусть только дастъ мнѣ знать, я пошлю къ нему когонибудь изъ моихъ адъютантовъ, Нарбонна или Лористона, и миръ заключимъ скоро. Если же хочетъ войны, то будемъ продолжать ее. Мои



Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ.

Съ картины В. В. Верещагина.

войска настоятельно требуютъ, чтобы я велъ ихъ на Петербургъ. Стоитъ только пойти туда и Петербургъ испытаетъ одну участь съ Москвой".

Этотъ разговоръ происходилъ 8-го сентября, т. е. послѣ того, какъ Наполеонъ, подъ давленіемъ мнѣній его генераловъ, отказался отъ мысли о походѣ на Петербургъ.

Наполеонъ вручилъ Яковлеву письмо къ императору Александру; письмо было доставлено Аракчееву, но государь Яковлева не принялъ, а письмо оставилъ безъ отвѣта.

Прошло двѣ недѣли послѣ отправленія письма Наполеона къ императору Александру съ капитаномъ Яковлевымъ, и Наполеонъ засуетился: ясно, что на его письмо не желаютъ отвѣчать. Наполеонъ проглотилъ обиду, но въ его положеніи нужно было что нибудь предпринять: отступать изъ Москвы—позорно; маршалы совѣтуютъ заключить миръ, но какъ его заключить, ежели не желаютъ съ русской стороны начинать разговора о мирѣ?

Наполеонъ не выдержалъ и послалъ къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь своего генералъ-адъютанта Лористона для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ и о заключеніи перемирія.

О переговорахъ Кутузова съ Лористономъ мы разскажемъ подробно въ своемъ мѣстѣ, при описаніи пребыванія арміи въ Тарутинскомъ лагерѣ. А здѣсь замѣтимъ только, что свѣтлѣйшій блистательно выполнилъ свое обѣщаніе перехитрить Наполеона, который, конечно, не допускалъ мысли, чтобы кто нибудь могъ его провести.

Кутузову было необходимо продлить пребываніе Наполеона въ Москвѣ, чтобы пополнить и устроить русскую армію, и Кутузовъ, нисколько не связывая себя отвѣтственностью за послѣдствія переговоровъ, успѣлъ внушить Наполеону обманчивыя надежды, которыя побудили императора французовъ продлить пребываніе въ Москвѣ. При настоящемъ положеніи нашей арміи это равнялось одержанію большой побѣды: каждый день вливалъ въ наше войско новыя подкрѣпленія, въ то время, какъ наполеонова армія таяла въ Москвѣ и разстраивалась нравственно все больше и больше.

Но императоръ Александръ взглянулъ на дѣло иначе и изъявилъ главнокомандующему свое неудовольствіе въ собственноручномъ письмѣ: „послѣ сего происшествія (пріемъ Лористона для переговоровъ) долженъ съ такою же рѣшительностью повторить вамъ: дабы сіе мое принятое правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо. Всѣ свѣдѣнія отъ меня къ вамъ доходящія, и всѣ предначертанія мои въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отмстить за оскорбленное отечество“.

Наполеонъ остался въ сожженной Москвѣ послѣ 23-го сентября еще 14 сутокъ и вдругъ, 6-го октября, какъ неожиданный ударъ грома среди яснаго дня, поразило извѣстіе: русскіе перешли въ наступленіе; авангардъ подъ начальствомъ короля неаполитанскаго Мюрата разбитъ подъ Тарутинымъ съ потерей 2000 убитыми, 1.500 плѣнными; взято съ боя 38 пушекъ.

Это пораженіе разсѣяло всѣ мечты Наполеона о мирѣ. Наполеонъ увидѣлъ страшную опасность дальнѣйшаго пребыванія въ Москвѣ. Теперь только онъ понялъ, какъ жестоко обманутъ Кутузовымъ.

7-го октября Наполеонъ выступилъ съ войсками изъ Москвы, оставивъ маршала Мортье съ молодой гвардіей для надзора за отправленіемъ обозовъ. Еще съ конца сентября французы стали укладывать на фуры кремлевскія рѣдкости и святотатственно взятую добычу изъ кремлевскихъ соборовъ. Они забрали наши боевые трофеи — знамена, взятыя въ войнахъ съ поляками, персіянами, турками, образъ Богома-

Французы въ Москвѣ въ 1812 г.
Съ литографіи Германа.

тери, богато украшенный искусственными алмазами, которые они принимали за настоящіе; хотѣли снять крестъ съ колокольни Ивана Великаго, обитый листами серебра, но саперы уронили его и разбили вдребезги; тогда взяли бывшій на большомъ крестѣ, малый золотой крестъ.

Съ 3-го октября обозы начали уходить изъ Москвы, направляясь по смоленской дорогѣ на Можайскъ. Маршалъ Мортье оставался въ Москвѣ до 10-го октября.

Въ 6 ч. вечера тронулся Мортье съ гвардіей. По мѣрѣ того, какъ французы покидали городъ, русскіе появлялись на улицахъ и началось истребленіе мародеровъ и отсталыхъ. Ихъ бросали въ рѣку. Въ два часа ночи раздался необыкновенный грохотъ. Задрожали дома, посыпались изъ оконъ стекла, раздались одинъ за другимъ пять взрывовъ. Стѣны и башни Кремля летѣли въ воздухъ, а въ то же время запылалъ кремлевскій дворецъ и многія другія зданія подожженныя французами. Это былъ актъ злобной мести завоевателя - изверга, не пощадившаго священныхъ, историческихъ памятниковъ русскаго народа. Приготовленія къ взрывамъ и пожарамъ были сдѣланы во многихъ мѣстахъ. Такъ, въ церкви Новодѣвичьяго монастыря французы натаскали шесть ящиковъ пороха и при выходѣ положили зажженные фитили; въ кельяхъ оставили горящія свѣчи, отъ которыхъ начался пожаръ, но былъ погашенъ монахинями. Къ особымъ знаменіямъ Божьяго милосердія, явленнаго въ страшный день разрушенія Кремля, слѣдуетъ отнести ненарушимое уцѣлѣніе на воротахъ Спаской башни образа въ золотой ризѣ. Находясь среди разрушенія и пламени, со всѣхъ сторонъ охватившихъ Кремль, образъ сей остался неприкосновеннымъ; уцѣлѣлъ желѣзный навѣсъ надъ иконою, деревянная рама и шнуръ, державшій фонарь. По вступленіи нашихъ лампада предъ образомъ сейчасъ же была затеплена. Сохранился также образъ въ Никольскихъ воротахъ и висѣвшая передъ нимъ лампада, хотя верхняя часть воротъ была разрушена взрывомъ.

Два дня продолжались въ Москвѣ пожары; нечѣмъ было ихъ потушить и они гасли сами собой. Долго надобно было очищать Москву отъ всякихъ мерзостей, которыми наполнили ее образованные европейцы. Особенно много было труда съ отыскиваніемъ и извлеченіемъ труповъ, набросанныхъ въ погребахъ, колодцахъ въ прудахъ и другихъ мѣстахъ.

Когда наконецъ очистили городъ отъ труповъ, начали освящать одну часть города за другой. Молебствія совершалъ московскій викарный Архіепископъ Августинъ, который, окропляя народныя толпы, произносилъ молитву.

„Вседѣйствующая благодать Божія кропленіемъ воды сея освящаетъ древній благочестивый городъ сей, богоненавистнымъ пребываніемъ врага Бога и человѣковъ оскверненный. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа".

Молебствія эти сопровождались объявленіями народу извѣстій о новыхъ побѣдахъ. При служеніи молебствій палили изъ французскихъ пушекъ, которыя свѣтлѣйшій присылалъ въ Москву по Высочайшему повелѣнію.

Когда приступили къ освященію кремлевскихъ храмовъ, преосвященный Августинъ, вступивъ въ Успенскій соборъ, повергся на землю и въ лицѣ всей Христовой церкви воскликнулъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его"!

И слезы умилительной радости лились изъ глазъ народа и сердца, исполненныя благодарности Творцу и Зиждителю, трепетно бились

молитвенными чувствами благоговѣнія и наполнялись справедливой гордостью.

Подъ тяжелымъ игомъ наполеоновыхъ грабительскихъ полчищъ Москва пробыла съ 2-го сентября по 11-е октября, т. е. 39 сутокъ. Разореніе города было по истинѣ ужасное: едва одна десятая часть домовъ уцѣлѣла отъ пожаровъ. Обгорѣлые остовы зданій и церквей, разрушенныя, закоптѣлыя стѣны и огромное число не убранныхъ труповъ людей и лошадей находилось въ домахъ и на улицахъ.

Кромѣ зарытыхъ въ землю и отправленныхъ на нашатырные заводы, сожжено въ Москвѣ зимой: человѣческихъ труповъ 11.958, да конскихъ 12.576.

Изъ 250.000 жителей, бывшихъ въ Москвѣ до нашествія, едвали осталось въ городѣ, при вступленіи французовъ, болѣе 10.000, а къ концу пребыванія непріятелей не было и 3.000 человѣкъ. Убытки частныхъ лицъ и казны были громадны:

Потери частныхъ лицъ по городу Москвѣ и уѣздамъ Московской губерніи исчислены по дѣламъ Государственнаго Казначейства въ 280 милліоновъ рублей. Церквей, домовъ частныхъ и казенныхъ сгорѣло въ Москвѣ 6.496, а всѣ остальные разорены и ограблены. Казенныхъ имуществъ всякаго рода, погибло въ пожарѣ и истреблено непріятелемъ на весьма большую сумму, но военная добыча Наполеона была не велика, да и ту отбили казаки.

Отбитыя у непріятелей церковныя святыни были возвращаемы въ Москву командирами войсковыхъ частей. Такъ войсками корпуса гр. Витгенштейна отбиты въ Германіи у отступающихъ французовъ нѣсколько крестовъ съ святыми мощами. На крестахъ имѣлись надписи, благодаря которымъ кресты по распоряженію епископа Августина возвращены церквамъ. Многіе полки, отбивая у непріятеля серебро и золото въ лому, высылали въ Москву въ даръ на сооруженіе уже тогда задуманнаго храма Спасителя. Такъ л.-гв. Уланскій полкъ прислалъ 27 фунтовъ серебра. Частныя лица скупали въ разныхъ городахъ и селахъ отбитыя у непріятелей церковныя вещи и утварь и все возвращали по принадлежности.

Интересно, какъ смотрѣли въ то время заграницей на сожженіе Москвы. Французы, конечно, осуждали русскихъ, называли насъ дикарями, варварами. Это—понятно. Но добродѣтельные нѣмцы, которые сдавали свои столицы Наполеону безъ выстрѣла, осуждали русскихъ за истребленіе столичнаго города. Извѣстный нѣмецкій историкъ Шлоссеръ написалъ, что „мѣра сожженія столицы для спасенія имперіи, конечно, не была нравственна, но она была также страшно энергична и столь же дѣйствительна для предположенной цѣли“.

Тупая нѣмецкая добродѣтель того времени была неспособна возвыситься до пониманія всенароднаго одушевленія чувствами любви къ родинѣ, къ ея независимости и славѣ.

Народное мужество и гордая честь русскаго народа презирали избытое бѣдствіе и перенесли оное съ величайшимъ и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ.

Сожженная Москва явилась искупительной жертвой Россіи, спасенной милостью Господа Бога Вседержителя, твердостью императора Александра Павловича и мужествомъ воинства и народа русскаго.

25-го декабря 1812 года Высочайшимъ Манифестомъ возвѣщено было народу благополучное окончаніе Отечественной войны:

„Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ Своемъ! Да продлитъ милость Свою надъ нами, и, прекратя брани и битвы, ниспошлетъ намъ побѣдъ побѣду, желанный миръ и тишину“.

Другимъ манифестомъ Государя повелѣно:

„Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія вѣрности и любви къ Вѣрѣ и Отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій, и въ ознаменованіе благодарности Нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа. Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше! Да совершится оно! Да простоитъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ Святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовью и подражаніемъ дѣламъ ихъ предковъ“.

Щедротами монарховъ, наслѣдовавшихъ императору Александру Павловичу и пожертвованіями народа русскаго сооруженъ въ Москвѣ дивный храмъ, памятникъ благодарности Христу Спасителю за избавленіе нашего Отечества отъ нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языковъ.

Да сіяетъ же вѣчно этотъ чудный храмъ-памятникъ, напоминающій всѣмъ русскимъ людямъ о великой милости Божіей и о доблестномъ подвигѣ воинства и народа русскаго при защитѣ родной земли въ Отечественную войну.

Храмъ Спасителя въ Москвѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Партизаны и народная война.

Партизанскими отрядами называются небольшіе отряды войска, дѣйствующіе отдѣльно отъ главныхъ силъ своей арміи, направляясь преимущественно на пути сообщенія непріятеля съ цѣлью захвата и истребленія продовольственныхъ припасовъ, обозовъ, небольшихъ командъ, слѣдующихъ при транспортахъ и т. п.

При нашествіи наполеоновыхъ полчищъ на Россію путь сообщеній непріятеля отъ границы до Москвы былъ очень длиненъ — 1000 верстъ. На этомъ огромномъ разстояніи Наполеонъ не могъ вездѣ охранить дорогу сильными отрядами и укрѣпленными пунктами; но мѣстами такія укрѣпленія были французами устроены. Это потребовало выдѣленія изъ арміи большого числа войскъ, а обозы, небольшія команды, прикрывавшія транспорты провіанта и военныхъ припасовъ и части, шедшія на подкрѣпленіе, слѣдовали по одной дорогѣ непрерывно; въ обратномъ направленіи везли больныхъ и раненыхъ. Дорога, по которой слѣдовала наполеонова армія, была, какъ говорятъ военные, слабымъ мѣстомъ непріятеля, на которое и надлежало направить партизанскіе отряды.

Дѣйствія русскихъ партизановъ были тѣмъ болѣе важны для государства, что партизаны, создавая большія затрудненія французамъ, въ тоже время возбуждали народную войну.

Вдоль всей дороги, по которой шли наполеоновы полчища, народъ возсталъ противъ врага и въ партизанскихъ отрядахъ видѣлъ войско, высланное государемъ на поддержку народныхъ усилій въ истребленіи дерзкихъ враговъ отечества.

Безъ участія партизановъ въ войнѣ народъ не могъ бы развить свою силу сопротивленія полчищамъ грабителей, опустошавшимъ русскую землю.

Партизанскіе отряды шли въ тылу арміи Наполеона, когда онъ двигался на Москву и опережали его войска при отступленіи. Партизаны сметали всѣ шайки мародеровъ на большую дорогу и тутъ ихъ истребляли съ помощью окрестныхъ жителей. Дѣйствуя такимъ образомъ, партизаны ограничивали области разоренія. Французы не смѣли сойти въ сторону отъ большой дороги, зная, что будутъ пойманы и убиты партизанами. Многіе города и деревни спаслись отъ разоренія непріятельскаго тѣмъ, что жители присоединились къ партизанскимъ

отрядамъ, учредили караулы, собрали добровольныя дружины и храбро отбивались отъ враговъ.

Нѣтъ никакой возможности описать всѣ подвиги партизанскихъ отрядовъ въ Отечественную войну; для этого потребовалось бы исписать цѣлые томы и къ сожалѣнію этихъ подробныхъ описаній въ свое время не было сдѣлано.

Военные писатели разработали весьма подробно описанія дѣйствій главной арміи и боковыхъ корпусовъ, но партизанская война осталась неописанной и до сего времени въ томъ подробномъ изложеніи, котораго она въ самой высокой мѣрѣ заслуживаетъ.

Партизанскія дѣйствія войскъ малыми отрядами и народныя возстанія противъ враговъ отечества начались съ того времени, когда наполеонова армія вступила въ коренныя русскія губерніи: Витебскую и Смоленскую.

Для охраны мѣстностей, лежащихъ по сѣверную сторону дороги изъ Витебска на Смоленскъ и Москву, былъ выдѣленъ особый отрядъ, состоявшій изъ казанскаго драгунскаго и 3-хъ казачьихъ полковъ, подъ командой ген. Винцингероде. Этотъ отрядъ, слѣдуя въ сторонѣ отъ большой дороги, истреблялъ непріятельскихъ фуражировъ и мародеровъ, и въ мѣстностяхъ около Полоцка и Витебска захватилъ въ плѣнъ до 1.000 человѣкъ. Передвигаясь вслѣдъ за арміею Наполеона, Винцингероде, вступилъ въ Смоленскую губ., и здѣсь поднялось уже настоящее народное возстаніе.

Казаки, вмѣстѣ съ жителями, нападали на непріятеля и истребляли шатающихся мародеровъ и отсталыхъ солдатъ, которые грабили, жгли дома и села и предавались всевозможнымъ неистовствамъ. Дворяне, духовенство, купцы, мѣщане и крестьяне присоединились къ войскамъ для истребленія враговъ. Бывшій въ этомъ отрядѣ, полковникъ Бенкендорфъ говоритъ въ своихъ запискахъ: „мы находили вездѣ самую возвышенную преданность, самое слѣпое повиновеніе и трогательные примѣры привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ. Раздраженіе народа достигало высшей степени. Женщины и дѣти удалялись въ лѣса; мужчины вооруженною рукою нападали на французовъ, защищали церкви, жгли свои дома и жестокою смертью казнили непріятелей, попадавшихся имъ въ руки“.

Въ такомъ видѣ началось совмѣстное дѣйствіе партизановъ съ народомъ. Оставалось только дать этому дѣлу надлежащее устройство, чтобы использовать могучія народныя силы, и мудрый вождь русской арміи, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ далъ этому дѣлу обширное развитіе, принесшее отечеству благія послѣдствія.

Знаменитый впослѣдствіи партизанъ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ „Отрывкахъ изъ партизанскаго дневника“ слѣдующее:

„Въ 1812 году туча бѣдствій налегла на отечество“. Въ началѣ войны Давыдовъ былъ адъютантомъ при кн. Багратіонѣ. До этого времени Давыдовъ служилъ съ отличіями въ гусарахъ, былъ въ кампаніи 1807 г. въ Пруссіи, участвовалъ въ войнахъ въ Финляндіи и Турціи и находился, какъ онъ пишетъ, „у стремени блистательнаго полководца кн. Багратіона“. Давыдовъ просилъ у князя дозволенія стать въ ряды Ахтырскаго гусарскаго полка. Князь похвалилъ его рвеніе и Давыдовъ былъ переименованъ въ подполковники съ назначеніемъ въ Ахтырскій полкъ, съ которымъ и участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ. По прибытіи въ Гжатскъ, Давыдовъ подалъ кн. Багратіону письмо, изъяснивъ въ немъ выгоды партизанской войны. Багратіонъ выслушалъ подполковника и сказалъ, что доложитъ свѣтлѣй-

шему. Черезъ два дня, вечеромъ кн. Багратіонъ позвалъ Давыдова и сказалъ, что свѣтлѣйшій согласился послать для пробы одну партію въ тылъ французской арміи, но, полагая успѣхъ предпріятія этого сомнительнымъ, опредѣляетъ на оное только 50 гусаръ и 150 казаковъ. „Онъ болѣе не даетъ",—сказалъ Багратіонъ.

Князь самъ сѣлъ писать инструкцію Давыдову и далъ ему письма къ генераламъ Васильчикову и Карпову о назначеніи людей въ отрядъ Давыдова. 24-го августа было кровопролитное сраженіе у Шевардинскаго редута. Въ этотъ день Давыдовъ, получивъ 50 гусаръ и 80 ка-

А. И. Чернышевъ.

Съ гравюры Вендрамини.

заковъ, вмѣсто 150, отдѣлился отъ арміи и пошелъ съ отрядомъ въ тылъ французской арміи, двигавшейся по Смоленской дорогѣ; въ селѣ Скугаревѣ онъ избралъ свой первый притонъ.

„Несчетное число обозовъ, парковъ, конвоевъ и шаекъ мародеровъ слѣдовали за арміею по обѣимъ сторонамъ дороги на пространствѣ 30 или 40 верстъ. Вся эта сволочь, пользуясь безначаліемъ, престу-

пала мѣры насилія и неистовства. Пожаръ разливался по этой широкой чертѣ опустошенія, и цѣлыя волости съ остаткомъ своего имущества бѣжали отъ этой всепожирающей лавы, куда—и сами не вѣдали. Даже мѣста, неприкосновенныя непріятелю, не мало представляли намъ препятствій. Общее и добровольное ополченіе поселянъ преграждало намъ путь".

„Партія наша была ничтожна въ сравненіи съ прикрытіемъ транспортовъ, и даже съ каждой шайкой мародеровъ. При первомъ слухѣ о прибытіи нашемъ въ окрестности Вязьмы, сильные непріятельскіе отряды, насъ ищущіе, жители обезоруженные и трепещущіе французовъ,—все угрожало намъ гибелью. Мы скрывались и часто мѣняли стоянки. Сорвавъ, съ непріятельскаго транспорта, что по силѣ, мы окружными дорогами возвращались къ спасительному лѣсу. Такъ мы сражались и кочевали отъ 29 августа по 8-е сентября. Узнавъ, что въ с. Токарево пришла шайка мародеровъ, мы 2-го сентября на разсвѣтѣ напали на нее и взяли въ плѣнъ 90 человѣкъ, прикрывавшихъ обозъ съ награбленными у жителей пожитками. Тутъ намъ сообщили, что приближается къ тому же селу другая шайка. Мы сѣли на коней, скрылись позади избъ и за нѣсколько сажень до селенія атаковали съ крикомъ и пальбой, ворвались въ средину обоза и захватили еще 70 чел. въ плѣнъ".

„Тогда я созвалъ міръ, объявилъ о прибытіи большого числа нашихъ войскъ, раздалъ крестьянамъ взятые у непріятеля ружья и патроны, уговорилъ защищать свою собственность и далъ наставленіе, какъ поступать съ шайками мародеровъ, числомъ ихъ превышающихъ.

Послѣ этого, отправивъ плѣнныхъ въ Юхновъ для сдачи городскому начальству подъ расписку, Давыдовъ выступилъ къ Цареву-Займищу на смоленской дорогѣ.

„Въ 6-ти верстахъ отъ села былъ встрѣченъ разъѣздъ непріятельскій изъ 10 рядовыхъ и унтеръ-офицера. Разъѣздъ былъ схваченъ и сдался въ плѣнъ безъ боя; отъ плѣнныхъ узнали, что въ Царевомъ-Займищѣ днюетъ транспортъ со снарядами подъ прикрытіемъ 250 чел. конницы. Свернули съ дороги, пошли полями и за три версты отъ села встрѣтились съ 40 непріятельскими фуражирами. Увидя нашихъ, они бросились во всю прыть къ своему отряду. Оставя при плѣнныхъ 30 гусаръ, я съ остальными 20 гусарами и 70 казаками помчался въ погоню и почти вмѣстѣ съ уходившими въѣхалъ въ Царево-Займище. У страха глаза велики и страхъ неразлученъ съ безпорядкомъ. Все разсыпалось при нашемъ появленіи; иныхъ мы захватили въ плѣнъ не только безъ оружія, но даже безъ одежды, иныхъ вытащили изъ сараевъ; одна только толпа въ 30 чел. вздумала было защищаться, но была разсѣяна и положена на мѣстѣ. Этотъ наѣздъ доставилъ намъ 119 рядовыхъ 2-хъ офицеровъ, 10 провіантскихъ фуръ и 1 фуру съ патронами. Остатокъ прикрытія спасся бѣгствомъ".

12 сентября Давыдовъ сдѣлалъ поискъ къ г. Вязьмѣ, имѣя уже подъ командой 300 всадниковъ и 60 человѣкъ пѣхоты изъ освобожденной партіи плѣнныхъ. Въ виду города встрѣтили транспортъ провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ. Стремительнымъ натискомъ прикрытіе было побито. 100 человѣкъ легло на мѣстѣ; 170 рядовыхъ и 6 офицеровъ сдались, 20 подводъ съ провіантомъ и 12 съ артиллерійскими снарядами, ружьями и патронами достались въ добычу. Ружья пошли на вооруженіе калужскаго ополченія.

15-го сентября около села Тарбѣева схватили транспортъ съ хлѣбомъ и овсомъ на 20 фурахъ. 260 рядовыхъ и 2 офицера сдались въ

плѣнъ. Тутъ Давыдовъ узналъ о томъ, что французы собирали сильный отрядъ войска 2.000 чел., чтобы изловить нашего партизана. Его примѣты были описаны въ циркулярѣ французскаго генерала Брагe-Д'Илье, съ приказаніемъ поймать и разстрѣлять. Давыдовъ перемѣстилъ свой отрядъ къ городу Гжатску.

Когда свѣтлѣйшій кн. Кутузовъ прибылъ къ арміи, онъ, переговоривъ съ атаманомъ Платовымъ, послалъ на Донъ собирать новые полки казаковъ. Лихіе станичники горячо откликнулись на призывъ вождя русскихъ силъ, объявили поголовное ополченіе и живо снарядили своихъ воиновъ на защиту отечества. Старые, сѣдые казаки говорили: „идемъ всѣ выручать сыновъ и внуковъ нашихъ".

Въ Тарутинскомъ лагерѣ присоединились къ арміи 23 новыхъ казачьихъ полка силою въ 10.000 коней. Кромѣ того нѣкоторыя губерніи формировали конные полки ополченія. Такъ, Тульская губернія прислала подъ Тарутино конный полкъ въ 10 эскадроновъ.

Сила казачьихъ войскъ въ арміи свѣтлѣйшаго возрасла до 45 полковъ, числомъ около 20.000 коней. Получивъ столь значительныя подкрѣпленія конницей, свѣтлѣйшій разрѣшилъ отправлять уже гораздо болѣе сильные отряды партизановъ и окружилъ ими Москву со всѣхъ сторонъ.

Управленіе дѣйствіями партизанскихъ отрядовъ, наставленія имъ даваемыя и связь съ арміей все исходило изъ главной квартиры. Летучіе отряды партизановъ были настоящими глазами и ушами арміи. Не смотря на многочисленность партизанскихъ отрядовъ, начальники ихъ получали указанія отъ главной квартиры фельдмаршала, и первое время были подчинены близкому человѣку Кутузова — Ермолову, въ квартирѣ котораго всегда толкались въ своихъ разнообразныхъ костюмахъ.

Ермоловъ говорилъ въ шутку, что партизаны „обращаютъ его квартиру въ вертепъ разбойниковъ". Впослѣдствіи подчиненіе партизанскихъ начальниковъ перешло къ генералу Коновницыну.

Установивъ такой порядокъ управленія партизанскими отрядами, свѣтлѣйшій могъ направлять ихъ удары по желанію въ то или другое мѣсто, и по ходу военныхъ дѣйствій видно, что партизаны иногда соединялись въ группы для серьезнаго дѣла, иногда разсыпались на части для охвата обширнаго раіона, занимаемаго непріятелемъ.

Кутузовъ обыкновенно предоставлялъ начальникамъ партизанскихъ отрядовъ выбирать себѣ въ товарищи изъ офицеровъ, кого пожелаютъ. При отправленіи они получали отъ него только назначеніе въ какую сторону слѣдовать и гдѣ преимущественно производить поиски.

„Губите французовъ" говорилъ партизанамъ Кутузовъ и больше ничего не приказывалъ имъ.

Понимая свое назначеніе, партизаны старались всегда дѣйствовать налетомъ, внезапностью нападеній, устраивали непріятелямъ ловушки и засады.

При смышленности русскаго человѣка въ партизанскихъ отрядахъ очень скоро вымахался типъ удалыхъ развѣдчиковъ и лихихъ охотниковъ на краснаго звѣря.

Этотъ родъ войны, не подвергая нашу главную армію ни трудамъ, ни опасностямъ, причинялъ столько вреда французамъ, что въ теченіе одной недѣли съ 10-го по 17 сентября число взятыхъ партизанами плѣнныхъ простиралось до 4.000 чел., сверхъ того непріятель убитыми безъ сомнѣнія потерялъ еще болѣе, ибо поселяне, ободренные присутствіемъ партизановъ, вездѣ на него нападали и истребляли.

Характеръ дѣйствія всѣхъ партизановъ былъ болѣе или менѣе одинаковъ. Предоставленные самимъ себѣ, партизаны весь успѣхъ основывали на быстротѣ движенія, что давало имъ возможность появляться предъ врагомъ внезапно.

Скрываясь въ лѣсахъ, прокрадываясь глухими дорогами и лѣсными тропинками, партизаны выслѣживали движенія непріятельскихъ командъ, обозовъ и фуражировъ. Появляясь внезапно, партизаны смѣло бросались въ атаку и истребляли все, что попадалось подъ руку.

Небольшіе партизанскіе отряды отваживались нападать на сильныя партіи непріятелей. Такъ полковникъ князь Кудашевъ съ двумя казачьими полками силою всего 500 коней, на Серпуховской дорогѣ, 27-го сентября у с. Никольскаго, выслѣдилъ большую партію фуражировъ въ 2.500 человѣкъ, находившихся подъ прикрытіемъ шести эскадроновъ конницы подъ начальствомъ генераловъ Бомона и Бовье. Не смотря на чрезвычайную несоразмѣрность силъ, князь Кудашевъ атаковалъ французовъ, обратилъ ихъ въ бѣгство съ потерей 100 чел. убитыми и 200 захваченными въ плѣнъ. Съ нашей стороны было убито и ранено всего три казака.

Однимъ изъ наиболѣе блестящихъ подвиговъ набѣга на сообщенія непріятеля слѣдуетъ признать поискъ, совершенный летучимъ отрядомъ ген. маіора Дорохова въ то время, когда французская армія находилась еще въ періодѣ силы и могущества и когда Наполеонъ, занявъ Москву, мечталъ о томъ, что здѣсь онъ предпишетъ миръ императору Александру.

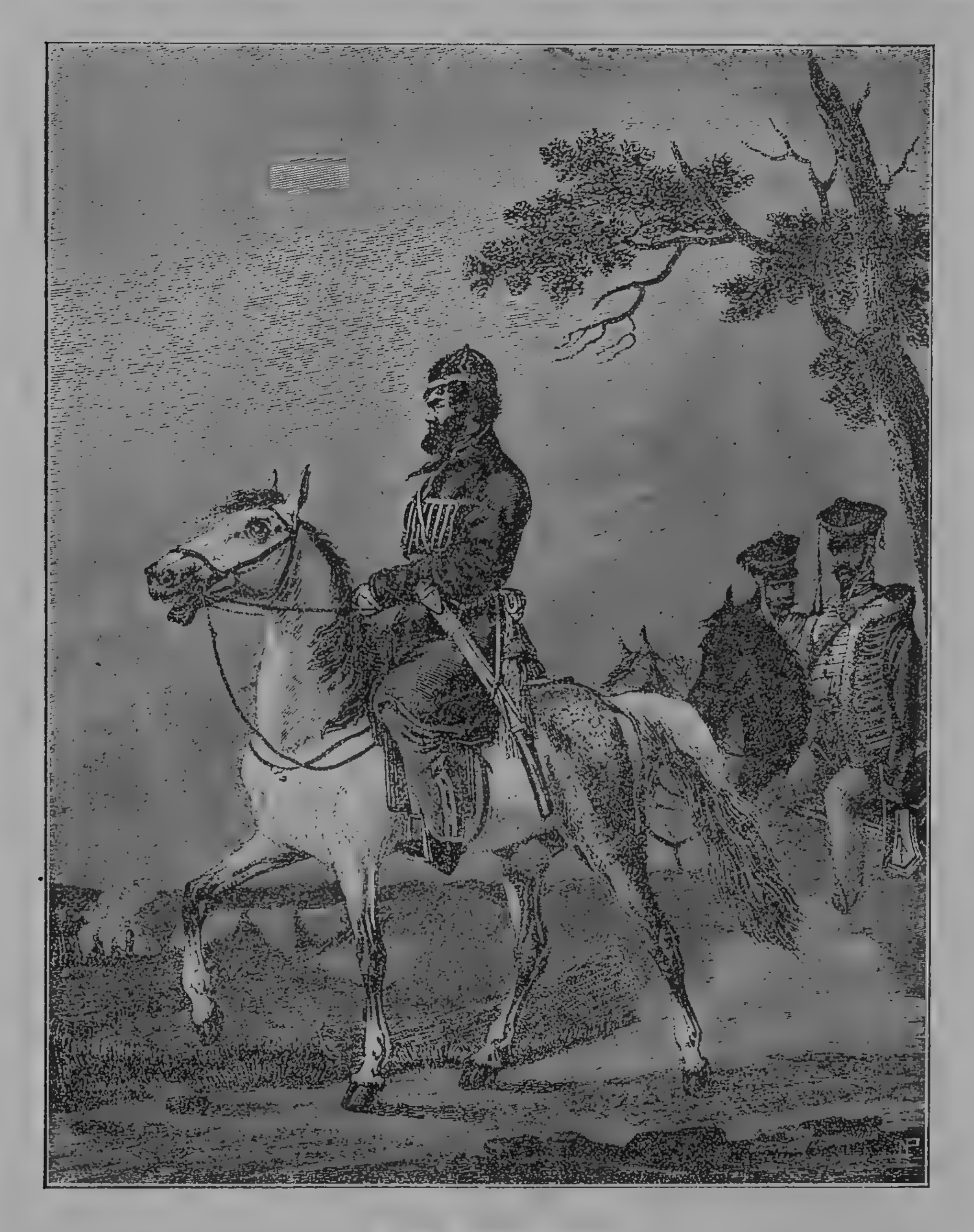
8-го сентября закончился сложный кутузовскій маневръ передвиженія арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу. Мудрый полководецъ, соединявшій глубокій умъ съ осторожностью, преслѣдовалъ планъ усыпленія своего противника. Кутузовъ не желалъ тревожить Наполеона въ Москвѣ раньше, чѣмъ пополнится и устроится русская армія.

Дальновидный фельдмаршалъ полагалъ, что только путемъ продолжительнаго задержанія Наполеона въ Москвѣ можно подготовить успѣхъ дальнѣйшаго веденія войны; но многимъ вліятельнымъ генераламъ арміи, непостигавшимъ плановъ свѣтлѣйшаго, казалось не простительнымъ не воспользоваться выгоднымъ положеніемъ арміи и не сдѣлать набѣгъ на сообщенія непріятеля значительнымъ корпусомъ конницы.

Барклай-де-Толли и неугомонный Бенигсенъ настаивали на томъ, чтобы послать кавалерію и казаковъ на Смоленскую дорогу и заставить Наполеона очистить Москву. Барклай даже писалъ государю, что „пропустили самое лучшее время нанести непріятелю чувствительный ударъ". Эти письма, какъ надо думать, вызвали въ столичномъ обществѣ упреки Кутузову въ медленности и нерѣшительности, а можетъ быть явились и причиной неудовольствія государя противъ Кутузова.

Чтобы отдѣлаться отъ назойливыхъ приставаній, фельдмаршалъ приказалъ отрядить для поиска на Смоленскую дорогу ген. Ивана Степановича Дорохова съ 4-мя кавалерійскими полками. Дороховъ служилъ подъ командой Суворова съ отличіемъ; и былъ замѣчательно храбрый, опытный и осторожный военачальникъ. Подъ его начальство даны были изъ авангарда Милорадовича полки: лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій, Елисаветградскій гусарскій, два казачьихъ и шесть орудій конной артиллеріи; третій казачій полкъ обѣщали дослать послѣ.

Хотя поискъ, совершенный Дороховымъ, нѣкоторые военные не признаютъ партизанскимъ вслѣдствіе того, что отрядъ имѣлъ сообщеніе съ авангардомъ ген. Милорадовича, а при главной квартирѣ фельдмаршала Дороховъ оставилъ даже своего расторопнаго уряд-



Д. В. Давыдовъ.

Съ гравюры Дюбурга по портрету Орловскаго.

ника для передачи приказаній, тѣмъ не менѣе по характеру дѣйствій поискъ ген. Дорохова вполнѣ подходитъ къ понятію партизанскаго набѣга въ тылъ непріятеля.

9-го сентября, т. е. черезъ недѣлю послѣ занятія Наполеономъ Москвы, Дороховъ въ 5 час. вечера выступилъ съ отрядомъ изъ с. Десны, гдѣ стоялъ авангардъ Милорадовича и ночью прошелъ 30 верстъ. Высланный имъ передовой разъѣздъ казачьяго сотника Юдина донесъ, что по Смоленской дорогѣ идетъ много обозовъ. Второе донесеніе отъ Юдина было о томъ, что выслѣженъ у села Перхушкова артиллерійскій обозъ съ большимъ прикрытіемъ.

Дороховъ отрядилъ полковника Сиверса съ двумя эскадронами конно-гренадеръ и двумя сотнями къ с. Перхушкову и самъ слѣдовалъ туда же. Пока еще эскадроны Сиверса вышли на Смоленскую дорогу, сотникъ Юдинъ не утерпѣлъ и ударилъ на какую-то команду французовъ, перекололъ людей и надѣлалъ переполоху. Французы стали защищаться въ избахъ, но скоро сдались въ плѣнъ, въ числѣ 5 офиц. и 92 нижн. чин. Послѣ того расходившіеся станичники бросились на артиллерійскій обозъ и стали взрывать зарядные ящики. На Смоленской дорогѣ въ обѣ стороны распространилась тревога.

Сиверсъ, выйдя на выстрѣлы и взрывы, пустилъ свои эскадроны въ атаку на прикрывавшую транспортъ колонну конницы. Французы были порублены; взято въ плѣнъ 111 чел. и адъютантъ маршала Нея. Всѣ зарядные ящики были взорваны, обозъ разгромленъ.

Страшная тревога, ужасъ и смятеніе распространились въ обѣ стороны большой дороги. Французы столпились въ кучи, а наши конно-гренадеры, гусары и казаки обскакивали, рубили, кололи безъ сопротивленія и разметали все, что подвернулось подъ руку. Дороховъ съ оставшимися у него эскадронами пытался атаковать большой артиллерійскій паркъ, бывшій подъ прикрытіемъ значительнаго отряда пѣхоты съ пушками, но остановился. Паркъ отошелъ къ лѣсу у деревни Перхушково, къ этому же мѣсту сошлись другіе парки и команды, бывшія на дорогѣ; такъ что образовался обозъ въ нѣсколько сотъ повозокъ, а въ прикрытіи большой отрядъ пѣхоты, въ числѣ которой находился баталіонъ французской гвардіи. Всѣмъ отрядомъ сталъ командывать ген. Ланюсъ.

Дороховъ собралъ свой отрядъ. Результатъ боя 10 сентября былъ таковъ: уничтожено два маршевыхъ эскадрона конницы, взорвано 86 зарядныхъ ящиковъ, въ плѣнъ взято 9 офиц., 450 нижн. чин., захвачено много лошадей и отбито шесть пудовъ церковнаго серебра, слѣдовавшаго изъ Москвы въ Смоленскъ.

Первыя донесенія о тревогѣ на Смоленской дорогѣ получены Наполеономъ 10-го сентября и сейчасъ же послѣдовало отъ него приказаніе отправить изъ Москвы къ мѣсту происшествія два эскадрона гвардейскихъ драгунъ, всего 250 коней, а за ними посланъ и отрядъ конницы подъ командой ген. Сенъ-Сюльписа.

11-го числа Дороховъ вышелъ къ с. Перхушкову, гдѣ находился большой паркъ и сдѣлалъ попытку овладѣть имъ, но наша кавалерія была встрѣчена огнемъ баталіона гвардіи и атака отражена. Дороховъ замѣтилъ прибытіе французскихъ гвардейскихъ драгунъ и былъ остороженъ. Вечеромъ наши казаки обнаружили отдѣльно стоявшій небольшой паркъ, овладѣли имъ и взорвали 20 ящиковъ; въ этотъ день взято въ плѣнъ 5 офиц. и 97 нижн. чин.

Дороховъ сошелъ съ дороги и получилъ свѣдѣнія о томъ, что его посты, оставленные для сообщенія съ Милорадовичемъ, сняты по причинѣ наступленія французовъ. Это его обезпокоило. Съ другой стороны онъ видѣлъ усиленіе французской кавалеріи противъ него направленной. Отправивъ плѣнныхъ съ конвоемъ, Дороховъ сталъ

еще слабѣе и старался укрыть свой отрядъ отъ французскихъ развѣдчиковъ. Въ этомъ прошелъ день 12-го сентября.

На слѣдующій день 13 числа Дороховъ принялъ рѣшеніе: поставить свой отрядъ скрытно, заманить казаками передовой отрядъ французской конницы и разбить гвардейскихъ драгунъ до прихода главной части отряда ген. Сенъ-Сюльписа. Всѣ распоряженія были выполнены превосходно.

Французы имѣли въ головѣ колонны два эскадрона гвардейскихъ драгунъ, за которыми слѣдовалъ баталіонъ пѣхоты. Драгуны увлеклись преслѣдованіемъ казакобъ и отдалились отъ своей пѣхоты.

А. Н. Сеславинъ.

Съ гравюры Ческаго по портрету Витберга.

На нее то и повелъ Дороховъ свою конницу, охвативъ непріятеля со всѣхъ сторонъ. Французская пѣхота выдержала атаку твердо, свернувшись въ каре, но часть пѣхоты была разметана нашими конногренадерами подъ командой князя Хилкова. Въ это время бывшіе впереди эскадроны гвардейскихъ драгунъ повернули и бросились на выручку пѣхоты. Кн. Хилковъ выстроилъ своихъ конно-гренадеръ и встрѣтилъ французовъ контръ-атакой. Рубка была сильная. Предводитель, храбрый полковникъ Марто, исколотый и порубленный, взятъ

въ плѣнъ, затѣмъ началось истребленіе разбитыхъ французскихъ эскадроновъ, бросившихся въ бѣгство.

Французская пѣхота стояла въ грозномъ молчаніи. Дороховъ рѣшился ее истребить. На предложеніе сдаться французы отвѣчали выстрѣлами. Дороховъ приказалъ подойти орудіямъ конной артиллеріи.

Французы, видя приготовленія къ атакѣ, быстро тронулись къ лѣсу. Наша артиллерія сдѣлала три выстрѣла картечью, а конница бросилась въ атаку съ трехъ сторонъ. Весь французскій отрядъ истребленъ; въ плѣнѣ взято 85 нижн. чин. Все дѣло длилось не болѣе 20 минутъ. Къ величайшему огорченію у насъ смертельно раненъ храбрый командиръ эскадрона конно-гренадеръ полковникъ Сиверсъ и тяжело раненъ князь Хилковъ.

Убравъ плѣнныхъ и раненыхъ, Дороховъ двинулся на встрѣчу отряду Сенъ-Сюльписа, насѣдалъ на него всей кавалеріей и преслѣдовалъ двѣ версты.

Не дешево обошелся нашимъ этотъ молодецкій бой; у насъ выбыло изъ строя: 3 офиц. 38 рядовыхъ и 55 лошадей.

Дѣйствія Дорохова встревожили Наполеона; онъ сталъ двигать авангардные отряды въ разныхъ направленіяхъ; до этого времени передовыя войска Наполеона стояли спокойно на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, а теперь стали двигаться и нащупывать нашу армію.

Кутузовъ это сейчасъ же замѣтилъ и отозвалъ отрядъ Дорохова къ арміи. Наполеонъ успокоился.

Послѣ этого поиска ген. Дороховъ, по приказу свѣтлѣйшаго посланъ былъ съ отрядомъ, чтобы выгнать французовъ изъ уѣзднаго города Вереи.

29-го сентября генералъ Дороховъ подступилъ къ городу Вереѣ. Четверо верейскихъ мѣщанъ указывали дорогу войскамъ и подвели ихъ скрытно. Быстрымъ внезапнымъ нападеніемъ, почти безъ выстрѣла, наши овладѣли городомъ. Непріятель—вестфальская пѣхота потерялъ убитыми болѣе 300 челов., въ плѣнъ взято 15 офицеровъ и 400 рядовыхъ, отбито вестфальское знамя и захвачено 500 ружей, которые розданы поселянамъ. Мѣщане, ведшіе колонны, первые бросились на валы укрѣпленій. За отличное мужество они награждены фельдмаршаломъ георгіевскими крестами.

Находясь съ отдѣльнымъ боковымъ отрядомъ на новой Калужской дорогѣ, Дороховъ первый извѣстилъ свѣтлѣйшаго о движеніи французовъ изъ Москвы на Калугу. Въ сраженіи подъ Малоярославцемъ Дороховъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ и долженъ былъ оставить службу. Скончался Дороховъ въ 1815 году и передъ смертію просилъ у города Вереи три аршина земли для вѣчнаго успокоенія при той церкви, гдѣ онъ взялъ приступомъ укрѣпленіе непріятеля. Воля его исполнена.

Къ этому же времени относится блистательный подвигъ командира партизанскаго отряда гвардіи капитана Сеславина, который выслѣдилъ пребываніе наполеоновой гвардіи и самого Наполеона у села Фоминскаго. Сеславинъ видѣлъ своими глазами карету Наполеона, бросился на унтеръ-офицера старой гвардіи, свалилъ его, связалъ, перекинулъ черезъ сѣдло и примчалъ къ генераламъ Дохтурову и Ермолову.

Доставленіе князю Кутузову столь важнаго донесенія поручено было адъютанту Дохтурова Болговскому. Онъ взялъ для перемѣны нѣсколько лошадей и съ возможной скоростью прискакалъ въ Леташевку прямо къ Коновницыну. Черезъ нѣсколько минутъ его позвали въ избу. Фельдмаршалъ сидѣлъ на постели въ сюртукѣ, потому что

на войнѣ никогда по ночамъ не раздѣвался. Чувство радости сіяло въ глазахъ его:—„Скажи, другъ мой, спросилъ онъ посланнаго, что такое за событіе, о которомъ привезъ ты мнѣ вѣсть? Неужели воистину Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ? Говори скорѣй, не томи сердца, оно дрожитъ!“ Болговской донесъ подробно обо всемъ, происходившемъ въ Аристовѣ. Когда онъ окончилъ разсказъ, Кутузовъ захлипалъ отъ слезъ и обратясь къ образу Спасителя, произнесъ слѣдующія слова: — „Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена!“.

И. С. Дороховъ.

При нахожденіи арміи Наполеона подъ Малоярославцемъ свѣтлѣйшій 12-го октября послалъ сильный казачій отрядъ атамана Платова въ тылъ арміи Наполеона, стоявшей за рѣкой Лужей. Казаки выслѣдили большой артиллерійскій паркъ изъ 40 орудій, шедшій по боровской дорогѣ, и въ то самое время, когда они произвели нападеніе на этотъ паркъ, тутъ же проѣзжалъ Наполеонъ со свитой и конвойнымъ эскадрономъ. Наполеонъ находился между герцогомъ Виченскимъ, начальникомъ штаба Бертье и генераломъ Раппомъ. Когда казаки выѣхали изъ-за лѣса, Коленкуръ первый догадался:—Государь, это казаки! — Не можетъ быть!—отвѣчалъ Наполеонъ. Но они уже скакали съ ужаснымъ крикомъ. Раппъ схватилъ лошадь Наполеона за узду и поворотилъ ее.—„Да это наши!“—твердилъ Наполеонъ.—Это казаки, не медлите!

Наполеонъ обнажилъ шпагу, далъ нѣсколько приказаній и ускакалъ. Раппъ кинулся съ конвойнымъ эскадрономъ на встрѣчу казакамъ, но былъ опрокинутъ; его лошадь получила ударъ пикою. „Мы были затоптаны этими варварами“, пишетъ онъ.

А. С. Фигнеръ.

Къ несчастью Платовъ и казаки не знали, кто предъ ними находится. Они бросились на пушки и захватили 11 орудій, да къ тому же въ транспортѣ казаки нашли нѣсколько боченковъ золотой монеты. Казачьимъ офицерамъ трудно было собрать разсыпавшихся около транспорта людей. Между тѣмъ къ мѣсту примчались конные

гренадеры и конвойные драгуны; они атаковали донцовъ и заставили отступить.

О, еслибъ Платовъ зналъ, что Наполеонъ такъ близко, да еще съ ничтожными тремя взводами конницы, не уйти бы ему отъ рукъ нашихъ удалыхъ станичниковъ!

Изъ многочисленныхъ подвиговъ другого знаменитаго партизана Фигнера сохранился разсказъ о полномъ истребленіи отряда французскихъ мародеровъ въ селѣ Подкорытово, Сычовка тожъ, Московской губерніи.

Крестьяне дали знать Фигнеру, что въ село пришелъ большой отрядъ грабителей; забираютъ припасы, скотъ, истязаютъ жителей и мучаютъ женщинъ. Фигнеръ бросился туда съ своимъ отрядомъ и по дорогѣ обдумалъ съ деревенскими крестьянами, какъ истребить всѣхъ грабителей. Рѣшено было подойти къ селу ночью и поджечь лѣсъ, находившійся у самаго села, а отряду расположиться въ разныхъ мѣстахъ за рѣкой скрытно.

Дали знать крестьянамъ, чтобы подготовили пожаръ въ лѣсу на окраинѣ, да собрали бы кучи хвороста и валежника. Погода была сухая.

Мародеры, большей частью пьяные, спали кучками на лугу, около нихъ замѣтили тѣла замученныхъ молодыхъ женщинъ. Часовые также спали. На разсвѣтѣ крестьяне подожгли кучи хвороста и огонь разбѣжался по сухимъ смолистымъ соснамъ. Пожаръ скоро охватилъ огненнымъ кольцомъ всю окружность села, загорѣлась сухая трава. Ржаніе лошадей и ревъ скота разбудили спавшихъ грабителей. Они бросились по улицѣ къ рѣкѣ и нарвались на разставленные отряды стрѣлковъ.

„Бей на пропалую, не давай пощады“, — грянула команда Фигнера, и пули полетѣли въ огромную толпу сбѣжавшихся мародеровъ. Они начали метаться въ разныя стороны, но вездѣ ихъ встрѣчали выстрѣлы скрыто размѣщенныхъ стрѣлковъ. Собрались крестьяне села и пошло избіеніе мародеровъ.

А Фигнеръ, сидя на конѣ, громко кричалъ по французски: — „Вы не воины, не солдаты, вы разбойники, достойные холопы вашего Бонапарта! И вотъ мы васъ наказываемъ, какъ разбойниковъ, разбойничьей казнью“.

Весь отрядъ мародеровъ до единаго человѣка былъ истребленъ. А когда покончили съ мародерами стали тушить лѣсной пожаръ.

При отступленіи Наполеона отъ Малоярославца всѣ партизанскіе отряды, бывшіе при нашей главной арміи, слѣдовали за непріятелемъ, окружая его со всѣхъ сторонъ и участвуя почти ежедневно въ стычкахъ. Французы отступали столь поспѣшно, что даже авангарды наши, находившіеся подъ командой Милорадовича и Платова, повременамъ не могли настигать непріятеля. Одни только партизаны неотступно преслѣдовали и были свидѣтелями того, какъ французы взрывали свои зарядные ящики, которыхъ не могли увезти.

Партизанъ Кайсаровъ шелъ слѣдомъ за французами по Смоленской дорогѣ впереди авангарда и отбивалъ парки, обозы съ богатой добычей и забиралъ отсталыхъ. Давыдовъ, Сеславинъ, Фигнеръ, кн. Кудашевъ, кн. Вадбольскій шли боковыми дорогами, опережая непріятеля, уничтожали мосты и переправы, истребляли фуражировъ, такъ что тѣ не могли отдаляться на версту отъ большой дороги.

Въ Смоленскѣ ожидали Наполеона подкрѣпленія: тамъ была расположена запасная дивизія ген. Браге-Д'Илье. Ген. этотъ не по-

Плѣнные французы.

Съ картины Прянишникова.

лучилъ приказаній отъ Наполеона и разбросалъ свои войска по уѣздамъ.

Свѣтлѣйшій приказалъ партизанамъ Давыдову, Сеславину и Фигнеру слѣдовать усиленными переходами на дороги, ведущія изъ городовъ Рославля и Ельни въ Смоленскъ и дѣйствовать соединенно противъ запасныхъ войскъ, въ тѣхъ мѣстахъ расположенныхъ. Партизаны соединились и выслѣдили въ с. Ляховѣ отрядъ генерала Ожеро въ 2.000 чел. пѣхоты съ кавалеріей. Сила трехъ отрядовъ нашихъ партизановъ состояла изъ 1.200 чел. конницы, 80 егерей 20-го полка и 4-хъ орудій. Рѣшили пригласить къ нападенію начальника передового отряда арміи, графа Орлова-Денисова. отрядъ котораго состоялъ изъ шести казачьихъ и одного драгунскаго полка. Графъ Орловъ-Денисовъ обѣщалъ дать помощь и 28 октября партизаны повели нападеніе на перерѣзъ Смоленской дороги, чтобы преградить отступленіе отряду генерала Ожеро.

Давыдовъ повелъ передовой отрядъ, подскакалъ къ с. Ляхову, спѣшилъ казаковъ и завязалъ дѣло. Прискакалъ Сеславинъ съ орудіями и открылъ огонь по селу. Графъ Орловъ-Денисовъ пристроился съ другой стороны и послалъ въ обходъ казаковъ, чтобы перерѣзать дорогу въ Долгомостье. Непріятель выходилъ изъ села и усиливалъ своихъ стрѣлковъ. Сеславинъ съ Ахтырскими гусарами ротмистра Горсткина атаковалъ пѣхоту и вогналъ въ лѣсъ. Тѣмъ временемъ къ французамъ спѣшили подкрѣпленія: одни шли со стороны Ясмино и были отбиты казаками ротмистра Чеченскаго. Сотня французскихъ пѣхотинцевъ засѣла въ сарай и не пожелала сдаться; сарай зажгли и всѣ бывшіе въ немъ сгорѣли. Другое подкрѣпленіе, шедшее отъ Долгомостья и состоявшее изъ колонны кирасиръ, было разсѣяно гр. Орловымъ-Денисовымъ.

Вечерѣло. Ляхово запылало въ разныхъ мѣстахъ. Ожеро, видя себя окруженнымъ, прислалъ парламентера и сдался въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Свѣтлѣйшій, донося государю объ этомъ славномъ дѣлѣ, написалъ: „Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіи нынѣшней кампаніи, непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе“. Партизанъ Фигнеръ былъ посланъ курьеромъ къ государю съ донесеніемъ о взятіи въ плѣнъ бригады генерала Ожеро. Это считалось большимъ отличіемъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ отважномъ подвигѣ знаменитаго впослѣдствіи въ войну 1813 года партизана, флигель-адъютанта, полковника Чернышева, который былъ посланъ императоромъ въ главную квартиру Кутузова съ распоряженіями о соединеніи трехъ армій на переправахъ черезъ р. Березину. Отъ Кутузова Чернышевъ проѣхалъ въ армію адмирала Чичагова и, получивъ отъ послѣдняго партизанскій отрядъ, пробрался чрезъ войска Наполеона въ армію Витгенштейна, и освободилъ по пути въ с. Молодечномъ плѣненныхъ въ Москвѣ генералъ-адъютанта Винцингероде и ротмистра Нарышкина.

Послѣ пораженій, нанесенныхъ французамъ подъ городомъ Краснымъ и на Березинской переправѣ, армія Наполеона уже не отступала, а просто бѣжала, такъ что и партизанамъ нашимъ трудно было за ней угнаться. Однако, они не прекращали преслѣдованія и гнались за Наполеономъ, который бросилъ армію въ Сморгони и умчался въ Парижъ въ сопровожденіи трехъ генераловъ, заботясь только о личномъ спасеніи.

Для охраны проѣзда Наполеона были выставлены по дорогѣ большіе отряды свѣжаго войска и отдѣльные караулы. Въ конвоѣ при экипажахъ были польскіе уланы. Партизанскіе отряды Сеславина и

Съ оружіемъ въ рукахъ?.. Разстрѣлять!
Съ картины В. В. Верещагина.

Фигнера гнались за Наполеономъ и имъ удалось перегнать его въ Ошмянахъ. Сеславинъ бросился съ гусарами на главный караулъ, стоявшій у дома, приготовленнаго для Наполеона, изрубилъ этотъ кара-

улъ и въ тоже время открылъ огонь изъ пушекъ по мѣстечку. Французы, однако, опомнились, собрали сосѣдніе отряды, расположенные внѣ мѣстечка, выслали стрѣлковъ и вытѣснили гусаръ изъ Ошмянъ, Сеславинъ долженъ былъ отойти, а въ это время въѣхалъ въ мѣстечко Наполеонъ, перемѣнилъ лошадей и выѣхалъ въ Вильну. Будь атака Сеславина однимъ — двумя часами позже, Наполеону пришлось бы плохо; его спасла счастливая случайность: Сеславинъ не зналъ, что Наполеонъ задержался въ дорогѣ и пріѣхалъ въ Ошмяны позже, чѣмъ его ждали.

Партизанская война принесла неисчислимыя выгоды отечеству. Въ теченіе одного мѣсяца, при отступленіи Наполеоновой арміи по Московской и Смоленской губерніямъ, взято партизанами въ плѣнъ 15.000 челов., а число истребленныхъ непріятелей въ стычкахъ было, вѣроятно, гораздо больше. Партизаны изнурили армію Наполеона и, отбивая транспорты съ съѣстными припасами, лишили армію продовольствія. Число отбитыхъ парковъ, обозныхъ фуръ, воловъ и лошадей было громадное. Но самая огромная заслуга партизановъ заключалась въ томъ, что они подняли народную войну, показали народу, какъ слѣдуетъ истреблять врага, попирающаго родную землю. Когда народъ понялъ простую задачу военнаго дѣла, которое все сводится къ безпощадному истребленію непріятеля, тогда уже не трудно было и крестьянскимъ бабамъ воевать съ французами. Русскій народъ, при всей его незлобивости и природномъ добродушіи не могъ не мстить за страшныя звѣрства наполеоновыхъ солдатъ, голодныхъ, озлобленныхъ и безчеловѣчно дерзкихъ.

Описывая отдѣльные боевые подвиги лихихъ партизановъ въ Отечественную войну, мы нисколько не умаляемъ славы подвиговъ нашей главной арміи и боковыхъ корпусовъ. Не партизаны, а главная армія, предводимая Кутузовымъ, нанесла смертельные удары наполеоновымъ полчищамъ и обезсилила врага. Безъ побѣдъ, одержанныхъ главной арміей, партизаны не могли бы такъ легко управляться съ маршевыми командами, фуражирами, транспортами и мародерами. Самоотверженное геройство главной арміи сломило мужество французовъ. Всѣ побѣды вырваны у непріятеля ожесточенными штыковыми свалками и рубкой конницы съ налета. Въ бояхъ съ непріятелемъ о числѣ плѣнныхъ не заботились и не считали ихъ трофеемъ. На взятыя съ боя и брошенныя орудія не обращали вниманія. Подвигомъ считалось: истребить непріятельскую колонну штыками до послѣдняго человѣка, или изрубить эскадроны саблями. Казаки не знали другого боя, кромѣ удара въ дротики.

До Березинской переправы французскія войска во всѣхъ бояхъ дрались отчаянно, но будучи атакованы въ походѣ, или при внезапныхъ нападеніяхъ, теряли мужество, разбѣгались или сдавались въ плѣнъ. Такое состояніе французской арміи явилось слѣдствіемъ пораженій, нанесенныхъ французамъ русскими войсками въ большихъ сраженіяхъ, начиная съ Бородинской битвы.

Въ этомъ 15-ти часовомъ, страшномъ побоищѣ вторгнувшійся врагъ получилъ смертельную рану, и, при дальнѣйшей потерѣ крови и силъ, сталъ добычей партизановъ и народныхъ добровольныхъ ополченій.

Мы сочли необходимымъ сдѣлать эту оговорку при описаніи партизанской войны, дабы не подвергнуться упрекамъ въ умаленіи безпримѣрныхъ боевыхъ заслугъ нашихъ армій, самоотверженно сражавшихся съ непріятелемъ и безропотно переносившихъ жестокую

стужу, голодъ и величайшія трудности быстраго похода, неутомимаго преслѣдованія и окончательнаго истребленія враговъ.

Наполеонъ, отступая отъ Малоярославца, приказывалъ жечь города и села, такъ были сожжены: Верея, Боровскъ, Можайскъ, Гжатскъ, Дорогобужъ, Вязьма, Орша; взорваны стѣны и башни московскаго Кремля и Смоленска; были бы истреблены и послѣдніе остатки многострадальнаго города, если бы Платовъ съ казаками не ворвался въ городъ прежде, чѣмъ изъ него вышли французы. Прибавимъ къ этому оскверненія церквей и святынь русскаго народа на всемъ пути слѣдованія войскъ наполеоновой арміи и святотатства, производимыя въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ. Все это имѣло слѣдствіемъ возбужденіе религіозныхъ чувствъ народа.

Дѣятельность лихихъ партизановъ нельзя отдѣлять отъ народной войны, которая развилась послѣ вступленія Наполеона въ Смоленскую губернію и продолжалась до изгнанія наполеоновыхъ полчищъ.

Начало народной войны положено манифестомъ императора Александра, изданнымъ въ г. Полоцкѣ 6 іюля.

Во исполненіе Высочайшей воли о призывѣ русскаго народа къ отраженію лютаго врага, главнокомандующій 1-й арміей, ген. Барклай-де-Толли, внявъ просьбамъ Смоленскаго дворянства, повелѣлъ Смоленскому губернатору, барону Ашу „именемъ Отечества просить обывателей всѣхъ близкихъ къ непріятелю мѣстъ вооруженною рукою нападать на уединенныя части непріятельскихъ войскъ, гдѣ ихъ увидятъ; дабы ни одинъ непріятельскій ратникъ не скрылся отъ мщенія нашего за причиненныя Вѣрѣ и Отечеству обиды“.

Въ такомъ же смыслѣ написано атаману Платову: „Какъ мы теперь находимся въ мѣстахъ отечественной Россіи, то должно внушать обывателямъ, чтобы они старались хватать патрули и шатающихся по разнымъ дорогамъ, гдѣ можно, чтобы ихъ истребляли и такъ же ловили мародеровъ. Внушите жителямъ, что теперь дѣло идетъ объ Отечествѣ, о Божьемъ Законѣ, о собственномъ имѣніи, о спасеніи женъ и дѣтей“.

Но наибольшую силу мужественной народной войны развилъ свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, присоединившій къ добровольнымъ народнымъ ополченіямъ многочисленные партизанскіе отряды, составленные большей частью изъ донскихъ казаковъ и легкой армейской конницы. Партизаны были настоящими возбудителями народной войны, и въ соединеніи съ народомъ они проявили чрезвычайную истребительную силу, которую Наполеонъ не разсчитывалъ встрѣтить въ походѣ на Россію.

Очерки и разсказы участниковъ народной войны скоро забылись и исчезли изъ памяти народа, но отдѣльные подвиги храбрыхъ крестьянъ кой гдѣ кратко описаны въ разсказахъ романистовъ. Такъ напр. сохранился разсказъ о подвигахъ крестьянина села Павлово, около Богородска, Герасима Курина. Онъ собралъ дружину, вооружилъ ружьями и пиками и храбро бился во многихъ стычкахъ съ французскими мародерами. Онъ не разъ отстаивалъ свое село и побивалъ значительные отряды, нарочно противъ него высланные. По примѣру Курина и другія сосѣднія села образовали дружины, присоединились къ Курину, такъ что у него образовалось цѣлое войско, до 5000 челов., Куринъ устраивалъ французамъ засады и ловушки и истреблялъ цѣлые эскадроны конницы. Управившись съ мародерами, Куринъ повелъ свою рать къ Богородску, въ которомъ стояли войска маршала Нея, чтобы освободить городъ, но не засталъ уже тамъ французовъ.

Воззванія, разсылаемыя московскимъ главнокомандующимъ, гр. Ростопчинымъ, вездѣ производили подъемъ народныхъ чувствъ.

Эти воззванія, написанныя простымъ народнымъ языкомъ, дѣйствовали на народъ крайне возбудительно и порождали воодушевленіе неописуемое. Читая ихъ, русскія сердца зажигались молодечествомъ и отвагой. При вступленіи авангарда Мюрата въ московскій Кремль небольшая дружина смѣльчаковъ засѣла за кремлевской стѣной и встрѣтила ружейными залпами наступавшихъ французовъ. Конечно, смѣльчаки поплатились жизнью за свою отчаянную рѣшимость: французы разметали ихъ выстрѣлами артиллеріи; но какова отчаянная смѣлость горсти людей противостать цѣлой арміи!

Самому графу Ростопчину довелось видѣть возбужденіе воинскаго духа въ русскихъ женщинахъ. Ростопчинъ разсказалъ князю Шаховскому между прочимъ слѣдующее: „Однажды онъ встрѣтилъ кучу непріятельскихъ мародеровъ, веденныхъ вооруженными ихъ же оружіемъ мужиками, подъ предводительствомъ дородной бабы, гордо выступавшей съ длинной саблей, повѣшенной черезъ плечо, сверхъ французской шинели. Графъ узналъ отъ провожатыхъ, что она старостиха Василиса и хотя ея женское дѣло, но она на свою руку охулки не положила“.

„На вопросъ, много ли они перевели басурманской саранчи? — Василиса за всѣхъ отвѣчала: „Таки посильно мѣсто передушила наша вотчина, да бѣда, что сперва наши-то сглупа боялись ихъ убивать, чтобъ не попасть за окаянныхъ въ отвѣтъ, и только что отъ нихъ хоронилися, а какъ узнали, что нѣтъ запрета изводить злое сѣмя, то и пошли всѣхъ душить, на кого нападутъ врасплохъ; только, видишь, начальники не вѣрили мужицкимъ разсказамъ и дали такую повѣстку, чтобы-де мы видѣли ваше усердіе и промыселъ, то берите больше въ полонъ супостатовъ и кого намъ живого представите, за того будетъ награда, а за мертвыхъ награды не будетъ. Вотъ тутъ наши и взялись за умъ, какъ заслышали этихъ супостатовъ, притаилися по задворью. Въ моемъ домишкѣ осталось таки довольно винца и пивца, вотъ они, какъ голодные волки, вбѣжали въ деревню, да позарясь на бѣлую избу, вошли въ нее гурьбой, отыскали хмѣльное, ружья въ стороны и ну бражничать, да и опалѣли; тутъ, выждя ночи, наши нагрянули и ну работать: кто забарахтался, тому карачунъ, а кто не ерошился, того живьемъ привели къ вашей милости, чтобы товаръ лицомъ продать“.

Къ разсказу Ростопчина Н. В. Обресковъ, московскій губернаторъ, прибавилъ случай извѣстный ему изъ донесенія исправника: „Вечеромъ въ деревню вошла шайка французовъ, а какъ вслѣдствіе приказа земскаго начальства по всѣмъ селеніямъ были учреждены отводные караулы, то они дали вѣсть крестьянамъ, тѣ спрятались, куда знали. Усталые мародеры забрались въ богатую избу, на ночлегъ; мужики обѣщались выстроить хозяину новую избу, да около полуночи подослали въ подклѣть мальчика прислушать, что дѣлаютъ незванные гости... храпятъ. Крестьяне, благословясь, приперли бревенцомъ дверь, привалили хворосту къ сѣнцамъ, зажгли и натѣшили свою душеньку крикомъ и воемъ горящихъ съ избою злодѣевъ святой Руси“.

Сохранился еще разсказъ о томъ, какъ старостиха Василиса, по уличному прозванію „Сычиха“ усмирила плѣннаго француза.

Въ с. Курдюмово привели партію плѣнныхъ. Староста былъ въ отсутствіи, а приказано было отправить плѣнныхъ въ городъ. Старостиха вызвала бабъ и дѣвокъ и распоряжалась отправкою плѣнныхъ,

но замѣтила, что одинъ изъ нихъ стоитъ не со связанными руками. Старостиха потребовала возжи и хотѣла заарканить француза. Само-

Въ засадѣ.

Съ картины В. В. Верещагина.

любивый сержантъ вздумалъ сопротивляться, сбилъ шлыкъ съ головы старостихи и бросился бѣжать, но толпою бабъ былъ схваченъ и при-

волоченъ. Старостиха схватила сѣнокосную косу и снесла голову французу. Партія плѣнныхъ безъ малѣйшаго сопротивленія пошла подъ надзоромъ бабъ въ городъ.

Не всегда подвиги мужества проходили благополучно для крестьянъ. Французы жестоко мстили за убійства своихъ одиночныхъ грабителей и посылали цѣлые отряды для наказанія подмосковныхъ деревень, въ которыхъ происходили избіенія грабителей.

Въ одномъ селѣ французы захватили двадцать подгородныхъ мужиковъ, преимущественно огородниковъ, привели въ Москву и осудили на смертную казнь.

Люди эти были выведены на мѣсто казни и поставлены рядомъ вдоль стѣны. Осужденные крестьяне простились другъ съ другомъ спокойно и хладнокровно, выказавъ желаніе безтрепетно принять смерть изъ любви къ отечеству.

Французы разстрѣливали осужденныхъ по одиночкѣ. Каждый изъ этихъ героевъ, видя, что очередь доходитъ до него, набожно крестясь, говорилъ: — „Помилуй мя, Господи! Прощайте добрые люди!“—и падалъ мертвымъ, не испустивъ ни жалобы ни вздоха.

Но также безпощадно поступали и крестьяне съ плѣнными грабителями: взятыхъ въ плѣнъ выводили за околицу, выстраивали, и по одиночкѣ рубили головы.

Но не смотря на страшное ожесточеніе русскаго народа противъ враговъ отечества, проявленіе чувствъ жалости и милосердія къ страдающимъ раненымъ непріятелямъ было не рѣдкимъ явленіемъ.

Князь А. А. Шаховской, находившійся въ отрядѣ Винцингероде, въ своихъ запискахъ говоритъ, что неизвѣстно отъ кого вышелъ приказъ—имѣть особое попеченіе объ испанцахъ. Осматривая избы, отведенныя для плѣнныхъ, Шаховской увидѣлъ въ одной избѣ хозяйку, которая стоя, на колѣняхъ, омывала раненую ногу пожилого плѣнника. Увидя меня, говоритъ князь, она испугалась и стала извиняться, что сжалилась надъ супостатомъ, который, чай, не по своей охотѣ оставилъ жену и дѣтокъ.

Кн. Шаховской говоритъ, что фельдмаршалъ, желая унять крестьянъ отъ избіенія попадающихъ въ ихъ руки непріятелей, приказалъ оповѣстить по вотчинамъ, чтобъ не убивали плѣнныхъ и за безвредный приводъ плѣнныхъ опредѣлилъ давать награды.

Графъ Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ „Война и Миръ“ написалъ о народной Отечественной войнѣ слѣдующія строки:

„Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной величественной силой и, не спрашивая ни чьихъ вкусовъ и правилъ, съ глупой простотой, но съ цѣлесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французовъ до тѣхъ поръ, пока не погибло все нашествіе“.

„И благо тому народу, который, не какъ французы въ 1814 г., отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно, учтиво передаютъ ее великодушному побѣдителю, а благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣнится презрѣніемъ и жалостью“.

Такова и должна быть народная война: врагъ, попирающій русскую землю, или умышляющій смутою причинить вредъ русскому народу въ его землѣ, долженъ помнить, что встрѣтится съ той самой

Выступленіе Наполеона изъ Москвы.

Съ рисунка съ натуры Фаберъ-Дюфора.

грозной дубиной, которая истребила наполеоновы полчища въ Отечественную войну 1812 года.

Смоленская губернія, покрытая пепломъ городовъ и селъ, три мѣсяца ежедневно поливалась кровью непріятелей. Въ Рославлѣ купцы и мѣщане вооружили свою дружину въ 400 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ. Въ другихъ городахъ также образовались дружины. Въ Юхновѣ уѣздный предводитель Храповицкій, имѣвшій въ арміи трехъ сыновей, собралъ до 2000 человѣкъ; подъ его начальствомъ служили дворяне, бывшіе прежде въ военной службѣ. Онъ заслонилъ дорогу изъ Вязьмы на Калугу и часто бился съ французскими мародерами.

Тоже самое было и въ Московской губерніи. Тутъ партизаны оказали народу великую помощь; безъ нихъ народу было бы трудно отбиваться: въ Смоленской губерніи стояла одна французская дивизія, а въ Московской— вся наполеонова армія. Но какъ только появились кутузовскіе архангелы — партизаны, дѣло истребленія врага пошло живой рукой.

Въ губерніяхъ Псковской, Тверской, Владимирской, Рязанской, Тульской и Калужской, которымъ угрожало нашествіе непріятеля, всѣ сословія и состоянія объединились. Повсюду кипѣла величайшая дѣятельность: ставили рекрутовъ, снаряжали ополченія, все горѣло усердіемъ, двигалось, переносилось, поспѣвало, гдѣ нужно. Дѣло было общее и оживлялось общимъ трудомъ; фабриканты и ремесленники занимались выдѣлкою предметовъ для войны, кузнецы и слесаря ковали оружіе, портные шили платье, сапожники тачали сапоги, сѣдельники—сбрую конскую и сѣдла, плотники, столяры дѣлали повозки для обозовъ.

Десятки тысячъ подводъ двигались по губерніямъ, перевозя провіантъ. Безъ неволи и принужденія трудились всѣ, и переносили несчастія и невзгоды безропотно, безъ отчаянія.

Въ губерніяхъ Смоленской и Московской всѣ земскія начальства упразднились, чтобъ не исполнять приказаній французскихъ военныхъ начальниковъ; даже помѣщиковъ не стало—всѣ пошли въ ополченіе, и тѣмъ не менѣе народъ дѣлалъ свое дѣло: повыбрали себѣ начальниковъ, которые держали порядокъ въ волостяхъ, оказывали помощь войскамъ и исполняли приказанія и распоряженія высшихъ правительственныхъ властей скоро и разумно.

Въ Калужской губерніи вывезли всѣ архивы и казенныя суммы, опредѣлили кому изъ чиновниковъ остаться при нихъ, а всѣ присутствія были закрыты. Вмѣсто того учредили временный воинскій комитетъ, въ которомъ предсѣдателемъ былъ губернаторъ, а членами начальникъ ополченія и предводитель. Комитетъ сносился съ Кутузовымъ, на его утвержденіе посылали всѣ распоряженія. Должность интенданта возложили на губернатора и для перевозки провіанта собрали въ Калугу 8000 подводъ, да 5000 подводъ прислала Тульская губернія.

Вездѣ по губерніямъ, ближайшимъ и удаленнымъ отъ Смоленской и Московской были учреждены сельскіе караулы и конные объѣзды. На дорогахъ выставляли пикеты и наблюдательные посты. Особенно заботились о томъ, чтобы въ народѣ не распространялись пустые страхи и лживыя извѣстія. За подозрительными и праздношатающимися лицами строго наблюдали и задерживали.

Истребленіе враговъ шло безпощадно. Въ Масальскомъ уѣздѣ по показанію кордоннаго начальника, поручика Суходольскаго, убито и утоплено 977 человѣкъ, да въ плѣнъ взято 450. Въ Медынскомъ убито 894 и полонено 593 человѣка, но въ этомъ уѣздѣ многія партіи истреблены безъ счета. Въ Боровскомъ уѣздѣ составился отрядъ крестьянъ

въ 3000 человѣкъ, поклявшійся стоять противъ враговъ за одно и не давать пощады непріятелю. Въ этомъ уѣздѣ было особенно много мародеровъ изъ корпуса Жюно, стоявшаго послѣ Бородинской битвы въ Можайскѣ. Крестьяне нападали даже на передовыя цѣпи корпуса, убили 2193 чел. и взяли въ плѣнъ болѣе 1.300 чел. Въ Козельскомъ уѣздѣ на сходахъ постановили: „семейства отпустить, самимъ не выѣзжать, но каждому вооружиться и при приближеніи непріятеля защищаться до послѣдней капли крови".

Вотъ это была дѣйствительно народная война, во время которой народъ русскій не шапками забросалъ, а своими тѣлами задавилъ непріятеля. Собственная жизнь была послѣдней жертвой, которую каждый русскій спѣшилъ принести на защиту Родины. Поголовщина и единодушіе сливались и освящались трепетомъ за честь, достоинство и славу Государства.

Размѣры добровольныхъ пожертвованій русскаго народа на дѣло войны были по истинѣ громадны. Безропотно, самоотверженно несла Россія жертвы на алтарь отечества: многострадальный русскій народъ, кромѣ рекрутскихъ наборовъ, выставилъ добровольно до 300.000 ратниковъ и добровольно же доставилъ государству до 100 милліоновъ рублей на военныя надобности.

„Неисчислены, говоритъ историкъ, составившій „Описаніе Отечественной войны 1812 г.", А. И. Михайловскій-Данилевскій, тысячи подвиговъ частныхъ лицъ: какъ старцы перепоясывались на брань, отцы и матери благословляли сыновей на одолѣніе враговъ, какъ всѣ и каждый несли въ даръ Отечеству, что могли, не почитая своего усердія какимъ либо особеннымъ отличіемъ или заслугою. Мысли всѣхъ соединялись въ общемъ порывѣ — отстоять цѣлость государства".

„Но главнымъ двигателемъ было дворянство: по уваженію стяжанному вѣковыми примѣрами вѣрности Престолу, соревнованію къ пользамъ отечества въ войнѣ и мирѣ, дворянство явилось въ 1812 г. такимъ, какимъ было оно во всѣ вѣка существованія Россіи—ея неодолимою подпорою, или, какъ сказано въ одномъ изъ манифестовъ императора Александра,—„умомъ и душей народа".

Въ трудную минуту жизни государства совершенно стушевались молодые совѣтники государя, окружавшіе его въ первые годы царствованія и мечтавшіе только о нововведеніяхъ въ устройствѣ государства по иностраннымъ образцамъ.

Не чиновники петербургскихъ канцелярій, департаментовъ и министерствъ, образованныхъ по плану Сперанскаго, создали могучую оборону государства въ короткій срокъ. Это великое дѣло осуществили и вынесли на своихъ плечахъ дворяне, жившіе съ народомъ въ имѣніяхъ, въ деревняхъ и уѣздахъ. Тутъ была мощная, исторически сложившаяся сила, которая по призыву царя самоотверженно пошла со всѣмъ народомъ на службу государю и отечеству.

Крѣпкій укладъ дворянской чести, мощный голосъ служебнаго долга и вѣковое призваніе передового служилаго сословія были двигателями всеобщаго одушевленія, охватившаго дворянство всѣхъ губерній.

Какъ во времена царей московскихъ дворянство было первымъ служилымъ сословіемъ Руси, по призыву государей ополчалось на брань съ врагами отечества и шло на государеву службу съ родичами и челядинцами, такъ и въ годину Отечественной войны все дворянство ополчилось и выставило свою историческую великую силу, которая увлекла за собой весь народъ на бранные подвиги и предво-

дила войсками и ополченіями въ страшныхъ бояхъ съ врагомъ, вторгнувшимся въ родную землю.

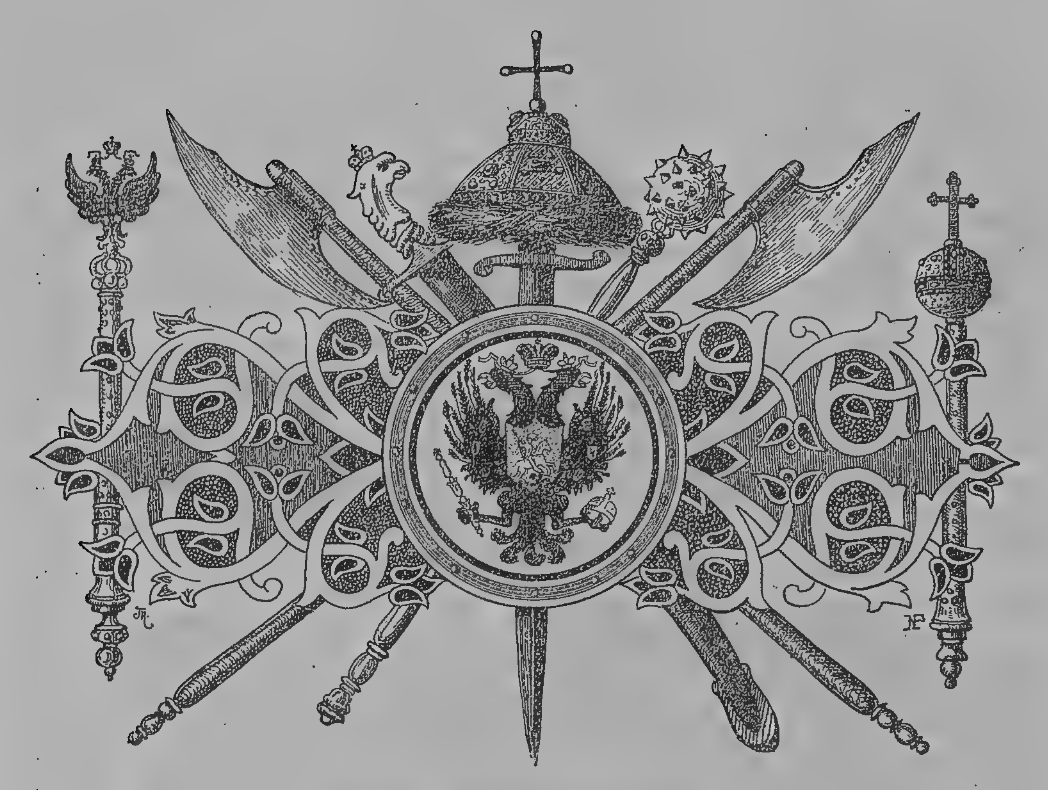
Въ Отечественную войну дворянство было настоящимъ офицерскимъ корпусомъ армій и ополченій, именно: „лучшія силы дворянства помогли освободить отечество отъ нашествія врага“. Заслуги русскаго дворянства въ 1812 году нельзя назвать безпримѣрными, потому что таковыми же онѣ были во всѣ времена исторической жизни русскаго народа. Вспомнимъ лишь славную службу дворянъ при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, при Петрѣ Великомъ, Елисаветѣ, Екатеринѣ II, и мы должны будемъ признать, что участіе дворянства въ Отечественной войнѣ вѣнчаетъ достойнѣйшимъ образомъ по истинѣ извѣчную славную службу россійскаго дворянства своему Отечеству.

„Да, были люди въ наше время,
Могучее лихое племя,
Богатыри!..

„Бородино“. Лермонтовъ.

Орлы французскихъ знаменъ.

Трофеи Отечественной войны 1812 года.



ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Тарутинскій лагерь.

Мы остановили разсказъ о движеніи главной арміи Кутузова въ моментъ отступленія изъ Москвы по Рязанской дорогѣ. 2-го сентября Кутузовъ, отойдя отъ Москвы на одинъ переходъ, далъ арміи роздыхъ въ с. Панкахъ, а 4-го числа отошелъ еще на одинъ переходъ; главная квартира расположилась въ с. Кулаковѣ.

На этомъ переходѣ кавалерія генерала Васильчикова удерживала съ полудня до вечера натискъ французовъ, которые заняли с. Панки только вечеромъ.

Князь Кутузовъ въ это время началъ производить чрезвычайно важное передвиженіе арміи съ Рязанской дороги на Калужскую, для прикрытія сообщеній съ южными губерніями и съ запасами, собранными въ Калугѣ: 5-го сентября Кутузовъ повелъ армію проселочною дорогою къ Подольску. Это движеніе, по повелѣнію Кутузова, сохранялось въ величайшей тайнѣ: кромѣ корпусныхъ командировъ никто не зналъ цѣли передвиженія арміи. О своемъ намѣреніи перейти съ Рязанской дороги на Калужскую Кутузовъ донесъ государю тогда, когда армія уже была у Подольска на Тульской дорогѣ, а какъ только достигъ села Красной Пахры, лежащаго на Калужской дорогѣ, то подробно изложилъ государю причины предпринятаго перемѣщенія. Это передвиженіе арміи, находившейся въ двухъ переходахъ отъ главныхъ силъ непріятеля, указываетъ на необыкновенную военную проницательность главнокомандующаго.

Кутузовъ, будучи увѣренъ, что Наполеонъ изъ Москвы не выйдетъ, сдѣлалъ это важное передвиженіе, такъ сказать, подъ носомъ у французскаго авангарда и скрылъ такъ искусно, что французы два дня преслѣдовали по Рязанской дорогѣ два казачьихъ полка полков-

ника Ефремова, думая, что преслѣдують всю русскую армію, а когда узнали, что предъ ними только одни казаки, то Кутузовъ былъ уже далеко въ сторонѣ.

Кавалерія Васильчикова развлекала вниманіе французскаго авангарда, который не догадывался, что предъ нимъ происходитъ. 6-го сентября наша армія пересѣкла Тульскую дорогу въ Подольскѣ, а 8-го числа стала на Калужской дорогѣ въ с. Красной Пахрѣ.

Наполеонъ, проживая въ Москвѣ, основывалъ свои соображенія на донесеніяхъ авангарднаго начальника, ген. Себастіани, и когда тотъ убѣдился, что преслѣдуетъ два казачьихъ полка и донесъ объ этомъ въ Москву, то Наполеонъ тогда только сталъ безпокоиться и выслалъ изъ Москвы Мюрата съ приказаніемъ открыть мѣсто нахожденіе арміи Кутузова.

Только 11-го сентября король неаполитанскій появился въ окрестностяхъ Подольска, но тамъ уже находились наши отходящіе казачьи посты, вся же армія стояла на Калужской дорогѣ, прикрываясь рѣкой Пахрой.

Этотъ знаменитый боковой маршъ фельдмаршала Кутузова считается образцовымъ дѣломъ военнаго искусства.

Король неаполитанскій видѣлъ, что предъ его глазами что-то происходитъ, но не понялъ значенія совершающихся передвиженій и заметался. Онъ началъ нащупывать расположеніе частей нашей арміи съ разныхъ сторонъ и въ это время происходило нѣсколько столкновеній между французами и нашими авангардными отрядами. Вездѣ непріятелю былъ данъ хорошій отпоръ. По приказанію фельдмаршала оберъ-квартирмейстеръ арміи, полковникъ Толь выбралъ хорошую крѣпкую позицію у с. Тарутино; эту позицію укрѣпили и 20-го сентября армія перешла въ Тарутинскій лагерь. 22-го сентября было жаркое дѣло у села Спасскаго, въ которомъ король неаполитанскій отбитъ генераломъ Милорадовичемъ съ большимъ урономъ; наша кавалерія произвела блистательныя атаки.

23-го сентября утромъ на наши аванпосты прибылъ изъ Москвы генералъ-адъютантъ Наполеона Лористонъ, который доставилъ письмо отъ начальника штаба маршала Бертье къ Свѣтлѣйшему. При нашей главной квартирѣ находился въ это время генералъ-адъютантъ государя, князь П. М. Волконскій. Онъ съ Кутузовымъ находились вдвоемъ.

— „Чего хочетъ отъ меня Наполеонъ сказалъ Кутузовъ Волконскому и спросилъ: „который теперь часъ?“ Было десять часовъ по полуночи. „Спрашиваю для того, что должно выиграть время“, продолжалъ Кутузовъ, „и сколько можно долѣе держать французовъ въ бездѣйствіи; обыкновенно они атакуютъ не ранѣе полудня, когда отобѣдаютъ. Надобно извѣстить Лористона, что я самъ пріѣду на передовые посты для переговоровъ, а между тѣмъ пройдетъ день.

Но вскорѣ Кутузовъ перемѣнилъ намѣреніе и рѣшился послать князя Петра Михайловича Волконскаго въ авангардъ, спросить Лористона, зачѣмъ онъ присланъ, и если у него есть письмо наполеоново, то взять его. „Что прикажете мнѣ дѣлать, если Лористонъ письма мнѣ не отдастъ и порученія своего объявить не захочетъ?“—спросилъ князь Волконскій. „Тогда скажи ему, что пошлешь ко мнѣ за приказаніями“, говорилъ Кутузовъ, и пошли, но только вели адъютанту ѣхать, какъ можно тише“.

По прибытіи на аванпосты, князь Петръ Михайловичъ увидѣлъ Лористона. Недавній посолъ наполеоновъ въ Петербургѣ, Лористонъ былъ хорошо знакомъ съ кн. Волконскимъ, но встрѣченъ имъ холодно. Послѣ отвѣта Лористона, что онъ имѣетъ повелѣніе Наполеона лично

объясниться съ Кутузовымъ, кн. Волконскій, какъ было приказано, послалъ своего ординарца, лейбъ-гусарскаго полка поручика Нащокина къ Кутузову. Посланный поскакалъ во весь опоръ, но едва скрылся изъ вида, какъ поѣхалъ тихо, о чемъ ему было предварительно приказано.

Разговоръ вскорѣ прекратился и князь Волконскій съ Милорадовичемъ отправились въ русскій авангардъ. Уже смеркалось, когда привезли отвѣтъ Кутузова. Онъ согласился видѣть Лористона. Князь Волконскій извѣстилъ его о томъ, и нѣкогда горделивый посолъ На-

Наполеонъ передъ Москвой на Поклонной горѣ, въ ожиданіи депутаціи бояръ.

Съ картины В. В. Верещагина.

полеона немедленно явился; кн. Волконскій отправился съ нимъ на дрожкахъ. Кутузовъ приготовился встрѣтить Лористона. Нѣкоторые изъ полковъ были переведены съ своихъ мѣстъ, дабы скрыть настоящее расположеніе арміи, и размѣщеніемъ ея на обширномъ пространствѣ дать видъ многочисленности войска. Солдаты варили кашу съ

мясомъ; пѣли пѣсни; играла музыка. Повидимому, въ лагерѣ находилось двѣсти или болѣе тысячъ человѣкъ, и все являло обиліе и веселіе. Солдатъ, и безъ приказанія, оживило извѣстіе, что Бонапартъ присылаетъ просить мира.

Лористонъ вручилъ Кутузову письмо императора французовъ и началъ разговоръ замѣчаніями о пожарѣ Москвы, обвиняя въ зажигательствѣ русскихъ, оставшихся въ столицѣ. Потомъ онъ предлагалъ размѣнъ плѣнныхъ; въ чемъ Кутузовъ отказалъ. Болѣе всего распространялся онъ о жестокомъ образѣ войны съ нашей стороны и относилъ ожесточеніе не къ арміи, но къ жителямъ, жалуясь, что они сами жгутъ дома свои и хлѣбъ, и нападаютъ на французовъ, идущихъ по одиночкѣ или небольшими командами. „Лористонъ, доносилъ государю Кутузовъ, „сдѣлалъ неслыханное предложеніе унять такіе поступки“ и продолжалъ:

„Неужели эта небывалая неслыханная война должна продолжаться вѣчно? Императоръ Наполеонъ искренно желаетъ положить предѣлъ этой распрѣ между двумя великими и великодушными народами и прекратить ее навсегда“, Кутузовъ отвѣтилъ, что не имѣетъ на это никакого наставленія: „при отправленіи меня къ арміи и названіе мира ни разу не было упомянуто“,—сказалъ онъ,—„я навлекъ бы на себя проклятіе потомства, если бы сочли, что я главный виновникъ какого либо соглашенія; таковъ въ настоящее время образъ мыслей нашего народа“.

На предложеніе унять народную войну Кутузовъ сказалъ: „что хотя бы онъ и желалъ остановить сіе начало народной войны, то не отъ него зависило перемѣнить образъ мыслей въ народѣ, который почитаетъ настоящую войну равно какъ бы нашествіемъ татаръ, а потому каждый гражданинъ и поставляетъ себѣ обязанностью противиться оному вооруженною рукою“.

Кутузовъ сказалъ Лористону:—„вы спрашиваете, зачѣмъ народъ нападаетъ на войска? Народомъ я не начальствую и не могу воспрепятствовать вооруженію его“.

При концѣ свиданія Кутузовъ обѣщалъ испросить соизволеніе государя на предложеніе Наполеона отправить Лористона въ Петербургъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ Кутузовъ отвергъ всякіе переговоры о перемиріи въ ожиданіи отвѣта отъ русскаго императора.

Вслѣдстіе настойчивой просьбы Лористона, Кутузовъ сказалъ, наконецъ, что можетъ передать императору Александру предложеніе Наполеона черезъ князя Волконскаго, который долженъ отправиться въ Петербургъ на другой день.

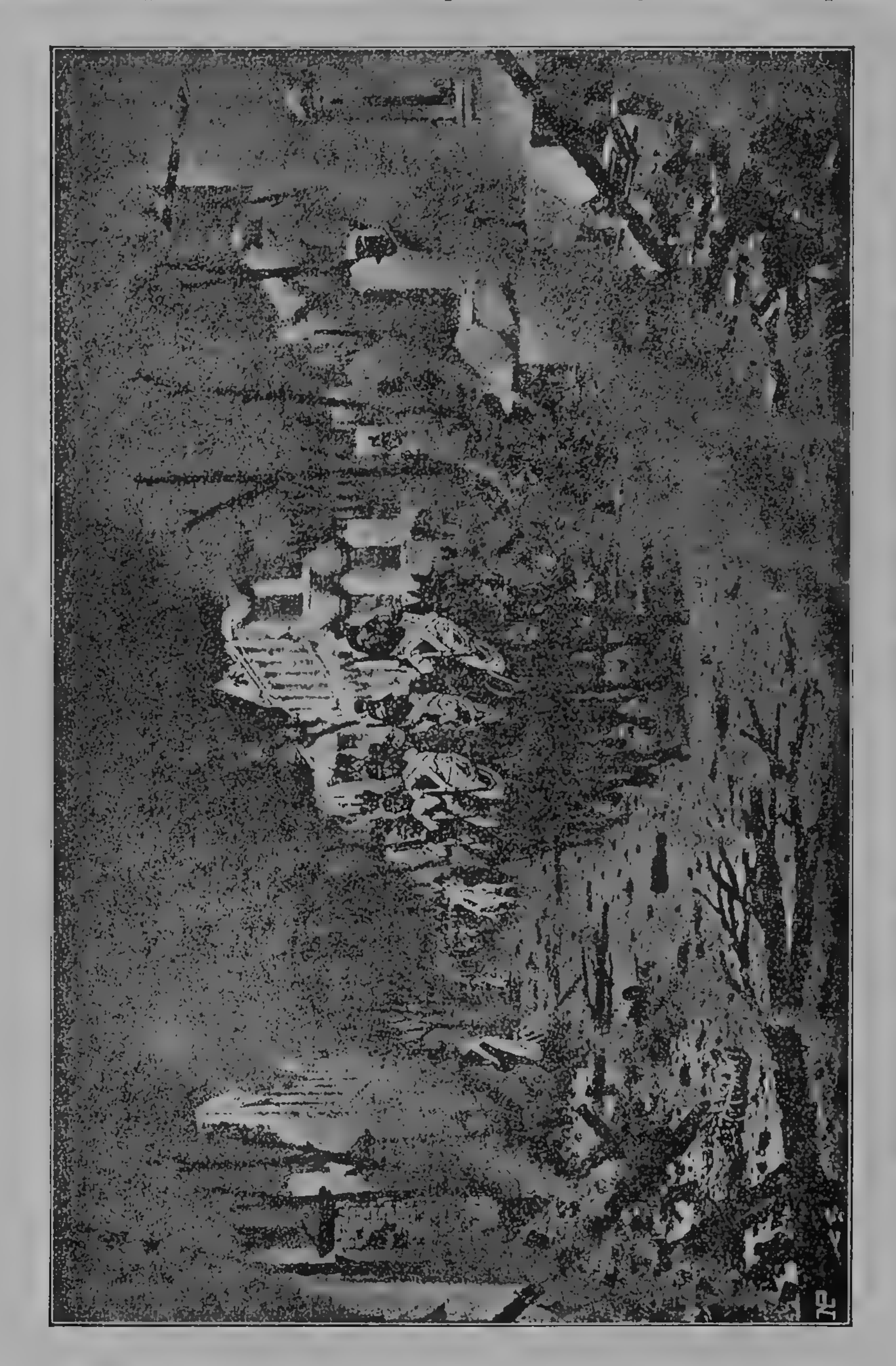
Въ запискахъ Бутурлина упоминается о томъ, что Кутузовъ далъ словесное согласіе „непроизводить нападенія на аванпостахъ до полученія отвѣта отъ императора Александра“. Если такое обѣщаніе и было дано, то оно клонилось къ выгодѣ нашей арміи, такъ какъ усыпляло французовъ, а конечно, и Наполеона, надеждами на миръ, или покрайней мѣрѣ на перемиріе. Съ того времени на аванпостахъ стало немного тише: какъ будто обѣ стороны согласились не палить безъ надобности.

Армія наша въ лагерѣ у Тарутина получила значительныя подкрѣпленія, посланныя княземъ Лобановымъ изъ Нижняго и Владиміра. Она была вновь устроена и представляла теперь внушительную силу до 100.000 челов., не считая ополченій.

Подошли съ Дона и 10.000 казаковъ. Всевозможнаго рода запасы стекались въ армію изъ Калужской и другихъ смежныхъ губерній.

Войска хорошо накормленныя и отдохнувшія отъ трудовъ, благодаря пребыванію въ лагерѣ, были готовы возобновить кампанію.

Отсюда, изъ Тарутинскаго лагеря, вышли многочисленные партизанскіе отряды, поднявшіе народъ на истребленіе непріятелей.



Возвращеніе Наполеона изъ Петровскаго дворца въ Кремль послѣ прекращенія пожара.
Съ картины В. В. Верещагина.

Свѣтлѣйшій приказывалъ партизанамъ всѣми способами поддерживать народное возстаніе и раздавать народу оружіе. И крестьяне бились съ французами, защищая свои семьи и дома отъ грабителей. Изъ устъ въ уста передавалось извѣстіе: „французы жгутъ и грабятъ

Москву“, и никакое ожесточеніе не казалось достаточнымъ противъ враговъ отечества. Всѣми средствами поддерживалъ и возбуждалъ народную войну Кутузовъ: раздавалъ крестьянамъ ружья и награждалъ храбрецовъ знаками военнаго ордена.

Войскамъ выдано было въ Тарутинѣ въ награду по 5 руб. на человѣка за Бородинское сраженіе. Офицеры получили третное жалованье. Три раза въ недѣлю отпускали солдатамъ винную порцію, а въ дурную погоду выдавали ежедневно. Въ лагерѣ были устроены бани для солдатъ и лазареты.

По вечерамъ въ полкахъ гремѣла музыка, раздавались удалыя пѣсни и среди ихъ веселыхъ перекатовъ зажигались огни биваковъ. Кутузовъ часто посѣщалъ лагерь, разговаривалъ съ генералами, офицерами и солдатами, поселяя во всѣхъ надежду скораго счастливаго оборота войны.

Происшествія отъ Нѣмана до Тарутина стали казаться тяжелымъ сномъ; размыкалось горе, тускло въ душахъ недавнее зарево Москвы; все оживало новой жизнью; воспрянуло убѣжденіе, что наконецъ достигли крайней точки отступленія, что непріятель не перешагнетъ за Нару, и близокъ часъ кровавой расплаты за оскорбленную честь державы Царя.

„Война только что начинается“, говаривалъ Кутузовъ, стараясь, чтобъ эта вѣсть сдѣлалась общею. Для успокоенія Россіи Кутузовъ приказалъ разсылать во всѣ губерніи печатныя извѣстія изъ арміи. Увѣренность всего государства въ его умѣ и прозорливости, о чемъ много ходило поговорокъ и анекдотовъ, породила въ арміи и въ народѣ заключеніе, что онъ держитъ Наполеона въ Москвѣ, какъ лютаго звѣря въ западнѣ. Пребываніе въ Тарутинѣ было блистательною эпохою достославной жизни Кутузова. Со временъ Пожарскаго никто не стоялъ такъ высоко во мнѣніи всей Россіи, какъ Кутузовъ.

На тѣсный уголокъ Тарутинскаго лагеря съ надеждой и упованіемъ обращены были взоры всей Россіи. Сюда обращались съ благословеніемъ и молитвами русскіе люди. Духовные присылали образа, извѣщенія о молитвахъ; изъ Казанскаго монастыря доставлены деньги для выдачи часовымъ, поставленнымъ у дверей кутузовской избы. Въ Тарутино пріѣзжали депутаціи изъ губерній узнавать о положеніи дѣлъ и предлагали посильную помощь на нужды войны. „Требуйте, говорили они, свѣтлѣйшій князь, требуйте! Вы увидите спѣшность въ исполненіи вашихъ приказаній. Имѣніе и жизнь—все Царю въ ноги“.

Съ обворожительною ласкою принималъ депутатовъ фельдмаршалъ и обыкновенно отвѣчалъ, что повелѣніями государя и общимъ усердіемъ готовы уже силы и средства обезопасить отечество. И дѣйствительно: жертвы народа на войну стекались со всѣхъ сторонъ въ размѣрахъ громадныхъ, а общая готовность всѣхъ содѣйствовать пораженію врага, превосходила все, что можно было ожидать и желать. Никогда одушевленіе народа не достигло такого подъема, какъ въ Отечественную войну, и никогда общественная помощь правительству на дѣло войны не выражалась столь обильно, дѣятельно и энергично, какъ въ годину нашествія Наполеона.

Тарутинскій лагерь представлялъ удивительное зрѣлище: здѣсь обучались воины и рекруты, готовясь къ боямъ и походамъ, и сюда же съѣхались купцы съ товарами и открыли „богатыя торжища“. Все въ лагерѣ дышало изобиліемъ и порядкомъ; дисциплина строго поддерживалась.

Англійскій агентъ, генералъ Вильсонъ, въ своихъ запискахъ пишетъ, что „послѣдній солдатъ въ арміи сознавалъ цѣну и, можно ска-

Сраженіе при с. Тарутинѣ, 6-го октября 1812 г.

Съ картины П. Гесса.

зать достоинство Тарутинской позиціи. Не было уже отчаянія, прекратился ропотъ осужденія, часъ мнимаго стыда и униженія миновался, возвратилась увѣренность. Солдаты вновь ободрились, предвидя борьбу съ непріятелемъ; въ самой ихъ поступи, въ самомъ обращеніи ихъ съ оружіемъ видѣлась готовность сразиться, прорвать вражескіе ряды и отбить свои пылающія жилища".

Въ то время, какъ у насъ все устраивалось, усиливалось и одушевлялось мыслями о мщеніи и объ истребленіи дерзкаго врага, проникшаго въ самое сердце русскаго народа,—нищета, крайняя нужда во всемъ были удѣломъ непріятеля. Кутузовъ точно волшебнымъ кругомъ окружилъ районъ расположенія наполеоновыхъ полчищъ и внутри этого круга французы обречены были переносить всевозможныя бѣдствія и лишенія. Наши партизаны и крестьянскія ополченія наводнили весь край, истребляли отряды, высылаемые для пріисканія продовольствія и фуража, ограничивали средства существованія только самыми незначительными запасами, которые непріятель могъ находить въ тѣсной окружности, занимаемой его войсками около Москвы.

Кутузовъ не думалъ, что Наполеонъ атакуетъ тарутинскія укрѣпленія, онъ говорилъ, что Наполеонъ не придетъ сюда разбить себѣ носъ, а будетъ обходить лагерь или маневрировать.

Стѣснивъ Наполеона въ окрестностяхъ Москвы партизанами и наблюдательными отрядами ополченій, Кутузовъ приказывалъ слѣдить за движеніями французовъ и узнавать не прорубается ли гдѣ нибудь непріятель лѣсами, дѣлая себѣ сквозь оные новыя дороги.

Окруживъ Наполеона пламенемъ народной войны, Кутузовъ не закрывалъ ему Смоленской дороги и послѣ поиска Дорохова на этой дорогѣ не возобновлялъ дѣйствій большими кавалерійскими отрядами въ тылу непріятеля. Партизанскіе отряды въ счетъ не шли.

Наполеонъ чувствовалъ себя какъ-бы осажденнымъ въ Москвѣ. Слабыхъ партій уже нельзя было посылать на фуражировки; пришлось посылать большіе отряды съ пушками, чтобы добыть клокъ сѣна, снопъ ржи или овса. Но и то доставалось съ большими трудами: часто приходилось возвращаться съ пустыми руками.

О полученіи значительныхъ подкрѣпленій Наполеону нельзя было думать. Послѣдній изъ вступившихъ въ предѣлы Россіи корпусъ Виктора, дошедшій уже до Смоленска, Наполеонъ отослалъ къ Полоцку, чтобы поддержать Удино и Сенъ-Сира, которымъ угрожалъ Витгенштейнъ, усиленный корпусомъ ген. Штейнгеля, прибывшимъ изъ Финляндіи.

Была у Наполеона въ Смоленскѣ резервная дивизія Браге-Д'Илье, но ее нельзя было тронуть, чтобы не подвергнуть опасности сообщеніе по Смоленской дорогѣ.

Между тѣмъ дни теплой осени кончились и начались морозныя ночи и холодные утренники.

Не смотря на страшно тяжелое положеніе арміи и на малую надежду заставить императора Александра согласиться на миръ, Наполеонъ упорно оставался въ Москвѣ. Онъ еще не могъ рѣшиться начать отступленіе, которое обнаружило бы передъ Европою пораженіе, нанесенное предводительствуемымъ имъ самимъ арміямъ.

Придумывая пути отступленія изъ Москвы, Наполеонъ остановился на мысли идти на Витебскъ; были изготовлены распоряженія къ этому движенію, но онѣ остались неразосланными войскамъ. Но тѣмъ не менѣе въ Европу были сдѣланы сообщенія о томъ, что армія займетъ зимнія квартиры около Витебска, чтобы быть ближе къ Петербургу, куда направится весной.

Такъ Наполеонъ замазывалъ глаза Европѣ, чтобы укрыть отступленіе свое изъ Россіи. Въ первые дни октября Наполеонъ началъ стягивать корпуса къ Москвѣ.

Солдатамъ раздавали холстъ для рубахъ и кожи для сапогъ, но некому было шить. Наполеонъ дѣлалъ смотры войскамъ и, пораженный огромною убылью въ рядахъ, приказалъ пѣхоту строить не въ три, а въ двѣ шеренги, чтобы удлинился фронтъ. Войскамъ начали раздавать хлѣбъ и вино; до этого времени то и другое получала только гвардія.

Во время стоянки корпусовъ въ окрестностяхъ Москвы французскія войска не получали провіанта въ нужномъ количествѣ и существовали тѣмъ, что каждый отдѣльный солдатъ могъ достать себѣ самъ. Отсюда проявился самъ собой недостатокъ повиновенія, который въ

Графъ Орловъ-Денисовъ.

короткое время привелъ въ полное разстройство еще такъ недавно блестящую армію и превратилъ ее въ безпорядочное и необузданное сборище разбойниковъ.

Въ особенности чрезвычайно страдала французская кавалерія; большая часть лошадей пала отъ истощенія; другія же были убиты для того, чтобы послужить пищею войскамъ; тѣ же, которыя оставались еще въ живыхъ, были настолько худы, что не имѣли уже болѣе силы бѣжать. Артиллерійскія лошади находились въ такомъ же положеніи.

Кутузову хорошо было извѣстно положеніе наполеоновыхъ войскъ въ Москвѣ и онъ не разъ повторялъ свое извѣстное выраженіе: „пусть жрутъ конину, какъ турки“.

Фельдмаршалъ выдерживалъ, ибо понималъ, что каждый день пребыванія Наполеона въ Москвѣ ускоряетъ гибель его арміи. На всѣ предложенія атаковать французовъ Кутузовъ отказывалъ говоря: „все это развалится безъ меня“.

Мудрый полководецъ берегъ силы своей арміи и не желалъ упреждать событій, которыя должны были разрѣшиться сами собой.

Но въ арміи нашей было много горячихъ молодыхъ головъ, которымъ была непостижима медлительность прозорливаго старца—полководца. Были въ главной квартирѣ Кутузова и суетливые интриганы, которымъ хотѣлось сорвать боевую славу съ разстроенныхъ полковъ наполеоновой арміи, приведенныхъ Кутузовымъ почти въ полное разложеніе. Отъ этихъ лицъ въ столичномъ обществѣ распространились слухи о томъ, что фельдмаршалъ старъ, бездѣятеленъ, что онъ пропускаетъ время побить французовъ, что онъ длитъ войну и пр. и пр. Эти недостойныя соображенія проникали во дворецъ государя, и онъ даже выразилъ неудовольствіе фельдмаршалу. За нѣсколько дней до Тарутинскаго сраженія императоръ Александръ писалъ Кутузову рескриптъ, въ которомъ было изложено:

„Казалось, что пользуясь сими обстоятельствами (раздробленіемъ силъ Наполеона) могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ въ Петербургъ, ибо съ ввѣренной вамъ арміей дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью, вы имѣете всѣ средства отвратить это новое несчастіе. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству за потерю Москвы. Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ“.

Въ этомъ рескриптѣ высказано невѣрное сужденіе о возможности движенія Наполеона изъ Москвы къ Петербургу. Не въ такомъ положеніи находился Наполеонъ, сидя въ сожженной Москвѣ, чтобы начинать новый походъ за 700 верстъ.

Очевидно, государю не было извѣстно состояніе наполеоновой арміи. Кутузовъ-же зналъ хорошо, что Наполеонъ залѣзъ въ петлю, изъ которой не было другого выхода, какъ отступленіе со всѣми его величайшими бѣдствіями для арміи.

Кутузовъ понималъ также, что Наполеонъ останется въ Москвѣ недолго. Быть можетъ, фельдмаршалу были извѣстны приготовленія къ выступленію арміи изъ Москвы, о чемъ Свѣтлѣйшій могъ узнать отъ развѣдчиковъ, и Кутузовъ не упустилъ случая нанести авангарду Наполеона чувствительное пораженіе.

Осаждаемый неотступными просьбами Бенигсена и другихъ главныхъ начальниковъ арміи, Кутузовъ, узнавъ о движеніи корпуса Виктора изъ Минска въ Смоленскъ, далъ разрѣшеніе сдѣлать нападеніе на авангардъ Мюрата, короля Неаполитанскаго. Предполагалось охватить авангардъ со всѣхъ сторонъ. Веденіе боя было поручено генералу Бенигсену; силы даны достаточныя. Атака должна была быть произведена врасплохъ и начаться на разсвѣтѣ 6-го октября. Но произошли замедленія въ средней колоннѣ, часть войскъ сбилась съ дороги и опоздала, тогда какъ боковые отряды уже вышли во фланги и тылъ французовъ.

Сильный казачій отрядъ графа Орлова-Денисова передъ разсвѣтомъ вышелъ въ тылъ французскаго авангарда. Опасаясь быть

Сраженіе при Малоярославцѣ 12-го октября 1812 г.

Съ картины П. Гесса.

открытымъ и разсчитывая, по времени, что скоро должно начаться общее нападенiе, Орловъ-Денисовъ съ 10 казачьими полками ударилъ на французскiй лагерь съ тыла и лѣваго ихъ фланга. Французы не успѣли повернуть орудiя, но сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и ударились въ бѣгство за оврагъ. Весь лагерь лѣваго крыла французовъ и вся артиллерiя захвачены казаками.

Мюратъ немедленно бросился къ атакованному мѣсту и своимъ присутствiемъ духа и мужествомъ прiостановилъ начавшееся отступленiе. Онъ собиралъ попадавшiяся кучки кавалеристовъ и, какъ только успѣвалъ набрать эскадронъ, бросался съ ними въ атаку. Французы обязаны ему своимъ спасенiемъ: онъ собралъ конницу и возстановилъ бой.

Французы, хотя и были опрокинуты на ихъ лѣвомъ флангѣ, но удержались на правомъ. Завязалась канонада, наша пѣхота 2-го корпуса начала наступать. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ убитъ корпусный командиръ, храбрый генералъ Багговутъ. Загремѣла артиллерiя, но минута удачнаго нападенiя была упущена. Мюратъ успѣлъ отступить.

Въ полдень сраженiе прекратилось. Французы потеряли убитыми 2000 чел.; взято у нихъ: 1500 ч. плѣнныхъ, одно знамя, 38 пушекъ, 40 зарядныхъ ящиковъ и огромный обозъ, въ которомъ находился багажъ короля Неаполитанскаго. У насъ было потери до 500 чел.

Подъ вечеръ армiя наша возвратилась въ Тарутинскiй лагерь. На дорогѣ стояли отбитыя французскiя пушки. Фельдмаршалъ сидѣлъ на крыльцѣ полуразрушенной избы и, указывая на пушки, говорилъ проходившимъ командамъ: — „Вотъ сегодня вашъ подарокъ Государю и Россiи. Благодарю васъ именемъ Царя и Отечества“!

Шумно и весело вступали войска въ лагерь. Потери были малыя. Кутузовъ поберегъ солдатскую кровь.

По лагерю раздавались ура и веселыя пѣсни; покой не шелъ на умъ: праздновали воскресенiе умолкнувшей на время русской боевой славы. Героемъ побѣды былъ гр. Орловъ-Денисовъ. Одна казачья сотня, подъ командой сына атамана Платова, бывшая въ тылу французовъ, проскакала чрезъ весь лагерь Мюрата и явилась нежданно передъ нашей наступавшей пѣхотой.

Когда увидѣли захваченный французскiй лагерь, то убѣдились, что французы дѣйствительно жрутъ конину и ободранныхъ кошекъ. Больные французскiе солдаты лежали на землѣ безъ призрѣнiя; между ними находились дѣти и женщины, француженки, польки и нѣмки. Около шалашей были разметаны иконы, похищенныя изъ сосѣднихъ церквей. Въ селенiяхъ, близкихъ къ французскому лагерю, церкви были ограблены, престолы разрушены; въ церквахъ и даже въ алтаряхъ стояли лошади.

Сраженiе подъ Тарутинымъ имѣло великое нравственное значенiе. Это былъ переломъ войны, грань между прошедшимъ и будущимъ. Государь наградилъ Кутузова золотою шпагою съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ.

Пораженiе короля Неаполитанскаго было, какъ и предвидѣлъ Кутузовъ, громовымъ ударомъ, разбудившимъ Наполеона. Онъ уже съ первыхъ чиселъ октября сталъ стягивать свои корпуса къ Москвѣ и потому 7-го октября могъ выступить изъ Москвы, давъ приказанiя войскамъ слѣдовать на соединенiе съ разбитымъ авангардомъ.

Наполеонъ думалъ двинуть армiю по новымъ мѣстамъ, еще не разореннымъ войною, и съ этой цѣлью намѣревался обойти нашу Тарутинскую позицiю, чтобы вывести свою армiю на Калужскую

дорогу черезъ г. Боровскъ. 10-го числа его армія пришла въ село Ѳоминское и тутъ пребываніе Наполеона съ гвардіей было выслѣжено партизаномъ Сеславинымъ, о чемъ мы уже говорили.

Фельдмаршалъ также заботился о своемъ лѣвомъ флангѣ и выслалъ 6-й пѣхотный корпусъ генерала Дохтурова къ Боровску. Дохту-

Наполеонъ въ Городнѣ, послѣ сраженія при Малоярославцѣ. Пробиваться или отступать?
Съ картины В. В. Верещагина.

ровъ выступилъ 10-го числа и, прибывъ къ с. Аристову, узналъ отъ Сеславина о нахожденіи Наполеона въ селѣ Ѳоминскомъ. Къ Боровску уже не слѣдовало идти. Фельдмаршалъ приказалъ Дохтурову слѣдовать къ Малоярославцу и направилъ туда же всю армію, совершивъ быстрое движеніе съ переправой черезъ рѣку Протву. Мостъ былъ

устроенъ при с. Спасскомъ, находившимся при арміи гвардейскимъ морскимъ экипажемъ.

Генералъ Дохтуровъ пришелъ къ Малоярославцу 12-го октября въ 5 ч. утра и, найдя городъ уже занятымъ двумя баталіонами непріятельской пѣхоты, немедленно атаковалъ ихъ. Остальные полки наши остановились передъ городомъ. Егеря наши вытѣснили французовъ, но въ это время прибылъ весь корпусъ Вице-Короля Евгенія Богарне, который повелъ свои войска въ атаку.

Дохтуровъ съ своей стороны подкрѣпилъ своихъ и французы были оттѣснены. На улицахъ города возгорѣлся кровопролитный рукопашный бой; нѣсколько разъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Наконецъ, въ часъ пополудни наши стали ослабѣвать, бой продолжался уже семь часовъ. Но въ это время прибыла армія; Кутузовъ подкрѣпилъ сражавшихся корпусомъ Раевскаго и выѣхалъ осмотрѣть позицію непріятеля. Непріятельскія ядра перелетали черезъ Кутузова; вокругъ него свистали пули. Тщетно упрашивали его удалиться изъподъ выстрѣловъ. Онъ не слушалъ просьбъ, желая удостовѣриться собственными глазами въ намѣреніяхъ Наполеона, ибо дѣло шло объ оборотѣ всего похода. Наши войска въ шестой разъ овладѣли городомъ. Но вице-король ввелъ свѣжія войска и наши были опять вытѣснены.

Непріятель выступилъ изъ города въ поле, намѣреваясь атаковать наши линіи, но былъ встрѣченъ такимъ смертоноснымъ картечнымъ огнемъ, что его колонны смѣшались и подались назадъ, тогда наши стрѣлки засѣли въ крайнихъ домахъ со стороны поля.

Наполеонъ привелъ на мѣсто боя свои корпуса и старую гвардію. Подъ вечеръ Кутузовъ приказалъ возобновить атаку 8-мъ корпусомъ генерала Бороздина. Наши въ седьмой разъ ворвались въ городъ, но Наполеонъ двинулъ большія силы и французы удержались въ городѣ. Малоярославецъ представлялъ однѣ дымящіяся развалины. Огонь артиллеріи прекратился въ 10 ч. вечера; стрѣлки наши до ночи держались въ огородахъ и плетняхъ, окружающихъ городъ.

Уронъ непріятеля былъ свыше 5000 челов. и у насъ потеря была не меньше этой цифры. Нашими было взято только 200 плѣнныхъ. Обѣ стороны сражались удивительно храбро.

Въ ночь съ 12-го на 13-е число Кутузовъ приказалъ войскамъ занять крѣпкую позицію за ручьемъ Корижею въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города. Наполеонъ удержалъ за собой Малоярославецъ, но ничего не выигралъ: дорога въ Калугу была преграждена. Днемъ 13-го числа Наполеонъ осмотрѣлъ наши позиціи. Двѣ арміи стояли одна противъ другой и въ предпослѣдній разъ два великіе полководца сошлись такъ близко, не рѣшаясь вести войска въ бой. Кутузовъ былъ совершенно спокоенъ; но каково положеніе Наполеона?

Мрачный возвратился Наполеонъ въ село Городню, гдѣ была главная квартира, призвалъ на совѣтъ Бертье, Мюрата и Бесьера, и сказалъ имъ: „Прибытіе Кутузова на Калужскую дорогу совсѣмъ перемѣнило положеніе дѣла“. Послѣ сихъ словъ онъ взялся руками за голову и, опершись локтями на столъ, неподвижно вперилъ глаза въ лежавшую передъ нимъ карту. Приглашенные на совѣщаніе, маршалы съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга въ ожиданіи, что Наполеонъ прерветъ безмолвіе. Послѣ долгаго молчанія Наполеонъ отпустилъ маршаловъ, не объявивъ имъ своего мнѣнія, но вскорѣ потомъ рѣшился пробиваться.

Кутузовъ готовился принять сраженіе и ожидалъ донесеній отъ атамана Платова о движеніи французовъ. На другой день 13-го числа

Наполеонъ долго осматривалъ позицію Кутузова, но наступленія не начиналъ. Въ день, когда шелъ бой въ Малоярославцѣ, 12-го числа атаманъ Платовъ по приказанію Кутузова переправился за рѣку Лужу въ 5-ти верстахъ выше города съ 10-ю казачьими полками. Одинъ изъ его отрядовъ внезапно на разсвѣтѣ 13-го числа овладѣлъ артиллерійскимъ паркомъ изъ 40 орудій, стоявшимъ за селомъ Городнею, но за недостаткомъ лошадей могъ увезти 11 пушекъ. При этомъ случаѣ Наполеонъ чуть было не попался въ плѣнъ казакамъ.

Въ этотъ же день полковникъ Иловайскій 9-й разбилъ отрядъ польскихъ войскъ изъ корпуса кн. Понятовскаго, пробиравшагося на г. Медынь и взялъ въ плѣнъ генерала Тышкевича. Казаки перехватили записку маршала Бертье одному генералу, заключавшую приказаніе собрать свѣдѣнія о дорогахъ въ Медынь, Масальскъ и Ельню. Это извѣстіе заставило Кутузова перевести армію къ Детчину, чтобы стать ближе къ Медыньской дорогѣ. Армія наша перешла въ ночь съ 13-го на 14-е октября. А между тѣмъ 14-го числа Наполеонъ выѣхалъ изъ Городни къ Малоярославцу, гдѣ оставались его войска. Получивъ извѣстіе, что Кутузовъ отошелъ, Наполеонъ сказалъ: „онъ хочетъ заградить намъ пути на югъ". Рѣшимость пробиваться покинула Наполеона; онъ отдалъ приказаніе начать отступленіе на Смоленскую дорогу, и гвардія немедленно отступила къ Боровску, за ней стали отходить всѣ корпуса.

Оставивъ Милорадовича въ Малоярославцѣ, Кутузовъ приказалъ арміи отступить къ Полотнянымъ заводамъ. Это было весьма странное положеніе: двѣ непріятельскія арміи послѣ жестокаго боя отступили въ противоположныя стороны. Кутузовъ отступилъ вслѣдствіе того, что желалъ прикрыть дорогу изъ Медыни въ Калугу. Онъ все еще думалъ, что Наполеонъ будетъ пробиваться на югъ.

Но въ побѣдномъ счастьи Наполеона совершился переломъ: онъ призналъ себя побѣжденнымъ, сломленнымъ силою русскаго оружія, и съ тѣхъ поръ уже до окончанія злополучнаго похода въ Россію не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Какъ скоро, однако, стало извѣстнымъ, что Наполеонъ идетъ на Смоленскую дорогу, армія Кутузова была двинута по боковымъ дорогамъ къ городу Вязьмѣ, а для преслѣдованія арміи Наполеона посланы всѣ казачьи войска атамана Платова и авангардъ ген. Милорадовича. Партизанскіе отряды графа Орлова-Денисова, полковника Кайсарова, полковника князя Кудашева, полковника Ефремова, Гвардіи капитана Сеславина и капитана Фигнера — бросились съ разныхъ сторонъ за отступающими французами.

Подполковникъ Давыдовъ работалъ впереди, онъ находился между Гжатскомъ и Вязьмой. Командованіе всѣмъ авангардомъ нашей арміи было поручено храбрѣйшему, „крылатому" генералу Милорадовичу и съ этого времени началась лихая казачья потѣха за отступающими французами.

По выступленіи изъ Москвы Наполеонъ обнаружилъ много нерѣшительности: онъ прошелъ въ шесть дней разстояніе въ 110 верстъ отъ Москвы до Малоярославца, а могъ бы сдѣлать это въ четыре дня. Кромѣ того, имѣя перевѣсъ въ силахъ и нетронутую боями гвардію, не рѣшился возобновить бой 13-го числа и не сдѣлалъ попытки пробиться по Медыньской дорогѣ.

Очевидно, его крѣпкая натура была уже надломлена неудачами. Фельдмаршалъ Кутузовъ, напротивъ того, выказалъ много рѣшимости и дѣятельности и посрамилъ хулителей, упрекавшихъ его въ медлительности дѣйствій.

Всѣ предначертанія прозорливаго русскаго полководца исполнились самымъ блестящимъ образомъ. Кутузовъ далъ арміи въ Тарутинѣ отдыхъ, совершенно необходимый послѣ трехмѣсячнаго похода и кровопролитныхъ сраженій; армія устроилась, получила значительныя подкрѣпленія, увѣровала въ свои силы и въ мудрость вождя, который побѣдилъ непобѣдимаго Наполеона.

Геройскій духъ арміи окрылился гордымъ сознаніемъ побѣды надъ врагомъ отечества. Всѣ предвидѣли будущія побѣды и готовы были на величайшія безропотныя испытанія и жертвы для окончательнаго истребленія враговъ.

Вся Россія облегченно вздохнула и славила мудрость маститаго вождя арміи, свѣтлѣйшаго князя Кутузова.

Медаль въ память освобожденія Москвы,
по рисунку графа Ѳ. Толстого.

Изъ собранія медалей, принадлежащаго Одесской
Городской Публичной библіотекѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Отступленіе Наполеона. Сраженія подъ Вязьмой и Краснымъ.

Подъ Малоярославцемъ остановилось завоеваніе Европы, — и съ этого пункта началось разрушеніе всего того, что было сдѣлано Наполеономъ за двадцать лѣтъ. Наполеоновы полчища, представлявшія нѣчто въ родѣ разбитой орды переселяющихся народовъ, двигались, вытянувшись въ нитку, корпусъ за корпусомъ, по одной дорогѣ. Наполеонъ съ гвардіей открывалъ печальное шествіе, за нимъ шли корпуса въ одномъ переходѣ одинъ отъ другого. Уже въ Боровскѣ наши авангарды увидѣли полную картину разстройства великой арміи.

16-го октября подулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ и ударилъ первый морозъ въ четыре градуса. Дороги покрылись гололедицей.

Самое ужасное бѣдствіе былъ голодъ въ арміи Наполеона. Какъ бы на смѣхъ, войскамъ роздали ручныя мельницы, чтобы солдаты мололи для себя муку въ походѣ. Но сила въ томъ, что армія не могла добыть зерна. Раненые и больные, которыхъ при арміи было очень много, не могли идти; Наполеонъ приказалъ ихъ посадить на всевозможныя повозки и въ маркитантскія фуры, но лошади не могли везти, такъ какъ не были подкованы на шипы и падали на дорогѣ. Люди гибли, брошенные на произволъ судьбы вмѣстѣ съ повозками, изъ которыхъ лошади были выпряжены.

Участникъ и очевидецъ похода, адъютантъ свиты Наполеона, графъ Сегюръ описываетъ ужасныя сцены изъ этого періода похода:

„Во время остановки мы были свидѣтелями крайне жестокаго поступка. Нѣсколько раненыхъ были размѣщены на повозки маркитантовъ. Фуры этихъ негодяевъ были нагружены добромъ, награблен-

нымъ въ Москвѣ, и они съ ропотомъ недовольства приняли новую ношу. Но едва мы отъѣхали на нѣсколько шаговъ, какъ эти маркитанты стали отставать, они пропустили свою колонну мимо себя; затѣмъ, воспользовались временнымъ одиночествомъ, и побросали въ овраги всѣхъ несчастныхъ, которыхъ довѣрили ихъ заботамъ. Лишь одинъ изъ этихъ раненныхъ остался въ живыхъ и его подобрали на ѣхавшую слѣдомъ повозку: это былъ генералъ".

„Отъ него мы узнали о преступленіи. Вся колонна содрогнулась отъ ужаса, который охватилъ также императора".

„Къ вечеру этого безконечнаго дня императорская колонна достигла Гжатска; мы были изумлены, встрѣтивъ на пути видимо только что убитыхъ русскихъ плѣнныхъ. Замѣчательно было то, что у каждаго изъ нихъ была совершенно одинаково разбита голова и что окровавленный мозгъ былъ разбрызганъ тутъ-же. Намъ было извѣстно, что

М. А. Милорадовичъ.

Съ гравюры Райта, съ портрета Доу.

передъ нами шло около двухъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ и что вели ихъ испанцы, португальцы и поляки. Каждый изъ насъ, смотря по характеру, выражалъ кто свое негодованіе, кто одобреніе; иные оставались равнодушными. Коленкуръ вышелъ изъ себя и воскликнулъ: Это какая то безчеловѣчная жестокость! Такъ вотъ она—пресловутая образованность, которую мы несли въ Россію! Какое впечатлѣніе произведетъ на непріятеля это варварство!"

Вотъ каково было въ арміи Наполеона положеніе войска при началѣ отступленія. Наполеонъ не могъ справиться съ маркитантами, не могъ обуздать безчеловѣчное варварство своихъ озвѣрѣлыхъ солдатъ—разбойниковъ и убійцъ.

„Каждую минуту, говоритъ Сегюръ, дорога пересѣкалась болотами, въ которыя по обледенѣлымъ склонамъ скатывались повозки. Изголодавшіеся солдаты бросались на упавшихъ лошадей и дѣлили ихъ на куски, затѣмъ разводили костры изъ обломковъ повозокъ, жарили на огнѣ окровавленное мясо и съ жадностью пожирали его.“

Осторожный и предусмотрительный, русскій полководецъ берегъ армію, какъ зѣницу своего единственнаго ока. Онъ зналъ, что русской арміи зимній походъ также будетъ очень труденъ, хотя до перехода въ западныя губерніи движеніе нашихъ войскъ совершалось при условіяхъ несравненно болѣе лучшихъ: Кутузовъ шелъ не по пятамъ Наполеона, а двигался боковыми, неразоренными дорогами, прикрывая

И. В. Васильчиковъ.

Съ гравюры Вендрамини, съ портрета Росси.

нетронутыя войной губерніи. Наши люди не голодали, имѣли теплую одежду (полушубки) и пристанища въ селахъ, но все же и при этихъ условіяхъ войска страдали.

Горячимъ и молодымъ своимъ генераламъ и офицерамъ Кутузовъ говорилъ: „Наша молодежь сгоряча досадуетъ на меня старика, за то, что я удерживаю ея порывы. Надлежало бы имъ сообразить, что обстоятельства сами собой болѣе сдѣлаютъ, чѣмъ наше оружіе“.

Въ Можайскѣ Наполеонъ вышелъ на Смоленскую дорогу. Ему довелось вторично проходить полемъ Бородинской битвы и видѣть безсчетныя могилы и тѣла своихъ храбрыхъ воиновъ. Не доходя до Колоцкаго монастыря, атаманъ Платовъ ударилъ на арьергардъ маршала Даву, когда тотъ готовился выступать, и тѣснилъ до деревни Гридиной. Казаки у Колоцкаго монастыря бросились на пѣхоту въ дротики (пики), истребили два баталіона, отбили два знамя и 20 орудій, да у деревни Гридиной французы бросили 27 пушекъ.

Въ виду войскъ Платова французы взорвали сто зарядныхъ ящиковъ, да столько же оставили по дорогѣ. Въ Гжатскѣ Даву думалъ задержаться, но партизанъ Кайсаровъ послѣ двухчасоваго боя заставилъ французовъ покинуть городъ. Атаманъ Платовъ, посадивъ егерей на казачьихъ лошадей, всю ночь гналъ французскій арьергардъ. Совершенно изнуренныя лошади французской кавалеріи были брошены на дорогѣ, а наши казаки нашли въ одномъ мѣстѣ, подъ мостомъ, 800 кирасъ.

Выгнанный изъ Гжатска, маршалъ Даву сжегъ городъ и отступилъ къ Цареву-Займищу. Гжатскъ былъ занятъ Платовымъ; тутъ къ нему подошла 27-я дивизія генерала Паскевича; командованіе авангардомъ принялъ генералъ Милорадовичъ, а фельдмаршалъ направилъ часть войскъ прямой дорогой на перерѣзъ отступленію французовъ къ г. Вязьмѣ.

Наполеонъ съ гвардіей прошелъ Вязьму, не задерживаясь, а корпусъ маршала Нея оставилъ въ Вязьмѣ и приказалъ ему стать въ арьергардъ.

21-го октября подошли къ большой Смоленской дорогѣ съ конницей главной арміи генералы Корфъ и Васильчиковъ. Они взошли на сельскую колокольню и въ зрительную трубу ясно увидѣли непріятельскую армію, шедшую въ большомъ безпорядкѣ. Въ ихъ глазахъ казачій генералъ Карповъ сдѣлалъ набѣгъ на столбовую дорогу и выхватилъ изъ середины корпусовъ нѣсколько обозовъ. Наши генералы предложили начальнику авангарда Милорадовичу атаковать непріятеля; тотъ согласился, и какъ день склонялся къ вечеру, то рѣшили произвесть наступленіе на слѣдующее утро.

У города Вязьмы стоялъ корпусъ Нея. Вице-король Евгеній и кн. Понятовскій входили въ городъ съ своими корпусами, а корпусъ Даву находился сзади за селомъ Федоровскимъ, гдѣ были огромные обозы. На разсвѣтѣ Васильчиковъ атаковалъ непріятеля своей кавалеріей, разбилъ, частью взялъ въ плѣнъ бригаду 4-го корпуса вице-короля Евгенія и сталъ поперекъ дороги, выставивъ батареи конной артиллеріи. Съ своей стороны Платовъ поналегъ на арьергардъ Даву и выслалъ впередъ нѣсколько казачьихъ полковъ съ донской артиллеріей подъ начальствомъ Ермолова. Пѣхотѣ нашей приказано было поспѣшить. Ермоловъ вогналъ Даву въ село Федоровское. Видя себя окруженнымъ и отрѣзаннымъ, Даву стянулъ войска и готовился идти на проломъ. Вице-король Евгеній и Понятовскій, услышавъ сильную пальбу и догадываясь, что корпусъ Даву въ опасности, воротились изъ Вязьмы на выручку его; отъ ихъ прибытія случайность успѣха при перевѣсѣ силъ перешла на сторону французовъ.

Милорадовичу пришлось имѣть дѣло съ тремя корпусами, сражаясь на двѣ стороны, но онъ не хотѣлъ прекращать сраженія. Прибывшія дивизіи генерала Олсуфьева и принца Евгенія Виртембергскаго стали поперекъ дороги, чтобы не пропустить корпусъ Даву. Но когда подошли изъ города всѣ войска Вице-Короля и Понятовскаго, то нашу пѣхоту и кавалерію пришлось свести съ дороги. Путь отступленія для

Сраженіе подъ Вязьмой 22-го октября 1812 г.

Съ картины П. Гесса.

корпуса Даву былъ открытъ. Подъ повторенными атаками Платова и Ермолова Даву бросилъ обозы и окольной дорогой прошелъ къ Вязьмѣ, ставъ за корпусомъ вице-короля. Французскіе маршалы съѣхались на совѣщаніе и рѣшили отступить къ Вязьмѣ. Милорадовичъ шелъ по пятамъ и громилъ войска вице-короля. Къ вечеру подоспѣла къ Вязьмѣ наша пѣхота, и Милорадовичъ послалъ два полка выбить французовъ изъ города. Съ музыкой и распущенными знаменами полки Перновскій и Бѣлозерскій ворвались въ городъ на плечахъ французовъ, которые храбро защищались, но были переколоты штыками.

Французы, отступая, зажгли Вязьму. Бой продолжался десять часовъ; у непріятеля взято два знамя, три орудія, 2000 чел. плѣнныхъ и огромное количество обоза. У французовъ было убито и ранено до 5.000 челов.

Если и не удалось преградить отступленіе корпуса Даву, то непріятелю нанесено сильнѣйшее пораженіе. Ученикъ Суворова, генералъ Милорадовичъ своимъ настойчивымъ наступленіемъ одержалъ славную побѣду и первый изъ русскихъ генераловъ поднялъ подъ Вязьмой завѣсу, скрывавшую величайшее разстройство Наполеоновой арміи.

Наша главная армія подошла близко къ Вязьмѣ: главная квартира Кутузова была въ деревнѣ Быковой, но фельдмаршалъ не пожелалъ завязывать общаго дѣла. Онъ разсчитывалъ, что продолжительное отступленіе по опустошенной странѣ въ суровое время года разстроитъ наполеонову армію. Въ томъ-то и заключалась величайшая мудрость русскаго полководца, что онъ истребилъ многочисленную армію геніальнаго Наполеона, не проливъ лишней, драгоцѣнной крови русскихъ воиновъ.

До сихъ поръ армія Наполеона страдала главнѣйше отъ безкормицы, морозы держались легкіе; но съ 26-го октября начались снѣжныя вьюги, морозы усилились и дороги сдѣлались трудно проходимыми. Тогда начались тѣ ужасы, какіе когда либо видѣло человѣчество. Люди цѣлыми сотнями вдругъ падали мертвыми отъ изнуренія и холода. Вся дорога, устланная трупами, представляла страшное зрѣлище безпредѣльнаго мѣста сраженія.

Между трупами встрѣчались кучи умирающихъ людей, которые пожирали остатки несчастныхъ мертвыхъ товарищей своихъ. Одинъ изъ очевидцевъ похода полковникъ Бутурлинъ, написавшій превосходное сочиненіе—„Исторія нашествія Наполеона на Россію“, говоритъ въ своихъ запискахъ:

„Тѣ, которые не были очевидными свидѣтелями этихъ ужасающихъ событій, съ трудомъ повѣрятъ будущимъ о нихъ повѣствованіямъ. Я буду помнить всю жизнь ужасное зрѣлище, которымъ мы были поражены на большой Дорогобужской дорогѣ, близъ Болдинскаго монастыря.“

„Три француза жарили четвертаго, умершаго нѣсколько минутъ тому назадъ. Одного этого примѣра достаточно для того, чтобы дать вѣрное понятіе о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя тяготѣли надъ непріятельскою арміею“.

„Исторія, пишетъ Бутурлинъ, должна дѣлать о нихъ повѣствованіе въ наставленіе и страхъ потомству“.

Описаніе бѣдственнаго положенія французскихъ войскъ во время отступленія, когда армія вышла на Смоленскую дорогу, изложены въ запискахъ участниковъ бѣдственнаго похода. Одинъ изъ нихъ, офицеръ 2-го кирасирскаго полка пишетъ:

Атаманъ Войска Донского

Графъ М. И. ПЛАТОВЪ.

Съ гравюры, напечатанной въ Лондонѣ въ 1814 г.

„Холодъ увеличивался по мѣрѣ того, какъ мы слабѣли, очутившись безъ обуви, безъ одежды, безъ другой, кромѣ конины, пищи и даже безъ питья, когда вода замерзала".

„Но голодъ больше всего изнурялъ армію. Мародеры снабжали армію, продовольствіемъ, продавая припасы за большія деньги. Изъ муки, сваренной на водѣ, безъ соли и сала варили отвратительную похлебку. Всего больше питались кониной: мы вырѣзывали у лошадей еще движущихся и бывшихъ на ногахъ, куски мяса изъ крупа. Бѣдныя животныя не подавали вида, что имъ больно; подъ вліяніемъ холода происходили полное онѣмѣніе членовъ и нечувствительность тѣла. Мы видѣли, какъ эти несчастныя животныя брели еще нѣсколько дней съ вырѣзанными въ тѣлѣ громадными ранами.

Нѣтъ сомнѣнія, что недостатокъ продовольствія довершалъ разстройство арміи. Если бы армія получала обильную горячую пищу, люди имѣли бы силы сопротивляться холоду. Но терзаемые голодомъ непріятели уже дѣлались неспособными къ сопротивленію. Наполеоновы полчища гибли отъ голодной смерти, на которую осудилъ ихъ русскій народъ, создавшій врагу по всему пути отступленія неодолимыя препятствія для пріобрѣтенія пищи.

„Казаки и всѣ придорожные крестьяне, въ надеждѣ на добычу, вооружались пиками или же просто кольями съ желѣзными остріями на концѣ. Верхомъ на маленькихъ лошадяхъ, въ бараньихъ шубахъ въ черныхъ барашковыхъ шапкахъ они слѣдовали вдоль колонны и немедленно на нее бросались, какъ только замѣчали, что встрѣченная тѣснина задерживала войска. Ужасъ, производимый ихъ появленіемъ былъ таковъ, что при первомъ крикѣ — „казаки"! — перелетавшимъ изъ устъ въ уста вдоль всей колонны и съ быстротой молніи достигавшимъ ея головы, всѣ ускоряли ходъ, не справляясь, есть ли въ самомъ дѣлѣ какая-либо опасность".

Въ Дорогобужѣ для французской арміи были собраны довольно большіе запасы провіанта и все это было разграблено гвардіей: вино ручьями текло по улицамъ, между тѣмъ какъ армія умирала отъ недостатка крѣпкихъ напитковъ. Такимъ образомъ, самъ Наполеонъ приготовлялъ пустыню, въ которой гибла его армія.

Между тѣмъ у Кутузова было сдѣлано приказаніе располагать войска по квартирамъ жителей. Попеченіемъ генерала Коновницына армія всегда имѣла хлѣбъ, мясо и вино, а кавалерія фуражъ.

Въ хвостѣ отступающей арміи Наполеона шелъ теперь храбрый маршалъ Ней. Его тѣснили Милорадовичъ и Платовъ, постоянно отбивая плѣнныхъ и пушки.

Во время отступленія французской арміи Наполеонъ, желая облегчить и ускорить движеніе тяжелыхъ обозовъ, приказалъ вице-королю Евгенію съ 4-мъ корпусомъ вести обозы обходной дорогой чрезъ городъ Духовщину съ тѣмъ, чтобы потомъ слѣдовать на Витебскъ, и соединиться съ корпусами маршаловъ Удино, Сен-Сира и Виктора, дѣйствовавшими противъ Витгенштейна.

За отступающими войсками вице-короля Евгенія кинулся въ погоню атаманъ Платовъ съ 6.000 казаковъ и 12 орудіями. Гоня и разсѣивая въ разныя стороны хвостъ непріятельской колонны, Платовъ въ первый-же день забралъ въ плѣнъ 3.000 чел. и 64 орудія. Ночью съ 27 по 28 октября вице-король послалъ наводить мостъ на р. Вопи, но ледоходомъ мостъ былъ снесенъ. Обозы и весь корпусъ вице-короля столпились у переправы. Между тѣмъ подоспѣли казаки; противъ нихъ поставили на позицію цѣлую дивизію итальянцевъ, а тѣмъ временемъ вице-король приказалъ войскамъ переходить рѣку въ бродъ.

О переправѣ обозовъ нечего было и думать. Солдаты бросились къ повозкамъ и стали разбирать съѣстные припасы и имущество, кто что

Атаманъ Платовъ въ походѣ.
Съ гравюры Югеля, по рисунку Гр. Шадова.

хотѣлъ, лошадей выпрягли и бросались съ ними въ воду. Артиллеристы бросили орудія. Переправа черезъ Вопь почитается французами

одной изъ самыхъ гибельныхъ. Донцы, между тѣмъ, начали напирать на арьергардъ и захватили 2.000 плѣнныхъ, 23 пушки и весь обозъ, растянувшійся на пространствѣ болѣе трехъ верстъ.

Послѣ переправы весь корпусъ вице-короля провелъ ночь на снѣгу безъ пищи и безъ дровъ. Генералы хотѣли утромъ привести въ порядокъ полки, но полузамерзшіе люди не повиновались, и нестройными толпами потянулись къ г. Духовщинѣ; а, между тѣмъ городъ былъ занятъ казаками ген. Иловайскаго 12-го изъ отряда генер.-адъют. Голенищева-Кутузова, который шелъ по сѣверной сторонѣ Смоленской дороги. Вице-король вытѣснилъ казаковъ Иловайскаго изъ города, но продовольствія не нашелъ; городъ былъ совершенно пустъ.

Преслѣдуемый Платовымъ, потерявъ всю артиллерію и обозы, вице-король не рѣшился идти въ Витебскъ и повернулъ къ Смоленску. Уходя изъ Духовщины, непріятель сжегъ городъ. Платовъ всю дорогу его преслѣдовалъ, бралъ плѣнныхъ, взялъ еще двѣ пушки. 31-го октября вице-король добрался до Смоленска, гдѣ въ это время собрались уже всѣ корпуса Наполеона. У вице-короля изъ всего корпуса осталось около 6.000 человѣкъ.

Атаманъ Платовъ, донося фельдмаршалу о пораженіи вице-короля, написалъ „о убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны не доношу; будетъ въ томъ домашній счетъ, которыхъ, благодаря Бога, немного".

Этотъ славный подвигъ лихихъ казаковъ и ихъ атамана Платова внесъ блестящую страницу въ исторію храбраго Донского казачьяго войска.

28-го октября главная квартира фельдмаршала стала въ г. Ельнѣ, а Наполеонъ прибылъ въ Смоленскъ. Кутузовъ рѣшилъ обойти Смоленскъ и двинуть армію прямой дорогой изъ Ельни на г. Красный. Въ этомъ направленіи представлялась возможность настичь французовъ и заставить ихъ принять сраженіе.

Платову одному приказано было идти по пятамъ французовъ, а авангарду Милорадовича—стать въ головѣ арміи и слѣдовать боковой дорогой. Наполеонъ, видя, что его не такъ тѣснятъ, какъ прежде, вообразилъ, что онъ можетъ безнаказанно остаться въ Смоленскѣ и задержался тамъ четыре дня. Это, конечно, было нашимъ на руку.

Кн. Кутузовъ писалъ партизану Сеславину: „желаю только, чтобы Наполеонъ хоть на нѣкоторое время остановился въ Смоленскѣ, чѣмъ дастъ намъ способъ его отрѣзать."

Наполеонъ по прежнему остановился въ губернаторскомъ домѣ. Провіанта для арміи въ Смоленскѣ оказалось не много, а то, что и было припасено, разграблено войсками. Даже офицеры посылали солдатъ грабить запасы. Наполеонъ въ гнѣвѣ приказалъ разстрѣлять интендантскаго чиновника Сіова за доказанныя злоупотребленія.

Было раскрыто, что какой-то интендантъ поставилъ въ счетъ 1.000 воловъ, посланныхъ на встрѣчу арміи, но оказалось, что онъ не послалъ ни одного вола, а продалъ ихъ жидамъ. Ну ужъ гдѣ замѣшались жиды, тамъ безъ мошенничества не обойдется.

Вся армія Наполеона разсчитывала имѣть въ Смоленскѣ отдыхъ и раздачу провіанта, да и самъ Наполеонъ мечталъ объ этомъ въ Москвѣ. Изнуренные солдаты спѣшили добраться до Смоленска и возликовали, увидя городъ. Люди бѣжали къ крѣпостнымъ воротамъ и давили на смерть другъ друга. И вдругъ, вѣсть: что въ Смоленскѣ провіанта нѣтъ, квартиръ нѣтъ и отдыха не будетъ, а тутъ ударилъ морозъ въ 20°.

Люди пришли въ отчаяніе, сходили съ ума и смертность въ рядахъ войскъ страшно усилилось. Отъ Московской заставы до Днѣпра

Сраженіе подъ Краснымъ 6-го ноября 1812 г.

Съ картины П. Гесса.

дорога была усѣяна трупами людей и лошадей; подъ городомъ скопились огромные обозы.

„Въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается набережная, по дорогѣ около городской стѣны брошены были зарядные и патронные ящики, московскія коляски, кареты, дрожки, военныя кузницы. Непріятели кутались въ священническія ризы, стихари, женскіе салопы, обертывали ноги соломой, на голову надѣвали капоры, жидовскія шапки, рогожи. Большая часть проклинали Наполеона, изрыгали богохуленія, а иные, съ отчаянія, разстегнувъ мундиры и обнажа грудь, призывали смерть и падали подъ ея косою“.

Доведя Наполеонову армію до столь бѣдственнаго положенія, и получая отъ партизановъ извѣстія о каждомъ движеніи Наполеона, Кутузовъ умѣлъ скрыть отъ непріятеля свои движенія. Наполеонъ, какъ видно изъ предписаній маршаламъ, думалъ, что Кутузовъ шелъ не параллельно съ французской арміей, но позади ея той же смоленской дорогой, и потому Наполеонъ не предполагалъ, что русскіе опередятъ его въ Красномъ.

Но Кутузовъ, слѣдуя боковыми, окружными дорогами и укрывая движеніе арміи отъ Наполеона, придумалъ планъ нанести ему страшное пораженіе за Смоленскомъ.

Наполеонъ съ гвардіей выступилъ изъ Смоленска 2-го ноября, за нимъ выходили по очередно другіе корпуса; Нею, какъ послѣднему, приказано взорвать годуновскія стѣны. Французы заложили мины; взорваны были: королевская крѣпость и восемь башенъ. Отступая, войска зажгли городъ. Въ полночь на 5-е ноября выступилъ Ней; онъ бросилъ въ Смоленскѣ 2.000 раненыхъ, не оставивъ при нихъ ни одного врача. На пожаръ сбѣжались тысячи мародеровъ, но лишь только ушли войска Нея, русскіе жители утромъ вышли изъ домовъ, устремились на злодѣевъ и начали ихъ избивать. Но избіенія прекратились, какъ скоро вошли русскія войска. Платовъ далъ приказаніе командиру полка маіору Горихвостову: „раненыхъ и больныхъ непріятелей продовольствовать по человѣчеству“.

Въ одинъ день съ выступленіемъ Наполеона къ Красному, туда двинулись и наши войска изъ Ельни.

3-го ноября Милорадовичъ вышелъ къ дорогѣ изъ Смоленска и увидѣлъ гвардію, съ которой шелъ Наполеонъ. Милорадовичъ перегородилъ дорогу, выставилъ батареи, напалъ конницей на арьергардъ, взялъ съ боя 6 орудій и до 2.000 чел. плѣнныхъ.

Участникъ боя, генералъ Ермоловъ пишетъ въ своихъ запискахъ: „сопротивленіе было самое слабое; все бѣжитъ въ ужасѣ и страхѣ. Одна колонна, атакованная нашей кавалеріей, сдалась“.

Наполеонъ остановился въ Красномъ, поджидая корпуса. Узнавъ, что въ трехъ верстахъ отъ города въ с. Кутьково стоитъ нашъ передовой отрядъ генерала Ожаровскаго, Наполеонъ послалъ туда дивизію молодой гвардіи въ числѣ 7.000 чел. Въ ночномъ бою Ожаровскій былъ вытѣсненъ изъ села и отступилъ, потерявъ убитыми и ранеными 60 человѣкъ.

4-го ноября Милорадовичу приказано было стать поперекъ дороги у с. Мерлина. Все утро ни одного француза на дорогѣ не показалось. Но въ три часа появился въ густыхъ колоннахъ корпусъ вице-короля Евгенія; у него было 7.000 человѣкъ подъ ружьемъ, да столько же безоружныхъ, больныхъ и усталыхъ. Построивъ войска въ три колонны, вице-король Евгеній пошелъ на проломъ, но дивизіей генерала Паскевича былъ отбитъ. Войска Евгенія бросились въ разсыпную и часть ихъ успѣла обогнуть нашъ лѣвый флангъ и про-

никнуть въ Красный. Наши взяли въ плѣнъ 2.200 человѣкъ и всю артиллерію — 17 пушекъ. Французы уже не выдерживали атакъ — разбѣгались.

Видя, что корпуса Даву и Нея не могутъ примкнуть къ арміи, доколѣ Милорадовичъ стоитъ поперекъ дороги, Наполеонъ рѣшается выйти изъ Краснаго и атаковать.

Фельдмаршалъ также рѣшился атаковать и сблизилъ войска къ Красному. Кутузовъ самъ осмотрѣлъ позицію и далъ указанія командующимъ начальникамъ. Большая часть войскъ подъ начальствомъ генерала Тормасова послана въ обходъ Краснаго, къ селу Доброму, а остальная, подъ командой кн. Голицына, подвинулась къ городу со стороны Смоленска.

Раннимъ утромъ 5-го ноября Наполеонъ пріѣхалъ къ войскамъ впереди Краснаго. Онъ былъ въ темно-зеленой польскаго покроя бекешѣ, подбитой соболями, въ собольей шапкѣ и по причинѣ гололедицы подпирался березовымъ сукомъ. Высмотрѣвъ позицію, онъ

Жезлъ маршала Даву.

Трофей лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, взятый въ сраженіи подъ Краснымъ 6-го ноября 1812 г.

приказалъ маршалу Мортье съ молодой гвардіей наступать на отрядъ кн. Голицына, открывшаго огонь изъ орудій, выставленныхъ на берегу рѣчки Лосминки. Голицынъ выждалъ, пока приблизится Милорадовичъ, гнавшій по пятамъ корпусъ маршала Даву, который всѣми силами спѣшилъ соединиться съ Наполеономъ. Милорадовичъ сильно тѣснилъ Даву, взялъ 1.500 плѣнныхъ, одно знамя и 13 орудій. Послѣ сближенія съ Милорадовичемъ и кн. Голицынъ началъ наступленіе. Наполеонъ, желая задержать кн. Голицына, послалъ на него въ атаку своихъ гвардейцевъ, но они были разстроены огнемъ и атакою кирасиръ. Князь Шаховскій съ двумя полками ударилъ въ штыки и истребилъ совершенно одинъ полкъ молодой гвардіи. Наполеонъ велѣлъ повсемѣстно отступать. Ему донесли, что отрядъ Тормасова выходитъ

на дорогу у с. Добраго. Поручивъ Даву распоряжаться боемъ, Наполеонъ поскакалъ, не останавливаясь, чрезъ село Доброе къ Лядамъ, гдѣ была старая гвардія. Тѣмъ временемъ кн. Голицынъ наступалъ на войска Даву. Храбрый командиръ конной батареи полковникъ Никитинъ нѣсколько разъ подскакивалъ къ непріятелю на картечный выстрѣлъ, наконецъ бросился въ атаку въ сабли съ одними своими канонирами и отбилъ три пушки. Едвали это не первый примѣръ во всей военной исторіи, что конная артиллерія, оставивъ свои пушки, бросилась въ атаку на непріятельскую пѣхоту и отбила орудія.

Кутузовъ, узнавъ, что въ Красномъ находится Наполеонъ, велѣлъ Тормасову пріостановиться. Это повелѣніе огорчило воиновъ, желавшихъ сразиться. Замѣтивъ на лицахъ неудовольствіе, свѣтлѣйшій сказалъ: „за десятерыхъ французовъ не дамъ ни одного русскаго. Непріятели всѣ погибнутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?“ Вотъ какъ дорожилъ Кутузовъ кровью русскихъ солдатъ.

Въ 11 часовъ дня послано приказаніе Тормасову продолжать движеніе, его авангардъ приблизился къ с. Доброму, когда французы миновали это село. Непріятель, храбро сомкнувъ колонны, двинулся противъ нашихъ, но былъ опрокинутъ и разсыпался: часть засѣла въ деревнѣ, часть разбѣжалась по лѣсамъ и въ одиночку искала спасенія. Тормасовъ вышелъ на дорогу. Кутузовъ остановился въ с. Добромъ, Наполеонъ—въ Лядахъ.

Въ этотъ день французы, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, потеряли плѣнными двухъ генераловъ, 52 офицера, болѣе 9.000 нижнихъ чиновъ, 70 орудій, шесть знаменъ и штандартовъ и множество обоза, въ которомъ найденъ маршальскій жезлъ Даву — трофей л. г. Финляндскаго полка. У насъ было потери 800 чел.

Поспѣшнымъ отступленіемъ Наполеонъ отдалъ на жертву корпусъ Нея. Подорвавъ стѣны и башни, Ней выступилъ изъ Смоленска ночью на 5-е ноября съ 7.000 пѣхоты, 12 орудіями и 500 чел. конницы. При корпусѣ его было до 8.000 безоружныхъ и слабыхъ. Атаманъ Платовъ, занявъ Смоленскъ, пошелъ правымъ берегомъ Днѣпра на Оршу.

Приближеніе Нея было извѣстно Кутузову по отбитымъ у непріятеля бумагамъ. Милорадовичъ сталъ поперекъ дороги передъ Краснымъ. Сильные отряды конницы стали вдоль дороги.

Утро 6-го ноября прошло въ тишинѣ, нашелъ густой туманъ; въ три часа казаки донесли о приближеніи непріятеля. Войска Милорадовича едва успѣли стать въ ружье, какъ колонны маршала Нея показались въ нѣсколькихъ саженяхъ за оврагомъ, въ который онѣ спускались. Загремѣли 40 нашихъ орудій, но, какъ непріятель былъ близко, то генералъ Паскевичъ штыками опрокинулъ французовъ. Лейбъ-гвардіи уланскій полкъ пошелъ въ атаку и отбилъ орла. Милорадовичъ подскакалъ къ Павловскимъ гренадерамъ и, указавъ на французовъ, сказалъ: „Дарю вамъ эти колонны“,—и онѣ легли подъ штыками павловцевъ.

Отбитый на всѣхъ пунктахъ, Ней собралъ корпусъ и опять пошелъ на проломъ. Французы шли умирать на тѣ же мѣста, гдѣ ихъ уже разъ поразили. Всѣ усилія пробиться оказались тщетными.

Ней отвергъ предложеніе сдаться; пользуясь наступившей темнотой, онъ собралъ до 3-хъ тысячъ самыхъ надежныхъ и бросился съ ними къ Днѣпру. У села Сырокоренья ночью французы положили бревна съ берега на ледъ, державшійся только на серединѣ рѣки. По полыньямъ они клали доски и перебрались на противоположный бе-

Сраженіе подъ Краснымъ, бой у Лосминскаго оврага 6-го ноября 1812 г.

Съ картины П. Гесса.

регъ, бросивъ пушки, лошадей и часть людей. Платовъ не успѣлъ подойти къ этому мѣсту.

Ней двинулся съ ничтожнымъ остаткомъ къ селу Гусиному, но тутъ налетѣлъ на него Платовъ и вновь началась погоня и истребленіе. 9-го Ней пришелъ въ Оршу, гдѣ былъ Наполеонъ.

Говорятъ, что Наполеонъ былъ страшно огорченъ участью маршала Нея. Предполагая, что Ней взятъ въ плѣнъ, Наполеонъ сказалъ: „у меня въ Парижѣ въ кладовыхъ есть 300 милліоновъ, я ихъ отдамъ за маршала Нея". Изъ всего корпуса Ней привелъ Наполеону 500 человѣкъ; сдались въ плѣнъ на мѣстѣ боя 12.000 рядовыхъ, болѣе 100 офицеровъ, взято 27 орудій. Изъ этого числа 5000 плѣнныхъ достались генералу Раевскому слѣдующимъ образомъ. Сраженіе прекратилось поздно и войска остались тамъ, гдѣ ихъ захватила ночь. Ген. Раевскій поѣхалъ въ ближнее село отдохнуть, какъ вдругъ ему докладываютъ, что 5.000 французовъ желаютъ ему сдаться въ плѣнъ. Они прислали къ генералу депутатами военнаго доктора и камердинера, который служилъ у брата ген. Раевскаго и зналъ послѣдняго. „Такъ, говоритъ Раевскій, взялъ я въ плѣнъ 5000 челов., не вставая съ постели". Колонна дѣйствительно пришла въ село, гдѣ остановился Раевскій и сдалась.

Вечеромъ, 6-го ноября фельдмаршалъ пріѣхалъ на бивакъ гвардіи. Онъ подскакалъ галопомъ къ Преображенскому полку, чего прежде никогда не дѣлалъ, ибо всегда ѣздилъ верхомъ шагомъ. Фельдмаршалъ поздравилъ съ побѣдой отборное войско царя. „Дѣти, знаете-ли, сколько взято орудій? Сто шестнадцать!" И, указывая на привезенные за нимъ французскіе орлы, прибавилъ: „Какъ ихъ бѣдняжекъ жаль! Они и головки повѣсили; вѣдь имъ холодно и голодно". Весь гвардейскій корпусъ, отъ старшаго до младшаго собрался вокругъ бивака, съ обнаженными головами, желая наглядѣться на обожаемаго вождя. Никто не замѣчалъ проливного дождя. Здѣсь-то свѣтлѣйшій прочелъ офицерамъ полученную отъ И. А. Крылова басню „Волкъ на псарнѣ".

Пораженіемъ Нея закончились 4-хъ-дневныя битвы подъ Краснымъ. Трофеями нашими были: 6 генераловъ, 30,000 плѣнныхъ, 266 орудій, 15 знаменъ и несмѣтное количество обозовъ. Въ эти четыре дня у насъ было урона всего 2.000 челов., французы потеряли убитыми и ранеными 10,000 чел. Никогда съ такою малочисленною потерею не пріобрѣтались столь огромные успѣхи, какіе имѣлъ Кутузовъ въ этотъ періодъ кампаніи. Эта удивительная побѣда является однимъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ нашей арміи.

Подъ Краснымъ уничтожено болѣе половины непріятельской арміи, вышедшей изъ Смоленска. Послѣ переправы черезъ Днѣпръ у Наполеона сохранилась въ строю только старая гвардія, всѣ прочіе корпуса были или совершенно уничтожены, и представляли жалкіе остатки; въ общемъ у Наполеона осталось подъ его командой не болѣе 30.000 солдатъ подъ ружьемъ. Но были еще три корпуса, шедшіе изъ подъ Полоцка на соединеніе съ главной арміей.

Принявъ въ соображеніе, что у Наполеона, при оставленіи Смоленска, было 70.000, въ арміи же Кутузова подъ Краснымъ находилось подъ ружьемъ только 50.000 чел., мы поймемъ, какой страшный ударъ нанесъ Наполеону мудрѣйшій русскій полководецъ, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, встрѣтившійся здѣсь съ своимъ противникомъ на полѣ битвы въ послѣдній разъ.

Блистательный успѣхъ сраженія подъ Краснымъ объясняется тѣмъ, что Кутузовъ, почти не сходя съ мѣста, разбивалъ корпуса арміи Наполеона поочередно, начиная съ гвардіи и кончая корпусомъ

маршала Нея, и поэтому всегда имѣлъ перевѣсъ въ силахъ, не смотря на то, что въ общемъ численный перевѣсъ войскъ былъ на сторонѣ Наполеона.

Побѣда подъ Краснымъ является самымъ блестящимъ подвигомъ русской арміи въ войну 1812 года. Здѣсь торжество русскаго оружія достигло высшей степени славы и это торжество пріуготовлено мудрой предусмотрительностью вождя, свѣтлѣйшаго князя Кутузова, который поразилъ Наполеона въ тотъ моментъ, когда врагъ разсчитывалъ на возможность усилить себя ожидаемыми подкрѣпленіями, спѣшившими соединиться съ главной арміей.

Побѣда подъ Краснымъ явилась рѣшеніемъ конца всей кампаніи. Отнынѣ Наполеонъ не могъ уже надѣяться на благополучный для него исходъ войны. Четырехдневныя битвы подъ Краснымъ не разстроили русской арміи: побѣда выиграна съ ничтожными потерями.

Подъ Краснымъ Кутузовъ торжествовалъ великую побѣду надъ Наполеономъ. Именно здѣсь русская армія выполнила приказъ государя: „Потушите кровію непріятельскою пожаръ московскій".

За пораженіе Наполеона подъ Краснымъ государь пожаловалъ Кутузова именованіемъ князя Смоленскаго. Ген. Милорадовичъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 2-й степени, а атаманъ Платовъ возведенъ въ графское достоинство.

По окончаніи сраженія, въ тотъ же день возвращена въ Смоленскъ дежурнымъ генераломъ арміи Коновницынымъ чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи, съ благодарственнымъ письмомъ причту каѳедральнаго собора:

„Да водворится Она на прежнемъ мѣстѣ и прославляется въ ней Русскій Богъ, чудесно карающій кичливаго врага, нарушающаго спокойствіе народовъ". Вмѣстѣ съ святой иконой отправлены и собранныя арміей приношенія 1.810 руб. ассигнаціями, 5 червонныхъ золотомъ и серебра въ лому одинъ пудъ. Въ Смоленскѣ постановлено праздновать ежегодно изгнаніе враговъ всенощнымъ бдѣніемъ 5-го ноября предъ иконою Божіей Матери Одигитріи.

Четырехдневный бой подъ Краснымъ задержалъ русскую армію; догнать Наполеона было трудно. Свѣтлѣйшій рѣшилъ преслѣдовать Наполеона авангардами, а главныя силы направилъ на переправу черезъ Днѣпръ въ г. Копысѣ, опять таки съ цѣлью прикрывать южныя губерніи и преградить Наполеону дорогу на Минскъ и Варшаву.

Платовъ и Ермоловъ пустились догонять Наполеона и картина полнаго разгрома французской арміи опять развернулась предъ ними. Вся дорога усѣяна тѣлами мертвыми и живыми, больные и раненые брошены безъ помощи. Плѣнныхъ брали „стадами" и бросили вести имъ счетъ. Количество отбитой добычи неимовѣрно. Солдаты и казаки обогатились отбитой монетой и вещами. Пятифранковыя серебрянныя монеты мѣрили мѣшками и мѣняли на ассигнаціи. Нагрянули жиды и завелись торжища; евреи скупали вещи и монету за безцѣнокъ.

Наполеонъ собралъ оставшихся лошадей и составилъ изъ офицеровъ охранный эскадронъ, который назвалъ „священнымъ". Эскадронъ просуществовалъ нѣсколько дней и превратился ъъ пѣшій. Дисциплина въ арміи окончательно пала. Никто не исполнялъ распоряженій императора, и самъ Наполеонъ въ этомъ убѣждался ежедневно. Въ Оршѣ Наполеонъ сжегъ собственными руками тѣ изъ своихъ одеждъ, которыя могли бы послужить трофеями непріятелю въ случаѣ гибели арміи, такъ пишетъ гр. Сегюръ. Не здѣсь ли уничтожены императорскія регаліи, взятыя Наполеономъ при отъѣздѣ изъ Парижа къ арміи.

Выходя изъ Орши французы зажгли городъ; но налетѣлъ Платовъ, прекратилъ пожаръ и забралъ брошенныя пушки.

Прогнавъ Наполеона за древній рубежъ Россіи — Днѣпръ, свѣтлѣйшій приказалъ войску отслужить Господу Богу благодарственное молебствіе и вступая въ Бѣлоруссію, издалъ воззваніе о Высочайшемъ помилованіи всѣхъ лицъ, забывшихъ долгъ подданства и нарушившихъ государственную присягу. Фельдмаршалъ всеподданѣйше просилъ Государя обратить милостивое вниманіе на ревность и усердіе народа тѣхъ губерній, кои подверглись нашествію враговъ. Послѣдствіемъ сего было изданіе Высочайшаго благодарственнаго манифеста Русскому Народу отъ 3-го ноября 1812 года.

Знамя 18-го французскаго пѣхотнаго полка.

Трофей лейбъ-гвардіи Уланскаго полка; взятъ съ боя подъ Краснымъ 6-го ноября 1812 г., корнетомъ Корачаровымъ и рядовымъ Дарченкой. Въ этомъ сраженіи 18-й полкъ былъ почти весь уничтоженъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Дѣйствія боковыхъ армій.

Защита Петербурга.

При началѣ войны Наполеонъ отрядилъ корпуса своихъ подневольныхъ союзниковъ — австрійцевъ и пруссаковъ для дѣйствій на флангахъ главной арміи. Австрійскій корпусъ находился подъ командой генерала, князя Шварценберга, а пруссаковъ, которымъ Наполеонъ не довѣрялъ, онъ отдалъ подъ команду маршалу Макдональду.

Корпусъ австрійскій состоялъ изъ 30.000 человѣкъ, а корпусъ Макдональда изъ 31.000 чел.; въ этомъ корпусѣ было прусскихъ войскъ 20.000 чел.

При открытіи военныхъ дѣйствій корпусъ маршала Макдональда получилъ направленіе на Ригу. Это направленіе соотвѣтствовало видамъ политики прусскаго короля Фридриха Вильгельма III-го.

При началѣ войны никто не могъ предвидѣть, чѣмъ кончится она, а союзный договоръ Пруссіи съ Наполеономъ обезпечивалъ пруссакамъ новыя земельныя пріобрѣтенія на счетъ Россіи.

Пруссаки вполнѣ разсчитывали на побѣды Наполеона, и заявили ему о своемъ желаніи заполучить три русскія губерніи—Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую. Удивительно, что они не потребовали и Петербурга.

Большой торговый городъ Рига былъ очень лакомымъ кускомъ для прусскаго короля, а потому пруссаки охотно шли походомъ на Ригу, и находились въ авангардѣ корпуса маршала Макдональда. До Риги они дошли, но очень скоро пришлось имъ возвращаться вспять; дѣйствія пруссаковъ подъ Ригой были неудачны и въ теченіе всей кампаніи корпусъ Макдональда вообще не имѣлъ никакого успѣха.

Гораздо болѣе важныя и кровопролитныя сраженія пришлось выдерживать французскимъ корпусамъ, отряженнымъ Наполеономъ для наступленія на Петербургъ.

Когда первая наша армія ген. Барклая-де-Толли оставила Дрисскій лагерь, то для защиты Петербурга пришлось отдѣлить отъ арміи 1-й корпусъ генерала Витгенштейна; въ этомъ корпусѣ было 25.000 челов., и противъ этого корпуса Наполеонъ, съ своей стороны вы-

дѣлилъ 2-й корпусъ маршала Удино силою въ 43.000 чел. Положеніе Витгенштейна было очень трудное: противъ него съ фронта стоялъ Удино, а съ праваго фланга угрожалъ Макдональдъ, тогда еще не отдѣлившійся слишкомъ далеко.

Маршалъ Удино перешелъ рѣку Западную Двину, овладѣлъ Полоцкомъ и началъ наступать. Генералъ Витгенштейнъ вышелъ изъ труднаго положенія. Онъ рѣшился атаковать Удино, не смотря на то, что силы наши были слабѣе числомъ, но не мужествомъ. На наше счастье Удино разбросалъ свои войска и въ двухдневныхъ славныхъ бояхъ при с. Якубово и подъ с. Клястицы, 18 и 19-го іюля, французы были разбиты, потеряли обозъ и до 900 человѣкъ плѣнныхъ, кромѣ великаго числа убитыхъ и раненыхъ.

Въ этомъ блестящемъ сраженіи особенно отличились войска первой нашей линіи, находившіяся подъ командой генераловъ Казачковскаго и князя Сибирскаго, стремительной атакой въ штыки опрокинувшія центръ французовъ, а начальникъ авангарда, храбрый генералъ Кульневъ, гналъ французовъ нѣсколько верстъ.

Къ величайшему сожалѣнію пылкій Кульневъ увлекся преслѣдованіемъ и на другой день, 19-го іюля натолкнулся на значительныя силы непріятеля. Авангардъ Кульнева потерпѣлъ пораженіе, и Кульневъ заплатилъ жизнью за свою отвагу: онъ былъ убитъ ядромъ. Это была большая потеря для арміи: Кульневъ былъ любимцемъ солдатъ.

Во время походовъ Кульневъ проводилъ дни и ночи подъ открытымъ небомъ, дѣля съ солдатами всѣ тягости службы. Отвага и величайшая личная неустрашимость были неразлучными спутниками его военныхъ дѣйствій.

Въ тотъ же день французы съ своей стороны повторили ошибку, сдѣланную героемъ Кульневымъ. Начальникъ ихъ авангарда, генералъ Вердье увлекся преслѣдованіемъ отступающаго нашего отряда и былъ разбитъ генераломъ Витгенштейномъ. Въ этомъ сраженіи генералъ Витгенштейнъ, лично руководившій атакою, былъ раненъ ружейной пулей въ голову. Онъ велѣлъ перевязать рану на мѣстѣ сраженія, и помчался впередъ противъ непріятеля, начавшаго уже отступать.

Трехдневныя сраженія 18, 19 и 20-го іюля стоили французамъ большихъ потерь: у нихъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными до 10.000 чел. и взято въ плѣнъ около 3.000. Уронъ нашихъ простирался до 4.300 чел.

Извѣстіе о Клястицкой побѣдѣ было получено въ Петербургѣ 25-го іюля. Побѣду праздновали торжественными молебствіями и пушечной пальбой. Государь пожаловалъ Витгенштейну орденъ Св. Георгія 2-й степени и пенсію въ 12.000 руб. Клястицкая побѣда была второй значительной побѣдой русскаго оружія въ Отечественную войну.

Французы отступили къ Полоцку и маршалъ Удино укрѣпился въ этомъ городѣ. Наполеонъ, узнавъ о пораженіи подъ Клястицами, послалъ къ Полоцку 6-й корпусъ, составленный изъ баварскихъ войскъ, подъ начальствомъ французскаго маршала Сенъ-Сира.

Получивъ значительное подкрѣпленіе, Удино намѣревался заманить русскихъ на равнину предъ Полоцкомъ, и, пользуясь превосходствомъ силъ, разбить Витгенштейна. У французовъ было подъ ружьемъ 43.000 чел., а у Витгенштейна, послѣ потерь, осталось только 20.000, и не смотря на это, Витгенштейнъ началъ наступать.

5-го августа завязалось сраженіе, во время котораго Удино былъ раненъ пулей въ плечо. Сенъ-Сиръ принялъ командованіе и отбивался отъ нападеній подъ Полоцкомъ. Съ каждой стороны было потерь до

2.000 чел., наши захватили 500 плѣнныхъ, но Витгенштейнъ долженъ былъ отступить. Военныя дѣйствія прекратились до первыхъ чиселъ октября.

Почти два мѣсяца противники не сходились для боя. Сенъ-Сиръ занималъ Полоцкъ; Витгенштейнъ укрѣплялъ городъ Себежъ. Но вотъ и къ русскимъ стали подходить подкрѣпленія: изъ Финляндіи перевезли моремъ въ Ревель корпусъ ген. Штейнгеля и двинули на Ригу, около которой стояли пруссаки. Русскіе генералы Штейнгель и Эссенъ обошлись очень милостиво съ пруссаками и дали имъ возможность отступить, хотя, дѣйствуя соединенно и рѣшительно, могли бы побить подневольныхъ наполеоновыхъ союзниковъ.

Графъ П. Х. Витгенштейнъ.

Съ гравюры Карделли.

Послѣ этого корпусъ Штейнгеля былъ двинутъ на соединеніе съ Витгенштейномъ, который долженъ былъ, на основаніи плана, присланнаго изъ Петербурга отъ государя императора, тѣснить французскіе корпуса и отбросить къ границѣ, чтобъ не дать имъ возможности соединиться съ Наполеономъ.

Витгенштейнъ рѣшился атаковать укрѣпленный французами Полоцкъ и послѣ жестокаго ночного боя овладѣлъ городомъ, прогнавъ Сенъ-Сира за Двину.

Въ сраженіи 6 октября петербургское и новгородское ополченія были впервые въ огнѣ и ознаменовали себя храбростью. Начальники и офицеры, хотя большей частью были изъ гражданскихъ чиновниковъ, кидались мужественно въ опасныя мѣста. Раненые, истекая кровью, не оставляли сраженія. Сбросивъ съ себя полушубки и кафтаны, ратники бросались на непріятельскія стрѣлковыя цѣпи, дрались прикладами ружей и топорами. Когда приходило приказаніе идти впередъ, они, перекрестясь, говорили: „Господи благослови“! и безстрашно шли на непріятельскія батареи. Три раза перекрестный огонь принуждалъ ратниковъ отступать, но при словахъ начальника, сенатора Бибикова: „Стой ребята! Куда вы? Мы, русскіе, православные, съ нами Богъ! Впередъ! Ура!“—воины съ мужествомъ возвращались въ бой и снова шли на явную смерть. Чтобы поберечь ратниковъ, гр. Витгенштейнъ приказалъ не назначать ихъ въ стрѣлки.

Предвидя надобность обстрѣлять городъ Полоцкъ, Витгенштейнъ приказалъ устроить батареи за первой линіей арміи. Когда пришло время обстрѣливать городъ, войскамъ первой линіи приказано было отступить и открыть батареи. Старые полки исполнили приказаніе, но ополченіе не пожелало отступать.

— „Насъ привели сюда драться,—отвѣчали бородачи-ратники, а не для того, чтобы отступать“. Посылаютъ къ нимъ другого, третьяго адъютанта съ приказаніемъ, никого не хотятъ слушать.

Пришлось ѣхать самому Витгенштейну. Генералъ, съ веселой улыбкой сказалъ:

— „Ребята-молодцы, ратники православные. Вчера вы знатно отлупили француза, спасибо вамъ! Дайте же сегодня и артиллеристамъ поработать; ежели вы не раздадитесь, придется вовсе не стрѣлять, чтобъ васъ не разстрѣлять. Прошу васъ, разступитесь, не закрывайте нашихъ пушекъ, дайте французамъ на нихъ полюбоваться, пока не закричатъ благимъ матомъ“.

— „Изволь, батюшка, ваше превосходительство, изволь! Что намъ заслонять своими спинами пушечки! А отъ собачьяго сына француза не отступимъ все-таки“.

Они отошли съ досадою, говоря Витгенштейну:

— „Ты, батюшка, генералъ велѣлъ, ты и отвѣчай за то, что мы отступили“.

Дружина статскаго совѣтника Николева первая бросилась на мостъ. Французы оробѣли и не успѣли его взорвать. Пролагая себѣ путь штыками и топорами, ратники первые перешли по мосту рѣку Полоту и ворвались въ городъ съ лѣвой стороны.

Маршалъ Сенъ-Сиръ въ своихъ запискахъ называетъ нашихъ ополченцевъ „бородатыми людьми“, и говоритъ, что они сражались съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и неустрашимостью.

Наши вступили въ городъ утромъ съ торжествомъ. Но весь городъ былъ страшно разоренъ и заваленъ трупами, такъ что приказано было вывести войска и расположить ихъ на бивакахъ.

На слѣдующее утро отслужили молебенъ о побѣдѣ и панихиду по убіеннымъ. Двери и окна собора были выбиты, полы разворочены, покрыты всякой нечистью, царскія врата разломаны, престолъ обнаженъ, иконы прободены и святотатственно ограблены, священнослужители разорены, а самъ архимандритъ, отправлявшій службу, едва двигался отъ увѣчья, нанесеннаго ему злодѣями, допытывавшимися у него денегъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ описываетъ въ запискахъ свой походъ весьма пространно, но о святотатственныхъ и разбойничьихъ поступкахъ баварцевъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, умалчиваетъ.

Сраженіе при Клястицахъ 19-го іюля 1812 г.

Съ карт. П. Гесса.

Бой подъ Полоцкомъ былъ кровопролитный. У насъ было потери до 8.000 чел.; французы потеряли 6.900 убитыми и ранеными и 2.000 плѣнными. Маршалъ Сенъ-Сиръ тяжело раненъ въ ногу.

Витгенштейнъ этимъ боемъ не достигъ того, что требовалось: Сенъ-Сиръ отступилъ на соединеніе съ Наполеономъ, который въ это время находился уже въ трудномъ положеніи, принужденный Кутузовымъ къ отступленію по Смоленской дорогѣ. Не взирая на это, Наполеонъ послалъ противъ Витгенштейна еще одинъ свѣжій корпусъ войскъ маршала Виктора, прибывшій уже въ Смоленскъ.

Викторъ принялъ начальство, а 19-го октября былъ атакованъ Витгенштейномъ при Чашникахъ, и послѣ упорнаго боя разбитъ съ

Ив. Ив. Дибичъ.

Съ гравюры Райта.

потерей 800 чел. плѣнными. Такимъ образомъ и третій французскій маршалъ былъ побитъ Витгенштейномъ.

Между тѣмъ, вылѣчился отъ раны Удино и Наполеонъ отозвалъ его корпусъ на Смоленскую дорогу, а Викторъ еще разъ рѣшился схватиться съ Витгенштейномъ около деревни Смольни, и опять былъ побитъ съ потерей 3.000 чел., выбывшихъ изъ строя и 900 человѣкъ плѣнными.

Дальнѣйшія дѣйствія арміи Витгенштейна будутъ описаны въ главѣ Березинская переправа.

Генералъ отъ кавалеріи, впослѣдствіи графъ Витгенштейнъ стяжалъ въ Отечественную войну великую славу, какъ защитникъ Петербурга. Этой славой онъ обязанъ главнѣйшимъ образомъ мужеству войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. Посланныя Витгенштейну подкрѣпленія, состоявшія изъ вновь сформированныхъ баталіоновъ и ополченій Петербургской и Новгородской губерній, рвались въ бой и просились въ первые ряды. Ополченцы, находясь при старыхъ полкахъ, очень скоро привыкли къ строю и порядку и ходили на штыки не хуже полковъ обстрѣленныхъ и бывалыхъ во многихъ бояхъ.

Поразительная отвага начальниковъ и непреоборимая храбрость войскъ Витгенштейнова корпуса отбили наступленія трехъ французскихъ корпусовъ, не давъ имъ возможности подвинуться за рѣку Двину дальше г. Полоцка. Притянувъ на себя столь значительныя силы непріятеля, войска Витгенштейнова корпуса геройскими подвигами спасли столицу государства и облегчили дѣйствія арміи Кутузова.

А. П. Тормасовъ.

Съ гравюры Карделли

Защита Волыни.

Австрійскій корпусъ кн. Шварценберга, назначенный для дѣйствія противъ войскъ генерала Тормасова, стоявшихъ въ Волынской губерніи, медленно наступалъ къ Брестъ-Литовску и протянулъ свои отряды до Пинска. Наши войска стояли около Луцка.

Наполеонъ недовѣрялъ австрійцамъ, также какъ и пруссакамъ, и намѣренъ былъ присоединить къ своей главной арміи корпусъ кн. Шварценберга, смѣнивъ его корпусомъ саксонскихъ войскъ, находившихся подъ командой француза, генерала Ренье. Но австрійцамъ это весьма не нравилось, и они всячески отвиливали, пока не прибылъ на смѣну имъ Ренье, а вслѣдъ за тѣмъ начались военныя дѣйствія.

Генералъ Тормасовъ двинулъ войска противъ кн. Шварценберга, расположившагося около Брестъ-Литовска. Кн. Шварценбергъ отступилъ, тогда Тормасовъ направился противъ Ренье.

Искусными распоряженіями ген. Тормасова и его ближайшихъ помощниковъ: ген. Ламберта, Чаплица и кн. Мадатова саксонскія войска генерала Кленгеля были окружены со всѣхъ сторонъ. Ген. Тормасовъ послалъ пѣхоту на штурмъ гор. Кобрина. Саксонцы защищались отчаянно, но должны были уступить превосходству силъ. Потерявъ до 2.000 ч. убитыми и ранеными ген. Кленгель долженъ былъ сдаться. Взято 4 знамени, 8 орудій, одинъ генералъ, 67 офицеровъ и 2234 рядовыхъ. У насъ было убитыхъ и раненыхъ 182 чел.

Кобринская побѣда, одержанная 15-го іюля, была первой побѣдой, одержанной русскими въ 1812 году. Сраженіе замѣчательно по точности выполненія сложнаго плана окруженія противника.

Послѣ этого пораженія нечего было и думать объ отозваніи корпуса Шварценберга къ главной наполеоновой арміи. Шварценбергъ возвратился съ великимъ удовольствіемъ, и рѣшилъ поддержать саксонцевъ, съ которыми и соединился.

Между тѣмъ Тормасовъ продолжалъ движеніе впередъ и сошелся 31-го іюля при Городечнѣ съ соединенными силами австрійцевъ и саксонцевъ. У генерала Тормасова, при открытіи военныхъ дѣйствій, было 23,000 челов. Соединенные корпуса кн. Шварценберга и Ренье представляли силу въ 40.000 чел. Тормасовъ рѣшился принять сраженіе, которое повели саксонцы и сильно пострадали: у нихъ были изрублены и взяты въ плѣнъ два кавалерійскихъ полка, атакованные нашими Павлоградскимъ и Александрійскимъ гусарскими полками. Австрійцы слабо поддерживали саксонцевъ, но угрожали обходомъ Тормасову, который нашелъ нужнымъ отступить ночью. Сраженіе было упорное: уронъ непріятеля былъ до 5.000 челов., наша потеря отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ. Результатъ былъ бы другой, если бы Тормасовъ до сраженія притянулъ къ себѣ резервъ князя Хованскаго и авангардъ генерала Чаплица. Тормасовъ отступилъ за рѣку Стырь къ городу Луцку, и послѣ того обѣ стороны оставались въ бездѣйствіи до прибытія на театръ войны Дунайской арміи адмирала Чичагова.

3-го сентября состоялось соединеніе нашихъ армій Тормасова и Чичагова, и сила ихъ возрасла до 60.000 челов.; у князя Шварценберга было 26.000 австрійцевъ, 12.000 саксонцевъ и 5.000 поляковъ. Адмиралъ Чичаговъ и ген. Тормасовъ 10-го сентября повели наступленіе противъ кн. Шварценберга и заставили его поспѣшно отступать, не останавливаясь, къ городу Бресту.

Начальникъ авангарда нашей арміи, ген.-адъют. гр. Ламбертъ внезапнымъ нападеніемъ ворвался въ биваки австрійской, саксонской и польской конницы. 13 эскадроновъ непріятельскихъ бросились въ бѣгство, нашими было захвачено 150 плѣнныхъ. Александрійскіе гусары отбили у австрійцевъ три штандарта. Государь возвратилъ эти трофеи австрійскому императору. Послѣ незначительнаго арьергарднаго дѣла у Любомля австрійцы и саксонцы отступили за р. Бугъ.

17-го сентября прибылъ къ арміи флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ съ повелѣніемъ исполнить планъ соединенія трехъ на-

Сраженіе при Полоцкѣ 7-го октября 1812 г.

Съ картины П. Гесса.

шихъ армій на р. Березинѣ. Генералъ Тормасовъ былъ отозванъ къ арміи Кутузова, чтобы замѣстить генерала Барклая-де-Толи; командованіе принялъ Чичаговъ и, выполняя планъ императора Александра, потѣснилъ кн. Шварценберга.

Адмиралъ Чичаговъ, давъ отдыхъ войскамъ, оставилъ противъ австрійцевъ заслономъ корпусъ генерала Сакена, присоединивъ къ нему и корпусъ генерала Эссена. Самъ же адмиралъ съ 38.000 челов. двинулся къ городу Минску, который былъ занятъ поляками. Авангардомъ арміи Чичагова командовалъ храбрый и дѣятельный генералъ графъ Ламбертъ. Онъ быстро двинулся противъ войскъ польскаго генерала Косецкаго, разбилъ ихъ 3-го ноября у мѣстечка Койданова и заставилъ положить оружіе: два знамя, двѣ пушки и до 3.000 плѣнными достались побѣдителю. 4-го ноября графъ Ламбертъ занялъ Минскъ, гдѣ захватилъ большіе запасы продовольствія. Командовавшій въ Минскѣ полякъ Брониковскій отступилъ къ городу Борисову на Березинѣ. 9-го ноября гр. Ламбертъ явился предъ укрѣпленнымъ Борисовымъ и немедленно атаковалъ дивизію польскаго генерала Домбровскаго. Поляки были разбиты на всѣхъ пунктахъ и бѣжали за рѣку. Непріятель потерялъ 2.000 убитыми; взяты нашими 2 орла, 8 пушекъ и болѣе 2.500 плѣнныхъ. Къ величайшему сожалѣнію въ этомъ сраженіи былъ раненъ пулей въ колѣно храбрый генералъ графъ Ламбертъ и за раною долженъ былъ оставить командованіе войсками.

Быстрый походъ совершенный арміей и одержанные графомъ Ламбертомъ успѣхи надъ непріятелемъ дѣлаютъ величайшую честь войскамъ и ихъ начальникамъ. Дунайская армія стала прочной ногой на Березинскихъ переправахъ, готовая встрѣтить Наполеона. Планъ императора Александра выполненъ блистательно: австрійцы и саксонцы вытѣснены за границу и генералъ Сакенъ заслонилъ отъ нихъ армію Чичагова. Дорога отъ Борисова черезъ Минскъ на Варшаву Наполеону закрыта.

Дальнѣйшія дѣйствія арміи адмирала Чичагова будутъ описаны въ главѣ Березинская переправа.

Трофеи войны 1812 года: наконечники баварскихъ знаменъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Березинская переправа.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ настало время завершить окончательно планъ императора Александра—закрыть войсками двухъ боковыхъ армій выходъ Наполеону изъ Россіи на переправѣ черезъ рѣку Березину.

Дѣйствительно, было бы весьма важно закончить войну громовымъ ударомъ—плѣненіемъ всей арміи съ ея предводителемъ, но то, что казалось возможнымъ при начертаніи плана, въ исполненіи представилось дѣломъ очень труднымъ. Тѣмъ не менѣе, въ общихъ чертахъ планъ былъ выполненъ, кромѣ нѣкоторыхъ частичныхъ обстоятельствъ, воспрепятствовавшихъ осуществить это весьма сложное дѣло въ полномъ объемѣ.

Планъ соединенія трехъ русскихъ армій на переправахъ черезъ р. Березину задуманъ былъ въ Петербургѣ въ общихъ чертахъ, а для окончательной его разработки во всѣхъ подробностяхъ посланъ былъ въ главную квартиру фельдмаршала Кутузова флигель-адъютантъ, полковникъ Чернышевъ съ повелѣніями государя.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ планъ былъ окончательно составленъ и назначены были сроки прибытія армій къ мѣсту предположенной переправы Наполеона у г. Борисова. Предположительно назначенный пунктъ соединенія армій былъ указанъ вѣрно.

По плану предполагалось направить всѣ три арміи къ этому пункту, при томъ условіи, чтобы боковые корпуса наполеоновой арміи не допустить до соединенія съ главной французской арміей, а оттѣснить заграницу. Эта была самая трудная часть операціи.

Адмиралъ Чичаговъ, благодаря быстрымъ и рѣшительнымъ движеніямъ начальника авангарднаго отряда, графа Ламберта, выполнилъ повелѣніе государя: онъ оттѣснилъ австрійскій и саксонскій корпуса заграницу, какъ было приказано; заслонился отъ нихъ корпусомъ войскъ генерала Сакена и привелъ свою армію на Березину въ г. Борисовъ—пунктъ, указанный въ планѣ.

Но Чичаговъ пришелъ съ меньшимъ числомъ войскъ, чѣмъ предвидѣлось по плану. Онъ долженъ былъ оставить Сакену 30.000 чел., чтобы не допустить австрійцевъ и саксонцевъ броситься преслѣдовать войска, двинутыя къ Березинѣ, а самъ пришелъ на Березину съ 32.000.

Генералъ Витгенштейнъ не выполнилъ тѣхъ распоряженій, которыя ему было назначено сдѣлать: вопервыхъ, онъ не оттѣснилъ къ границѣ корпуса маршаловъ Удино и Сенъ-Сира, стоявшіе противъ него въ Полоцкѣ. Корпуса эти отступили на соединеніе съ Наполеономъ и значительно усилили его армію, разбитую Кутузовымъ подъ Краснымъ; а вовторыхъ, Витгенштейнъ, идя слѣдомъ за отступающими непріятельскими корпусами, вышелъ на лѣвый берегъ р. Березины и чрезъ то самое не соединился съ арміей адмирала Чичагова, стоявшей на правомъ берегу.

По плану предполагалось соединить за Березиной 120.000 войска, а вмѣсто того на правомъ берегу рѣки было всего 32.000. Если бы Витгенштейнъ съ своими войсками присоединился къ Чичагову на правомъ берегу Березины, то двѣ соединенныя арміи составили бы около 70.000 челов. и эта сила была бы достаточна, чтобы удержать Наполеона на переправѣ до прибытія арміи Кутузова.

Послѣ жестокаго пораженія подъ городомъ Краснымъ, Наполеонъ двинулъ остатки своей разбитой арміи къ г. Оршѣ, гдѣ дневалъ въ ожиданіи прибытія Нея, и переправился черезъ р. Днѣпръ, двигаясь дальше къ г. Борисову, гдѣ предполагалъ перейти р. Березину.

Находясь въ мѣстечкѣ Толочинѣ, Наполеонъ приказалъ принесть къ себѣ орлы (знамена) всѣхъ полковъ и они были сожжены въ его присутствіи. На пути движенія къ Березинѣ Наполеонъ притянулъ къ себѣ три корпуса: Удино, Сенъ-Сира и Виктора, сражавшіеся съ Витгенштейномъ, и послѣ такого соединенія армія Наполеона возрасла до 80.000 чел. подъ ружьемъ. Эти три корпуса были въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ главная наполеонова армія: они сохранили часть своей кавалеріи и почти всю артиллерію, хотя, конечно, тоже пострадали отъ сраженій и суровой зимней погоды.

Безъ сомнѣнія Наполеонъ имѣлъ намѣреніе переправиться черезъ р. Березину у г. Борисова, на это указываетъ и его движеніе къ этому пункту и заблаговременная постройка поляками обширнаго укрѣпленія на правомъ берегу для прикрытія моста въ г. Борисовѣ. Изъ этого города шла важная для Наполеона дорога на Минскъ и Варшаву, отступая по которой Наполеонъ могъ разсчитывать на подкрѣпленіе своей арміи корпусами австрійскимъ и саксонскимъ, а также польскими войсками, собранными въ Герцогствѣ Варшавскомъ.

Но послѣ блистательнаго и рѣшительнаго пораженія, нанесеннаго гр. Ламбертомъ польской дивизіи ген. Домбровскаго подъ г. Борисовымъ, 9-го ноября, переправа въ Борисовѣ или въ какомъ либо другомъ пунктѣ ниже этого города сдѣлалась трудною. Наполеонъ оставилъ намѣреніе отступать на Варшаву, и долженъ былъ прокладывать себѣ силой путь отступленія на Вильну. Другого пути отступленія не было.

Въ такихъ обстоятельствахъ Наполеону оставалось одно: убѣдить адмирала Чичагова въ томъ, что французская армія намѣрена отступить на Варшаву во чтобы то ни стало; т. е. просто на просто, обмануть адмирала всякими военными хитростями и уловками, а настоящую переправу сдѣлать выше г. Борисова, близъ того мѣста, гдѣ проходитъ дорога на Вильну. На такія хитрости Наполеонъ былъ большой мастеръ, и это дѣло ему удалось.

9-го ноября былъ бой гр. Ламберта съ поляками у г. Борисова, а 11-го числа разбитая дивизія ген. Домбровскаго присоединилась къ двигавшемуся ей на встрѣчу авангардному корпусу маршала Удино.

Адмиралъ Чичаговъ неосторожно выдвинулъ впередъ за рѣку слабый авангардный отрядъ графа Палена, заступившаго мѣсто ране-

наго гр. Ламберта, и самъ съ частью войскъ перешелъ на лѣвый берегъ Березины, занявъ городъ Борисовъ. Это была важная ошибка, которая сейчасъ же и обнаружилась дурными послѣдствіями.

Маршалъ Удино 11-го числа сошелся въ Лошницѣ съ авангардомъ гр. Палена, стремительнымъ нападеніемъ потѣснилъ его и заставилъ отступить въ г. Борисовъ. Въ городѣ произошла суматоха. Войска и часть обозовъ успѣли перейти черезъ мостъ на правый берегъ и къ счастью сожгли половину моста. Французы заняли городъ. Отрѣзанныя части авангарда гр. Палена отступили въ разныя стороны и переправились на правый берегъ въ бродъ. Наша потеря въ этомъ неудачномъ сраженіи была до 1.000 чел. 12-го ноября Наполеонъ

П. В. Чичаговъ.

Съ гравюры Гейнце.

прибылъ въ с. Лошницу и приказалъ сейчасъ же дѣлать разныя обманныя движенія отрядовъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ Березинѣ.

13-го числа утромъ на высотахъ предъ городомъ Борисовымъ собралась вся Наполеонова армія, кромѣ корпуса Виктора, который остался въ Лошницѣ, удерживать Витгенштейна. Графъ Сегюръ говоритъ, что въ это время у Наполеона было подъ ружьемъ 80.000 чел.

Наполеонъ продолжалъ дѣлать обманныя движенія, чтобы привлечь вниманіе Чичагова къ селу Нижнему Березину. Туда посланъ былъ заблаговременно баталіонъ пѣхоты, чтобы рубить лѣсъ и дѣлать

приготовленія къ постройкѣ мостовъ. Колонна кирасиръ направлена вдоль берега рѣки къ броду ниже Борисова.

Конечно, съ нашего берега (праваго) всѣ эти движенія были замѣчены. Желая отвлечь вниманіе адмирала Чичагова отъ деревни Студянки, гдѣ Наполеонъ рѣшилъ строить мосты черезъ Березину, французы продѣлали ловкую штуку съ Борисовскими жидами. Писатель, историкъ похода, гр. Сегюръ разсказываетъ, что генералъ Лорансэ приказалъ привести къ нему нѣсколькихъ борисовскихъ евреевъ и долго разспрашивалъ ихъ о бродахъ черезъ рѣку ниже г. Борисова и о дорогахъ, которыя ведутъ на Минскъ и Варшаву. Потомъ, выпытавъ у нихъ все, что было нужно, Лорансэ выразилъ предъ жидами свое убѣжденіе, что нѣтъ лучше пункта для переправы, какъ бродъ ниже Борисова на дорогѣ въ Минскъ. Жиды, конечно, поддакивали, имъ было лестно, что французскій генералъ довѣряетъ ихъ показаніямъ.

Послѣ разспросовъ, генералъ приказалъ задержать нѣсколькихъ евреевъ въ качествѣ будущихъ проводниковъ. Неизвѣстно почему гр. Сегюръ называетъ этихъ евреевъ предателями. Жиды во всѣхъ случаяхъ вѣрно служили французамъ, конечно, когда жидамъ хорошо платили. Остальныхъ жидовъ генералъ приказалъ вывести за французскіе аванпосты. Но чтобъ быть еще болѣе увѣреннымъ въ томъ, что жиды не измѣнятъ, генералъ заставилъ ихъ поклясться, что они встрѣтятъ французскую армію на нижней Березинѣ и сообщатъ о движеніи непріятеля.

Такъ разсказываетъ французскій историкъ похода объ этой продѣлкѣ, а на самомъ дѣлѣ вѣроятно, было иначе: французы просто подкупили борисовскихъ евреевъ, чтобы тѣ явились яко бы добровольными лазутчиками въ армію Чичагова и донесли послѣднему о томъ, что французы намѣрены переправляться ниже г. Борисова, и послѣ переправы двигаться на Минскъ и Варшаву. Для этой цѣли и была устроена описанная Сегюромъ комедія съ борисовскими жидами; послѣ этой сцены лазутчиковъ выпроводили за французскіе аванпосты, конечно, съ той цѣлью, чтобы дать возможность перебѣжать къ адмиралу Чичагову.

Жиды лазутчики не замедлили пробраться въ русскую армію съ важными извѣстіями и передали все то, что имъ приказали говорить французы.

Весьма возможно, что адмиралъ Чичаговъ, введенный въ заблужденіе обманными движеніями французскихъ войскъ къ Нижнему Березину, повѣрилъ извѣстіямъ, доставленнымъ борисовскими евреями. Но для послѣднихъ дѣло кончилось плохо: когда Чичаговъ, послѣ переправы Наполеона у Студянки, убѣдился, что былъ обманутъ, онъ приказалъ повѣсить жидовъ лазутчиковъ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое могло бы имѣть значеніе въ дѣйствіяхъ арміи адмирала Чичагова.

Когда раненаго 9-го ноября, генерала графа Ламберта повезли вдоль рѣки Березины, онъ внимательно всматривался въ мѣстность и послалъ сказать Чичагову, что, по его мнѣнію, Наполеонъ непремѣнно станетъ переправляться у Студянки. И если бы Ламбертъ остался при арміи, то Чичаговъ, который очень цѣнилъ совѣты гр. Ламберта и оказывалъ ему полное довѣріе, навѣрное согласился бы съ его мнѣніемъ поставить армію противъ Студянки, гдѣ Наполеонъ рѣшился устроить переправу черезъ Березину, и тогда исходъ кампаніи былъ бы иной.

Когда Наполеонъ убѣдился, что у Студянки находится слабый отрядъ и что Чичаговъ, устремивъ все вниманіе на низовыя части

Отступленіе французовъ въ 1812 г.

рѣки, пренебрегъ верхней частью,—тогда Наполеонъ рѣшился поставить мосты въ 12 верстахъ выше Борисова у деревни Студянки.

12-го ноября была сильная стужа, болота замерзли и стали проходимыми для артиллеріи. Въ ночь съ 13-го на 14-е ноября корпусъ Удино, а за нимъ и другіе корпуса перешли отъ Борисова къ Студянкѣ, а 14-го числа рано утромъ туда прибылъ Наполеонъ и приказалъ переправиться польскимъ уланамъ и гвардейскимъ вольтижерамъ для обозрѣнія рѣки. Переправа произведена удачно. Затѣмъ, по приказанію Наполеона, были поставлены 40 орудій на лѣвомъ берегу Березины, который въ этомъ мѣстѣ выше праваго и тотчасъ же началась быстрая постройка двухъ мостовъ, одного для повозокъ, другого для пѣхоты и лошадей.

Постройка мостовъ на козлахъ была трудная: по рѣкѣ шелъ ледъ. 14-го ноября на правомъ берегу противъ Студянки находился слабый отрядъ г.-м. Корнилова. Казаки открыли скопленіе непріятеля на лѣвомъ берегу у Студянки, и Корниловъ, повѣряя казачьи посты, убѣдился, что противъ него находится непріятель въ большихъ силахъ и располагаетъ переправиться.

Заключеніе Корнилова оправдалось: тутъ находился самъ Наполеонъ. Корниловъ донесъ Чаплицу и Чичагову, и съ прискорбіемъ видѣлъ, что нѣтъ достаточныхъ силъ противиться переправѣ. Корниловъ видѣлъ, какъ французы рубили лѣсъ и разбирали дома въ селеніи Студянкѣ для устройства козелъ, на коихъ настилали мосты.

Корниловъ выставилъ четыре орудія противъ мѣста работъ, но пушки наши были легкія и ядра едва долетали до средины рѣки.

Увѣрившись, что на правомъ берегу находится слабый русскій отрядъ, Наполеонъ приказалъ открыть огонь изъ 40 орудій, поставленныхъ на лѣвомъ возвышенномъ берегу, и засыпалъ ядрами нашу конную батарею, которая мгновенно была сбита.

Французская конница бросилась въ рѣку и перешла вплавь; за спиной каждаго всадника сидѣлъ пѣхотный солдатъ. Французы спустили на воду устроенные ими плоты и начали въ двухъ мѣстахъ переправлять на нихъ пѣхоту. Переправа шла очень быстро и скоро на правомъ берегу было столько непріятельскаго войска, что Корниловъ долженъ былъ отступить по дорогѣ въ Стахово. Объ уничтоженіи мостовъ на плотинахъ по болотистой дорогѣ въ Зембино и Вильну. Корнилову никакихъ приказаній дано не было. Бывшіе на этой дорогѣ, казачьи посты присоединились къ отряду Корнилова.

Занявъ позицію на ближайшей лѣсной площадкѣ, Корниловъ выставилъ свои 12 пушекъ и отбивался весь день до прибытія генерала Чаплица.

Отрядъ генерала Чаплица 13-го числа былъ недалеко отъ Студянки, но адмиралъ Чичаговъ притянулъ его на югъ, къ Борисову, и 14-го числа Чаплицъ находился уже въ 12 верстахъ отъ Студянки.

Когда Чаплицъ получилъ отъ Корнилова извѣстіе о начавшейся переправѣ, онъ тотчасъ же возвратился, но нашелъ французовъ уже такъ прочно укрѣпившимися на правомъ берегу рѣки, что не могъ надѣяться опрокинуть ихъ. Въ продолженіи большей половины дня 14-го ноября нашъ слабый отрядъ велъ у Студянки перестрѣлку съ французами, занявшими правый берегъ. Постройка мостовъ производилась съ большими трудностями, по причинѣ недостатка матеріаловъ, но оба моста къ 2-мъ часамъ дня были готовы, и въ 7 ч. вечера 14-го числа маршалъ Удино, переведя по мостамъ часть своего корпуса, сейчасъ же стремительно атаковалъ Чаплица и заставилъ его отступить за деревню Брили по направленію къ селу Стахову.

Пораженіе французовъ при переправѣ черезъ Березину 16-го ноября 1812 г.

Съ картины П. Гесса.

Наши войска вели упорный бой. Къ вечеру Чаплицъ получилъ небольшое подкрѣпленіе и это дало возможность нашимъ удержаться на позиціи между Брилями и Стаховымъ, но позиція была неудобна для обороны: войска были расположены въ лѣсахъ. Въ этомъ сраженіи у насъ было потери до 200 челов. Маршалъ Удино ввелъ въ бой до 7.000 человѣкъ; имѣя большой перевѣсъ силъ, онъ заслонилъ переправу и открылъ Наполеону путь отступленія на Зембинъ и Вильну.

Адмиралъ Чичаговъ 13-го числа выступилъ съ главными силами своей арміи изъ г. Борисова на югъ къ Нижнему Березину, т. е., значитъ, въ то время, когда Наполеонъ двигался къ сѣверу отъ Борисова къ Студянкѣ вверхъ по лѣвому берегу рѣки, Чичаговъ, находясь на правомъ берегу, удалялся отъ Студянки внизъ по теченію рѣки.

Когда Чичаговъ 14-го числа получилъ первое извѣстіе о начавшейся переправѣ у Студянки, то не повѣрилъ донесенію генерала Корнилова. Однако, Чичаговъ остановился и выжидалъ донесенія отъ генерала Орурка, посланнаго съ отрядомъ къ Нижнему Березину.

15-го ноября Орурка прислалъ донесеніе что противъ Нижняго Березина непріятеля нѣтъ, лѣвый берегъ рѣки былъ осмотрѣнъ Орурκомъ развѣдочными отрядами. Тогда только адмиралъ Чичаговъ рѣшился возвратиться, и 15-го ноября двинулъ войска обратно къ г. Борисову, но не приказалъ всему своему войску слѣдовать на соединеніе съ Чаплицемъ, а остановился у Борисова; къ Чаплицу же былъ посланъ слабый отрядъ графа Палена.

Между тѣмъ у французовъ на мѣстѣ переправы происходило нѣчто ужасающее. Французскій офицеръ 2-го кирасирскаго полка разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ арміи Наполеона не подозрѣвали той ужасной драмы, которая разыгралась на переправѣ. Войска были въ полномъ невѣдѣніи, что должны встрѣтить рѣку, представляющую препятствіе и еще менѣе, что переправа черезъ эту рѣку будетъ сопровождаться бѣдствіями, не случавшимися съ французами при переправахъ черезъ большія рѣки въ теченіе ихъ многочисленныхъ кампаній".

„Когда войска прибыли въ Студянку, на берегу расположились густыя массы безоружныхъ людей, которые предупреждали насъ о встрѣченныхъ затрудненіяхъ. Войска держались въ походной колоннѣ и едва могли протиснуться, подвигаясь впередъ на одинъ шагъ за четверть часа. Такъ стояли войска до ночи и должны были отказаться отъ всякой надежды достичь въ этотъ день моста".

„Лишь только разсвѣло (15-го числа), какъ вся 100.000 масса людей, скученная на лѣвомъ берегу, на одномъ мѣстѣ, ринулась одновременно къ берегу. Произошло столпленіе, подобнаго которому, говоритъ кирасиръ, надѣюсь, я никогда болѣе не увижу, да и не желаю никому видѣть такое страшное и безобразное зрѣлище! Тѣ самые солдаты, которые ранѣе бросились бы на выручку товарищей, думали теперь только о сохраненіи своей собственной жизни, хотя бы цѣной жизни своихъ окружающихъ товарищей. Если кто ослабѣвалъ и падалъ, то толпа наступала на него и давила на смерть".

„Только первые ряды могли видѣть два моста черезъ Березину; вся остальная масса, не видя мостовъ, оттѣсняла къ рѣкѣ все то, что было впереди, сталкивая въ рѣку ряды, не находившіяся въ направленіи мостовъ".

„На мостахъ была такая давка, что люди, шедшіе по настилкѣ, ближайшей къ водѣ, должны были всѣми силами упираться въ про-

Переправа французской арміи черезъ Березину въ 1812 г. Съ картины Ланглуа.

тивоположную сторону, чтобъ не быть сброшенными въ воду". Перилъ на мостахъ не было.

Посмотримъ, что случилось въ корпусѣ войскъ ген. Витгенштейна, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ берегу рѣки. Войска этого корпуса стояли 14-го числа у селенія Кострицы, когда получено было извѣстіе о томъ, что Наполеонъ переправляется у Студянки.

Дорога изъ Кострицы въ Студянку считалась непроходимой для артиллеріи.

Когда Витгенштейнъ 14-го числа двигался за отступающимъ Викторомъ отъ Кострицы къ югу въ Борисовъ, Наполеонъ шелъ къ сѣверу изъ Борисова въ Студянку. Обѣ арміи разошлись въ 15 верстахъ и Витгенштейнъ не обнаружилъ движеніе Наполеона. Соединившись съ Платовымъ, Витгенштейнъ пошелъ преслѣдовать отступающій послѣднимъ французскій корпусъ маршала Виктора.

Если бы Витгенштейнъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать по пятамъ Виктора, пошелъ бы прямо къ Студянкѣ, весь корпусъ Виктора былъ бы отрѣзанъ отъ переправы.

15-го по утру авангардъ Витгенштейна подошелъ къ Старому Борисову; Виктора уже тамъ не было. Начальникъ авангарда генералъ Властовъ встрѣтилъ тутъ одну французскую колонну, которая спѣшила въ Студянку, онъ атаковалъ ее, отбилъ одну пушку и узналъ, что ниже Стараго Борисова плетется цѣлая дивизія генерала Партуно изъ корпуса Виктора. Генералъ Витгенштейнъ перегородилъ своими войсками дорогу къ Студянкѣ, и на эти войска скоро наткнулся Партуно. Ему предложено было сдаться, но онъ попробовалъ пробиваться и былъ отраженъ Навагинскимъ полкомъ и Новгородскимъ ополченіемъ. Тогда Партуно пошелъ назадъ къ Борисову, но наткнулся на казаковъ Платова и, видя себя окруженнымъ, 16-го ноября утромъ сдался генералу Витгенштейну съ 7.000 человѣкъ.

На правомъ берегу р. Березины весь день 15-го ноября войска отряда генерала Чаплица вели бой на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ онъ окончился 14-го числа. Наполеонъ усиливалъ заслонъ, выставилъ на позиціи сильныя батареи, а подъ прикрытіемъ заслона торопилъ переправу другихъ корпусовъ, направляя ихъ на дорогу въ Зембинъ и Вильну. Чаплицъ не разъ посылалъ къ Чичагову за подкрѣпленіями, но ихъ не получилъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е число прибыли въ Борисовъ генералъ Ермоловъ и атаманъ Платовъ съ своими отрядами. Они видѣлись съ адмираломъ Чичаговымъ и тутъ рѣшено было напасть 16-го ноября на французовъ съ обоихъ береговъ рѣки. Чичаговъ съ отрядами Ермолова и Платова взялись дѣйствовать на правомъ берегу, а генералъ Витгенштейнъ на лѣвомъ.

16-го на разсвѣтѣ авангардъ генерала Чаплица, усиленный пѣхотою, завязалъ бой съ войсками маршаловъ Удино и Нея. Наполеонъ безпрерывно подкрѣплялъ сражающихся. Генералъ Чаплицъ поддерживалъ бой противъ несравненно сильнѣйшаго непріятеля. У французовъ былъ раненъ маршалъ Удино и многіе генералы. Команду принялъ маршалъ Ней. Онъ повелъ въ атаку бригаду кирасиръ, поддержавъ ихъ пѣхотою и артиллеріею, и генералъ Чаплицъ долженъ былъ отступить въ направленіи къ Стахову. Адмиралъ Чичаговъ съ остальными войсками также прибылъ къ Стахову, но остановился здѣсь и, только уступая повторительнымъ просьбамъ Чаплица, послалъ ему восемь пѣхотныхъ полковъ дивизіи генерала Сабанѣева.

Такъ какъ нашей пѣхотѣ приходилось наступать лѣсомъ, то Сабанѣевъ неосторожно разсыпалъ большую часть дивизіи въ стрѣлки.

Едва начали войска Сабанѣева выходить растянутой цѣпью изъ лѣса, маршалъ Ней, пробившись конницей чрезъ нашихъ застрѣльщиковъ, ударилъ на резервы, обратилъ ихъ въ лѣсъ, но вскорѣ былъ отброшенъ назадъ. Потомъ, въ продолженіи цѣлаго дня, наши и французы дрались въ лѣсу ожесточенно, подаваясь то назадъ, то впередъ.

Мѣстность была такова, что наши могли дѣйствовать только 2-мя орудіями на узкой дорогѣ, тогда какъ французы выставили нѣсколько батарей по фронту позиціи. Наши орудія теряли людей и лошадей и потому постоянно приходилось смѣнять орудія. Наполеонъ посылалъ Нею подкрѣпленія за подкрѣпленіями, а за этимъ заслономъ двигались на Зембинъ другія французскія войска, безоружныя толпы и обозы.

Французы имѣли преимущество въ артилеріи и конницѣ, хотя въ арміи Чичагова было большее число каваллеріи, но ее не было на мѣстѣ боя. Битва была жестокая, но въ нашихъ дѣйствіяхъ не было той совокупности, которая рѣшаетъ участь битвъ. Много было оказываемо частной храбрости, но она терялась въ общихъ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Пѣхота дралась, какъ въ тѣсной горной битвѣ

Медаль Отечественной войны 1812.
По рисунку графа Ѳ. Толстого.

стрѣлками; если уменьшались и рѣдѣли цѣпи, тотчасъ были посылаемы другія на подкрѣпленіе; теряли народъ, разили непріятеля; цѣлые полки такимъ образомъ были разбросаны въ стрѣлкахъ и перемѣшаны между собою. Вредъ, нанесенный нами непріятелю былъ весьма великъ, но не рѣшителенъ.

Управляемый генераломъ Сабанѣевымъ, бой продолжался до 11-ти часовъ ночи. Ни маневрированія, ни обходныхъ движеній не было. Адмиралъ Чичаговъ въ этотъ день на мѣсто боя не выѣзжалъ.

Переправа войскъ наполеоновыхъ продолжалась весь день и всю ночь, но сопровождалась затрудненіями, такъ какъ одинъ изъ мостовъ подломился. Маршалъ Ней удержалъ свои позиціи. Потеря съ обѣихъ сторонъ была значительна. Французы потеряли до 5.000 чел. убитыми. Корпуса Даву, вице-короля и гвардія прослѣдовали днемъ 16-го числа по дорогѣ къ Зембину.

На лѣвомъ берегу Березины 16-го числа также шелъ кровопролитный бой между войсками Витгенштейна съ корпусомъ маршала

Виктора, который упорно оборонялся, но угрожаемый охватомъ съ лѣваго фланга, долженъ былъ отступить къ мостамъ. Генералъ Дибичъ поставилъ 12-ю орудійную батарею, которая открыла огонь и жестоко обстрѣливала пространство предъ мостами, нанося страшное пораженіе густой массѣ людей, толпившихся у переправы. Въ это время одинъ изъ мостовъ подъ тяжестью повозокъ и артиллеріи обрушился; смятеніе достигло высшей степени: все въ безпорядкѣ бросилось на другой мостъ, гдѣ люди, тѣснимые повозками, сталкивали другъ друга въ воду. Многіе, избѣгая русскихъ ядеръ, и, не имѣя возможности попасть на мостъ, пускались вплавь съ берега и увлеченные льдомъ, погибали въ рѣкѣ. Ночь прекратила сраженіе. Корпусъ Виктора удержалъ позицію и ночью переправился черезъ рѣку Березину.

17-го ноября въ 8 ч. утра генералъ французской арміи Эбле, видя приближеніе русскихъ, зажегъ мостъ съ той стороны. Графъ Витгенштейнъ обстрѣливалъ хвосты отступающихъ французскихъ колоннъ артиллерійскимъ огнемъ.

Только 17-го числа прибылъ къ деревнѣ Брилямъ адмиралъ Чичаговъ, собравъ по пути 7 пушекъ и 3.000 отсталыхъ людей наполеоновой арміи.

Все пространство между деревней Студянкой и р. Березиной представляло ужасное зрѣлище безпорядка и истребленія. Равнина, образуемая замерзшими болотами загромождена была повозками всякаго рода, между которыми бродило множество полузамерзшихъ людей всякаго пола и возраста. Эти несчастные, полумертвые, покрытые ранами, терзаемые голодомъ, съ жадностью вырывали другъ у друга куски сырой конины. Костѣнѣя отъ стужи, они зажигали повозки, зарядные ящики, фуры съ порохомъ и патронами, и гибли при взрывахъ. Женщины и дѣти наполняли воздухъ отчаяннымъ крикомъ.

На правомъ берегу Березины, гдѣ сражались войска адмирала Чичагова, берегъ рѣки былъ заставленъ непріятельскимъ обозомъ. Въ этомъ обозѣ, сверхъ богатой военной добычи, найдено много церковныхъ серебряныхъ и другихъ вещей, награбленныхъ непріятелемъ въ Москвѣ.

Переправа Наполеона черезъ Березину была для его арміи весьма гибельна: онъ потерялъ 25 пушекъ, до 12.000 убитыхъ и утонувшихъ и болѣе 20.000 плѣнныхъ. Эта потеря была тѣмъ чувствительнѣе, что ее понесли наиболѣе сохранившіеся корпуса Виктора и Удино. Послѣ этого страшнаго разгрома, отступленіе французовъ превратилось въ совершенное бѣгство.

Остатки „Великой Арміи“ простирались еще до 50.000 челов., но они представляли нестройныя толпы, въ которыхъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ дисциплины. „Великая Армія“ не могла далѣе оказать никакого сопротивленія: Березина была послѣдней пучиной, поглотившей гордую силу завоевателя Европы.

Не успѣвъ преградить путь Наполеону, Чичаговъ послалъ генерала Сабанѣева въ Петербургъ къ императору Александру съ оправданіемъ своихъ дѣйствій. Но императоръ не принялъ посланнаго. Не оправданія ошибочныхъ распоряженій требовалъ Александръ, онъ желалъ имѣть въ своихъ рукахъ Наполеона.

Прибывъ въ Копысъ, на берегъ Днѣпра, Кутузовъ отслужилъ благодарственный молебенъ Господу Богу Побѣдодавцу и двинулся къ Березинѣ. По пути огорчила его вѣсть о переправѣ Наполеона черезъ эту рѣку. Сначала Кутузовъ не повѣрилъ этому извѣстію, ибо принятыя имъ мѣры, казалось, должны были поставить Наполеону неодолимую преграду на берегахъ Березины.

Не долго, однако, продолжалось сомнѣніе Кутузова: подтвердительныя донесенія о переправѣ Наполеона приходили одно за другимъ. Досада Кутузова была чрезвычайная. Когда миновались первыя вспышки гнѣва, Кутузовъ сказалъ: „Богъ довершитъ то, чего не умѣли сдѣлать наши генералы. Немногаго недоставало и нашъ братъ, псковскій дворянинъ взялъ бы Наполеона въ плѣнъ".

Кутузовъ не одобрялъ дѣйствій Чичагова за то, что, послѣ взятія Борисовскаго укрѣпленія ген. Ламбертомъ, самъ адмиралъ расположился въ Борисовѣ и въ медленномъ потомъ движеніи къ Стахову. Онъ, впрочемъ, говорилъ съ усмѣшкою, что простить даже можно Чичагову по той причинѣ, что моряку нельзя умѣть ходить по сушѣ. Но Кутузовъ обвинялъ во всемъ также и Витгенштейна, который изъ самолюбія и нежеланія подчиниться Чичагову изобрѣлъ множество предлоговъ для оправданія неисполненія Высочайшаго повелѣнія идти за Березину. Сраженіе при Студянкѣ дѣлаетъ мало чести графу Витгенштейну: имѣя предъ собой одинъ разстроенный корпусъ Виктора и трудную переправу, Витгенштейну слѣдовало въ этотъ день дѣйствовать рѣшительнѣе.

Съ своей стороны Кутузовъ сдѣлалъ все, что было въ его власти и средствахъ для довершенія пораженія врага. Кутузовъ нанесъ Наполеону жестокій ударъ подъ Краснымъ, но, задержанный четырехдневнымъ боемъ, не могъ догнать наполеоновы войска.

Французы шли на Оршу и Борисовъ кратчайшимъ путемъ, выигравъ три дня; слѣдовать за ними по разоренной дорогѣ было бы для нашей арміи весьма невыгодно и потому Кутузовъ выбралъ болѣе кружный но неразоренный путь на Копысъ.

Въ Оршѣ Наполеонъ имѣлъ готовый мостъ, а нашимъ въ Копысѣ пришлось устроить мостъ черезъ Днѣпръ. Наполеонъ шелъ такъ скоро, что только донскіе полки атамана Платова успѣвали его нагонять; даже авангардный отрядъ „крылатаго" генерала Милорадовича отсталъ. За Днѣпромъ у насъ не было продовольственныхъ магазиновъ, и потому движеніе арміи замедлялось необходимостью поджидать подвоза припасовъ.

Войскамъ главной нашей арміи походъ былъ труденъ. Кутузовъ принужденъ былъ оставить на пути въ Копысѣ 144 орудія и цѣлый корпусъ гвардейской кавалеріи, который нужно было пополнить.

Какъ труденъ былъ походъ для арміи фельдмаршала Кутузова это доказывается тѣмъ, что отъ Малоярославца до Краснаго армія оставила въ дорогѣ больныхъ до 30.000 человѣкъ. Люди эти, поправились, поступали въ ряды и для арміи не были потеряны; но такая временная убыль уменьшила боевую силу арміи. Къ берегамъ рѣки Березины армія Кутузова прибыла въ составѣ 45.000 человѣкъ, а въ Тарутинскомъ лагерѣ армія имѣла подъ ружьемъ до 100.000 человѣкъ.

Кутузовъ заботился о томъ, чтобы сохранить силы арміи въ хорошемъ устройствѣ, дабы было съ чѣмъ придти на границу. Вотъ его слова: „Европа должна видѣть, что наша главная армія дѣйствительно существуетъ, а не есть призракъ или тѣнь. Только сильная армія можетъ дать намъ вѣсъ въ дѣлахъ политическихъ и склонить Германію на нашу сторону".

Кутузовъ не желалъ раскидать по дорогамъ основную силу арміи; война была еще далеко не кончена. Кутузовъ зналъ, что Наполеонъ располагалъ въ Европѣ весьма большими силами и могъ притянуть, находившіеся въ предѣлахъ Россіи, корпуса Шварценбера и Ренье, которые могли составить силу не менѣе 40 тысячъ человѣкъ. Съ этимъ

Кутузовъ долженъ былъ считаться, а потому онъ и полагалъ своей обязанностью беречь силы русской главной арміи.

Не можетъ быть поставлено въ вину свѣтлѣйшему то обстоятельство, что Витгенштейнъ и Чичаговъ не смогли задержать Наполеона на переправахъ до прибытія главной арміи. Наполеонъ все же былъ сильнѣе противъ двухъ боковыхъ нашихъ армій, вмѣстѣ взятыхъ. Да притомъ главной причиной успѣха Наполеона на переправѣ въ Студянкѣ было то, что противъ его арміи оказался малочисленный отрядъ ген. Корнилова. Имѣя 80.000-ную армію не трудно было справиться съ слабымъ противникомъ.

Военные писатели называютъ Березинскую переправу неудачей нашей арміи. Но мы съ этимъ мнѣніемъ не можемъ согласиться. Неудача, если хотите, была, но относится она къ неискуснымъ дѣйствіямъ начальствующихъ, а не къ недостатку храбрости и доблести войскъ.

На пылкаго и честолюбиваго адмирала Чичагова посыпались обвиненія въ томъ, что онъ будто бы выпустилъ Наполеона умышленно. Но память адмирала Чичагова чиста отъ тяжкихъ обвиненій. Положеніе его въ арміи было очень тягостно. Онъ просилъ увольненія и, получивъ разрѣшеніе сдать армію генералу Брклаю-де-Толли, пріѣхалъ въ Петербургъ, откуда переселился заграницу, и въ Россію болѣе не возвратился, принявъ англійское подданство. Это былъ человѣкъ честный и глубоко любившій свою родину. Память его безупречна.

Трофей войны 1812 г.

Орелъ 11-го польскаго пѣхотнаго полка.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Бѣгство Наполеона изъ Россіи.

Разстройство французской арміи послѣ переправы черезъ р. Березину превосходило все, что можно себѣ представить. Войска вышли изъ повиновенія начальникамъ, и бѣдствія арміи росли съ каждымъ днемъ. Наступили жестокіе морозы. Они ежедневно уносили тысячи жертвъ; дороги были покрыты трупами несчастныхъ, силы которыхъ, надорванныя голодомъ и утомительнымъ походомъ, дѣлали людей совершенно неспособными выносить суровое время зимы.

Очевидецъ похода описываетъ ужасныя картины бѣдственнаго положенія арміи: „Не находя крова, непріятель жегъ по пути своемъ дома, клѣти, хлѣва, заборы для того только, чтобы согрѣться хоть на одномъ ночлегѣ. На пожарищахъ лежали кучи солдатъ; приблизившись къ огню, они не имѣли болѣе силы отойти отъ него“.

„Многіе приходили въ безчувственность, лишались слуха, языка, ума, какъ шальные, выпуча глаза, смотрѣли на наши войска и ничего не понимали. Въ безпамятствѣ ложились на горячіе угли и погибали въ огнѣ, грызя себѣ руки, пожирая падаль и человѣческое мясо“.

„Отступающіе отставали отъ своихъ частей и шли къ нашимъ войскамъ на встрѣчу, садились у нашихъ костровъ, вымаливая кусокъ хлѣба. И русскіе воины дѣлились съ врагами послѣднимъ сухаремъ. Башкиры, поселяне, бабы гнали цѣлыя толпы плѣнныхъ“.

„Повиновеніе и уваженіе къ начальникамъ исчезло. Людей нельзя было удерживать въ строю: сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ въ арьергардѣ, они бросали ружья и расходились; артиллеристы убѣгали отъ своихъ орудій. Однимъ словомъ, армія перестала существовать и спасти ее уже не было никакой возможности“.

Прибывъ въ с. Молодечно, Наполеонъ продиктовалъ для Франціи извѣщеніе о положеніи арміи, такъ называемый 29-й бюллетень, въ которомъ съ ужасающей истиною описывалъ состояніе арміи послѣ

отступленія изъ Москвы, но съ тѣмъ вмѣстѣ прикрывалъ всѣ несчастья хвастливой ложью.

Бюллетень ничего не говоритъ о военныхъ неудачахъ, о пораженіяхъ, о недостаткѣ продовольствія, о разрушеніи въ арміи долга повиновенія и порядка; всѣ бѣдствія приписываются дѣйствію холода, хотя сильные морозы наступили только 3-го декабря.

Въ с. Сморгонахъ, на слѣдующемъ переходѣ къ Вильнѣ за Молодечной, Наполеонъ рѣшился покинуть армію. Онъ взялъ съ собой трехъ генераловъ и въ каретѣ польскаго пана уѣхалъ въ Вильну, а оттуда, ни гдѣ не останавливаясь, черезъ Варшаву и Дрезденъ въ Парижъ, куда пріѣхалъ 7-го декабря, пробывъ въ пути двѣ недѣли.

Наполеонъ умчался во Францію, чтобы упрочить свою императорскую власть, поколебленную пораженіями, нанесенными Россіей. Онъ опасался, что Германія возстанетъ противъ владычества французовъ.

Этотъ человѣкъ, перенесшій страшныя пораженія, хотѣлъ еще жить, хотѣлъ покорять и угнетать народы для удовлетворенія своего ненасытнаго властолюбія. Ему мало было крови, пролитой отъ Кадикса до Москвы, отъ Гамбурга до Каира! Онъ думалъ лить и лить кровь безъ конца!..

За два дня до его пріѣзда въ Парижъ, въ газетахъ появился знаменитый 29-й бюллетень. Франція ужаснулась: до сихъ поръ ей говорили все о побѣдахъ императора и вдругъ, какое страшное признаніе въ самыхъ невѣроятныхъ бѣдствіяхъ!..

Преслѣдованіе французовъ выпало на долю начальника авангарднаго отряда арміи Чичагова, генерала Чаплица и атамана Платова, которые вели преслѣдованіе весьма дѣятельно, забирая плѣнныхъ и пушки. Къ отряду генерала Чаплица присоединились партизаны: Сеславинъ, Фигнеръ и Кайсаровъ.

По дорогѣ отъ Березины до Вильны авангардными отрядами генерала Чаплица и атамана Платова взято въ плѣнъ 10.000 челов. и 161 орудіе, да въ самой Вильнѣ захвачено 10.000 челов., кромѣ того, свыше 5.000 больныхъ лежало въ госпиталяхъ и 41 орудіе найдено въ арсеналѣ.

Ужасное положеніе наполеоновой арміи въ Вильнѣ описываетъ участникъ похода, офицеръ виртембергской батареи. Онъ говоритъ:

„Бѣдственную картину представляли въ Вильнѣ остатки великой арміи: въ лохмотьяхъ, на 28 градусномъ морозѣ, тщетно умоляли офицеры и солдаты открыть имъ двери замкнутыхъ жилищъ.

„Переполненные госпитали и казармы не могли уже болѣе вмѣщать въ себѣ людей, да и сами по себѣ представляли ужасающую картину бѣдствій; всѣ эти помѣщенія были буквально загромождены трупами, умиравшими и больными, валявшимися на голомъ полу неотапливаемыхъ помѣщеній“.

„Среди всѣхъ этихъ ужасающихъ бѣдствій, особенно поражали дерзость и безчеловѣчность, перемѣнившихъ теперь свою тактику евреевъ, зазывавшихъ и даже силой втаскивавшихъ къ себѣ солдатъ, обиравшихъ и раздѣвавшихъ ихъ и затѣмъ выбрасывавшихъ въ окна умирать на морозѣ; чѣмъ жиды надѣялись заискать милости у новыхъ теперь побѣдителей, подходившихъ уже къ городу“.

Графъ Сегюръ въ своихъ описаніяхъ „Похода въ Москву“ яркими чертами обрисовываетъ безчеловѣчные поступки виленскихъ жидовъ.

„Дѣйствительно, литовцы, которыхъ мы покидали, поставивъ ихъ въ такое непріятное положеніе, приняли и помогали нѣкоторымъ изъ насъ, но евреи, которымъ мы покровительствовали, отвернулись отъ

остальныхъ. Они сдѣлали даже больше того: видъ такихъ страданій возбудилъ ихъ алчность. Если бы ихъ отвратительная жадность, спекулировавшая на нашихъ несчастьяхъ, удовлетворилась бы продажей на вѣсъ золота кое-какихъ припасовъ, исторія съ презрѣніемъ умолчала бы объ этихъ безобразныхъ подробностяхъ; но они завлекали нашихъ несчастныхъ раненыхъ въ свои жилища, чтобы грабить ихъ,

Генералъ-фельдмаршалъ, Свѣтлѣйшій князь

Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.

и потомъ выбрасывали черезъ двери и окна этихъ голыхъ и умирающихъ страдальцевъ; они безжалостно оставляли ихъ умирать отъ холода, они подвергали нашихъ солдатъ пыткамъ. О такихъ ужасныхъ преступленіяхъ должны знать и нынѣшній вѣкъ и грядущія поколѣнія.

Быть можетъ теперь, когда руки наши безсильны, наше негодованіе на этихъ чудовищъ будетъ имъ единственнымъ воздаяніемъ на землѣ, но настанетъ день, когда наконецъ убійцы послѣдуютъ за своими жертвами, и тогда безъ сомнѣнія въ небесномъ правосудіи осуществится наше мщеніе".

Напрасно только очевидцы похода говорятъ, что безчеловѣчное обращеніе виленскихъ жидовъ съ ранеными воинами наполеоновой арміи было сдѣлано въ угоду русскимъ. Никогда русская армія не одобряла жестокости въ обращеніи съ ранеными непріятелями. Жидовское безчеловѣчіе въ Вильнѣ проявилось тогда, когда русскіе передовые отряды еще не вступили въ Вильну. Со вступленіемъ нашихъ войскъ безпорядки въ городѣ прекратились.

Мѣры призрѣнія раненыхъ французовъ составили первѣйшую заботу фельдмаршала Кутузова и императора Александра, которымъ раненые обязаны спасеніемъ жизни, о чемъ говорятъ съ благодарностью всѣ очевидцы бѣдствія.

Жидовское безчеловѣчіе вылилось въ данномъ случаѣ въ самыя отвратительныя формы, какъ прирожденное свойство лютости и корысти іудейскаго племени.

Бѣдственное положеніе французовъ не позволило имъ удержаться въ Вильнѣ. Король Неаполитанскій приказалъ отступать, бросивъ всѣ запасы, заготовленные для арміи. Король вышелъ въ ночь съ 27 на 28-е ноября, а въ тотъ же день генералы Чаплицъ и Платовъ заняли Вильну послѣ незначительнаго боя.

Въ Вильнѣ нашимъ достались огромные запасы продовольствія, мундировъ, сѣделъ, башмаковъ, ружей и разныхъ предметовъ вооруженія. Почти половина французской арміи разсыпалась по городу и окрестностямъ, не скрывая своего желанія отдаться въ плѣнъ. У людей не было силъ продолжать отступленіе.

Когда Мюратъ и маршалы бѣжали изъ Вильны, они приказали жечь обозы, желая очистить путь для денежныхъ ящиковъ. Но такъ какъ дѣло шло медленно, то приказано было выбирать изъ повозокъ золото и столовые серебрянные приборы Наполеона. Вещи кое-какъ успѣли переложить на верховыхъ и упряжныхъ лошадей и частью раздать конвою, а деньги были разграблены самими французами, но большая часть досталась донскимъ казакамъ, которые налетѣли на остановившійся обозъ и хорошо поживились. Конвопровавшій Мюрата и главную квартиру арміи, отрядъ гвардіи Наполеона сократился въ Вильнѣ до 700 человѣкъ.

Въ Вильнѣ, по словамъ очевидца, происходило общее смятеніе. „Все разбрелось по домамъ жителей и вдругъ: „Казаки! Казаки!" Одни бросились уходить, другіе отстали; даже придворные служители и конюшіе, бывшіе при экипажахъ Наполеона, взбунтовались и не хотѣли уходить".

„Евреи старые и молодые выталкивали французовъ изъ домовъ, били на улицахъ, а особенно гвардейцевъ. Во весь походъ старая гвардія Наполеона почти не сдѣлала ни одного выстрѣла: первымъ и послѣднимъ ея подвигомъ въ Россіи былъ кулачный бой съ виленскими жидами".

Но и положеніе нашей арміи въ походѣ отъ Березины до Вильны было весьма тяжелое. Преслѣдованіе велось очень быстро. Передовые отряды не шли, а летѣли. Обозы не поспѣвали за войсками, которыя не имѣли ни хлѣба, ни сухарей. Люди дошли до бѣдствія: все, что оставалось припасеннаго, было съѣдено, и если у кого отыскивался кусокъ сухаря, тотъ считалъ себя богачемъ".

Старикъ, солдатъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

„Наконецъ вспомнили и насъ, и прислали бочку горѣлки и бочку ячменныхъ крупъ. Горѣлку (водку) мы раздѣлили по ротамъ манерками, и съ ней расправа была коротка. Но что дѣлать съ крупой? Котловъ нѣтъ, варить не въ чемъ, ѣсть сухую нельзя. Стали мы сдирать съ елокъ кору и, согнувъ лубокъ въ видѣ кузова, клали въ него крупу, прибавляли снѣгу,—и давай жарить на огнѣ. Лубокъ

Наполеонъ въ Москвѣ, въ ожиданіи мира.

Съ картины В. В. Верещагина.

горитъ и крупа горитъ—выходило что-то въ родѣ горѣлаго комка; но мы и ему были рады и ѣли съ жадностью“.

Не смотря на всѣ наши лишенія, голодъ и бѣдствія, мы продолжали гнать по пятамъ бѣгущую, нестройную толпу непріятельскихъ войскъ до самой Вильны“.

„Путь нашъ отъ Березины до Вильны былъ ужаснѣе всего предыдущаго; хлѣба и сухарей у насъ не было, и только благодаря славнымъ донцамъ, доставлявшимъ намъ иногда, да и то очень рѣдко, тощихъ, исхудалыхъ коровъ, мы не померли съ голоду".

„Офицеры наши были совершенно въ одинаковомъ положенiи съ солдатами, подавая примѣръ намъ терпѣнiя и выносливости. Какъ они, такъ и генералы шли пѣшкомъ, чтобы согрѣться, и все-таки отмораживали и руки и ноги. Какъ ни труденъ былъ походъ отъ Борисова, но никто изъ насъ не унывалъ, видя въ самомъ недалекомъ будущемъ конецъ всѣмъ лишенiямъ и бѣдствiямъ этого ужаснаго времени". Наконецъ, 10 декабря передъ нами показалась Вильна. Мы всѣ ожили".

Состоянiе нашихъ войскъ, совершившихъ походъ изъ Тарутино въ Вильну почти безъ отдыха, было весьма трудное. Въ казачьихъ полкахъ, бывшихъ въ Тарутинскомъ лагерѣ въ полномъ составѣ, оставалось не болѣе 150 человѣкъ въ кавалерiи иные полки состояли изъ 60 челов., а полки въ 150 челов., считались сильными. Больныхъ и отсталыхъ было очень много. Люди обморозились; одежда истрепалась, лица большей частью обернуты тряпками. Скорость походнаго движенiя была такова, что артиллерiя и подводы не поспѣвали за войсками".

Фельдмаршалъ былъ недоволенъ дѣйствiями нашихъ генераловъ на Березинѣ и поспѣшилъ въ Вильну, куда и прiѣхалъ 30 ноября. Въ нашей главной квартирѣ произошла разительная перемѣна противъ того, что было отъ самой Москвы: въ походѣ Кутузовъ жилъ въ избахъ и его постоянно видѣли сидящимъ на складныхъ креслахъ за простымъ столомъ, заваленнымъ картами и планами, а тутъ въ Вильнѣ, цѣлый замокъ, заставленный каретами, колясками, санями. Толпы пановъ и чиновниковъ поляковъ—въ русскихъ мундирахъ; веселые, радостные и по наружности счастливые, жиды, депутаты отъ кагаловъ, поэты съ польскими и латинскими одами, плѣнные французскiе генералы, епископы и ксендзы, всѣ тѣснились на лѣстницахъ и въ залахъ замка. Въ театрѣ ярко сiяло изображенiе фельдмаршала съ надписью: „Избавителю Отечества".

Такъ скоро измѣнилась вся обстановка Вильны, въ которой пять дней тому назадъ, въ томъ же замкѣ, жилъ министръ Наполеона Маре и съ важностью принималъ иностранныхъ дипломатовъ и польскихъ пановъ, сообщая имъ извѣстiя о побѣдахъ императора надъ русскими войсками. Паны развозили прiятныя извѣстiя по городу, а жиды, которымъ было хорошо извѣстно истинное положенiе „Великой Армiи", злобно улыбались.

Виленскiе поляки знали свѣтлѣйшаго, онъ былъ, одно время литовскимъ генералъ-губернаторомъ и называлъ Вильну „доброю Вильною". Теперь его встрѣтили пышными торжественными рѣчами. Всѣ льстили и пресмыкались предъ побѣдителемъ непобѣдимаго Наполеона; а по домамъ приказывали припрятать въ самыя сокровенныя мѣста французскiе мундиры, сабли, пистолеты, патроны и изобличительную переписку.

Преслѣдованiе Мюрата атаманомъ Платовымъ продолжалось насколько было силы у людей и лошадей; казаки везли пушки на саняхъ и съ саней палили по французамъ; другихъ способовъ атаки, какъ ударъ въ дротики и не было. Въ арьергардѣ французской армiи шелъ Ней. У него при выходѣ изъ Вильны было подъ ружьемъ 3.000 чел., а въ Ковну пришло 60, остальные погибли въ дорогѣ или взяты донцами въ плѣнъ.

Ней принялъ команду надъ гарнизономъ г. Ковно и думалъ защищаться. 1-го декабря Мюратъ вышелъ изъ Ковно. Онъ и маршалы

Отступленіе французской арміи черезъ Вильну въ 1812 г. По рисунку съ натуры Даніеля.

почитали себя вырвавшимся изъ ада. Да, послѣднія недѣли похода были дѣйствительно адомъ: „люди отъ голода кусали лежавшихъ на

землѣ людей, въ которыхъ иногда тлѣла еще искра жизни, не давали времени испустить духъ, и съ видомъ осклаблющагося удовольствія рѣзали умирающихъ, пожирали соратника, друга и скоро въ свою очередь дѣлались добычей доведенныхъ до изступленія товарищей".

2-го декабря атаманъ Платовъ пришелъ въ Ковно и послалъ казаковъ за рѣку Нѣманъ въ обходъ города; французы бѣжали. Въ Ковнѣ досталось казакамъ 21 орудіе, 30.000 ружей новыхъ и столько же попорченныхъ пожаромъ. Всякихъ военныхъ запасовъ было множество. 3-го декабря Платовъ выстроилъ войска на площади и велѣлъ служить благодарственный молебенъ Господу Богу съ колѣнопреклоненіемъ. Палили изъ пушекъ и троекратно прокричали ура Государю и князю Смоленскому.

Въ Ковнѣ перешли границу до 1500 вооруженныхъ французовъ при 9 орудіяхъ, а безоружныхъ ушло около 13.000. И это было—все, что осталось отъ главной наполеоновой арміи. Для преслѣдованія маршала Макдональда былъ назначенъ корпусъ ген. Витгенштейна. Отрѣзать Макдональда не удалось, но, вмѣсто того, наши генералы постарались отдѣлить пруссаковъ отъ французовъ, чему помогли сами пруссаки, которымъ крѣпко не хотѣлось быть побитыми. 18 и 19-го декабря прусскій генералъ Іоркъ заключилъ договоръ съ генераломъ Дибичемъ о томъ, что прусскія войска, не будутъ сражаться.

Если бы генералъ Витгенштейнъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе, то весь корпусъ Макдональда и пруссаки стали бы нашими плѣнными.

Генералъ Сакенъ и начальникъ авангарда главной арміи генералъ Васильчиковъ выпроводили австрійскій и саксонскій корпуса за русскую границу. Здѣсь тоже дѣло не обошлось безъ дипломатическихъ переговоровъ.

Къ великому празднику Рождества Христова, къ 25-го декабря 1812 года на землѣ нашей Матушки Россіи не осталось ни одного вооруженнаго непріятельскаго воина.

Такъ кончилось знаменитое въ лѣтописяхъ всемірной исторіи нашествіе Наполеона на Россію въ 1812 году. Походъ этотъ продолжался съ 12-го іюня по 3-е декабря – день занятія города Ковно атаманомъ Платовымъ; значитъ, непріятельскія войска пробыли на русской землѣ 174 сутокъ, или 5 мѣсяцевъ и 21 день. Походъ отъ Ковно до Москвы Наполеонъ совершилъ въ 82 дня; прожилъ въ Москвѣ 35 дней, а отступленіе отъ Москвы до Ковны армія Наполеона совершила въ 57 дней. Самъ же Наполеонъ пробылъ въ Россіи 5 мѣсяцевъ и 14 дней. На зарѣ 26 ноября, въ день праздника св. Георгія Побѣдоносца, Наполеонъ вырвался изъ Россіи.

Подумать только: въ теченіе 5 мѣсяцевъ и 21-го дня наши двѣ арміи Барклая-де-Толли и Багратіона прошли походомъ въ оба пути болѣе 2000 верстъ и дали непріятелю большія сраженія въ двѣнадцати мѣстахъ, а всѣхъ боевыхъ дней въ этихъ сраженіяхъ было 18. Сраженій арьергардныхъ при отступленіи и авангардныхъ боевъ при преслѣдованіи мы уже не считаемъ, а сколько было партизанскихъ набѣговъ и битвъ въ отдѣльныхъ отрядахъ главной арміи и въ боковыхъ корпусахъ, — это даже и счесть трудно, потому что подробный дневникъ Отечественной войны и по сей день не составленъ.

Уронъ, понесенный полчищами Наполеона, почти невѣроятенъ. Плѣнныхъ французовъ осталось въ Россіи до 200.000 чел. Въ губерніяхъ Литовскихъ, Бѣлорусскихъ, Смоленской, Московской и Калужской сожжено и зарыто до 300.000 труповъ; въ корпусахъ и отрядахъ перешедшихъ обратно за нашу границу, осталось около 70.000; больныхъ по разнымъ мѣстамъ осталось въ Россіи до 40.000 чел. Кавале

рія Наполеона, въ которой при началѣ похода насчитывалось до 100.000 коней, погибла почти вся, кромѣ небольшой части, которая была у австрійцевъ и саксонцевъ. Погибла и вся артиллерія. Нашими войсками взято 926 орудій, 75 орловъ, знаменъ и штандартовъ. Много орудій подобрано послѣ войны въ озерахъ, болотахъ и въ рѣкахъ.

Здѣсь, при заключеніи нашего разсказа объ изгнаніи враговъ изъ предѣловъ отечества, слѣдуетъ сказать о томъ, что сдѣлали въ бояхъ и въ походахъ казачьи полки славнаго Войска Донского.

Донскіе казаки встрѣтили гордую силу императора французовъ на переправѣ черезъ Нѣманъ у г. Ковно и они же выпроводили заграницу жалкіе отстатки „Великой Арміи“ въ томъ же пунктѣ.

За время кампаніи полками знаменитаго Войска Донского взято у непріятеля: орудій 500, обоза — несчетное число, плѣнныхъ 50.000 челов., въ томъ числѣ 8 генераловъ, 13 полковниковъ и 1000 офицеровъ. Изъ отбитой у французовъ добычи донскіе казаки, исполняя волю атамана, принесли въ даръ Казанскому собору въ Петербургѣ 40 пудовъ серебра въ слиткахъ; изъ этого металла въ соборѣ сдѣланы

Французскій вояжеръ 1812 г.

Карикатурное изображеніе бѣгства Наполеона изъ Россіи.

царскія врата и иконостасъ съ надписью: „Усердное приношеніе Войска Донского“.

Наполеонъ до конца дней своей жизни не могъ равнодушно вспомнить и говорить о тѣхъ пораженіяхъ, которыя нанесли ему въ войну 1812 донскіе казаки.

Въ знаменитомъ 29 бюллетенѣ онъ говоритъ со злобою: „эта достойная презрѣнія конница, которая только шумитъ и не способна прорвать роты вольтижеровъ, сдѣлалась опасной вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ“.

А между тѣмъ, такое заключеніе ошибочно: только горечь понесенныхъ неудачъ и сознаніе безсилія подсказали Наполеону несправедливую оцѣнку дѣйствій донскихъ казаковъ.

Послѣ пораженій, нанесенныхъ атаманомъ Платовымъ корпусу вице-короля Евгенія на р. Вопи, Кутузовъ донесъ государю: „казаки

дѣлаютъ чудеса, бьютъ на артиллерію и пѣхотныя колонны". Такихъ подвиговъ совершено донскими станичниками великое множество и эти подвиги, записанные въ боевую лѣтопись Войска Донского, свидѣтельствуютъ о несправедливой оцѣнкѣ, сдѣланной Наполеономъ о дѣйствіяхъ казаковъ.

Дивные примѣры выносливости и боевого мужества сыновъ тихаго Дона наполняютъ цѣлыя страницы въ описаніяхъ Отечественной войны и создаютъ лучшій памятникъ безсмертной славы Войска Донского и его вождей.

Военныя лѣтописи не представляютъ другого примѣра столь ужасныхъ потерь непріятеля и столь блистательныхъ успѣховъ побѣдителя, какіе милостью Всеблагого Промысла дарованы были русскому побѣдоносному воинству, русскому народу, Царю Александру Павловичу и вождямъ русской арміи, во главѣ которыхъ стоитъ и блещетъ вѣчной славой безсмертное имя фельдмаршала, Свѣтлѣйшаго Князя, Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова—Смоленскаго!

„Россія съ достоинствомъ выдержала трудную войну,—такъ пишетъ очевидецъ, свидѣтель славныхъ битвъ и походовъ, полковникъ Бутурлинъ.

„Народъ русскій явилъ все величіе свое, готовностью на пожертвованія, требуемыя крайностью обстоятельствъ. При видѣ опасности, угрожавшей Отечеству, всякія личныя выгоды, всякія ревнованія сословій умолкли, и всѣ состоянія, одно предъ другимъ, спѣшили соединиться вокругъ Престола".

„Весь народъ, одинаковымъ чувствомъ одушевленный, мыслилъ только о средствахъ ускорить изгнаніе чужеземцевъ. Гласъ чести народной отдавался во всѣхъ сердцахъ. Всѣ, отъ богатѣйшаго вельможи до бѣднѣйшаго земледѣльца, наперерывъ стремились возложить на жертвенникъ Отечества приношенія имущества и крови своей".

„Правительство даже принуждено было ограничить пожертвованія, которыя граждане въ жару усердія своего предлагали свыше дѣйствительныхъ потребностей государства".

„Но императору Александру наиболѣе принадлежитъ слава сего блистательнаго похода: въ событіяхъ 1812 года главною причиною была благородная и великодушная мысль императора Александра продолжать войну до послѣдней крайности, не позволивъ устрашить себя неудачами, сколь бы велики оныя не были. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро россійскій императоръ принялъ великодушную рѣшимость скорѣе согласиться на всѣ пожертвованія, нежели договариваться съ непріятелемъ: то нашествіе, учиненное Наполеономъ на страну безпредѣльную, сдѣлалось предпріятіемъ безумнымъ, а успѣхъ онаго невозможнымъ".

Сколь прилежно не изыскивали бы ученые историки объясненія причинъ гибели наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи, сколь ни изощрялись бы они въ исчисленіи препятствій, встрѣченныхъ имъ въ этомъ походѣ: безпредѣльность пространства, рѣдкая и разбросанная населенность, дальность движенія армій, недостатокъ продовольствія, фуража и квартиръ для войскъ, наконецъ, морозы и зимніе ледоходы на рѣкахъ, трудность доставки припасовъ и пр. и пр.,—все это ничто въ сравненіи съ той рѣшимостью отчаяннаго сопротивленія, которое представлено врагу народомъ и его ратной силой.

Народъ мужественный, рѣшившійся биться съ врагомъ безъ пощады, до истребленія послѣдняго человѣка, долженъ одолѣть и восторжествовать могучестью своего великаго народнаго духа.

Предначертанія Наполеона для похода въ Россію были основаны на весьма широкихъ и точныхъ соображеніяхъ: у него была громаднѣйшая армія, превосходно обученная и повиновавшаяся ему безпрекословно, при всей своей разноплеменности. Его военный геній, таланты государственнаго человѣка и огромныя средства, которыми онъ располагалъ, преодолѣли всѣ препятствія, представлявшіяся непреодолимыми даже и для сильнаго ума обыкновеннаго полководца.

Маршалы и генералы Наполеона были талантливыми полководцами. Въ деньгахъ онъ не чувствовалъ недостатка. Оружіе въ арміи было по тому времени наилучшее, снаряженіе и запасы — громадные. Наконецъ, его личное преимущество — военный геній полководца и обаяніе его побѣдъ,—все это рушилось и погибло передъ безропотной твердостью духа могучаго русскаго народа, сокрушившаго вражью силу

Баронъ Карлъ Федоровичъ Толь.

Генералъ-квартирмейстеръ главной русской арміи.

Съ портрета Доу.

своимъ единодушнымъ рѣшеніемъ—бить врага безъ жалости, безъ пощады до послѣдняго живота!..

Этой тайны русскаго духа не постигъ Наполеонъ и погубилъ свое дѣло, заливъ русскую землю кровью своихъ солдатъ, которой онъ не дорожилъ и драгоцѣнной кровью славныхъ сыновъ Россіи.

Обращаясь къ выясненію причинъ того ужасающаго результата, которымъ закончился походъ Наполеона въ Россію въ 1812 году, приходится сказать, что безпримѣрная гибель наполеоновыхъ полчищъ явилась слѣдствіемъ коренныхъ недостатковъ устройства его арміи и преувеличенной до крайней степени самоувѣренности Наполеона.

При всей наружной сплоченности частей арміи, ей не хватало прочной внутренней спайки: между вождями и арміей не было того, что называется крѣпкимъ единствомъ народнаго духа.

Наполеонъ допускалъ вербовку иностранцевъ въ ряды французскихъ войскъ, это разжижало коренной составъ французской арміи. Впослѣдствіи, когда Наполеонъ покорилъ иностранныя государства и присоединилъ къ своей арміи войска иноплеменныхъ союзниковъ, предводимыя французскими офицерами и генералами, его армія превратилась въ инструментъ, весьма разноголосый. Въ кампанію 1812 г. цѣлая половина арміи Наполеона состояла изъ иностранцевъ, для которыхъ слава французскихъ знаменъ и притязанія императора французовъ на всемірное владычество были непонятными словами.

Предполагать существованіе безотчетнаго увлеченія славой французскаго оружія у пруссаковъ, австрійцевъ, вюртембергцевъ, баденцевъ, вестфальцевъ, баварцевъ, саксонцевъ, швейцарцевъ, голландцевъ, неаполитанцевъ, испанцевъ, португальцевъ, хорватовъ, иллирійцевъ и др.,—этого не можетъ допустить здравый смыслъ.

Эти разноплеменныя полчища сплачивались надеждой на легкія побѣды, одерживаемыя военнымъ геніемъ Наполеона. Какъ только побѣдная слава оставила знамена французской арміи, сплоченность разстроилась; въ войскахъ исчезло обаяніе самозваннаго повелителя всей Европы. Первыя движенія по отступленіи отъ Малоярославца сопровождались уже разстройствомъ порядка и дисциплины, а дальше пошло быстрыми шагами полное разложеніе. Были случаи открытаго неповиновенія: баварская дивизія ген. Вреде отдѣлилась отъ войскъ маршала Сенъ-Сира и самовольно отступила на Вильну, вопреки приказаніямъ. Послѣ Березинскаго погрома войска отказывались сражаться въ арьергардѣ.

Изъ описаній участниковъ похода видно, что части войскъ, составленныя изъ иностранцевъ, пришли въ разстройство скорѣе и больше, чѣмъ войска, составленныя изъ французовъ. Это значитъ, что войска союзниковъ были составлены изъ народа не стойкаго, который шелъ на войну съ низкими побужденіями поживиться въ непріятельской землѣ грабежомъ, военной добычей и сражался только въ силу необходимости. Мы уже говорили, что съ первыхъ дней своей военной карьеры Наполеонъ соединилъ войну съ грабежомъ завоеванныхъ иностранныхъ областей. Онъ привилъ и своимъ арміямъ грабительскія побужденія.

Начиная войну съ Россіей, онъ основалъ свои планы на возможности поднять возстаніе въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ; онъ думалъ возмутить русскихъ противъ царя, думалъ поднять крестьянъ противъ помѣщиковъ - дворянъ, думалъ о пугачовщинѣ.

Все это ему нашептали въ уши поляки. При такихъ соображеніяхъ грабежъ арміей жителей страны былъ дѣломъ вреднымъ, и не соотвѣтствовалъ планамъ политики. Наполеонъ, узнавъ, что войска начали грабить мирное населеніе литовскихъ губерній, сердился, бранилъ начальниковъ, но остановить грабежа не могъ. Онъ понималъ также, что армія разбѣжится и пропадетъ съ голода, если запретить фуражировки и мародерство,—и махнулъ рукой. А передъ своей гвардіей Наполеонъ фанфаронилъ и рисовался заботливымъ полководцемъ. Передъ бородинской битвой онъ спросилъ стоявшихъ у его шатра часовыхъ: получила ли гвардія рисъ? Этому рису онъ придавалъ большое значеніе, конечно только на словахъ.

При занятіи Москвы послѣ пожара, испепелившаго богатый городъ, Наполеонъ воскликнулъ: „я лишился награды, которую обѣщалъ

моей арміи". Тутъ ясно выражена мысль о томъ, что городъ обрекался на разграбленіе. Если Наполеонъ думалъ такъ, то его армія и подавно признавала своимъ правомъ грабить непріятельскіе города и села.

Въ Москвѣ, обнаружился раздоръ между гвардіей и арміей изъ-за права производить грабежи. Гвардейцы, вступивъ въ Москву, прежде всего принялись грабить дома и лавки, и не допускали къ этому занятію армейцевъ. Столкновенія на этой почвѣ были причиной вражды и взаимной ненависти. Армія стала презирать гвардейцевъ; между офицерами происходили поединки.

Нельзя думать, что Наполеону были неизвѣстны обстоятельства,

Атаманъ Войска Донского,

Графъ М. И. Платовъ.

Съ гравюры Вендрамини.

указывавшія на разстройство порядка и дисциплины въ арміи. Эту сторону дѣла онъ хорошо зналъ отъ своихъ маршаловъ и генераловъ, но притворялся, что вѣритъ въ непоколебимое мужество своихъ войскъ и въ преданность арміи его особѣ. Онъ думалъ, что поправитъ дѣла побѣдой, а побѣда не давалась въ руки. Русская армія носилась какимъ то неуловимымъ призракомъ среди мрачной безпредѣльной

лѣсной глуши, въ которой затерялась, наконецъ, огромная французская армія.

Для похода въ Россію Наполеонъ собралъ громадныя силы и подготовилъ обширныя средства, но не изучилъ природу страны, духъ русскаго народа и характеръ русскаго царя.

Предначертанія Наполеона для похода въ Россію были обширны и обдуманы, но въ исполненіи своихъ собственныхъ плановъ Наполеонъ допустилъ самообольщеніе и недостаточную осторожность. Онъ хотѣлъ сорвать побѣду на границѣ, на первыхъ порахъ похода и,—осѣкся.

Онъ былъ слишкомъ самонадѣянъ и не допускалъ, чтобы въ завоевательномъ походѣ, начатомъ съ тройнымъ перевѣсомъ боевыхъ силъ арміи, можно было потерпѣть неудачу и подчиниться чужой волѣ. А между тѣмъ, уже съ самаго начала похода его военный планъ разрушился: Наполеону не удалось разбить русскія арміи на границѣ, не удалось отрѣзать ихъ, разъединить и побить порознь.

Онъ долженъ былъ идти слѣдомъ, по пятамъ русской арміи, которая давала отпоръ тамъ, гдѣ этого требовали планы русскихъ главнокомандующихъ. Наполеонъ думалъ вести кампанію, а оказалось, что ведутъ ее русскіе генералы, а онъ только слѣдуетъ за ними.

Кутузовъ довелъ Наполеона до самой Москвы, хотя Наполеону вовсе не слѣдовало входить въ столицу, что онъ и самъ сознавалъ.

Кутузовъ берегъ армію и зналъ, что нужно дѣлать, а Наполеону не оставалось ничего другого, какъ занять Москву. Что сказали бы въ Европѣ, еслибы Наполеонъ, подойдя къ стѣнамъ Москвы, не занялъ бы города?

Движеніе къ Малоярославцу опять таки вызвалъ Кутузовъ и вызвалъ тогда, когда пополнилъ русскую армію и уравнялъ боевыя силы. Ну, а весь дальнѣйшій ходъ кампаніи Кутузовъ велъ, что называется, какъ по нотамъ: онъ заставилъ Наполеона отступить по разоренной Смоленской дорогѣ; сраженія подъ Вязьмой и при г. Красномъ даны были потому, что того желалъ свѣтлѣйшій. Не удалась сложная операція на переправѣ черезъ Березину, но въ этомъ Кутузовъ не виноватъ. Съ его стороны сдѣлано было все необходимое, чтобы запереть разбитымъ наполеоновымъ полчищамъ выходъ изъ Россіи на переправѣ.

Трагическій исходъ кампаніи 1812 года казалось бы долженъ сбить съ Наполеона спесь, надменность и самомнѣніе, но этотъ человѣкъ былъ неисправимъ: послѣ страшнаго пораженія онъ продолжалъ бахвалиться и театральничать. По временамъ его военныя дарованія вспыхивали яркимъ пламенемъ, но это былъ блескъ падающей звѣзды, безсильный, чтобы озарить свѣтомъ грозныя тучи, скопившіяся надъ головой ненасытнаго властолюбца, поработителя Европы.

Всѣ помыслы фельдмаршала Кутузова клонились только къ спасенію Отечества, а не къ продолженію войны съ Наполеономъ, котораго онъ „полагалъ поберечь для англичанъ". Нѣмецкіе патріоты и англичане, напротивъ того, стояли за продолженіе войны, видя въ Россіи удобное орудіе для своихъ политическихъ, своекорыстныхъ цѣлей.

Блистательные успѣхи русской арміи послѣ Тарутинской побѣды достались дорогой цѣною: при Тарутинѣ въ арміи Кутузова было 97.112 челов. и 622 орудія; въ Вильну пришли 27.464 челов. съ 200 орудіями, прочія пушки оставлены по пути. Въ госпиталяхъ было 48.000 чел. Фельдмаршалъ высказалъ государю убѣжденіе въ необходимости пріостановить на время наступленіе и дать арміи отдыхъ, „а ежели продолжать дѣйствіе верстъ на полтораста, не пріостановясь, то, говорилъ онъ, придется снова составлять армію".

Великій воинскій подвигъ спасенія Отечества былъ совершенъ фельдмаршаломъ Кутузовымъ въ старческіе годы, когда полководецъ, умудренный опытомъ долголѣтней боевой службы, перенесшій опасныя раны, участвовавшій въ 16 большихъ сраженіяхъ и штурмахъ крѣпостей, мудрѣйшій человѣкъ своего времени, — сталъ противникомъ геніальнѣйшаго полководца.

Не случай поставилъ Кутузова во главѣ всѣхъ силъ русскаго народа: онъ былъ призванъ на брань и облеченъ властью вождя русскихъ силъ голосомъ народа. Кутузовъ одолѣлъ врага своей мудростью; онъ ничего не предоставлялъ на долю риска или случая, не разсчитывалъ онъ на счастье, не вѣрилъ въ безпричинную удачу. Его удары всегда были основаны на глубоко вѣрномъ разсчетѣ, всегда гибельны для непріятеля и въ конечномъ результатѣ неотразимы. Но этого еще мало: онъ всегда разсчитывалъ получить успѣхъ съ возможно малыми потерями. Кутузовъ дорожилъ кровью русскаго солдата—качество неоцѣнимое въ полководцѣ. Военные писатели осуждаютъ за это Кутузова, но народъ и армія—благословляютъ.

Россія слѣдила мысленно за каждымъ шагомъ Кутузова съ твердой увѣренностью въ его мудрость, а войска были убѣждены въ побѣдѣ, находясь подъ его предводительствомъ. Кутузовъ умѣлъ говорить съ войсками; эту великую способность онъ перенялъ у Суворова: Кутузовъ шутилъ съ солдатами, какъ шутитъ старикъ отецъ въ кругу своей семьи.

И надежды народа на избавленіе отъ звѣрски натасканныхъ полчищъ Наполеона оправдалась; народъ и войско съ благословеніемъ и умиленіемъ произносили имя Кутузова.

Со всѣхъ концовъ Россіи летѣли въ столицу приказы о высылкѣ портретовъ Кутузова и атамана Платова. Издатели московскихъ лубочныхъ народныхъ картинъ нажили сотни тысячъ рублей на продажѣ изображеній Кутузова, Багратіона, Платова, Милорадовича и Витгенштейна въ бояхъ съ французами.

Не знали мѣры признательности вождю—избавителю. Придумывали самые необыкновенные способы изъявленія ему благодарности. Калужане хотѣли просить государя о дозволеніи поминать на екте-

ніяхъ имя Кутузова послѣ императорской фамиліи. „Оставьте это, писалъ имъ фельдмаршалъ; усердная служба наша отечеству не даетъ намъ права желать почестей, равныхъ съ тѣми, какія издревле предоставлены только фамиліи нашихъ государей".

11-го декабря князь Кутузовъ въ парадной формѣ, которой не разу не одѣлъ во время похода, съ строевымъ рапортомъ въ рукѣ, стоялъ у дворцоваго нодъѣзда въ Вильнѣ съ почетнымъ карауломъ отъ любимаго государемъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Въ 5 ч. пополудни прибылъ императоръ, прижалъ къ сердцу фельдмаршала, принялъ рапортъ и, поздоровавшись съ семеновцами, вошелъ во дворецъ объ руку съ побѣдоноснымъ полководцемъ. Онъ повелъ его въ свой кабинетъ и бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей. По выходѣ Кутузова изъ государева кабинета, графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгія первой степени.

На слѣдующее утро, въ день рожденія императора Александра государь принималъ поздравленія и сказалъ собравшимся во дворцѣ генераламъ: „Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу". Въ этихъ немногихъ словахъ выражена была мысль государя продолжать войну съ Наполеономъ, являясь защитникомъ и освободителемъ угнетенныхъ народовъ Европы. День этотъ ознаменовался еще манифестомъ, провозглашавшимъ для поляковъ въ западныхъ губерніяхъ, принявшихъ сторону непріятеля, забвеніе прошлаго, всеобщее прощеніе.

Всепрощеніе, объявленное государемъ разстроило намѣреніе князя Кутузова представить на монаршее воззрѣніе предположеніе, чтобы генераловъ и офицеровъ, отличившихся во время Отечественной войны, наградить помѣстьями литовскихъ и бѣлорусскихъ мятежниковъ.

Пріѣздъ государя въ Вильну былъ истиннымъ благодѣяніемъ для оставшихся въ живыхъ непріятелей. Городъ былъ переполненъ ранеными и больными французами.

На всѣхъ главныхъ улицахъ были разведены большіе костры для очищенія воздуха. Госпиталь въ Базиліанскомъ монастырѣ представлялъ наиболѣе ужасающую картину: 7.500 труповъ были навалены другъ на друга по коридорамъ; разбросанные трупы валялись всюду; всѣ отверстія разбитыхъ оконъ или стѣнъ были заткнуты руками, ногами, туловищами и головами мертвыхъ, чтобы предохранить живыхъ отъ доступа холоднаго воздуха.

„Государь посѣтилъ госпиталь, онъ не побоялся явиться среди гнѣздилища смерти и, не думая о заразѣ, утѣшалъ своимъ присутствіемъ тѣхъ, кого долгъ и несчастіе собрали въ эти скорбныя помѣщенія. Въ одной бесѣдѣ императоръ сказалъ: „я не обладаю счастливой философіей Наполеона и эта несчастная кампанія стоитъ мнѣ десяти лѣтъ жизни".

Не смотря на счастливое окончаніе похода, Кутузовъ не сразу согласился съ мнѣніемъ императора Александра о необходимости продолжать войну и освободить Европу. Но государь не внялъ ни доводамъ своего полководца, ни голосу русскаго общества, которое было противъ заграничной войны.

Полагали, что, отразивъ нашествіе, можно было заключить съ Наполеономъ выгодный миръ. Но государь рѣшилъ иначе, и началась война за освобожденіе Германіи.

28-го декабря войска выступили изъ Вильны въ Герцогство Варшавское, при арміи находились императоръ Александръ и Кутузовъ. Поляки, однако, не встрѣчали русскихъ, какъ своихъ избавителей. Одни евреи каждаго мѣстечка, лежавшаго по дорогѣ, гдѣ проходили войска, выносили разноцвѣтныя хоругви съ изображеніемъ на нихъ

вензеля государя; при приближеніи русскихъ они били въ барабаны и играли на трубахъ и литаврахъ. Можно себѣ вообразить, какова была эта жидовская музыка!

Милорадовичъ вступилъ въ Варшаву; ключи города были поднесены ему тѣмъ самымъ чиновникомъ, который въ 1794 году поднесъ ихъ Суворову. Варшава сначала была освобождена отъ военнаго постоя. Хмурые поляки не имѣли причинъ жаловаться: войска наши соблюдали величайшій порядокъ, Но поляки начали устраивать заговоры о возстаніи и пришлось занять Варшаву войсками.

Портретъ императора Александра I-го

въ доспѣхахъ русскаго витязя.

Съ гравюры Клауберга, по рисунку для медали графа Ѳ. П. Толстого.

Поднимая Россію на войну за освобожденіе Германіи, императоръ Александръ руководился самыми высокими побужденіями. Александръ зналъ, что Россія понесла ужасныя потери, но не могъ и не желалъ остановиться на границахъ своего государства, потому что хо-

рошо зналъ Наполеона и понималъ, что прочный миръ съ нимъ невозможенъ, даже послѣ понесеннаго страшнаго пораженія.

Александръ явился освободителемъ народовъ отъ самаго ужаснаго ига, которое порабощенные народы Европы сами по себѣ не скоро могли бы ниспровергнуть. Государь зналъ хорошо огромныя средства, которыми располагалъ Наполеонъ, предвидѣлъ и не ошибался въ томъ, что Наполеонъ можетъ скорѣе создать новую армію, чѣмъ Россіи удастся пополнить свои войска, и это подтвердилось на дѣлѣ. Поэтому то русскій государь спѣшилъ ковать желѣзо пока горячо и поднималъ Германію на брань съ Наполеономъ, указывая нѣмцамъ на святое дѣло освобожденія отъ врага и угнетателя ихъ отечества.

Не будь Александра, Европа не возстала бы противъ Наполеона, а вслѣдъ за тѣмъ Россія имѣла бы новую войну въ своихъ предѣлахъ съ жестокимъ поработителемъ Европы.

Одинъ изъ правдивыхъ нѣмецкихъ историковъ восклицаетъ: „Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ! безъ Александра не было бы войны 1813 года"!

Тѣмъ не менѣе, безкорыстная помощь Россіи давно позабыта нѣмцами и ихъ ученые и историки, надутые чванствомъ, писали, что дѣло освобожденія совершено геройскими прусскими руками, а Россія только препятствовала осуществленію патріотическихъ стремленій Германіи.

Но современники и непосредственные участники великой борьбы за освобожденіе Германіи оцѣнили великодушную политику Александра безпристрастно. Прусскій фельдмаршалъ Гнейзенау, горячій патріотъ и отличный генералъ написалъ слѣдующія слова:

„Если бы императоръ Александръ, по отступленіи Наполеона изъ Россіи, не преслѣдовалъ завоевателя, вторгнувшагося въ его государство; если бы онъ удовольствовался заключеніемъ съ нимъ мира, то Пруссія по нынѣ (писано въ 1831 году) находилась бы подъ вліяніемъ Франціи, а Австрія не ополчилась бы противъ послѣдней. Тогда не было бы острова св. Елены, Наполеонъ былъ бы еще живъ, и одинъ Богъ знаетъ, какъ бы онъ выместилъ на другихъ тѣ невзгоды, какія ему пришлось вынести въ Россіи. Русскому союзу мы (нѣмцы) обязаны нашей настоящей независимостью".

3-го ноября 1812 года въ день перваго боя подъ Краснымъ, въ Петербургѣ подписанъ государемъ императоромъ манифестъ съ выраженіемъ признательности и благодарности государя „всѣмъ вѣрноподданнымъ, яко сынамъ Россіи".

Въ этомъ манифестѣ есть замѣчательное изложеніе сокровенныхъ мыслей императора о Наполеонѣ:

„Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его (Наполеона) успокоить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сей боязнію и глубокою ненавистью къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, устроялъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями, мнилъ потрясти вѣрность къ Престолу, поруганіемъ же Святыни и храмовъ Божіихъ поколебать вѣру и нравы народные заразить буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ свои пагубные замыслы, и съ ними, на подобіе тлетворной и смертоносной бури, понесся въ грудь Россіи".

Въ этихъ глубоко вѣрныхъ словахъ чувствуется правильное истолкованіе смысла и значенія историческихъ событій, совершившихся послѣ французской революціи. Императоръ Александръ понималъ, что Наполеонъ явился предъ міромъ Европы наслѣдникомъ и преемникомъ

позорныхъ дѣяній революціи, угрожавшей человѣчеству ниспроверженіемъ основъ государственной жизни и свободы народовъ.

Революція, а за ней и Наполеонъ хвастливо и коварно объявили народамъ, что несутъ имъ свободу отъ утѣснителей, какъ называли они природныхъ государей, а въ дѣйствительности принесли всѣмъ народамъ, въ томъ числѣ и французамъ, страшныя разоренія и порабощеніе игу иноземнаго завоевателя.

Первая французская революція не коснулась Россіи, но борьбу съ послѣдней оставила въ наслѣдство своему „исчадію“ — Наполеону, который воплотилъ въ себѣ самыя низкія, безчестныя, безнравственныя, злыя и мрачныя свойства людей революціонной эпохи: лживость, коварство, корыстолюбіе, насиліе и ненасытную страсть къ кровопролитію дикому, безпощадному.

Походъ Наполеона въ Россію явилъ несчетные примѣры злодѣйствъ, соединенные съ возмущающими человѣческую совѣсть преступленіями святотатственнаго ограбленія народныхъ святынь и кощунственнаго обращенія съ священными предметами народной Христіанской вѣры.

И намъ кажется, что императоръ Александръ правильно понималъ Наполеона и боролся съ нимъ не за свой престолъ, не за цѣлость своей державы, которыхъ Наполеонъ не смогъ сокрушить, а за вѣру, свободу и независимость народа не только своего родного, но и всѣхъ другихъ народовъ, униженныхъ и порабощенныхъ завоевателемъ, оскорблявшимъ народныя религіозныя вѣрованія и разрушавшимъ самобытность, границы и формы государственной жизни всѣхъ народовъ Европы.

Вотъ почему представляется теперь совершенно яснымъ, что Александръ, изгнавъ Наполеона изъ Россіи, не могъ остановиться на рубежѣ своего царства и заключить миръ: онъ продолжалъ борьбу до окончательнаго низложенія чудовища, вышедшаго изъ нѣдръ безбожной и злодѣйской французской революціи.

Остановиться на полдорогѣ было бы величайшею ошибкою, ибо миръ съ Наполеономъ былъ бы только кратковременнымъ перемиріемъ.

Слѣдовало добить звѣря въ его берлогѣ, разъ не удалось захватить его на русской землѣ.

Императоръ Александръ рѣшился потребовать отъ народа новаго напряженія силъ, вмѣсто отдыха, послѣ страшнаго погрома. Послѣдующія событія доказали, что государь разсудилъ совершенно правильно.

Если русскому войску и не удалось захватить въ плѣнъ Наполеона, то все же слава полнаго истребленія его полчищъ неотъемлема и неоспорима. Будемъ довольствоваться этой славой: она лучезарной звѣздой сіяетъ на знаменахъ доблестной русской арміи и наполняетъ гордостью русскія сердца.

Глубоко вѣрную и, можно сказать, дивную оцѣнку Отечественной войны 1812 года далъ извѣстный русскій ученый Ѳ. Ѳ. Соколовъ:

„Не забыто и никогда не будетъ забыто человѣчествомъ то, что сдѣлалъ народъ въ Отечественную войну. Что же скажемъ мы, русскіе? Эта война для Россіи имѣла не политическое только значеніе: она была могущественнымъ орудіемъ движенія русской жизни, она породила цвѣтъ нашей словесности, тѣ могучіе стальные стихи, эти роскошныя, полныя жизни и правды произведенія изящной прозы, которыя родились у насъ въ XIX вѣкѣ, и какихъ нѣтъ нигдѣ въ новѣйшихъ европейскихъ литературахъ. Двѣнадцатый годъ, безсознательно для насъ, воспиталъ насъ всѣхъ; если бы истребить изъ исторіи двѣнадцатый годъ, то въ каждомъ изъ насъ истребилось бы нѣчто, вошедшее въ плоть и кровь нашу".

Отечественная война 1812—1814 годовъ это не только слава, это—гордость русскаго народа. И не волнуется ли ваша кровь, не зажигаются ли огнемъ торжества ваши глаза, когда вы видите картину французскаго художника, который зарисовалъ съ натуры, какъ донскіе казаки атамана Платова, пройдя походомъ всю Европу, расположились на лучшей улицѣ Парижа, въ Елисейскихъ Поляхъ, живутъ тамъ въ соломенныхъ шалашахъ, купаютъ и поятъ степныхъ донскихъ коней въ рѣкѣ Сенѣ, омывающей набережныя покореннаго русскими войсками города Парижа!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Освобожденіе Германіи.

Походъ 1813 года.

Русскія войска, преслѣдуя французовъ, вступили съ оружіемъ въ рукахъ во владѣнія союзника Наполеона, прусскаго короля; но онѣ вошли въ Пруссію не какъ враги, а какъ доброжелатели нѣмецкаго народа, призывая всѣхъ нѣмцевъ возстать противъ наполеонова владычества и присоединиться къ нашимъ арміямъ.

Нѣмецкіе патріоты съ своей стороны старались поднять духъ народа, и скоро въ восточныхъ областяхъ Пруссіи, освобожденныхъ отъ французскихъ войскъ, началось народное движеніе.

Безъ разрѣшенія прусскаго правительства были созваны земскія собранія (областные сеймы), которыми рѣшено было собрать ополченія и вооружиться. Императоръ Александръ приказалъ облегчать участь пруссаковъ. Во всѣхъ прусскихъ городахъ, въ которые вступали наши войска, были оставлены на своихъ мѣстахъ прусскія власти и управленія.

Но одушевленіе нѣмцевъ обнаружилось только въ областяхъ Восточной Пруссіи и отчасти въ Сѣверной Германіи. Вся остальная Германія и не думала о возстаніи противъ Наполеона. Нѣмцы продолжали служить въ наполеоновыхъ войскахъ и сражались противъ прусскихъ, нѣмецкихъ войскъ. И если сказать правду, то не будетъ большимъ преувеличеніемъ такого рода выраженіе, что императоръ Александръ поднималъ нѣмцевъ на возстаніе противъ воли большей части Германіи, и во всякомъ случаѣ, противъ воли тѣхъ нѣмецкихъ принцевъ и князей, которымъ хорошо жилось при наполеоновомъ владычествѣ. Для управленія нѣмецкими областями, изъ которыхъ русскими отрядами были изгнаны войска Наполеона, былъ образованъ комитетъ изъ трехъ нѣмцевъ, а предсѣдателемъ назначенъ русскій князь Кочубей. Этотъ комитетъ объявилъ, что всѣ нѣмецкіе князья, которые откажутся содѣйствовать освобожденію отечества, будутъ лишены своихъ владѣній.

Но объявленіе комитета не произвело никакого дѣйствія, и не имѣло никакихъ, послѣдствій. Въ одной только Пруссіи народное движеніе принесло большія жертвы на дѣло освобожденія Германіи.

Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III сидѣлъ въ это время въ Потсдамѣ, подъ наблюденіемъ французскаго маршала Ожеро, стоявшаго въ Берлинѣ съ 6.000 войскомъ. Прусскій король и его прави-

тельство колебались приступить къ союзу съ Россіей, но, видя народное одушевленіе, охватившее вдругъ всѣ слои населенія Восточной Пруссіи, король рѣшился, наконецъ, переѣхать изъ Потсдама въ Силлезію, въ городъ Бреславль; здѣсь онъ чувствовалъ себя въ безопасности отъ покушеній на его особу со стороны французовъ, и далъ согласіе на заключеніе союзнаго договора съ императоромъ Александромъ. 16-го февраля союзный договоръ былъ подписанъ въ Калишѣ, близъ прусской границы.

Россія обязалась выставить 150.000, а Пруссія 80.000 войска. Король пріѣхалъ въ Калишъ къ императору Александру, который показалъ Фридриху-Вильгельму свою армію. На смотру было всего 18.000 челов. Фельдмаршалъ Кутузовъ, не имѣя силъ ѣхать верхомъ, стоялъ впереди строя. Король удивлялся малочисленности русской арміи, но послѣ страшной убыли въ войскахъ наши резервы еще не успѣли подойти, задержанные дурными дорогами.

Фельдмаршалъ Кутузовъ слабѣлъ здоровьемъ. Императоръ и нѣкоторые генералы желали быстраго похода, а онъ упорствовалъ, не желая дѣйствовать неосторожно, на удачу.—„Самое легкое дѣло",—сказалъ онъ однажды съ негодованіемъ,—„идти теперь за Эльбу, но какъ воротимся? Съ рыломъ въ крови".

Предсказаніе мудраго полководца вполнѣ оправдалось: двинутая впередъ русско-прусская армія быстро дошла до р. Эльбы, но послѣ двухъ сраженій съ Наполеономъ должна была отступить за р. Одеръ съ большими потерями, именно, какъ выразился Кутузовъ, „съ рыломъ въ крови".

26-го марта императоръ Александръ вступилъ съ войсками въ Саксонію, которая была въ союзѣ съ Наполеономъ, и въ приказѣ по арміи, объявилъ, что Пруссія идетъ вмѣстѣ съ нами: „положить конецъ сему нестерпимому киченію, которое, не смотря на собственную свою и другихъ земель пагубу, алчетъ рѣками крови и грудами костей человѣческихъ утвердить господство свое надъ всѣми державами... Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія, за человѣчество—противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу правду! Онъ покоритъ подъ ноги наши гордаго врага и посрамитъ ползающихъ къ стыду человѣчества предъ нимъ рабовъ".

Главное начальство надъ прусскими войсками король предоставилъ фельдмаршалу Кутузову. Нѣмцы встрѣчали фельдмаршала съ необыкновеннымъ восторгомъ. „Такого энтузіазма не будетъ въ Россіи", писалъ Кутузовъ женѣ, „нѣсть пророкъ честенъ въ отечествѣ своемъ". Одинъ разъ нѣмцы поднесли императору Александру лавровый вѣнокъ. Государь отослалъ его Кутузову, сказавъ, что лавры принадлежатъ ему.

Но старческія силы великаго вождя русской арміи были надломлены, и дни его сочтены: 16-го апрѣля Кутузовъ скончался въ Силлезіи въ городѣ Бунцлау, не имѣя силъ слѣдовать за арміей. Государь писалъ овдовѣвшей княгинѣ: „Болѣзненная и великая не для однѣхъ васъ, но и для всего отечества потеря. Не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу я и плачетъ вся Россія". Прахъ мудрѣйшаго вождя русской арміи покоится въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ. Кому случится быть въ столицѣ, поклонитесь праху Кутузова, — онъ спасъ наше отечество—Россію!..

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ

Императоръ Александръ I.

Съ портрета Крюгера.

Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!" Ты всталъ и спасъ...

„Къ тѣни полководца". Пушкинъ.

Когда привезли въ Россію тѣло усопшаго фельдмаршала, жители окрестныхъ селеній выпрягали лошадей у печальной колесницы и сами ее везли. Тоже было и въ Петербургѣ при погребеніи. Король прусскій на мѣстѣ кончины соорудилъ памятникъ съ надписью: „До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя россійскія войска; но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя".

Главнокомандующимъ союзными войсками назначенъ былъ графъ Витгенштейнъ. Онъ также выпустилъ воззваніе къ нѣмцамъ:

„Саксонцы! Германцы! Наши родословныя древа, наши родовые списки заканчиваются 1812 годомъ! Дѣянія нашихъ предковъ уничтожены униженіемъ, въ которомъ мы видимъ ихъ внуковъ. Только общее возстаніе Германіи можетъ вновь вывести и призвать къ дѣйствію благородные роды".

Но „благородные германскіе роды" не думали откликнуться на призывъ русскаго генерала-нѣмца, и общаго возстанія противъ французовъ не произошло.

Появленіе русскихъ передовыхъ отрядовъ и особенно донскихъ казаковъ производило вообще въ средней Германіи радостное волненіе между жителями; однако, никто изъ нихъ не вооружился противъ французовъ. Всюду довольствовались одними пожеланіями успѣховъ русскому оружію, чествовали донцевъ, но хладнокровно ожидали, чѣмъ кончится война, поднятая Александромъ для освобожденія Германіи.

Для возбужденія нѣмцевъ къ возстанію были высланы партизанскіе отряды. Прежде всего, конечно, нужно было освободить столицу Пруссіи—Берлинъ. Къ этому городу посланъ былъ партизанскій отрядъ полковника Чернышева.

Соединившись съ другимъ партизанскимъ отрядомъ полковника Тетенборна, Чернышевъ быстро подступилъ къ Берлину; этотъ городъ былъ занятъ сильнымъ отрядомъ французскихъ войскъ. Чернышевъ съ казаками ворвался въ городъ неожиданно. Жители выражали привѣтствія русскимъ, но берлинская полиція, страшась французовъ, усмиряла берлинцевъ и даже стрѣляла въ толпы, привѣтствовавшія нашихъ казаковъ. Маршалъ Ожеро не рѣшился остаться въ Берлинѣ и увелъ войска; тогда наши партизаны Чернышевъ и Тетенборнъ заняли городъ и въ улицахъ его атаковали отступающій французскій арьергардъ, захвативъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Тогда только берлинцы возликовали и увѣровали въ свое освобожденіе. Вскорѣ въ Берлинъ

Передовой отрядъ донскихъ казаковъ подъ Берлиномъ 20-го февраля 1813 г.

вступилъ цѣлый корпусъ русскихъ войскъ, подъ командой гр. Витгенштейна и ему выпала на долю честь спасти столицу Пруссіи, Берлинъ отъ гибели: вице-король Евгеній Богарне, начальствовавшій надъ французскими войсками, устремился на этотъ городъ, чтобы разорить. Витгенштейнъ смѣлымъ движеніемъ оттѣснилъ вице-короля. Въ войскахъ послѣдняго были баварцы, баденцы, вюртембергцы, вестфальцы, и они шли на грабежъ и разореніе нѣмецкаго города, „какъ покорные рабы императора французовъ".

Между тѣмъ, приближалась рѣшительная минута. Наполеонъ привелъ въ Саксонію 125.000 войска; у союзниковъ было 72.000 (39.000 русскихъ и 33.000 прусскихъ). Союзной арміей командовалъ Витгенштейнъ. Подъ Люценомъ дано было сраженіе 20-го апрѣля; для Наполеона оно было неожиданнымъ. Императоръ Александръ находился нерѣдко подъ ружейнымъ огнемъ, и когда его просили удалиться, отвѣчалъ: „для меня здѣсь нѣтъ пуль". Союзники принуждены были отступить изъ Саксоніи. Король прусскій былъ въ отчаяніи: приходилось вести войну на прусской землѣ. Пруссакамъ опять угрожало разореніе.

Скоро къ нашимъ войскамъ подошли подкрѣпленія; силы союзниковъ возрасли до 100.000 (70.000 русскихъ и 30.000 прусскихъ). Армія укрѣпилась при Бауценѣ.

Императоръ Александръ рѣшилъ принять оборонительное сраженіе по причинамъ политическимъ: чтобъ не удаляться отъ границъ Австріи, съ которой уже шли переговоры о приступленіи къ союзу. Наполеонъ, имѣя значительный перевѣсъ силъ, наступалъ и въ первый день сраженія 20-го мая не имѣлъ успѣха. Нашъ арьергардъ подъ командой графа Милорадовича на всѣхъ пунктахъ опрокинулъ французовъ.

На другой день 21-го мая Наполеонъ стянулъ къ мѣсту боя всѣ свои силы и направилъ корпуса частью въ обходъ праваго фланга позиціи союзниковъ, а наибольшую массу сосредоточилъ для атаки центра, гдѣ стояли пруссаки подъ командой Блюхера. Французы сбили пруссаковъ съ Креквицкихъ высотъ—ключъ позиціи. На помощь пруссакамъ двинуты два русскихъ гвардейскихъ полка, но пруссаки не удержались и принуждены были отступить.

Въ пять часовъ графъ Витгенштейнъ разослалъ по войскамъ приказъ объ отступленіи. Союзники отступили въ полномъ порядкѣ, не потерявъ ни пушекъ, ни плѣнныхъ. Ни одинъ изъ нашихъ баталіоновъ и эскадроновъ не былъ разстроенъ. Нравственное состояніе войскъ было превосходное.

Въ двухдневномъ сраженіи подъ Бауценомъ въ союзной арміи выбыло изъ строя 9.948 чел., въ томъ числѣ русскихъ 6.406 человѣкъ. У французовъ было урона до 15.000.

Упорное сраженіе подъ Бауценомъ заставило Наполеона задуматься о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ войны. На флангѣ и въ тылу наполеоновыхъ силъ находилась Австрія, намѣренія которой были для императора французовъ не особенно благопріятны. Австрія предлагала свое посредничество для заключенія мира. Наполеонъ ухватился за эту возможность прекратить войну и соглашался начать переговоры о мирѣ. Но для союзниковъ важнѣе всего былъ не миръ, а перемиріе, чтобъ выиграть время и стянуть подходившія изъ Россіи резервныя арміи. Къ тому же и Австрія еще не окончила своихъ военныхъ приготовленій. Черезъ австрійскихъ министровъ передано было Наполеону предложеніе отъ имени императора Александра и короля прусскаго заключить перемиріе на шесть недѣль и въ это время открыть въ городѣ Прагѣ конгрессъ для заключенія мира.

Кончина фельдмаршала, свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго.

Съ гравюры Карделли, по рисунку съ натуры Ефимовича.

Наполеонъ согласился заключить перемиріе, которымъ воспользовался императоръ Александръ, чтобъ усилить свою армію и привлечь къ союзу Австрію.

Наполеонъ сознавалъ впослѣдствіи, что сдѣлалъ громадную ошибку, согласившись на перемиріе послѣ Бауценскаго сраженія. Приступленіе Австріи къ союзу и продолженіе войны было уже рѣшено, и на конгрессѣ въ Прагѣ наполеоновыхъ дипломатовъ просто морочили. Какъ только дипломаты собрались, сейчасъ же возбудился вопросъ о продленіи перемирія еще на три недѣли подъ предлогомъ, что остается мало времени для переговоровъ. Наполеонъ долженъ былъ согласиться. Потомъ стали разсуждать, въ какой формѣ вести переговоры: устно или письменно, и неуспѣли даже этого вопроса рѣшить, какъ срокъ перемирія окончился и въ этотъ самый моментъ 125.000 русскихъ и прусскихъ войскъ вступили въ Богемію и соединились съ австрійцами.

Душой всего союзнаго дѣла былъ императоръ Александръ; австрійскій императоръ Францъ I любилъ музыку и, находясь близъ театра военныхъ дѣйствій, занимался концертами.

Императоръ Александръ не терялъ надежды на побѣду надъ Наполеономъ; послѣ Бауценскаго сраженія онъ сказалъ: „я убѣжденъ, что Наполеонъ будетъ сверженъ, но мнѣ жаль людей и времени“.

Въ первую половину кампаніи 1813 года русскіе партизаны совершили блистательные подвиги. Но дѣйствія нашихъ партизановъ были бы несравненно успѣшнѣе, если бы нѣмцы обнаружили больше самоотверженія и усердія къ освобожденію своей родины, но, пишетъ историкъ Шлоссеръ: „нѣмецкая аристократія доказала въ это время, какъ пренебрегаетъ она патріотизмомъ для полученія, мѣстъ, почестей, выгодъ и придворныхъ должностей. Множество знатныхъ генераловъ (изъ родового нѣмецкаго дворянства) находившихся въ войскахъ Рейнскаго союза, усердно исполняли безчестныя порученія Наполеона“.

Императоръ Александръ воспользовался перемиріемъ для того, чтобы подвести подкрѣпленія изъ Россіи и устроить армію; въ этомъ армія весьма нуждалась, потому что при непрерывныхъ походахъ и множествѣ сраженій въ войскахъ была большая запутанность. Солдаты перемѣшались и состояли при чужихъ полкахъ, также и начальники воинскихъ частей, часто перемѣнявшіеся по причинѣ ранъ и болѣзней, находились не при своихъ частяхъ. Въ арміи было много попорченнаго оружія, былъ недостатокъ въ одеждѣ, обуви, въ патронахъ и снарядахъ. Все нужно было заготовить, подвезти и раздать войскамъ. Пушечные снаряды и патроны заказали въ Англіи; сапоги привезли изъ Россіи, а на мундиры и шинели купили сукно въ Германіи. Не хватало сѣраго сукна, стали шить шинели изъ синяго и бѣлаго.

Послѣ Бауценскаго сраженія Витгенштейнъ просилъ о сложеніи съ него обязанностей главнокомандующаго. Государь назначилъ на его мѣсто Барклая-де-Толли. Къ концу перемирія въ нашей дѣйствующей арміи считалось 171.222 челов., да кромѣ того въ арміи генерала Бенигсена было 60.000 и подъ крѣпостью Данцигомъ находилось 31.759 человѣкъ.

Пруссаки съ большими усиліями сформировали армію въ 230.000 чел., въ томъ числѣ 112.000 пѣшаго ополченія (Ландверъ). Шведы и нѣмецкіе волонтеры выставили 40.000 чел. Такимъ образомъ, составилась сила въ 500.000 человѣкъ и къ этимъ силамъ присоединились войска Австріи числомъ до 214.000 человѣкъ.

Союзные государи неоднократно дѣлали императору Александру предложенія, чтобы онъ принялъ на себя верховное предводительство

главною арміею, но государь отклонилъ эти предложенія, чтобы не подать повода къ упреку въ честолюбіи.

Мало того, всѣ русскія войска были отданы подъ команду ино-

Бивакъ казаковъ въ Гамбургѣ въ 1813 г. По рисунку съ натуры Хр. Зуръ.

страннымъ полководцамъ. Главная армія, Богемская, въ которой было 81.000 русскихъ, ввѣрена австрійскому фельдмаршалу князю Шварцен-

бергу, тому самому, который дѣлалъ походъ въ Россію. Силлезская, составленная на $^2/_3$ (61.220 чел.) изъ русскихъ и $^1/_3$ прусскихъ (37.738 чел.) войскъ, поручена прусскому фельдмаршалу Блюхеру, и наконецъ, третья, Сѣверная армія, въ которой было 30.000 русскихъ, отдана въ командованіе шведскому наслѣдному принцу Бернадоту.

Послѣдствія такого назначенія иностранныхъ главнокомандующихъ надъ русскими войсками сказались очень скоро съ самой невыгодной стороны, и надо полагать, что государь не разъ раскаявался въ томъ, что согласился на эти назначенія.

Осенью 1813 года, по окончаніи перемирія Наполеонъ открылъ кампанію съ огромными силами и бодро встрѣтилъ борьбу съ тремя державами. Онъ собралъ 440.000 войска и занималъ серединую (центральную) позицію противъ трехъ армій. Но и союзники, какъ мы видѣли, собрали большія силы.

Было рѣшено, что та армія, противъ которой двинется Наполеонъ, должна отступать, а двѣ другія тогда должны дѣйствовать наступательно.

Въ ночь съ 29-го на 30-е іюля окончился срокъ перемирія и открылись военныя дѣйствія. Наполеонъ съ большими силами двинулся противъ Силезской арміи; Блюхеръ отступилъ. Но въ это время начала наступать главная Богемская армія и вышла къ столицѣ Саксоніи, городу Дрездену. Наполеонъ быстро вернулся къ этому городу, отбилъ атаки союзниковъ и самъ перешелъ въ наступленіе.

Понеся большія потери, Богемская армія отступила въ горы, куда за ней пошли наполеоновы корпуса. Русскій корпусъ графа Остермана-Толстого, находившійся на правомъ крылѣ арміи, выдержавъ упорный бой въ горахъ, пробился на дорогу, и соединился съ гвардіей. Нашимъ войскамъ выпала на долю трудная задача: задержать наступленіе французовъ, чтобъ дать возможность остальнымъ войскамъ главной арміи выйти изъ горъ въ Богемію. Нашихъ было 14.000 чел., а у французовъ подъ командой ген. Вандамма 35.000 чел.

Генералы Остерманъ-Толстой и Ермоловъ рѣшились принять сраженіе подъ Кульмомъ и не отступать ни шагу. Войскамъ было объяснено трудное положеніе арміи и опасность, угрожавшая императору Александру въ горахъ. Одушевленіе войскъ было чрезвычайное.

Генералъ Вандаммъ повелъ нападеніе. Атаки французовъ были яростны и возобновлялись много разъ, но сломить отборное войско русскаго царя—гвардію оказалось для французовъ дѣломъ непосильнымъ. Упорный бой продолжался цѣлый день. Остерманъ-Толстой былъ тяжело раненъ: ядромъ оторвало ему руку. Не смотря на большой перевѣсъ силъ, Вандамму не удалось сбить нашу гвардію. Къ вечеру подошла гвардейская кавалерія, ударила французовъ съ фланга, а гвардейская пѣхота—съ фронта и французы прекратили атаки.

Ночью подошли къ нашимъ подкрѣпленія, прибылъ на позицію императоръ Александръ, и принялъ на себя распоряженіе боемъ, который разыгрался на слѣдующій день, 18-го августа.

Генералъ Вандаммъ былъ разбитъ на голову. Онъ потерялъ плѣнными 12.000 челов., 84 орудія и нѣсколько знаменъ. Самъ Вандаммъ былъ схваченъ казаками.

Кульмской побѣдой справедливо гордился императоръ Александръ. Онъ имѣлъ полное право приписать себѣ одержанный успѣхъ, такъ какъ во второй день боя лично распоряжался движеніями войскъ и поэтому Кульмское сраженіе до конца жизни государя оставалось для него любимымъ воспоминаніемъ.

Въ то время, какъ императоръ Александръ и король прусскій распоряжались въ Кульмскомъ сраженіи, императоръ австрійскій Францъ спокойно оставался въ Теплицѣ и подъ громъ орудій предавался своей любимой страсти—музыкѣ.

Сраженіе подъ Кульмомъ было тѣмъ болѣе счастливо, что въ день боя 18-го августа императоромъ Александромъ получено извѣстіе о томъ, что командующій Силезской арміей, прусскій фельдмаршалъ

Три монарха въ Прагѣ въ 1813 г.
Съ гравюры Югеля.

Блюхеръ разбилъ въ пухъ и прахъ французскія войска маршала Макдональда при Кацбахѣ, гдѣ русскія войска, подъ командой генераловъ Сакена, Ланжерона и Васильчикова, составлявшія двѣ трети арміи, отличились превосходной храбростью и чудными подвигами.

Сраженіе произошло на походѣ обѣихъ армій, на встрѣчу одна другой: Блюхеръ не зналъ о наступленіи французовъ, а маршалъ Макдональдъ не имѣлъ извѣстій о движеніи Блюхера. Первое столк-

новеніе произошло въ русскомъ корпусѣ ген. Сакена. Онъ быстро занялъ важную высоту, поставилъ на ней батареи и сталъ громить французовъ, не ожидавшихъ этого. Надо сказать, что, въ это время шелъ проливной дождь: изъ ружей нельзя было стрѣлять. Не задерживаясь пальбой, ген. Сакенъ приказалъ ген.-адъют. Васильчикову съ гусарской дивизіей и казаками Карпова атаковать французовъ.

Блистательной атакой гусарской дивизіи ген. Васильчикова французская конница была порублена и прогнана. Макдональдъ выставилъ двѣ бригады пѣхоты съ артиллеріей, но онѣ были смяты и обратились въ бѣгство. Гусары и казаки взяли съ боя 42 орудія. Весь лѣвый флангъ французовъ былъ разбитъ. На правомъ ихъ флангѣ русскія войска графа Ланжерона атаковали французовъ и также заставили отступить.

Ночью разыгралась буря съ сильнымъ дождемъ; дороги испортились. Графъ Ланжеронъ на другой день, преслѣдуя французовъ, взялъ у нихъ 22 орудія и нечаянно узналъ, что одна французская дивизія Пюто отрѣзана. Онъ окружилъ и атаковалъ эту дивизію. Смятые со всѣхъ сторонъ французы бросались въ рѣку Боберъ. Пюто сдался; взято въ плѣнъ 3.500 челов., 16 пушекъ и отбито въ бою 2 знамя.

Маршалъ Макдональдъ былъ разбитъ на голову: онъ потерялъ 18.000 плѣнными 103 пушки, 250 зарядныхъ ящиковъ и множество обоза. Государь приказалъ отдать пруссакамъ всѣ пушки, отбитыя нашими войсками.

День Кульмской побѣды былъ переломнымъ днемъ военнаго счастья Наполеона въ войну 1813 года: отнынѣ онъ терпѣлъ только пораженія. Подъ Кульмомъ и Кацбахомъ французы разбились о грудь русскаго солдата, и въ томъ и въ другомъ сраженіяхъ выдающаяся роль выпала на долю русскихъ войскъ.

Въ промежутокъ времени между Кульмскимъ и Лейпцигскимъ сраженіями французы потерпѣли жестокое пораженіе при Денневицѣ, 9-го сентября, отъ Сѣверной союзной арміи, которой во время боя командовали прусскій генералъ Бюловъ и наслѣдный шведскій принцъ Бернадотъ. Русскія войска дѣйствовали здѣсь съ отличіемъ, и рѣшили участь боя. Въ первые часы сраженія пруссаки Бюлова и Тауэнцина храбро дрались съ французами, однако, превосходство силъ заставило пруссаковъ начать отступленіе. Но въ самый критическій моментъ боя подошла русская кавалерія съ тремя ротами конной артиллеріи—36 орудій, которыми командовалъ полковникъ Арнольди.

Баронъ Паленъ съ полками Изюмскимъ гусарскимъ, Рижскимъ и Финляндскимъ драгунскими ударилъ въ лѣвый флангъ французовъ, опрокинулъ ихъ конницу и взялъ 10 орудій. Въ то же время казачій генералъ Иловайскій съ полковникомъ Нарышкинымъ ударили лавою во флангъ и тылъ французовъ. Колонны, шедшія въ атаку на пруссаковъ, смѣшались.

Прусскій генералъ Бюловъ прислалъ адъютанта къ полковнику Арнольди съ приказаніемъ остановиться. Арнольди отвѣчалъ, что для русской артиллеріи не мѣсто стоять назади, внѣ выстрѣловъ. Наша конная артиллерія вынеслась на позицію, и всѣ 36 орудій открыли огонь по французамъ. Пруссаки остановили отступленіе.

Вскорѣ подошла егерская бригада ген. Лаптева и бросилась на французовъ въ штыки. Принцъ шведскій, обратясь къ свитѣ сказалъ: „Посмотрите, господа, и поучитесь, какъ надобно идти въ огонь“. Французы ударились въ бѣгство.

Взятіе въ плѣнъ генерала Вандамма въ Кульмскомъ сраженіи.

Съ гравюры Югеля.

Наши конные артиллеристы полковника Арнольди, бросились въ атаку въ сабли и отбили у французовъ три пушки. Принцъ шведскій, былъ очевидцемъ этой атаки. Онъ снялъ шляпу, поклонился нашимъ канонирамъ и сказалъ: „Много испыталъ я чудесъ на войнѣ, но не видалъ артиллеріи, берущей орудія у пѣхоты, и при томъ у пѣхоты французской. Принцъ очень любилъ русскія войска: въ конвоѣ его были всегда Павлоградскіе гусары, они ему устраивали наметы на бивакахъ для защиты отъ дождя или зноя.

На сей разъ побитъ лучшій изъ маршаловъ Наполеона — Ней. Онъ писалъ своему императору: „Я разбитъ на голову, и даже самъ не знаю, собралась-ли вновь моя армія послѣ пораженія". Прусскій ландверъ (ополченіе) храбро сражался съ французами.

Наполеонъ опять бросился на армію Блюхера, тотъ отступилъ и вызвалъ у Наполеона досаду.

— „Эти животныя кой-чему отъ меня научились",—сказалъ императоръ французовъ.

Къ 14-му сентября русскія войска главной арміи усилились прибытіемъ резервной арміи генерала Бенигсена (60.000 чел.). Тутъ нѣмцамъ впервые пришлось увидѣть конницу, составленную изъ башкировъ и калмыковъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. Эти полки находились при арміи Бенигсена.

Рѣшено было двинуть всѣ союзныя арміи къ городу Лейпцигу, который былъ на пути отступленія Наполеона. Въ виду этой серьезной угрозы, Наполеонъ оставилъ въ Дрезденѣ 30.000 войска подъ начальствомъ маршала Сенъ-Сира и поспѣшилъ отступить къ Лейпцигу. Здѣсь разразилась та знаменитая „битва народовъ", которая окончательно сокрушила наполеоново могущество.

Первыми подошли къ Лейпцигу русскія войска гр. Витгенштейна. Нашъ авангардъ, подъ командой графа Палена, 2-го октября выдержалъ жаркій кавалерійскій бой съ конницей Мюрата. Это былъ первый день боя.

3-го числа войска приготовлялись къ нападенію и занимали назначенныя позиціи; сраженія въ этотъ день не было.

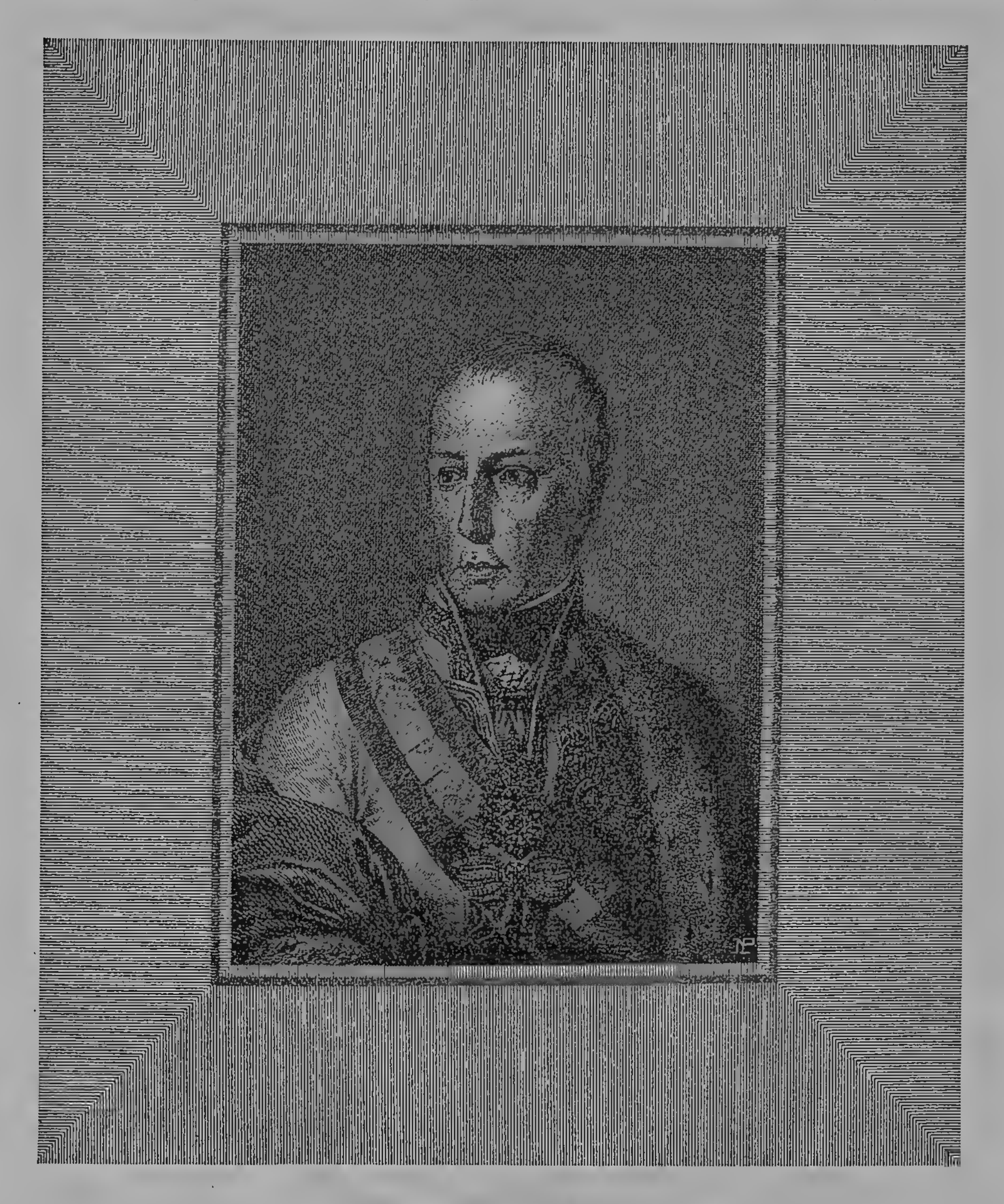
На 4-е число назначено было атаковать позиціи французовъ войсками главной арміи. Наполеонъ стянулъ къ Лейпцигу всѣ силы и имѣлъ численный перевѣсъ. Онъ желалъ нанести пораженіе главной арміи союзниковъ до прихода двухъ другихъ армій. Атаки союзниковъ не имѣли успѣха, а австрійцы, втиснутые въ болотистое мѣсто, сильно пострадали.

Въ два часа пополудни Наполеонъ рѣшился прорвать центръ арміи союзниковъ и направилъ на позиціи, занимаемыя русскими, значительную массу пѣхоты и 8.000 конницы. Сія послѣдняя бросилась на наши линіи и проскакала уже за нихъ. Государь находился въ опасномъ мѣстѣ, но, не обращая вниманія на летѣвшую на него конницу, распоряжался подкрѣпленіемъ войскъ. Всѣ считали сраженіе проиграннымъ; одинъ Александръ не отчаявался.

У самаго холма деревни Госсы, гдѣ находились императоръ Александръ и король прусскій, волна нахлынувшей французской конницы разбилась о высланный государемъ его личный конвой, состоявшій изъ лейбъ-гвардіи Донского казачьяго полка подъ командой графа Орлова-Денисова.

Французская конница въ это время опрокинула нашу гвардейскую кавалерійскую дивизію и мчалась на дер. Госсу. Графъ Орловъ-Денисовъ провелъ своихъ казаковъ по узкой плотинѣ, выстроилъ въ эскадронную колонну и, ободривъ краткимъ привѣтствіемъ, пустилъ

полкъ въ атаку. Гвардейскіе кавалерійскіе полки пристроились къ казакамъ и весь этотъ фронтъ врубился въ огромную массу французской конницы, которая послѣ удара повернула назадъ и помчалась за свои батареи. Два прусскихъ полка—кирасирскій и драгунскій атаковали французовъ съ фланга и прорывъ 8.000 конницы Наполеона былъ совершенно уничтоженъ. Государь лично благодарилъ гр. Орлова-Де-



Францъ I, императоръ австрійскій.

Съ гравюры Лонгхи.

нисова, а императоръ Австрійскій сейчасъ-же пожаловалъ ему высшій военный орденъ Маріи Терезіи.

Въ эту критическую минуту боя у деревни Госсы государь, подозвавъ къ себѣ начальника артиллеріи генерала Сухозанета, и, ука-

завъ на поле сраженія, сказалъ: „Видишь, теперь тотъ лучше, кто прежде всѣхъ сюда приспѣетъ; далеко-ли твоя артиллерія?“.

— „Она будетъ здѣсь черезъ двѣ минуты“,—отвѣчалъ Сухозанетъ, заблаговременно приказавшій всѣмъ резервнымъ батареямъ идти на рысяхъ къ деревнѣ Госсѣ. За ними слѣдовалъ гвардейскій корпусъ, за которымъ также послалъ государь, замѣтивъ сосредоточеніе непріятельскихъ силъ въ центрѣ. 112 орудій русской артиллеріи открыли огонь. Полтора часа обѣ стороны продолжали въ разстояніи не болѣе тысячи шаговъ ужасную кононаду, о которой графъ Милорадовичъ сказалъ, что она громче Бородинской.

Наполеонъ, полагая, что центръ русской арміи прорванъ, послалъ въ Лейпцигъ поздравить короля саксонскаго съ побѣдой, и приказалъ во всѣхъ церквахъ города звонить въ колокола. До шести часовъ вечера продолжалась кононада, но французы уже не имѣли нигдѣ успѣха. Въ этотъ же день армія Блюхера подошла къ Лейпцигу съ сѣверной стороны. Впереди шелъ прусскій корпусъ Іорка, который и атаковалъ французовъ, затѣмъ подошли русскіе корпуса гр. Ланжерона и Сакена и французы послѣ упорной обороны были опрокинуты. Ланжеронъ взялъ 6 орудій и 800 плѣнныхъ.

Сраженія на всѣхъ пунктахъ были кровопролитны; потери каждой стороны въ этотъ день боя простирались до 30.000 чел.

5-е октября прошло въ бездѣйствіи. Союзники поджидали подкрѣпленій. Прибыла, наконецъ, и Сѣверная армія. Государь былъ недоволенъ распоряженіями фельдмаршала кн. Шварценберга и почти отнялъ у него командованіе русскими войсками.

Въ этотъ день фельдмаршалъ Блюхеръ, не получивъ приказаній объ отмѣнѣ общей атаки, двинулъ впередъ свой авангардъ, въ которомъ находилась гусарская дивизія ген.-ад. Васильчикова. Маріупольскіе и Ахтырскіе гусары опрокинули французскую конницу, промчались сквозь линіи пѣхоты, выхватили 5 орудій и увезли ихъ. „Атака сія,—писалъ Блюхеръ въ донесеніи государю,—принадлежитъ къ числу самыхъ отважныхъ“.

5-го октября союзныя арміи получили значительныя подкрѣпленія, которыхъ ожидали: подошла армія Бенигсена и австрійскіе резервы. Подъ Лейпцигомъ стояло 300.000 союзнаго войска противъ 150.000 французовъ. Императоръ Александръ диктовалъ распоряженія для боя; пруссаки ему подчинялись, австрійцы, послѣ понесенной ими неудачи, не рѣшались прекословить.

Наполеонъ не отступилъ, но придвинулъ войска ближе къ Лейпцигу.

6-го октября, по утру прекраснѣйшаго осенняго дня, государь прибылъ къ войскамъ до выступленія ихъ съ биваковъ. Слѣдуя за колонами, императоръ Александръ переѣзжалъ подъ ядрами съ одной позиціи на другую. Одно ядро упало весьма близко къ государю; ему совѣтовали отъѣхать, но онъ сказалъ свою любимую пословицу: „одной бѣды не бываетъ: посмотрите, сейчасъ прилетитъ другое ядро“. Дѣйствительно, едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ зажужжала граната и осколками своими ранила нѣсколькихъ конвойныхъ солдатъ. Императоръ австрійскій и король прусскій были неразлучны съ государемъ.

Результаты боя 6-го числа не соотвѣтствовали громадному перевѣсу силъ союзниковъ. Вечеромъ, на такъ называемомъ „холмѣ монарховъ“ съѣхались всѣ первенствующіе генералы къ императору Александру и королю прусскому. Императоръ Австрійскій уѣхалъ съ поля сраженія. Императоръ Александръ диктовалъ распоряженія для боя на слѣдующій день.

Съ разсвѣтомъ 7-го октября начался приступъ Лейпцига. Государь объѣзжалъ колонны, благодарилъ ихъ, ободрялъ, но велѣлъ щадить городъ. „Ребята!—сказалъ государь войскамъ гр. Витгенштейна,—вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ непобѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны съ побѣжденнымъ нами непріятелемъ и къ несчастнымъ жителямъ города. Вашъ государь этого желаетъ, и если вы преданы мнѣ, въ чемъ я увѣренъ, то вы исполните мое приказаніе“. Слова государя съ быстротою молніи были переданы во всѣ ряды войскъ.

Наполеонъ еще съ вечера 6-го на 7-е октября началъ отступленіе. Онъ приказалъ пустить впередъ французскіе корпуса, а всю тяжесть послѣдняго боя поручилъ маршалу Макдональду и полякамъ князя Понятовскаго. Городъ былъ укрѣпленъ. Колонны союзныхъ армій устремились на штурмъ, а въ это время Наполеонъ, простившись съ саксонскимъ королемъ, выѣхалъ и больше часа пришлось пробираться ему къ выѣзду изъ города среди отступавшихъ войскъ. Около 12 часовъ Наполеонъ перешелъ черезъ каменный мостъ, а въ это время наружныя

укрѣпленія были взяты русскими войсками и императоръ Александръ въѣхалъ въ городъ. Каменный мостъ былъ взорванъ преждевременно.

Маршалъ Макдональдъ спасся вплавь черезъ рѣку; Понятовскій, получившій маршальскій жезлъ за эту битву, бросился въ рѣку и утонулъ, потому что на его лошади навьючено было слишкомъ много золота.

Въ четырехдневномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ выбыло изъ строя 22.000 русскихъ, 16.000 пруссаковъ, 12.000 австрійцевъ и 300 шведовъ. Всю тяжесть боя вынесли русскія войска; на нихъ обрушилась ярость атакъ Наполеона, отчаянно переходившаго въ наступленіе въ три первые дня сраженія.

Государь писалъ графу Салтыкову: „Благодареніе Всевышнему, съ душевнымъ удовольствіемъ извѣщаю, что побѣда совершенная. Битва продолжалась 4-го, 6-го и 7-го чиселъ. До 300 пушекъ, 22 генерала и до 37.000 плѣнныхъ досталось побѣдителямъ. Всемогущій единъ всѣмъ руководствовалъ.“

Потери Наполеона въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ были громадны и его армія отступила въ безпорядкѣ, преслѣдуемая русскими партизанами и донскими казаками.

Союзные государи принудили и баварскаго короля отложиться отъ Наполеона. Когда разбитыя подъ Лейпцигомъ наполеоновы войска отступили, баварцы загородили дорогу. Наполеонъ разметалъ баварцевъ, какъ солому, и вступилъ въ предѣлы Франціи съ 60.000 войска, совершенно разстроеннаго и изнуреннаго походами и болѣзнями. Послѣ Лейпцигской „битвы народовъ“ начали сдаваться нѣмецкіе

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій.

Съ гравюры Форстера.

крѣпости и города, въ которыхъ находились французскіе гарнизоны. Германія стала свободною. Интересно бы знать, думалъ ли императоръ Александръ о томъ, что, освобождая Германію отъ наполеонова ига, онъ дѣлаетъ первый шагъ къ объединенію Германіи? Сами нѣмцы въ то время не думали объ объединеніи. Между нѣмецкими государями сейчасъ же возобновилось завистливое соперничество;

лучше сказать, оно не прекращалось и во все время войны. Австрія, Пруссія, Баварія и другія государства стали злобствовать и интриговать другъ противъ друга и противъ Россіи. Александръ не могъ этого не видѣть, и въ его тонкомъ умѣ, вѣроятно не разъ возникала мысль о томъ, что, если бы не необходимость вести войну до низложенія Наполеона, то не стоило бы и освобождать Германію.

Впослѣдствіи, когда по низложеніи Наполеона пришлось дѣлить завоеванныя земли, государь убѣдился, что: „людская благодарность также рѣдко случается, какъ бѣлый воронъ". Эти собственныя слова императора Александра убѣждаютъ въ томъ, что онъ испыталъ много

Бернадотъ, наслѣдный принцъ шведскій.

недоброжелательства и зависти со стороны европейскихъ державъ къ возрастающему могуществу Россіи.

Исчислить всѣ жертвы, принесенныя Россіей на дѣло освобожденія Германіи, нѣтъ никакой возможности. О нихъ можно судить лишь приблизительно по числу сыновъ Россіи, проливавшихъ кровь въ сраженіяхъ съ французскими войсками въ войну 1813 года. Но и здѣсь мы можемъ привести лишь приблизительную цифру потерь русскихъ войскъ въ трехъ арміяхъ въ наиболѣе значительныхъ сраженіяхъ отъ начала кампаніи до окончательнаго пораженія Наполеона подъ Лейпцигомъ. Эти потери можно принять не менѣе 60.000 челов., выбыв-

шихъ изъ строя, убитыхъ и раненыхъ. А сколько же еще пало храбрыхъ русскихъ воиновъ въ дѣйствіяхъ партизанскихъ отрядовъ, въ арьергардныхъ и авангардныхъ бояхъ и при осадахъ крѣпостей? Прибавивъ къ этому числу скончавшихся отъ болѣзней, мы опредѣляемъ приблизительно всю цифру потерь въ войскахъ въ войну 1813 года не менѣе 100.000 человѣкъ. Вотъ мѣра крови, пролитой сынами Россіи за освобожденіе Германіи!

Проявивъ предъ лицомъ всей Европы величайшее мужество на поляхъ битвъ, русскія войска стяжали изумленіе всего міра своей выносливостью, твердостью, высокимъ нравственнымъ духомъ и соблюденіемъ долга строжайшаго повиновенія. Высоко стояла честь русскаго воина и „имя русскаго было тогда въ Европѣ громче всякаго пышнаго титула“.

Часто случалось, что наши войска терпѣли нужду въ продовольствіи, не было иногда сѣна и овса, чтобы покормить лошадей; жалованье войскамъ выдавалось не въ сроки, и однако, никогда русская армія не обижала мирныхъ жителей насильственнымъ отобраніемъ припасовъ, продовольствія и фуража. И потому-то русскіе воины „вездѣ въ Германіи были желанными гостями и въ замкахъ и въ хижинахъ“.

Освобожденная Германія прозрѣла, наконецъ, благостныя и безкорыстныя намѣренія императора Александра и благословенія нѣмецкаго народа сопровождали каждый шагъ русскаго государя и его славнаго войска.

Но этотъ голосъ народа, который слышался повсемѣстно изъ устъ простыхъ людей, счастливыхъ освобожденіемъ отъ цѣпей рабской неволи, былъ скоро заглушенъ коварной и безчестной политикой правительствъ государствъ Германскаго Союза и продажными писателями, распространявшими въ обществѣ лукавыя извращенія благостныхъ намѣреній добродѣтельнаго государя, совершившаго величайшій подвигъ истиннаго христіанина во благо человѣчества.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Низложеніе Наполеона.

Походъ во Францію 1814 г.

Въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ совершился судъ Божій надъ великимъ грѣшникомъ и безумцемъ. Народы Германіи получили освобожденіе отъ ига жестокаго поработителя. Эту свободу даровалъ народамъ русскій императоръ Александръ Павловичъ; онъ первый поднялъ народы Европы на брань съ завоевателемъ и угнетателемъ.

Не французская революція и не наполеонова имперія возбудили въ народахъ Европы потребность устроенія жизни государствъ на народныхъ началахъ, это новое, свѣтлое слово внесъ въ жизнь Европы русскій царь.

Наполеонъ утратилъ всѣ свои завоеванія и долженъ былъ заботиться о защитѣ предѣловъ Франціи. Въ главной квартирѣ союзниковъ не было согласія по самому важному вопросу: слѣдуетъ-ли продолжать войну съ Наполеономъ или заключить миръ?

Австрійскому императору Францу I не хотѣлось доводить дѣло до крайности, потому что его дочь была супругой Наполеона, а внукъ—королемъ Римскимъ и наслѣдникомъ императорскаго престола Франціи. Родственныя отношенія императора Франца къ Наполеону весьма сильно вліяли на ходъ войны и на теченіе мирныхъ переговоровъ, которые, по желанію Австріи, были начаты еще до вступленія союзныхъ армій въ предѣлы Франціи. Король прусскій былъ человѣкъ осторожный, безъ увлеченій; онъ и его министры помнили пораженія, нанесенныя Пруссіи и Германіи полководцами республики и Наполеономъ, и опасались возбужденія народнаго воодушевленія во Франціи.

Министры Англіи также были противъ войны, не желая вмѣшиваться во внутреннія дѣла французовъ. Одни только горячіе прусскіе генералы, да императоръ Александръ были за продолженіе войны. Первые были переполнены местью французамъ за нанесенныя пораженія, а нашъ государь мечталъ объ общемъ благѣ народовъ и объ установленіи прочнаго мира въ Европѣ.

Лучшіе люди Европы вполнѣ раздѣляли убѣжденіе нашего государя въ томъ, что борьба съ угнетателемъ народовъ есть дѣло общее, священное, и что она должна кончиться низложеніемъ Наполеона.

Перваго января 1814 года императоръ Александръ перешелъ границу Франціи въ Базелѣ, переведя лично русскую гвардію черезъ р. Рейнъ.

Пріучивъ себя съ молодыхъ лѣтъ переносить стужу и всякую ненастную погоду, императоръ Александръ всегда въ походахъ находился при войскахъ и большей частью ѣздилъ верхомъ.

Войскамъ было строго подтверждено о дружественномъ обращеніи съ жителями Франціи; въ русскихъ войскахъ поддерживалась строжайшая дисциплина; войска наши были проникнуты воинскими доблестями, и честь военнаго званія одушевляла всѣхъ: отъ низшихъ, до высшихъ чиновъ. Въ войскахъ нашихъ союзниковъ нѣмцевъ не было того духа, которымъ была проникнута армія Александра, и нѣмецкіе солдаты позволяли себѣ иногда насильничать надъ жителями въ удаленныхъ отъ большихъ дорогъ селеніяхъ и даже производили неистовства.

Правительственныя власти французскихъ областей сочиняли высокопарныя воззванія къ народу, клялись оставаться съ нимъ и защищать отечество до послѣдней крайности, но при приближеніи легкихъ передовыхъ отрядовъ убѣгали изъ городовъ, увозя казенныя деньги.

Народъ, мрачно настроенный, въ большей части занятыхъ городовъ и областей не выражалъ рѣшительнаго намѣренія сражаться за Наполеона, который послалъ въ департаменты 30 сенаторовъ, чтобы воспламенить французовъ къ общему возстанію.

Французскіе города сдавались разъѣздамъ конницы безъ выстрѣла. Жители не прекращали своихъ занятій; торговцы продолжали торговать и выносили нашимъ войскамъ на биваки жизненные припасы, сѣно, овесъ, дрова и т. п. Французы большей частью были совершенно равнодушны къ призыву своего правительства и относились къ союзнымъ войскамъ съ холодной вѣжливостью, выражая повсемѣстно желанія о скорѣйшемъ окончаніи войны.

Наполеонъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы возбудить народную войну. Въ парижскихъ газетахъ распространялись невѣроятныя небылицы о русскихъ войскахъ; писали, напр., о томъ, что всѣмъ нашимъ воинамъ розданы факелы, чтобы зажигать дома французовъ; о казакахъ писали, что они просто людоѣды. Но по мѣрѣ наступленія нашихъ войскъ, когда французы, горожане и поселяне увидѣли, какъ доблестно ведутъ себя русскія войска—побѣдители, съ какимъ участіемъ относятся русскіе военачальники къ бѣдствіямъ жителей во время военныхъ дѣйствій, настроеніе населенія къ войскамъ совершенно измѣнилось. Въ областяхъ, удаленныхъ отъ восточной границы Франціи, наши передовые отряды были встрѣчены, какъ избавители.

Чтобы не возвращаться къ этому предмету впослѣдствіи, скажемъ здѣсь, что описанія въ продажныхъ парижскихъ газетахъ вымышленныхъ жестокостей и безчеловѣчія русскихъ войскъ не принесли Наполеону ни малѣйшей пользы: народной войны онъ этимъ не возбудилъ, а только прибавилъ къ своей характеристикѣ прозвище мстительнаго лжеца.

Императоръ Александръ не согласился на пріостановку военныхъ дѣйствій и войска союзниковъ двинулись во Францію. Было образовано двѣ арміи: одна подъ командой прусскаго фельдмаршала Блюхера, а другая — главная подъ командой австрійца, князя Шварценберга. Государь и король прусскій находились при главной арміи.

У союзниковъ былъ большой перевѣсъ въ силахъ, но князь Шварценбергъ не воспользовался этимъ и медленно шелъ, на встрѣчу Наполеону, который 13 января выѣхалъ изъ Парижа къ арміи.

Наполеонъ обратился сначала противъ арміи Блюхера и 17 января произошло первое сраженіе при Бріеннѣ. Блюхеръ отступилъ, на нѣсколько верстъ и далъ поводъ Наполеону протрубить о побѣдѣ. Послѣ этого Наполеонъ обратился противъ главной арміи, имѣя не болѣе 40.000 чел. противъ 90.000 союзниковъ. Произошло двухдневное сраженіе 20 и 21 января при Ла-Ротіерѣ и Бріеннѣ. Наполеонъ былъ разбитъ, потерялъ 6.000 чел., 63 орудія и отступилъ, но союзники не

Царевичъ Константинъ Павловичъ.

воспользовались успѣхомъ, да къ тому же еще ихъ арміи раздѣлились и пошли разными дорогами къ Парижу.

Какъ только Наполеонъ узналъ о раздѣленіи союзныхъ армій, онъ бросился противъ Блюхера, который весьма неосторожно разбросалъ свои корпуса и далъ командирамъ русскихъ передовыхъ отрядовъ приказанія удерживать свои позиціи во чтобы то ни стало.

Сосредоточивъ значительныя силы, Наполеонъ въ трехдневныхъ сраженіяхъ при Шампоберѣ, Монмиралѣ и Вошанѣ разбилъ русско-прусскія войска. Блюхеръ понесъ большія потери и отступилъ на

слѣдовавшія къ нему подкрѣпленія. Эти побѣды обошлись Наполеону не дешево, но онъ торжествовалъ, и сказалъ взятому въ плѣнъ генералу Полторацкому:—„въ пятницу я нанесу такой ударъ Блюхеру, отъ котораго онъ не опомнится, а потомъ надѣюсь на Вислѣ предписать миръ императору Александру".

— „Дѣло довольно мудреное", возразилъ Полторацкій.

Какъ ни старался австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ затягивать войну, императоръ Александръ заставилъ его продолжать наступленіе на Парижъ: Шварценбергъ опасно расположилъ корпуса союзной арміи, государь сосредоточилъ ихъ и главная армія стала наступать.

На одномъ совѣтѣ императоръ Александръ высказалъ свое рѣшительное мнѣніе. „Въ случаѣ отступленія я отдѣлюсь отъ главной арміи со всѣми находящимися здѣсь русскими войсками, гвардіею, гренадерами и корпусомъ Витгенштейна, соединюсь съ Блюхеромъ и пойду на Парижъ. Надѣюсь, присовокупилъ онъ, обратясь къ прусскому королю, что ваше величество не откажетесь идти со мною".—Фридрихъ Вильгельмъ отвѣчалъ, „что онъ не разстанется съ государемъ и давно уже предоставилъ свои войска его величеству".—„Для чего же тогда оставлять меня одного"?—сказалъ императоръ Францъ.

Наполеонъ вторично сосредоточилъ войска противъ главной арміи союзниковъ и задержалъ наступленіе ихъ къ Парижу. Кн. Шварценбергъ отступилъ на соединеніе съ Блюхеромъ. Но какъ только подошли подкрѣпленія, Блюхеръ опять отдѣлился. На большомъ военномъ совѣтѣ рѣшено было усилить армію Блюхера двумя корпусами и наступать къ Парижу.

Наполеонъ въ третій разъ направился противъ Блюхера и могъ поставить его въ опасное положеніе, но русскими войсками былъ взятъ городъ Суассонъ, гдѣ была переправа чрезъ рѣку. Наступленіе Наполеона было отражено русскими войсками при Краонѣ подъ командой кн. Воронцова, гдѣ французы, упорно наступая, потеряли 8.000 человѣкъ.

Наполеонъ былъ въ изступленіи отъ неудачи; имъ овладѣло отчаяніе: въ этотъ день онъ получилъ извѣстіе о прекращеніи засѣданій мирнаго конгресса и былъ до того раздраженъ, что приказалъ разстрѣлять нѣсколько русскихъ плѣнныхъ, что и было исполнено въ селеніи Варенъ. Фактъ такого безчеловѣчнаго поступка засвидѣтельствованъ показаніемъ одного француза, мѣстнаго землевладѣльца.

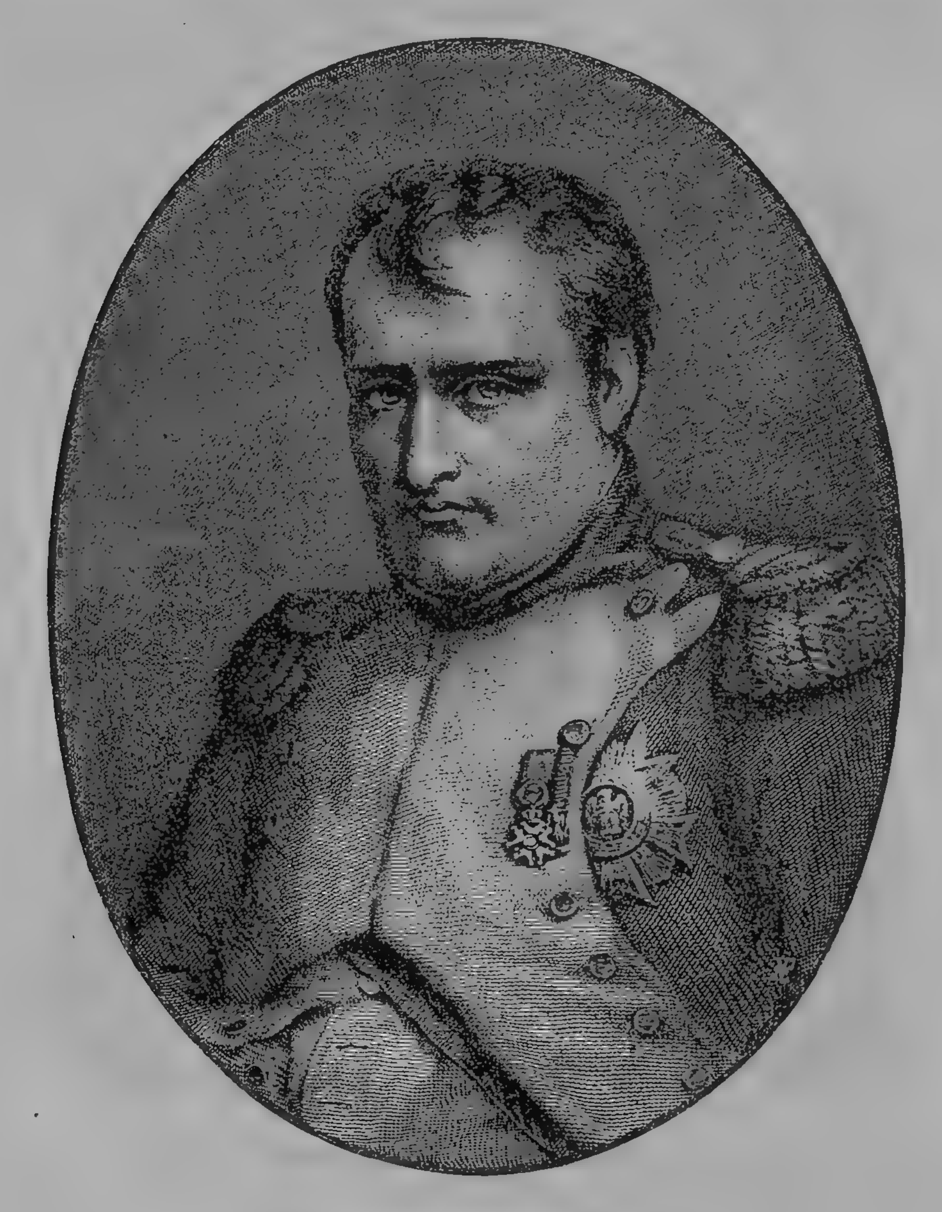
Блюхеръ сосредоточилъ корпуса при Лаонѣ и принялъ нападеніе Наполеона. Въ первый день боя былъ разбитъ корпусъ маршала Мармона, а во второй день, послѣ жаркихъ атакъ на позиціи союзниковъ, Наполеонъ долженъ былъ отступить съ большими потерями. Блюхеръ не воспользовался побѣдой: въ это время онъ сильно занемогъ и его армія провела девять дней въ бездѣйствіи. Ощущался недостатокъ продовольствія.

Вытѣснивъ изъ города Реймса отдѣльный отрядъ русскихъ войскъ, Наполеонъ устремился противъ главной арміи союзниковъ, которую кн. Шварценбергъ заставилъ топтаться на одномъ мѣстѣ, то наступая, то отступая. Корпуса главной арміи были разбросаны и только благодаря самостоятельнымъ распоряженіямъ императора Александра армія получила возможность сосредоточиться. Государь заставилъ Шварценберга не уклоняться отъ сраженія съ Наполеономъ при городѣ Арси. Первый день боя 8-го марта былъ нерѣшительный. Во второй день, 9-го марта государь на позиціи не присутствовалъ, онъ былъ задержанъ нездоровьемъ. Русскія войска заставили французовъ отступить

съ большими потерями. Если бы государь былъ на полѣ сраженія, то едва ли Наполеону удалось бы благополучно совершить отступленіе.

Государь былъ очень недоволенъ Шварценбергомъ и сказалъ громко: „эти австрійцы сдѣлали мнѣ много сѣдыхъ волосъ".

Послѣ сраженія при Арси Наполеонъ предпринялъ движеніе въ тылъ главной арміи съ цѣлью присоединить гарнизоны восточныхъ



Наполеонъ въ 1815 году.

Съ гравюры Гутьера по портрету Зандоца.

крѣпостей и возбудить народную войну въ тылу союзныхъ армій. Объ этомъ новомъ планѣ узнали изъ перехваченнаго казаками письма, написаннаго Наполеономъ императрицѣ Маріи-Луизѣ.

У императора Александра былъ военный совѣтъ. Австрійцы предложили ускоренное фланговое движеніе для прикрытія своихъ сообщеній и армія начала двигаться назадъ.

Между тѣмъ императоръ Александръ пригласилъ къ себѣ русскихъ генераловъ: графа Барклая-де-Толли, Дибича и Толя, чтобы посовѣтоваться, и предложилъ обсудить два вопроса: слѣдуетъ ли идти за Наполеономъ и атаковать его, или идти прямо на Парижъ? Государь обратился прежде всего къ Барклаю, который сказалъ, что нужно идти за Наполеономъ и атаковать его. Дибичъ предложилъ отрядить 40—50 тысячъ къ Парижу, а съ прочими силами идти вслѣдъ за Наполеономъ. Тогда генералъ Толь не могъ удержаться и высказалъ

Георгъ IV, принцъ-регентъ англійскій.

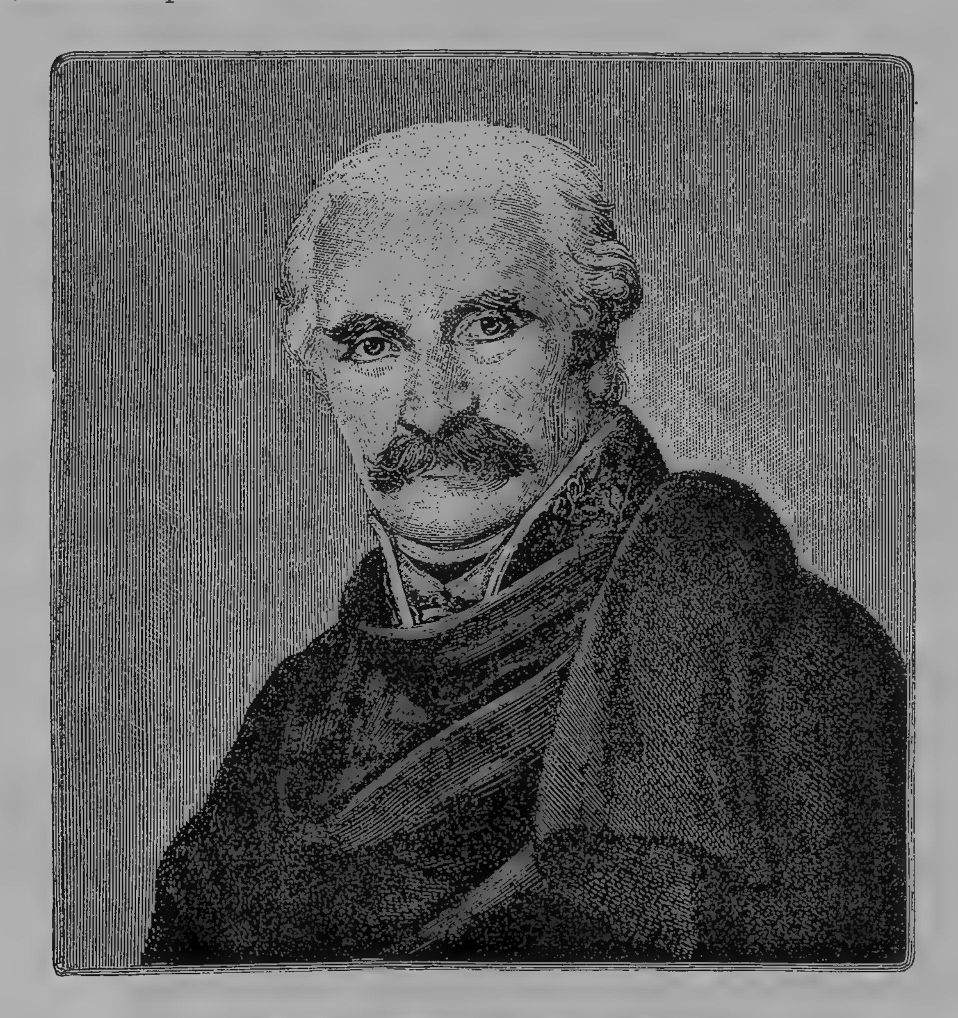
противное мнѣніе: послать корпусъ въ 10 тысячъ, преимущественно кавалеріи, за Наполеономъ, а съ арміями Блюхера и Шварценберга идти быстро къ Парижу.

Государь тогда уже имѣлъ свѣдѣніе, что Парижъ не на сторонѣ Наполеона. Приверженцы изгнанника, короля Франціи Людовика XVIII звали нашего государя въ Парижъ, ручаясь, что столица и Франція выскажутся за возстановленіе монархіи французскихъ королей.

Тутъ же при государѣ подсчитали по картѣ разстояніе до Парижа и во сколько дней можно туда прибыть съ арміей. Государь

сейчасъ же поѣхалъ къ войскамъ; настигнувъ короля прусскаго и Шварценберга и сойдя съ лошади, приказалъ разостлать на землѣ карту и объяснилъ планъ движенія къ Парижу. Князь Шварценбергъ, не смотря на противорѣчіе многихъ лицъ австрійскаго штаба, согласился съ мнѣніемъ государя и послалъ новыя распоряженія въ войска.

13-го марта союзная армія двинулась къ Парижу, и въ тотъ же день произошло блестящее кавалерійское сраженіе съ корпусами маршаловъ Мармона и Мортье, спѣшившихъ на соединеніе съ Наполеономъ. Въ дѣлѣ при Ла-Фершампенуазѣ приняла наибольшее участіе русская кавалерія съ конной артиллеріей. Пѣхота не сдѣлала ни одного выстрѣла.



Прусскій фельдмаршалъ, князь Блюхеръ.

Русская конница врѣзалась въ непріятельскія каре, которыя, будучи окружены со всѣхъ сторонъ, не хотѣли сдаваться. Въ пылу боя войска готовы были не давать пощады даже положившимъ оружіе. Чтобъ остановить рѣзню, государь, подвергая себя опасности, въѣхалъ въ непріятельское каре съ лейбъ-гвардіи казачьимъ полкомъ. Государю напоминали объ опасности. „Хочу пощадить ихъ“, отвѣчалъ онъ. Французы потеряли до 11.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 3.000 плѣнными и 75 орудій.

Воины Бородина, Кульма, Лейпцига оглашали воздухъ радостными кликами, привѣтствуя своего монарха — вождя, приведшаго войска къ побѣдѣ, увѣнчавшей великой славой знамена русской арміи.

Разбитые маршалы Мармонъ и Мортье отступили къ Парижу, а вслѣдъ за ними 17-го марта подошли къ городу союзныя арміи въ числѣ 100.000 чел., изъ нихъ болѣе 63.000 русскихъ.

У французовъ для обороны города осталось не болѣе 40.000 войска съ 154 орудіями. Въ городѣ подготовлялась и созрѣвала измѣна законному правительству. Императрица Марія-Луиза съ сыномъ выѣхала. Въ городѣ оставался братъ Наполеона, бывшій испанскій король Іосифъ, но и онъ къ вечеру 18-го марта поспѣшилъ уѣхать верхомъ, такъ что его нагнали уже въ дорогѣ, чтобы получить согласіе на сдачу города.

18-го утромъ, союзныя войска выстроились, чтобы штурмовать Парижъ. Императоръ Александръ провелъ ночь въ замкѣ Бонди и когда утромъ вышелъ къ своей свитѣ, громъ пушекъ далъ знать, что штурмъ начался. Государь переговорилъ съ плѣннымъ французскимъ капитаномъ Пейра и поручилъ ему ѣхать къ главнокомандующему французскими войсками съ объявленіемъ, что императоръ требуетъ сдачи Парижа, стоитъ предъ его стѣнами съ многочисленною арміею, и ведетъ войну не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Вмѣстѣ съ Пейромъ велѣно было ѣхать флигель-адъютанту, полковнику Михаилу Федоровичу Орлову. Императоръ, отпуская его, сказалъ:

„Разрѣшаю вамъ прекращать огонь повсюду, гдѣ вы найдете это нужнымъ. Я уполномачиваю васъ, не подвергаясь никакой отвѣтственности, прекращать самыя рѣшительныя атаки и даже пріостанавливать побѣду, чтобы предупреждать и отвращать бѣдствія. Парижъ, лишенный своихъ защитниковъ и своего великаго вождя, не въ силахъ сопротивляться; я глубоко убѣжденъ въ этомъ. Но Богъ ниспослалъ мнѣ власть и побѣду лишь для того, чтобы я доставилъ вселенной миръ и спокойствіе. Если мы можемъ достигнуть этого мира безъ борьбы, тѣмъ лучше; въ противномъ-же случаѣ уступимъ необходимости и будемъ сражаться, потому что съ бою, или церемоніальнымъ маршемъ, на развалинахъ, или въ пышныхъ палатахъ, но Европа должна нынѣ же ночевать въ Парижѣ“.

Орловъ съ французскимъ офицеромъ поскакали къ Пантенской заставѣ, гдѣ въ то время происходила перестрѣлка. Нѣсколько разъ они пытались прекратить кровопролитіе, но всѣ ихъ усилія были напрасны. Бой продолжался по всей линіи и въ пятомъ часу по полудни всѣ позиціи французовъ были взяты. Король Іосифъ, получивъ донесеніе маршала Мармона о невозможности продолжать защиту Парижа, далъ разрѣшеніе заключить условіе о сдачѣ города и предоставилъ маршаламъ открыть переговоры съ русскимъ императоромъ.

Флигель-адъютантъ М. Ф. Орловъ былъ посланъ къ маршалу Мармону съ слѣдующими предложеніями: огонь прекратится, французскія войска отойдутъ за укрѣпленныя заставы, немедленно будетъ назначена комиссія для переговоровъ о сдачѣ Парижа. Мармонъ выразилъ согласіе. Возвратясь назадъ, Орловъ нашелъ императора Александра на Бельвильской высотѣ, разставлявшимъ батарею изъ 24-хъ орудій для обстрѣливанія города. Государь, подозвавъ къ себѣ графа Несельроде и, давъ ему инструкцію, поручилъ совмѣстно съ Орловымъ открыть переговоры. Они отправились въ городъ; французскія войска отступили.

Во время начавшихся переговоровъ снова раздалась жаркая перестрѣлка: русскія войска подъ командой генерала Рудзевича взяли штурмомъ высокую Монмартрскую гору, отбивъ у непріятеля всю артиллерію. Послѣдняя преграда наступленію русскихъ войскъ пала.

Парижъ былъ у ногъ императора Александра, который могъ двинуть русскіе корпуса на парижскія заставы. Но государь повелѣлъ остановить вездѣ наступленіе войскъ. Радостная вѣсть, что французы просятъ пощады и что Парижъ покоряется, молніею перелетала изъ устъ въ уста по всему фронту. Войска сняли кивера и крестились: „Пришлось батюшкѣ Парижу поплатиться за матушку Москву". Эти слова, сказанныя однимъ русскимъ солдатомъ, быстро облетѣли колонны, раположившіяся на высотахъ, куда сейчасъ же была ввезена русская артиллерія. На Монмартрской горѣ поставили 84 орудія. Такія же сильныя батареи поставили на высотѣ Бельвильской и на Монъ-Луи.

Австрійскій фельдмаршалъ, князь Шварценбергъ.

Графъ Ланжеронъ послалъ на Монмартрскую гору музыкантовъ Рязанскаго полка; они заиграли маршъ. Отъ нихъ приняли музыканты другихъ полковъ и весь Монмартръ, занятый русскими полками, ликовалъ торжество великой побѣды!

Когда жители Парижа увидѣли русскія войска на господствующей надъ всѣмъ городомъ высотѣ Монмартра и убѣдились, что дальнѣйшее наступленіе пріостановлено, народъ тысячами повалилъ изъ Парижа къ городскимъ воротамъ, прося разрѣшенія взглянуть на русскіе биваки. Появились во множествѣ бѣлыя знамена, или вѣрнѣе сказать, скатерти и салфетки, привязанныя къ длиннымъ палкамъ.

Парижъ сдавался, не ожидая капитуляціи. Русскіе начальники передовыхъ отрядовъ поставили часовыхъ у городскихъ воротъ и допускали проходъ на Монмартръ только женщинамъ.

Пока договаривались съ французскими маршалами о сдачѣ Парижа, государь оставался нѣкоторое время на Бельвилѣ и Сенъ-Шомонѣ. Потомъ онъ объѣзжалъ стоявшіе вблизи полки, поздравлялъ ихъ съ побѣдой и пожаловалъ фельдмаршаломъ графа Барклая-де-Толли. Генералу Рудзевичу за блистательный штурмъ Монмартра пожалованъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Графъ Ланжеронъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

При штурмѣ всѣхъ внѣшнихъ оградъ Парижа выбыло изъ строя союзныхъ армій 9.093 чел. въ томъ числѣ потеря въ русскихъ войскахъ была 7.100 человѣкъ. Взято съ боя 84 орудія, 2 знамя и до 1000 плѣнныхъ.

Англійскій фельдмаршалъ, герцогъ Велингтонъ.
По гравюрѣ Баумана, съ портрета Кнайта.

Условія о сдачѣ Парижа были подписаны въ три часа по полуночи 19-го марта. Орловъ поѣхалъ прямо къ государю, который принялъ его, лежа въ постели.

— „Какія извѣстія привезли вы? спросилъ государь. „Ваше величество—это капитуляція (условіе сдачи) Парижа". Императоръ взялъ капитуляцію, прочелъ ее, сложилъ бумагу и, положивъ подъ подушку, сказалъ: „Поздравляю васъ, ваше имя связано съ великимъ событіемъ".

Отпустивъ Орлова, государь заснулъ глубокимъ сномъ почти въ ту же минуту.

Узнавъ о наступленіи союзниковъ, Наполеонъ, бросивъ армію, поскакалъ къ Парижу на почтовыхъ; въ ночь съ 18-го на 19-е марта онъ встрѣтилъ отступающія войска, узналъ о сдачѣ города и возвратился въ Фонтенебло.

Утромъ 19-го марта къ императору Александру явился посланный Наполеономъ маршалъ Коленкуръ съ мирными предложеніями отъ Наполеона. Государь отвѣтилъ, что ни онъ, ни союзники не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ.

При окончаніи разговора съ Коленкуромъ государь сказалъ: „покореніе Парижа являлось необходимымъ достояніемъ нашихъ лѣто-

Князь П. М. Волконскій.

Съ гравюры Райта по портрету Доу.

писей. Русскіе не могли бы безъ стыда раскрыть славной книги своей исторіи, если бы за страницею, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди Парижа“.

И онъ вошелъ въ Парижъ во главѣ русскихъ войскъ ангеломъ мира!

Прекраснѣйшая погода благопріятствовала торжественной обстановкѣ этого небывалаго дня.

Австрійскій императоръ Францъ не пожелалъ участвовать въ торжествѣ, которое было ему очень не по душѣ. Государь ѣхалъ между прусскимъ королемъ и фельдмаршаломъ Шварценбергомъ.

Какими чувствами преисполнена была душа Александра? Что думалъ государь, пережившій тяжелыя испытанія пораженій, нашествіе несмѣтныхъ полчищъ Наполеона на Россію, пожаръ Москвы, опустошеніе государства и гибель храбрыхъ сыновъ своего отечества въ несчетныхъ бояхъ съ Наполеономъ?

Онъ съ полнымъ смиреніемъ готовился отплатить добромъ, благостнымъ миромъ и великодушіемъ за зло, содѣянное Наполеономъ русскому народу и за всѣ терзанія, которыя перенесъ государь отъ этого человѣка.

Императоръ Александръ нашелъ въ себѣ силы отнестись къ событію вступленія въ Парижъ шутливо:

Подозвавъ къ себѣ генерала Ермолова и, указавъ незамѣтно на ѣхавшаго съ нимъ австрійскаго фельдмаршала, князя Шварценберга, Александръ сказалъ по русски: „По милости этого толстяка не разъ у меня ворочалась подъ головою подушка", и затѣмъ, помолчавъ съ минуту, спросилъ: „Ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь право было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простачка".

— „Не знаю, государь, отвѣчалъ Ермоловъ, могу только сказать, что слова, которыя удостоился я слышать отъ вашего величества, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному".

Неудивительно, что въ этотъ моментъ величайшаго торжества государь указалъ Ермолову на „толстяка" Щварценберга, который являлся представителемъ Австріи. Въ этотъ день, увѣнчавшій императора Александра славой побѣдителя, нашъ государь праздновалъ и другую побѣду надъ коварной Австріей, которую онъ приковалъ къ своей побѣдной колесницѣ.

Народъ толпился на улицахъ Парижа; кровли домовъ были усѣяны жителями; изъ оконъ домовъ и балконовъ парижане махали бѣлыми платками и кричали „да здравствуетъ миръ" (Vive la paix!). Государь ласково отвѣчалъ на привѣтствія и сказалъ громко: „Я не являюсь врагомъ. Я приношу вамъ миръ и торговлю".

Судя по всеобщему одушевленію, съ которымъ были встрѣчены въ Парижѣ русскія и союзныя войска, государь убѣдился, что Франція желаетъ мира, и онъ даровалъ ей этотъ миръ въ отплату за разореніе Россіи и пожаръ Москвы.

Въ пять часовъ вечера окончилось прохожденіе и смотръ войскамъ. Государь, проведя ночь въ Елисейскомъ дворцѣ, на другой день занялъ приготовленную для него квартиру въ частномъ домѣ Тайлерана.

Продажный министръ Наполеона, измѣнившій ему, Талейранъ устроилъ такъ, что на другой же день, 20-го марта Наполеонъ и всѣ члены его семейства были объявлены Сенатомъ лишенными права на престолъ Франціи.

Между тѣмъ Наполеонъ, пребывая въ Фонтенебло, занимался сосредоточеніемъ войскъ. Но маршалы, утомленные боевыми тревогами, убѣдили его отказаться отъ престола въ пользу сына. 22-го марта Наполеонъ подписалъ условное отреченіе и уполномочилъ Коленкура, Нея и Мармона вести переговоры съ союзными государями о признаніи сына императоромъ французовъ, а его мать Марію-Луизу регентшей. Но маршалъ Мармонъ со всѣмъ своимъ корпусомъ передался союзникамъ.

Бивуакъ казаковъ въ Парижѣ, въ Елисейскихъ поляхъ въ 1814 г.

Съ гравюры Опица.

Это совершенно измѣнило положеніе дѣлъ: императоръ Александръ заявилъ Коленкуру, что одна только королевская фамилія Бурбоновъ можетъ удовлетворить требованіямъ Франціи и Европы. Наполеону оставалось только подписать безусловное отреченіе. Онъ это сдѣлалъ 26-го марта и долженъ былъ выѣхать на предоставленный ему во владѣніе островъ Эльбу.

Какъ только по Франціи пронеслась вѣсть о низложеніи Наполеона, народъ безжалостно надругался надъ падшимъ императоромъ. Его поносили самыми позорными кличками:—„людоѣдъ корсиканскій". Наполеонъ узналъ теперь цѣну благодарности и любви къ нему французскаго народа.

Еще въ Россіи, во время несчастнаго отступленія, на другой день послѣ битвы при Малоярославцѣ, когда казаки чуть было не взяли его въ плѣнъ, Наполеонъ велѣлъ своему доктору приготовить сильный пріемъ опіума на случай плѣна. Ядъ оставался у него, и теперь, ночью онъ его принялъ; но дѣло кончилось одной рвотой, и послѣ крѣпкаго сна Наполеонъ не заблагоразсудилъ повторить пріемъ.

Онъ выѣхалъ изъ Фонтенебло на югъ Франціи въ сопровожденіи коммисаровъ отъ каждой изъ союзныхъ державъ. Тутъ то и начались для него нравственныя терзанія: въ Оранжѣ раздались крики: „Смерть тирану"! Въ Авиньонѣ требовали корсиканца, чтобъ разорвать его или утопить. Наполеонъ, для предосторожности, переодѣвался въ военную шинель и фуражку графа Шувалова. Въ Оргонѣ народъ явился съ висилицею и бросился къ каретѣ; но графу Шувалову, который былъ коммисаромъ Россіи и одинъ могъ легко объясниться по французски, удалось утишить толпу. Среди этихъ сценъ Наполеонъ не выдержалъ: этотъ каменный человѣкъ заплакалъ.

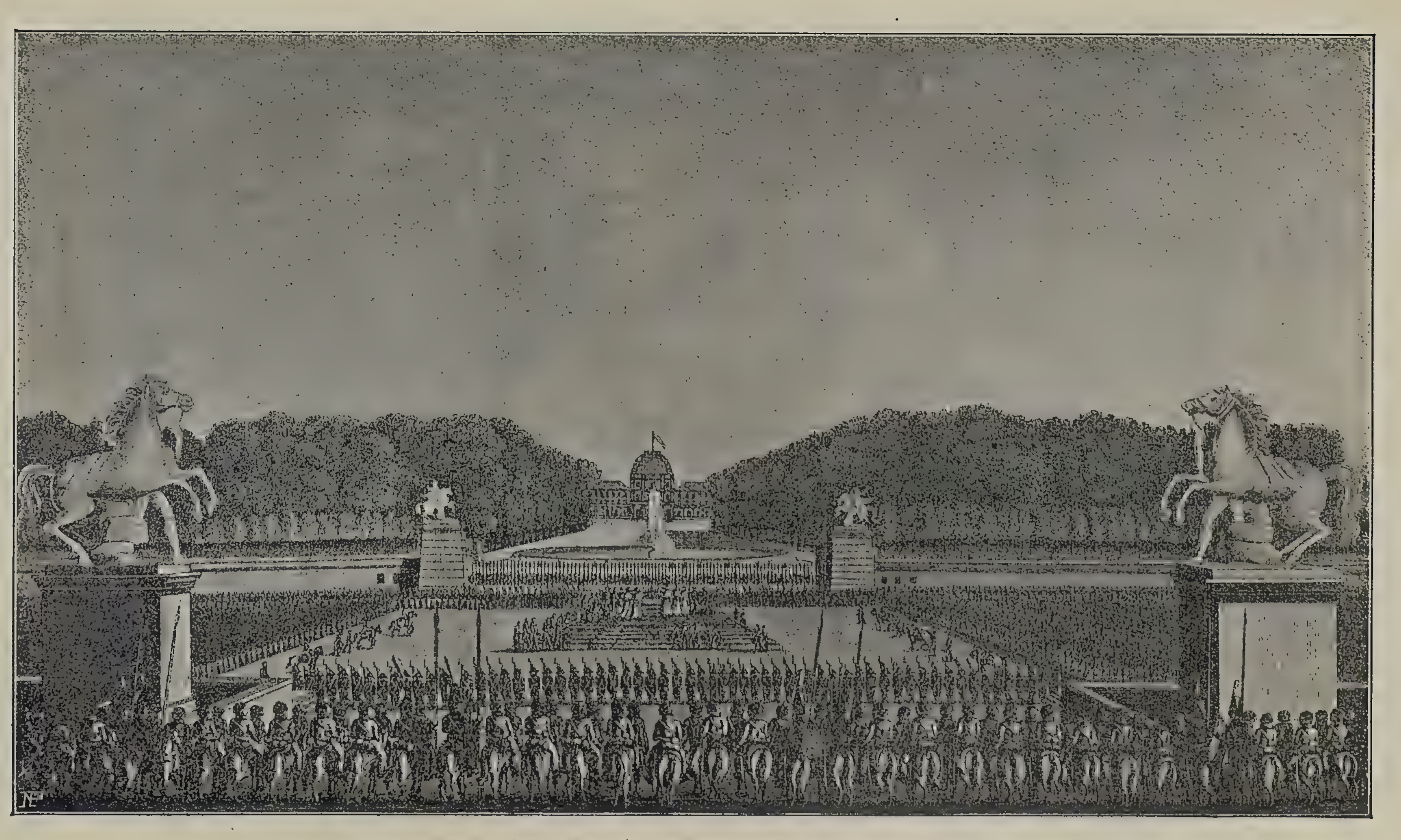
Съ низложеніемъ Наполеона Отечественная война окончилась!

Душа императора Александра стремилась воздать благодареніе Господу Богу за дарованныя побѣды надъ врагомъ упорнымъ и могущественнымъ. И государь, какъ истинный сынъ Святой Православной Церкви, пожелалъ принести покаяніе Всевышнему. Была страстная седмица, государь пожелалъ говѣть.

Въ Парижѣ оказалась посольская церковь, которую нашъ послѣдній посолъ передалъ на сохраненіе въ домъ американскаго посланника. Французы наняли домъ насупротивъ квартиры государя и русская церковь была въ этомъ домѣ устроена. Во время говѣнія государя французы распорядились, чтобы на той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили и сдѣлали переходъ черезъ улицу для удобнаго посѣщенія церкви. Въ одно время съ государемъ приказано было говѣть войскамъ; офицерамъ и солдатамъ объявлено было: не посѣщать театровъ, шумныхъ народныхъ собраній и всякихъ публичныхъ увеселеній.

Въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова, 29-го марта, парижское населеніе было свидѣтелемъ совершенно новаго для него зрѣлища. Описаніе этого знаменательнаго дня сдѣлано самимъ государемъ въ бесѣдѣ съ княземъ А. Н. Голицынымъ. Вотъ что разсказалъ государь:

„Еще скажу тебѣ о новой и отрадной для меня минутѣ въ продолженіи всей жизни моей",—промолвилъ государь,—я живо тогда ощущалъ, такъ сказать, апоѳеозъ (торжество) русской славы между иноплеменниками; я даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлить съ нами національное торжество наше. Это вотъ какъ случилось. На мѣсто, гдѣ палъ кроткій и добрый Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ; по моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ; созваны были всѣ русскіе священники, которыхъ только найти было можно; и вотъ, при безчисленныхъ толпахъ парижанъ всѣхъ состояній



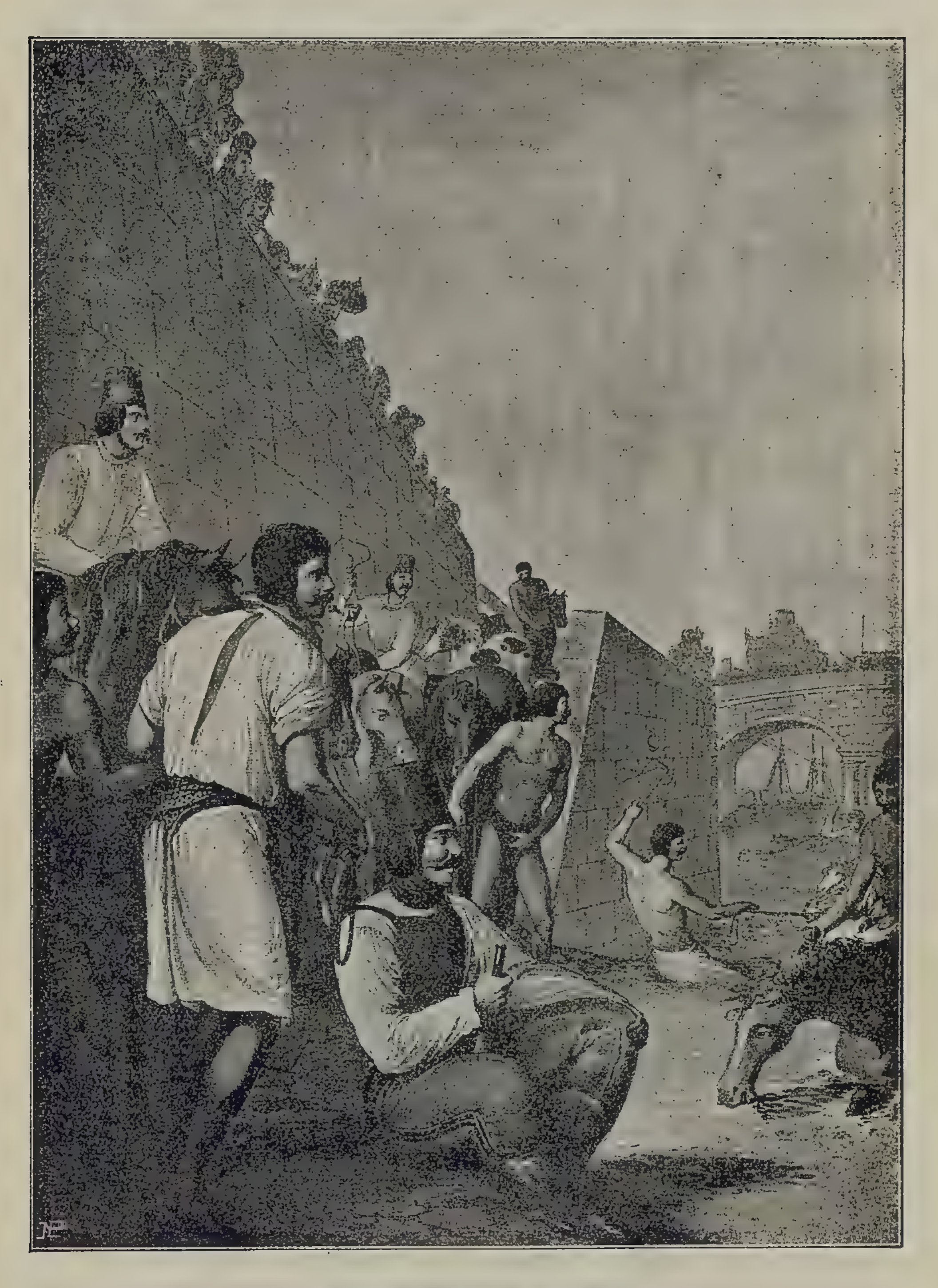
Молебствіе въ Парижѣ въ 1814 году. Съ гравюры Бассе.

и возрастовъ, живая гекатомба (жертва) наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало! Торжественная была эта минута для моего сердца, но и страшенъ былъ для меня моментъ этотъ. Вотъ, думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ холодной отчизны Сѣвера привелъ я православное мое русское воинство для того, чтобъ въ землѣ иноплеменниковъ, столь недавно еще нагло наступавшихъ на Россію, въ ихъ знаменитой столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва буйства народнаго, принести совокупную, очистительную и вмѣстѣ торжественную молитву Господу. Сыны Сѣвера совершали какъ бы тризну по королѣ французскомъ. Русскій царь по обряду православному молился вмѣстѣ съ своимъ народомъ и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто царской жертвы. Духовное наше торжество въ полнотѣ достигнуло своей цѣли; оно невольно втолкнуло благоговѣніе и въ самыя сердца французскія. Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и несовмѣстно въ теперешнемъ разсказѣ, что мнѣ даже было забавно видѣть, какъ французскіе маршалы, какъ многочисленная фаланга генераловъ французскихъ тѣснилась возлѣ русскаго креста и другъ друга толкала, чтобы имѣть возможность скорѣе къ нему приложиться. Такъ обаяніе было повсемѣстно: такъ оторопѣли французы отъ духовнаго торжества русскихъ".

Знаменательно было это торжественное богослуженіе, совершенное всенародно, на открытомъ воздухѣ русскимъ православнымъ духовенствомъ, на площади, обагренной кровью безвинныхъ жертвъ французской революціи.

Но едва ли Францiя и Европа поняли надлежащимъ образомъ значеніе этого торжественнаго молитвеннаго служенія, совершеннаго по мысли русскаго царя. Въ вихрѣ побѣдныхъ громовъ и политическихъ событій того времени это торжество Христовой Православной Церкви надъ безбожной, кровавой революціей прошло незамѣченнымъ и не оцѣненнымъ по своему глубокому смыслу.

Во время пребыванія императора Александра въ Парижѣ про-



Казаки купаютъ коней въ Сенѣ.

По акварели съ натуры Опица.

исходили переговоры о заключенiи мирнаго трактата между союзными державами и королевской Францiей, на престолѣ которой былъ возстановленъ король-изгнанникъ, Людовикъ XVIII.

Наконецъ, 18-го мая 1814 г. мирный договоръ былъ заключенъ, и въ праздникъ сошествiя Святаго Духа были обнародованы манифестъ русскаго царя и приказъ по арміи.

Въ манифестѣ выражено, что на престолъ Францiи призванъ законный государь, и Францiи дарованъ миръ великодушный и прочный.

„Всемогущiй положилъ предѣлъ бѣдствiямъ. Прославилъ любезное намъ отечество въ роды родовъ. Воздалъ намъ по сердцу и желанiямъ“.

Въ приказѣ государя по арміи обращаютъ на себя вниманiе слѣдующiя слова:

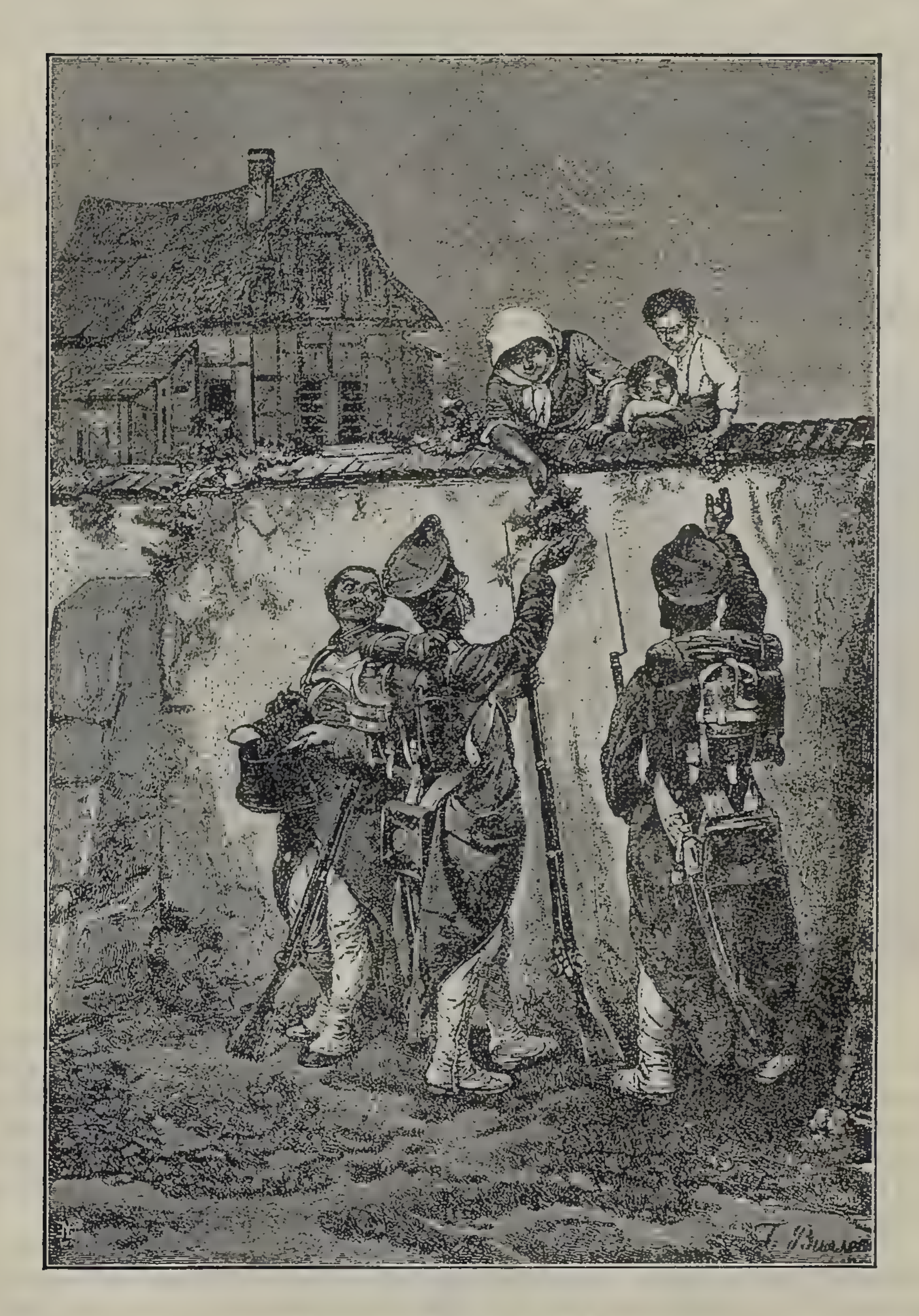
„Совершена война для свободы народовъ и царствъ подъятая.

...Побѣда, сопровождавшая знамена наши, водрузила ихъ въ стѣнахъ Парижа. При самыхъ вратахъ его ударилъ громъ вашъ. Побѣжденный непрiятель простеръ руку къ примиренiю! Нѣтъ мщенiя! Нѣтъ

вражды. Вы даровали ему миръ, залогъ мира во вселенной! Храбрые воины, вамъ, первымъ виновникамъ успѣховъ, принадлежитъ слава мира!.. Вы снискали право на благодарность отечества, именемъ отечества ее объявляю“...

22-го мая государь оставилъ Парижъ и отправился въ Англiю. Величайшiя огорченiя, причиненныя государю недоброжелательствомъ, завистью, раздорами союзниковъ и испорченностью нравовъ людей того высшаго круга, съ которыми государь по необходимости долженъ былъ вступать въ сношенiя по дѣламъ Францiи, оставили грустные слѣды въ характерѣ императора Александра. „Онъ покинулъ Францiю съ глубокимъ убѣжденiемъ, что на развалинахъ революцiи нельзя основать прочнаго порядка“.

Государь пробылъ въ Англiи съ 26-го мая по 14-е iюня и черезъ Голландiю и Германiю возвратился въ Петербургъ 23-го iюня въ 7 ч. утра. Находясь въ Брухзалѣ, государь получилъ поднесенное ему Государственнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ прошенiе о принятiи императоромъ наименованiя Благословеннаго, о выбитiи медали съ надписью:



Русскіе въ Парижѣ въ 1814 г.

По акварели съ натуры Опица.

„Александру Благословенному, императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю отъ признательныя Россіи“,—и о сооруженіи въ Петербургѣ памятника.

Государь отклонилъ сооруженіе памятника и присоединеніе наименованія „Благословенный“, а медаль была выбита, но съ иной надписью:

— „Мы въ одну сольемся душу за вѣру, царя и отечество. 1812“. Впослѣдствіи была учреждена медаль для ношенія на груди всѣми чинами военными, гражданскими и дворянами, съ изображеніемъ Всевидящаго Ока и съ надписью: „Не Намъ, не Намъ, а Имени Твоему“.

Въ ожиданіи прибытія государя въ столицу дѣлались большія приготовленія къ торжественной встрѣчѣ. Государь приказалъ все—отмѣнить. Тріумфальныя арки и сооруженія для иллюминаціи были разобраны. Государь остановился у Казанскаго собора, помолился въ церкви и отправился въ Каменноостровскій дворецъ; а на другой день въ Казанскомъ соборѣ было торжественное молебствіе.

По заключеніи Парижскаго мира всѣ русскія войска возвратились въ отечество походнымъ порядкомъ, но 1-я гвардейская пѣхотная дивизія была посажена на суда во французскомъ портѣ Шербургѣ и прибыла благополучно моремъ въ Ораніенбаумъ, а 3-го іюля торжественно вступила въ Петербургъ. Императоръ Александръ встрѣтилъ гвардію у Тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ въ честь подвиговъ гвардіи, начавшихся у береговъ Нѣмана и окончившихся въ Парижѣ.

Наступило время мирныхъ переговоровъ о переустройствѣ европейскихъ государствъ. Государь отправился на конгрессъ въ столицу Австріи Вѣну. Переговоры были внезапно прерваны въ 1815 году прибытіемъ Наполеона съ острова Эльбы во Францію, а послѣдствіемъ этого было бѣгство французскаго короля Людовика XVIII изъ Франціи въ Голландію.

Новая безумная выходка Наполеона окончилась для него весьма печально. Его войска были разбиты англичанами и пруссаками при Ватерлоо въ Бельгіи.

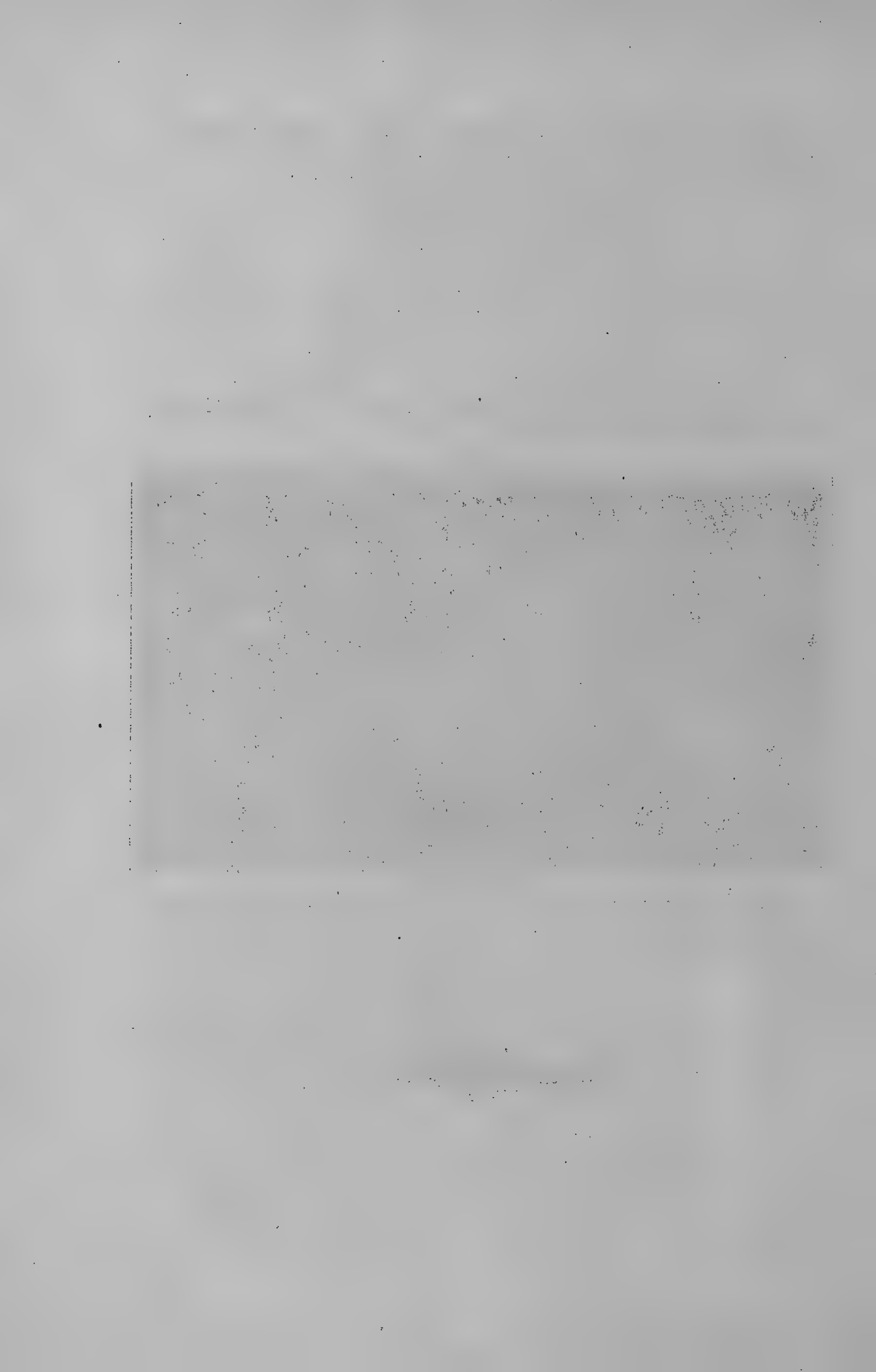
Наполеонъ вторично отрекся отъ престола, сдался англичанамъ и водворенъ на пустынномъ островѣ св. Елены въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ и окончилъ свою жизнь 5 мая 1821 года.

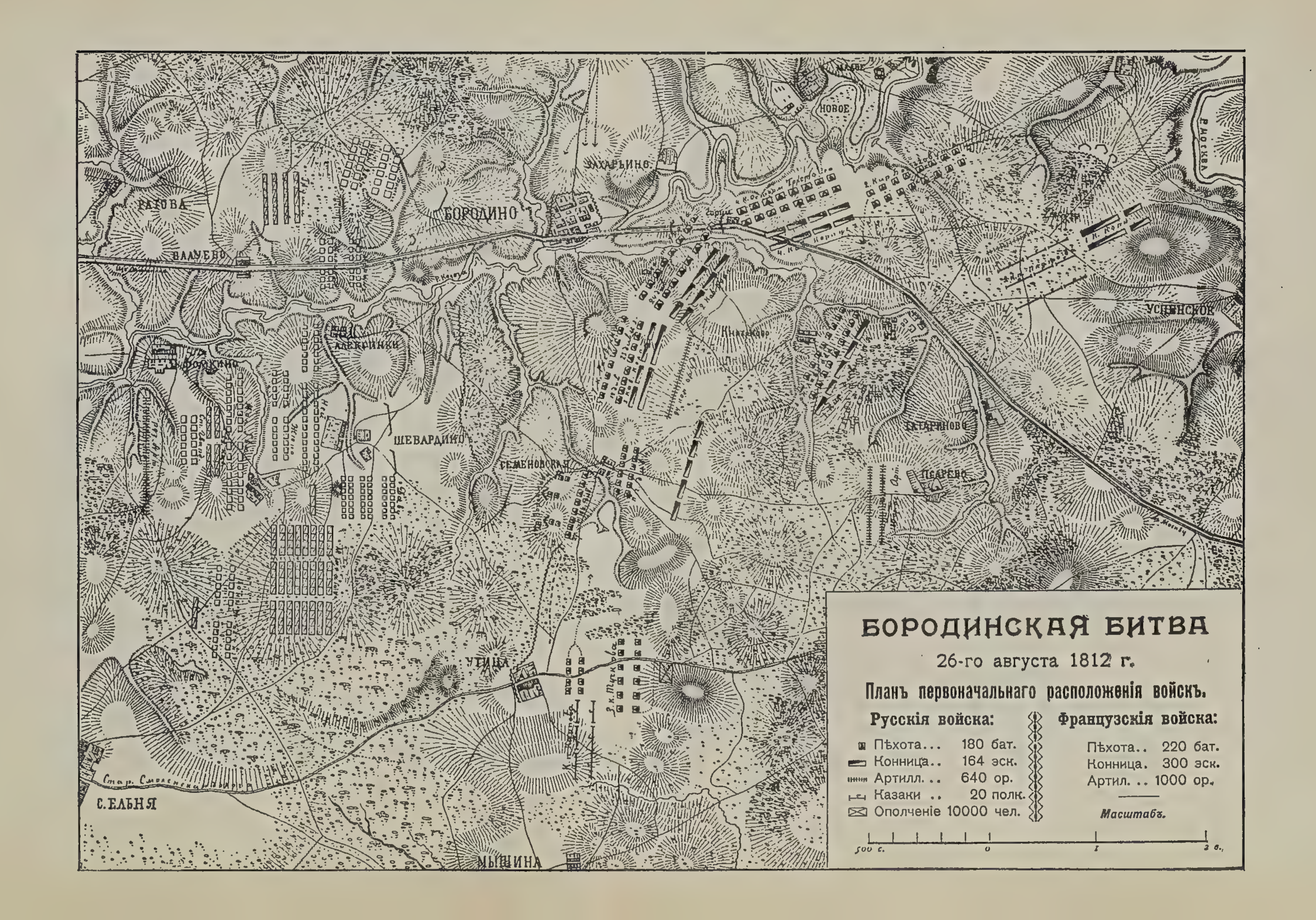
Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ,
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.....
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

„Воздушный корабль“ Лермонтовъ.

Вторичное низложеніе Наполеона обошлось, благодареніе Богу, безъ пролитія русской крови.

Гипсовая маска, снятая послѣ кончины Наполеона и церковные сосуды изъ капеллы въ Лонгъ-Вудѣ на островѣ св. Елены.




БОРОДИНСКАЯ БИТВА
26-го августа 1812 г.
Планъ первоначальнаго расположенія войскъ.
Русскія войска:
Пѣхота... 180 бат.
Конница.. 164 эск.
Артилл. .. 640 ор.
Казаки .. 20 полк.
Ополченіе 10000 чел.
Французскія войска:
Пѣхота.. 220 бат.
Конница. 300 эск.
Артил. .. 1000 ор.
Масштабъ.
500 с.
0
1
2 в.
Р. МОСКВА
НОВОЕ
ЗАХАРЬИНО
БОРОДИНО
РАТОВА
ВАЛУЕВО
УСПЕНСКОЕ
АЛЕКСИНКИ
ШЕВАРДИНО
СЕМЕНОВСКАЯ
ТАТАРИНОВО
ПСАРЕВО
УТИЦА
С. ЕЛЬНЯ
МЫШИНА
Стар. Смоленская

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Важнѣйшія опечатки.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
11	15	облаласти	области
11	20	и всѣ эта	и вся эта
42	50	возмоможныхъ	возможныхъ
43	подъ портретомъ	неаполетанскій	неаполитанскій
59	1	2-й армій	2-й арміей
64	51	проселечныхъ	проселочныхъ
69	подъ портретомъ	Вандермини	Вендрамини
117	подъ картиной	Кивишенко	Кившенко
72	1	палбу	пальбу
93	5	арьергадомъ	арьергардомъ
106	38	стояло	стояла
118	28	французамъ	французамъ
—	55	усилилось	усилилась
191	25	гвардейцевь	гвардейцевъ
196	7	всеподданѣйше	всеподданнѣйше
219	53	Шварценбера	Шварценберга
225	7	жаритъ	жарить
229	11	отстатки	остатки
234	53	и датъ	и дать
236	7	нодъѣзда	подъѣзда
„	53	свонхъ	своихъ
239	53	француский	французскій

Гербъ Города Одессы.